

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 9

Киров
2014

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор, ректор ВятГГУ

Заместитель главного редактора

Е. М. Вечтомов, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Заместитель главного редактора

М. С. Судовиков, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, ВятГГУ

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, ВятГГУ

Состав редакционного совета:

В. В. Блажеев, кандидат юридических наук, профессор, председатель Совета УМО по юридическому образованию, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва);

И. Р. Гафуров, доктор экономических наук, профессор, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань);

Н. И. Егорова, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по изучению холодной войны, Институт всеобщей истории РАН (г. Москва);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, действительный член (академик) РАО, проректор по научной работе, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

А. А. Махнев, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом, Институт математики и механики УрО РАН (г. Екатеринбург);

Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);

Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);

Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);

Е. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия);

Н. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);

D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия)

Состав редакционной коллегии:

Н. М. Валеев, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (г. Казань);

П. И. Кононов, доктор юридических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. М. Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН (г. Москва);

М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Н. О. Осипова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Ю. А. Сауров, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, ВятГГУ (г. Киров);

Г. И. Симонова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой, ВятГГУ (г. Киров);

С. В. Чернова, доктор филологических наук, профессор, ВятГГУ (г. Киров);

Т. Н. Чугаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Пермский научный центр УрО РАН (г. Пермь)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,

тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор **О. И. Коробкова**

Компьютерная верстка: **Ю. В. Данг**

Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**

Ответственный за выпуск **А. А. Харунжев** (кандидат педагогических наук, доцент)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Емельянов Б. В.</i> Четыре демидовских премии монаха Иакинфа	6
<i>Осипова Н. О., Юнгблуд В. Т.</i> Постмодернистский синдром: культурный шок или «долгое прощание»?.....	11
<i>Суворов Г. В.</i> Проблема личности в контексте европейской утопии XVI–XVII вв.	15
<i>Тюленева Н. И.</i> Формирование понятия культурного ландшафта в контексте природного детерминизма	25
<i>Устинова О. В., Дейнеко С. В.</i> Оценка уровня духовно-нравственного развития общества	29
<i>Тян В. В.</i> Ценностная переориентация властной элиты в дискурсе страновой идентификации	35
<i>Игошина Ю. В.</i> Особенности реализации теорий взаимодействия медиа и аудитории в современном медиaprостранстве	41

ИСТОРИЯ

<i>Егоров А. В.</i> Гипотезы о времени появления каринских татар на территории Вятского края в свете археологических источников	46
<i>Машковцева В. В.</i> Старообрядцы Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект	52
<i>Мангилева А. В.</i> Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II	65
<i>Русаков С. Н.</i> Государственная социальная поддержка кировских инвалидов и пенсионеров в 1938 – июне 1941 гг.	72

К 100-летию начала Первой мировой войны

<i>Лукоянов И. В.</i> Россия и сепаратный мир (1914–1917 гг.): из внешнеполитической во внутривнутриполитическую проблему	80
<i>Ватник Н. С.</i> Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны	94
<i>Ермаков А. М.</i> Первая мировая война в российских школьных учебниках зарубежной истории	102

ПРАВО

<i>Домрачев Д. Г.</i> Проблемы арендных правоотношений в сфере лесозаготовительной деятельности на лесных участках, находящихся в федеральной собственности	110
<i>Редикульцева Е. Н.</i> Современные тенденции в правовом регулировании нормирования труда	114
<i>Журкина О. В.</i> Актуальные проблемы предупреждения мошенничества с использованием платежных карт	117
<i>Мухлынина М. М.</i> О некоторых особенностях разработки и внедрения профессиональных стандартов в трудовом законодательстве РФ	121

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Поляков О. Ю.</i> Становление и развитие категориального аппарата имагологии	125
<i>Дубова М. А.</i> Роль концепта «детство» в идейно-художественной оппозиции «жизнь – смерть» (по прозе Федора Сологуба)	135
<i>Волков А. С.</i> Роль тонального компонента просодической структуры высказывания при реализации речевых актов ложного удивления	139
<i>Никулина Е. Г.</i> Использование и функционирование существительных-сленгизмов как лексических средств выражения эмоционального аффекта	143
<i>Балуев С. М.</i> Проблема профессионального искусства в Древней Руси («Послание Симону Ушакову» (1656–1658) Иосифа Владимиров)	147

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Кондратьева Т. Н.</i> Актуальные тенденции развития экологического воспитания в этнопедагогике коренных народов	156
<i>Тарханова И. Ю.</i> Дополнительное профессиональное образование взрослых в контексте социального заказа	161
<i>Орлова Ю. В.</i> Добровольческая деятельность как средство формирования социальной ответственности студента	165
<i>Машиковцева Л. М.</i> Психологические основы понимания проблемы развития творческого мышления у дошкольников	169

<i>Сведения об авторах</i>	176
----------------------------------	-----

<i>Information about authors</i>	178
--	-----

CONTENTS

- Emelianov B. V.* Four Demidov prize of monk Hyacinthus
- Osipova N. O., Jungblud V. T.* Postmodern syndrome: culture shock or "the long goodbye"?
- Suvorov G. V.* Problem of personality in the context of the European utopia of XVI–XVII centuries
- Tyuleneva N. I.* The formation of the concept of cultural landscape in the context of natural determinism
- Ustinova O. V., Deineko S. V.* Assessment of spiritual-moral development of society
- Tjan V. V.* Valuable reorientation of imperious elite in discourse the countrys of identification
- Igoshina Yu. V.* The specific features of realizing the theories of media and audience interaction in the present-day media space
- Egorov A. V.* Hypotheses about the time of occurrence carinskih tatars on the territory of Vyatka region in the light of archeological sources
- Mashkovtseva V. V.* Old Believers of Vyatka province in the second half of XIX – early XX centuries: socio-demographic aspect
- Mangileva A. V.* The material state of the parish clergy of the Ekaterinburg district on the eve of Alexander II's ecclesiastical reforms
- Rusakov S. N.* State social support of Kirov disabled and pensioners in 1938 – June 1941
- Lukoianov I. V.* Russia and separate peace (1914–1917): from international to domestic political issue
- Vatnik N. S.* Moscow region high school students' daily routine during the First World War
- Ermakov A. M.* The First World war in the Russian textbooks on general history
- Domrachev D. G.* The issue of lease relations in the sphere of forestry activities on forest plots being in the Federal property
- Redikultseva E. N.* Current trends in legal regulation of rationing of work
- Zhurkina O. V.* Actual problems of the prevention of fraud with use of payment cards
- Myhlynina M. M.* On some peculiarities in the development and implementation of professional standards in the labour legislation of the Russian Federation
- Polyakov O. Yu.* On the Formation and Development of the Categorical Structure of Imagology
- Dubova M. A.* Role of Concept «Childhood» in the Ideal Artistic Opposition "Life – Death" (Based on prose of F. Sologub)
- Volkov A. S.* The role of the prosodic structure in the realization of speech acts of simulated surprise
- Nikulina E. G.* The usage and functioning of slang nouns as lexical means of expressing emotional affect
- Baluyev S. M.* The problem of professional art in Medieval Russia ("Message tu Simon Ushakov" (1656–1658) by Iosif Vladimirov)
- Kondratyeva T. N.* Current trends of environmental education development in indigenous ethnopedagogics
- Tarkhanova I. Ju.* Social order context of additional professional adult education
- Orlova Yu. V.* Volunteering as a means of bringing up students social responsibility
- Mashkovtseva L. M.* Psychological bases of the problem of the creative thinking development among preschoolers

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 27-475

Б. В. Емельянов

Четыре демидовских премии монаха Иакинфа*

Статья посвящена деятельности русского ученого, монаха Иакинфа (Никита Яковлевич Бичурин, 1777–1853), преподавателя, ректора Иркутской семинарии и настоятеля Вознесенского монастыря, автора книг «Описание Тибета в нынешнем его состоянии», «История первых четырех ханов из дома Чингисова», «Описание Пекина», «Описание Чжуньгарии и Восточного Тюркистана в древнем и нынешнем состоянии», «Сань-цзы-цзин, или Троесловие с литографированным китайским текстом», переводчика текстов Конфуция и его последователей, составителя китайско-русского и монгольско-русского словарей, двухтомных «Записок о Монголии». За научные труды Никите Бичурину были присуждены четыре Демидовских премии, призванных «содействовать к преуспеянию наук, словесности и промышленности в своем отечестве».

The article is devoted to the work of the Russian scientist, a monk Hyacinthus (Nikita Yakovlevich Bichurin, 1777–1853), a teacher, rector of Irkutsk Seminary and the Abbot of the monastery Voznesenskiy, author of "Description of Tibet in its present condition", "History of the first four khans of the house Chingisova", "Description Beijing", "Description Jungaria and Eastern Tur-Pakistan in ancient and present state", "San Tzu Ching or Truelove with lithographic Chinese text", the translator of the texts of Confucius and his followers, the originator of the Chinese-Russian and Mongolian-Russian dictionaries, 2-languid "Notes on Mongolia". For scientific papers Nikita Bichurin were awarded 4 Demidov premiums designed "to promote the progress of science, literature and industry in his own country"

Ключевые слова: русский ученый, премия Демидова, исследования Китая, китайская грамматика, Александро-Невская лавра.

Keywords: Russian scientist, the Demidov prize, study Chinese, Chinese grammar, Alexander Nevsky Lavra.

В апреле 1831 г. уральский заводчик, один из самых богатых людей России Павел Николаевич Демидов утвердил ежегодные премии для ученых, предполагая этим «содействовать к преуспеянию наук, словесности и промышленности в своем отечестве». В специальном «Положении о наградах, учрежденных П. Н. Демидовым», разработанном Академией наук, награждению подлежали:

«1. Оригинальные творения о всех отраслях человеческих познаний, как и приложений оных к пользам общественным, не исключая и простых, менее пространных рассуждений, если сии последние обогащают науку каким-нибудь новым, важным открытием.

2. Сочинения о теории изящных искусств и словесности.

3. Новые полезные изобретения или открытия на поприще промышленности с подробным их описанием и с приложением, буде признается нужным, достоверных свидетельств в том, что польза сих изобретений или открытий уже опытом дознана.

4. Учебные книги, излагающие полную систему какой-либо науки и могущие стать наряду с лучшими сочинениями сего рода в России, так и в чужих краях.

5. Ученые путешествия. Словари наук. Сочинения, излагающие историю какой-либо науки.

* Статья написана по материалам исследования, поддержанного грантом РГНФ № 14-13-66009.

6. Пространные грамматики русского языка. Словари с толкованием на русском языке и др...» [1].

С 1832 по 1865 г. состоялись 34 присуждения Демидовских премий, на которых 55 ученым были вручены полные, а 220 – половинные премии. При этом некоторые из них (А. Х. Востоков, М. С. Куторга, И. А. Чистович и другие) были награждены дважды, известный правовед, профессор К. А. Неволин – трижды, а Н. И. Пирогов и Н. Я. Бичурин – четырежды (!). Если имя врача, ученого, деятеля просвещения Николая Ивановича Пирогова было в научных кругах широко известно, то имя монаха Иакинфа (Никиты Яковлевича Бичурина), писавшего свои труды в ссылке в Валаамском монастыре и келье Александро-Невской лавры, по крайней мере до публикаций его книг о Китае и Монголии знали лишь немногие. Отдавая дань уважения его научному подвигу, мы посвящаем ему свой небольшой очерк.

Никита Бичурин (Пичуринский) родился 29 августа 1777 г. в чувашском селе Акулево Цивильского уезда Казанской губернии, в семье дьякона Якова Данилова. В 1803 г. в ведомости личного состава Вознесенского монастыря в графе «из каких наций» он написал – «великороссской». Свою учебу Никита Бичурин начал в 1785 г. в классе нотного пения Свяжской Новокрещенской школы, а затем, как он пишет в своей автобиографии, «на восьмом году возраста, в 1785 году с 5 мая, поступил в Казанскую семинарию, в которой, кроме известных наук, преподаваемых в семинариях, обучался языкам латинскому, греческому и французскому» [2]. О ее окончании, к тому времени она уже была преобразована в 1786 г. в духовную академию, и начале трудовой деятельности Бичурин пишет кратко: «По окончании курса учения в 1799 году, сделан был учителем грамматики в той же семинарии, переименованной уже в академию. В 1800 году пострижен в монашество и сделан учителем высшего красноречия. В 1802 году произведен в архимандрита» [3].

Талантливому преподавателю, к тому же получившему сан архимандрита, места в Казани не нашлось, и ему предложили занять пост ректора Иркутской семинарии и настоятеля Вознесенского монастыря. В семинарии Иакинф реорганизовал учебный процесс, введя новые светские дисциплины – географию, историю, немецкий и французский языки, а в монастыре начал строительство новых зданий. Эти его преобразования вызвали череду доносов семинаристов и монастырских монахов, утверждавших, в частности, что в его келье вместо послушника-монаха живет женщина (Наталья Иванова), приехавшая с ним из Казани.

Через несколько лет Синод рассмотрел эти доносы и своим указом от 29 января 1806 г. постановил лишить Иакинфа занимаемых должностей, отправив в Тобольскую семинарию преподавать риторику. Эта ссылка продолжалась немногим более года. По рекомендации графа Ю. А. Головкина Александр I своим указом 5 марта 1807 г. назначил Иакинфа начальником девятой духовной миссии в Пекине. И уже 18 июля этого же года он отправился в Китай. Так начался самый плодотворный период жизни Иакинфа, принесший ему впоследствии европейскую известность.

Прибыв в Пекин, он начал заниматься благоустройством миссии, которая уже тогда находилась в упадке. К тому же начиная с 1812 г. (в России шла Отечественная война) миссия перестала получать деньги, обе церкви почти разрушились, несколько ее членов скончались. Не встречая поддержки, Иакинф не мог полностью выполнять свои обязанности и принялся за изучение китайского языка, истории, литературы Китая. Самостоятельно изучив китайский язык, проштудировав произведения известных европейских китаеведов, а затем освоив 10 тысяч китайских иероглифов, Иакинф приступил к чтению и переводу текстов Конфуция и конфуцианцев. Первым он перевел «Четверокнижие» («Сышу»). «При сем упражнении он открыл, что четырехкнижие составляет ключ к переводу ученых китайских книг на другие языки. Еще сделал не менее важное замечание, что как для перевода, так и для чтения книг, написанных на китайском языке, необходимо нужно знать древнее и новейшее статистико-географическое описание и вместе с ним историю китайской империи. По этой причине после перевода четырехкнижия он составил извлечения из статистико-географического описания китайской империи, под заглавием И-тхун-чжи, в трех томах, и потом сокращенно перевел историю китайского государства в 16 томах. История династии Мин отдельно составляет 17-й том» [4]. И все же это было лишь начало, как он сам писал, «для собственного употребления». В Китае Иакинфа интересовало все – медицина, экономика, нумизматика и,

конечно, религия. По каждой из этих дисциплин он перевел фундаментальные китайские труды.

Такой объем переводов вряд ли был возможен, если бы Иакинф не работал над составлением больших китайско-русского и монгольско-русского словарей. Первый из них содержал 17 тысяч знаков, каждый из которых имел по несколько выражений. Его объем – девять томов.

Девятая духовная миссия в Китае отмечена еще одним подвигом Иакинфа. Помимо собранной им уникальной коллекции книг и рукописей, различного этнографического материала он закупил для Азиатского департамента Министерства иностранных дел, Петербургской публичной библиотеки большое количество книг и атласов на китайском языке. В итоге из Пекина Иакинф вывез на 15 верблюдах четыреста пудов, то есть более полутора тонн рукописей и книг.

Работа Девятой духовной миссии в Китае закончилась в 1821 году. Научный подвиг Иакинфа был оценен научным сообществом, но не церковью. К моменту его возвращения в Петербург в Синоде уже лежали доносы на него от сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля, от начальника Десятой миссии П. И. Каменского и нескольких его сотрудников по Девятой миссии. Синод предложил Иакинфу ответить на 44 обвинительных вопроса о его деятельности в Пекине. Рассмотрев ответы на них, Синод 19 марта 1823 г. приговорил его к лишению сана архимандрита и к ссылке на вечное поселение в Соловецкий монастырь. Александр I утвердил это решение, но при этом «Его величество высочайше соизволил на приведение в исполнение решения св. Синода, с тем чтобы архимандрита Иакинфа оставить не в Соловецком, а в Валаамском монастыре под строгим присмотром» [5].

Иакинф и в ссылке, несмотря на запрет, много работал, о чем говорят его Валаамские письма, например П. Л. Шиллингу фон Конштадту с просьбой прислать китайских книг. А в другом письме неизвестному лицу он просит содействовать своему освобождению, замечая при этом: «Ежели отдать самому себе справедливость не противное скромности, то могу сказать, целые тринадцать лет занимаясь познанием Китая, я один сделал в пять крат более нежели все прошедшие миссии в течение ста лет успехи...» [6]

Смена царствования, отсутствие в Министерстве иностранных дел хороших переводчиков с китайского языка, ходатайство друга Иакинфа известного путешественника Е. Ф. Тимковского помогли ему освободиться из валаамской ссылки. 20 октября 1826 г. игумен Валаамского монастыря получил указ: «Его сиятельство синодальный обер-прокурор и кавалер князь Петр Сергеевич Мещерский сообщил его высокопреосвященству, что государь император высочайше повелевать соизволил находящегося в Валаамском монастыре монаха Иакинфа перевести в Александровскую лавру, дабы он там, по познаниям своим в китайском и монгольском языках, мог бы быть полезен для Государственной коллегии иностранных дел» [7].

Поселившись в келье Александро-Невской лавры, Иакинф начал готовить к изданию переводы китайских книг и оригинальные статьи, подготовленные в ссылке. Одна за другой появляются его статьи в петербургских и московских журналах «Северный архив», «Сын отечества», «Московский телеграф» и других. А первой книгой Иакинфа, напечатанной в России, было «Описание Тибета в нынешнем его состоянии. С картою дороги от Чен-дау до Лхассы. Пер. с китайского» (СПб., 1828). Через год книга была переведена на французский язык. В этом же году он опубликовал в двух томах «Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов» (СПб., 1828). Они также были переведены на французский язык. Обе эти книги были высоко оценены Академией наук, избравшей Иакинфа 17 декабря 1828 г. своим членом-корреспондентом.

В последующие годы выходят еще несколько значительных книг Иакинфа: «История первых четырех ханов из дома Чингисова» (СПб., 1828), «Описание Пекина. С приложением плана сей столицы, снятого в 1817 г.» (СПб., 1828); «Описание Чжунгарии и Восточного Тюркистана в древнем и нынешнем состоянии» (СПб., 1829); «Сань-цзы-цзин, или Троесло-вие с литографированным китайским текстом» (СПб., 1829). На каждую из этих книг отечественные и зарубежные журналы опубликовали рецензии. В 1831 г. Азиатское общество в Париже избрало Иакинфа своим членом.

Вначале в «Журнале Министерства внутренних дел», а затем отдельным изданием он опубликовал книгу «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени» (СПб., 1835), за которую Академия наук присудила Иакинфу полную Демидовскую премию. Эти публикации сделали его имя широко известным в петербургских

кругах. Он стал появляться на субботних вечерах у князя В. Ф. Одоевского, где встречался с И. А. Крыловым, И. И. Панаевым, А. В. Никитенко, а главное – с А. С. Пушкиным, которому дарит книги, подписывая их. Пушкин использовал его книгу об ойратах в своей «Истории Пугачева», написав в ней: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокое познание и добросовестные труды разлили столь яркий свет на отношения наши с Востоком» [8].

В 1830 г. в составе научной экспедиции П. Л. Шиллинга Иакинф отправился в центр российско-китайской торговли Кяхту. По пути он посещает Забайкалье, Петровский завод, где встречается с декабристами, в том числе с Н. А. Бестужевым, который рисует его портрет и дарит четки, выкованные из кандалов. Именно в это время он принял решение выйти из монашества. В письме министру иностранных дел К. В. Носсельроде от 13 сентября 1830 г. он просит «о исходотайствовании мне перемены звания, тем более, что я учеными трудами своими, смею надеяться, уже доказал, что я ни в каком месте не смогу служить Отечеству с большею пользою, как при Министерстве ин. дел» [9]. Год спустя Иакинф с этой же просьбой обратился в Синод, который, как и Министерство иностранных дел, с доводами монаха согласился, но Николай I «повелеть соизволил: оставить на жительство в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество» [10]. После 1832 г. Иакинф от имени Министерства подготовил проект нового обращения к властям о снятии сана, но и эта его просьба осталась без последствий, в монашестве он остался до конца жизни.

В Кяхте Иакинф закончил перевод «Истории Тибета и Хухунара» (книга была издана в двух частях в 1833 г.) и Манжурско-монгольско-китайский словарь «Сань хэбянь лань», перевод которого не найден. С 1831 г. и почти 18 месяцев он преподавал в созданной по его инициативе Кяхтинской школе китайского языка. Там он закончил свою известную «Китайскую грамматику». Вернувшись в Петербург, Иакинф издал ее под названием «Хань-вынь-ци-мин, Китайская грамматика, сочиненная монахом Иакинфом, изданная по величайшему повелению» (СПб., 1838). В следующем году за эту грамматику Иакинф вновь получил Демидовскую премию. В 1908 г. грамматика была переиздана в Пекине.

После возвращения из Кяхты Иакинф продолжал публиковать свои статьи и книги о Китае. Так, в 1840 г. он издал книгу «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. Сочинение монаха Иакинфа», а затем напечатал «Статистическое описание Китайской империи с приложением географической карты на пяти листах. В двух частях» (СПб., 1842). Эта книга была удостоена половинной Демидовской премии.

Поиски средств на издание своих книг преследовали ученого. В письме в Москву М. Н. Погодину 17 ноября 1844 г. он писал: «На сих днях я привел к концу два новых сочинения “Китай в гражданском и нравственном состоянии” и “Религия ученых” с 26-ю чертежами. Только не знаю, что с ними делать. Горе от ума! Наша первостатейная ученость требует одних сказок китайских, чтоб после карт с приятностью заснуть» [11]. Поиски средств на издание этих книг продолжались четыре года. Книга о Китае была издана лишь в 1848 г. под названием «Китай в гражданском и нравственном состоянии. Сочинение монаха Иакинфа. В четырех частях» (СПб., 1848). На нее почти одновременно появилось шесть рецензий. В одной из них В. Г. Белинский, отметив в ней ряд недочетов, писал: «Книга почтенного отца Иакинфа – истинное сокровище по богатству важных фактов» [12]. Эту книгу Академия наук отметила своим почетным отзывом. А вот вторая книга увидела свет лишь в 1906 г. под названием «Описание религии ученых. С приложением чертежей, жертвенного одеяния, утвари, жертвенников, храмов и расположения в них лиц, столов и жертвенных вещей во время жертвоприношения, составленное трудами монаха Иакинфа в 1844 г.» (Пекин, 1906).

И еще за одну книгу, последнюю из написанных им, он получил Демидовскую премию. В январе 1847 г. Иакинф сообщает М. П. Погодину: «В прошлом году я кончил собрание материала для истории о древнейших народах в Средней Азии. В нынешнем году едва ли успею снабдить ее примечаниями и пояснениями, а время летит. Что будет дальше не знаю» [13]. А дальше были болезни, жизнь все в той же келье Александро-Невской лавры и, наконец, за два года до смерти эта книга вышла под названием «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях, с картою на трех больших листах. Сочинение монаха Иакинфа, удостоенное императорской Академией наук Демидовской премией» (СПб., 1851). Половинную Демидовскую премию за нее ученый получил 17 апреля 1849 г., то есть за два года до выхода в свет.

11 мая 1853 г. Иакинф скончался. Похоронили его на погосте Александро-Невской лавры. Вскоре на могиле был поставлен памятник, эпитафия на котором на китайском языке гласит: «Постоянно прилежно трудился по увековечившими (его) славу историческими трудами».

Научный подвиг Иакинфа (Никиты Яковлевича Бичурина) не забыт: издаются его знаменитые труды о Китае, из архивов извлекаются неопубликованные в свое время тексты, о его творчестве пишутся статьи и книги, проводятся научные конференции. Жизнь Иакинфия нашла отражение в художественных произведениях. Все это дает право утверждать, что имя известного ученого-востоковеда не будет забыто, а его труды не потеряли научного значения до настоящего времени.

Примечания

1. Положение о наградах, учрежденных П. Н. Демидовым. СПб., 1831. С. 8–9.
2. Бичурин И. Автобиографическая записка // Ученые записки имп. Академии наук по первому и третьему отделению. СПб., 1855. Т. III. С. 665.
3. Там же. С. 666.
4. Там же. С. 667.
5. Мясников В. С. Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 1. С. 121.
6. Письма Бичурина из Валаамской монастырской тюрьмы // Народы Азии и Африки. 1962. № 1. С. 102.
7. Мясников В. С. Валаамская ссылка Н. Я. Бичурина // Проблемы Дальнего Востока. 1986. № 2. С. 136.
8. Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. 8. М.; Л., 1949. С. 287.
9. Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение: материалы конф. Ч. II. М., 1977. С. 121.
10. Скачков П. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 109.
11. Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину // Советское китаеведение. 1958. № 3. С. 146–147.
12. Современник. 1848. Т. 78. № 1, отд. III. С. 49.
13. Письма Н. Я. Бичурина к М. П. Погодину. С. 151.

Notes

1. *Polozhenie o nagradakh, uchrezhdennykh P. N. Demidovym* – Position on the awards, established by P.N. Demidov. SPb. 1831. Pp. 8-9.
2. I. Bichurin *Avtobiograficheskaya zapiska* [Autobiographical note] // *Uchenye zapiski imp. Akademii nauk po pervomu i tret'emu otdeleniem* – Scientific notes imp. Academy of Sciences on the first and third section. SPb, 1855. Vol. III. P. 665.
3. Ibid. P. 666.
4. Ibid. P. 667.
5. Myasnikov V. S. *Valaamskaya ssylka N. YA. Bichurina* [Valaam exile of N. Ya. Bichurin] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems Of The Far East. 1986, No. 1, p. 121.
6. *Pis'ma Bichurina iz Valaamskoy monastyrskoy tyur'my* [Letters of Bichurin of the Valaam monastery prison] // *Narody Azii i Afriki* – The Peoples of Asia and Africa. 1962, No. 1, p. 102.
7. Myasnikov V. S. [Valaam exile of N. Ya Bichurin] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Problems Of The Far East. 1986, No. 2, p. 136.
8. Pushkin A. S. *Works*. Vol. 8. Moscow; Leningrad, 1949. P. 287.
9. *N. YA. Bichurin i ego vklad v russkoe vostokovedenie: materialy konf* [N. Ya. Bichurin and his contribution to Russian Oriental studies: proceedings of the conference]. Pt. II. Moscow. 1977. P. 121.
10. Skachkov P. *Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya* [Essays on the history of Russian Sinology]. Moscow. 1977. P. 109.
11. *Pis'ma N. YA. Bichurina k M. P. Pogodinu* [Letters of N. Ya. Bichurin to M. P. Pogodin] // *Sovetskoe kитаеведение* – Soviet Sinology. 1958, No. 3, pp. 146-147.
12. *Sovremennik* – The contemporary. 1848, Vol. 78, No. 1, dep. III, p. 49.
13. *Pis'ma N. YA. Bichurina k M. P. Pogodinu* [Letters of N. Ya. Bichurin to M. P. Pogodin]. P. 151.

Постмодернистский синдром: культурный шок или «долгое прощание»?

В статье рассматриваются некоторые дискуссионные вопросы, связанные с характеристикой эпохи т. н. «пост-постмодернизма». На фоне провозглашения «смерти» постмодернизма многочисленными теориями, обзор которых предлагают авторы, свидетельствуют о новых доминантах культуры («альтермодерн» Н. Буррио, «перформатизм» Р. Эшельмана, «автомодернизм» Р. Самуэlsa, «диджимодернизм» А. Кирби и др.). В теории альтермодернизма, в частности, речь идет о мире кросскультурных взаимоотношений, тогда как диджимодернизм предлагает альтернативу в виде оцифрованной реальности текстов культуры.

Все они опираются на влияние процессов глобализации, «цифровой» революции, изменений в медийной среде, интерактивных форм искусства, сетевой трансформации художественного мира, ситуацию гиперпотребления.

This article deals some of the controversial issues related with the characteristic of the "Post-postmodernism". Against the background of the proclamation of the "death" of postmodernism there are many theories about new dominants of latest culture ("altermodernism" N. Bourriaud, "performatism" R. Eshelman "automodernism" R. Samuels, "digimodernism" A. Kirby and others). In particular, the authors of altermodern theory talking about cross-cultural relations, while digimodernism offers alternative transformation of digital forms of the text.

At the same time, all concepts are based on the impact of globalization, «digital revolution», transformation of the media environment, interactive forms of art and types of net-art and consumer society.

Ключевые слова: пост-постмодернизм, альтермодернизм, диджимодернизм, трансформации медиасреды, «кочевая» культура.

Keywords: Post-postmodernism, altermodernism, digimodernism, transformation of the media environment, "nomadic" culture.

Вот и завершился, по-видимому, столь модный и притягательный для всех гуманитариев на протяжении последней четверти века постмодернизм. Завершился, не успев выработать сколько-нибудь оригинальной концепции и методологической стратегии, но зато посеял в умах интеллектуалов зерна глубокой усталости культуры – состояния, которое еще долго будет определять вектор современного гуманитарного сознания. Примечательно и то, что почти одновременно с интеллектуально-эссеистическими изысками постмодернизма современный научный мир стремительно наполнился доказательствами, опровержениями и обоснованиями этого феномена.

В качестве основного аргумента большинство ученых называют тот факт, что атрибутика постмодернизма чрезвычайно размыта и абстрактна. При различных подходах он может обозначать совершенно разные понятия: наиболее распространенным является представление о постмодернизме как о критической парадигме в искусстве и познании, охватывающей критику эссенциализма, отказ от цельности и господство иронии; его определяли и как фактор, смещающий жанры, называли деконструктивным и деструктивным; с исторической точки зрения он рассматривался в качестве «культурной логики позднего капитализма». Такой разброс признаков лишает характеристику постмодернизма категориальности – он лишается оценочных критериев, не являясь ни негативным, ни позитивным, а то и попросту становясь определенным условием, на которое каждый реагирует исходя из собственных установок.

Одним из первых смерть постмодернизма провозгласил еще в конце 1970-х профессор кафедры сравнительных литератур университета Пенсильвании Ж.-М. Рабате, обозначив, что этот термин «сейчас отброшен практически полностью». Эта идея была стремительно поддержана и развита целым поколением ученых, построивших свою карьеру на апологетике по-

стмодернизма. Так, Линда Хатчон (Linda Hatcheon), канадский литературный критик, чья книга «A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction» (1988) стала классическим научным бестселлером, характеризует постмодернизм как «уходящий феномен» XX в., явление прошлого: «Давайте просто скажем: это прошло» [1]. А еще раньше известный философ и культуролог Ихаб Хассан, который одним из первых обратился к изучению культуры постмодернизма в 1970-х гг., высказал сходную мысль в работе «Beyond postmodernism: Toward Anaesthetic of Trust» [2]. Даже американский теоретик архитектуры Чарльз Дженкс (Charles A. Jencks), чья книга «The Language of Post-Modern Architecture» (New York: Rizzoli, 1987) способствовала популяризации этого термина, сейчас полагает, что постмодернизм подошел к концу примерно в период миллениума. Как замечает американский литературный критик Э. Хоберек (Andrew Hoberk), «заявления о потере постмодернизмом своего положения стали банальностью», но наделены ли в действительности данные положения какой-то новизной? [3]. «Похоронным звоном» постмодернизма в США американский историк М. Кан называет 18 июня 1993 г., когда киноперсонаж Арнольда Шварценеггера в фильме-мультиплексе «Последний киногерой» (*Last Action Hero*) включается в игру с несколькими уровнями реальности.

Постмодернизм бросил вызов общим категориям искусства 1970–1980-х гг., но его ирония и скепсис перестали работать в 1990-е гг. Массовая культура полностью присвоила эстетику постмодернизма, которая в сниженном варианте хлынула на телевизионные и компьютерные экраны.

Во время выступления на междисциплинарной конференции «Writing History after Postmodernism», которая состоялась в 2009 г. в Штутгарте и была нацелена на то, чтобы «предложить методы преодоления нерешительности пост-постмодернистской академической среды», социолог Ноттингемского университета Майк Физерстоун, процитировав ряд публикаций 1977–1984 гг., в которых говорилось о смерти постмодернизма на фоне его культурного доминирования, пришел к выводу о том, что постмодернизм периодически признавался умершим практически на протяжении всего своего существования.

Само понятие всегда служило мишенью для скептиков, в рядах которых отметились Т. Иглтон, А. Каллиникос, Н. Хомский, А. Сокал, Ж. Брикмон и другие, воспринимающие постмодернизм не более как примитивную, бессмысленную фикцию. Независимо от того, стоит ли воспринимать серьезно такие утверждения, с каждым днем становится очевиднее, что в современных «культурных джунглях» происходят заметные перемены, суть которых сводится к попытке обозначить то, что следует «после постмодернизма» и в общем виде может быть обозначено как *пост-постмодернизм*. Появляются все новые концепции, наделенные странными и громоздкими названиями, цель которых – представить детальное описание современной культуры и общества, выходящее за пределы понятия постмодернизма. Эти теории свидетельствуют о сдвиге парадигмы, о новых доминантах культуры, основу которых составляет утверждение, что окружающий мир сегодня подчинен другой логике и движется в сторону не свойственных ему ранее конструкций. Авторы этих идей решительно похоронили для себя постмодернизм и, признав приход нового, сменившего его мира, стали предлагать имена новому «детису».

Надо признать, что эти теории не претендуют на абсолютную научную новизну – ведь в последние годы было выдвинуто множество научных (в том числе и спекулятивных) подходов к пост-постмодернизму.

В качестве ключевых в этом ряду теорий предлагаются «альтермодерн» Н. Буррио, «гипермодернизм» Ж. Липовецки, «перформатизм» Р. Эшельмана, «автомодернизм» Р. Самуэляса, «трансмодернизм» Э. Дуссея, «метамодернизм» Т. Вермюлена и Р. ван дер Аккера, «диджимодернизм» А. Кирби... Приведенные концепции разворачиваются в разных культурных пространствах: в искусстве, архитектуре, информационных технологиях, Интернете, социологии, кинематографе, телевидении, литературе и т. д., в контексте анализа культурных ландшафтов Америки, Великобритании, Германии, Франции, Польши, но, несмотря на различия, все они опираются на изменившуюся парадигму эпохи.

Она связана с тем, что в последние два десятилетия художественный мир все чаще позиционирует себя как часть сетевого общества. Научный культурологический дискурс оперирует сегодня такими терминами, как «клиповое сознание», «мобильность», «номадизм», «перемещение», «планетарный дрейф», «исход», «путешествие», «терпимость», «линки», «цепи», «петли», «нейроны», «в контакте», «относительный», «связующий», «сообщающийся»,

«дистрибутивный» и «редистрибутивный», «(не)флексibilный» и др., которые фигурируют на выставках, в среде художественных критиков, которые таким образом пытаются описать свой «продукт» [4]. Так, Н. Буррио, куратор современного искусства галереи «Тэйт Британ» (Tate Britain), подчеркивает: «Художники альтермодерна ищут новую современность, которая будет основана на переводе. Главное сегодня – это перевод культурных ценностей, культурных групп и подключения к Всемирной сети. Эту “перезагрузку” модернизма в двадцать первом веке можно назвать *altermodernism*, движением, подключенным к креолизации культур... в стандартизированном мире» [5]. В 2009 г., однозначно объявив о смерти постмодернизма, на открытии выставки «Tate Triennial» он определил альтермодерн как культуру, формирующуюся под влиянием экономической глобализации. В современном мире, охваченном мультикультурализмом, путешествиями и условиями почти всеобщего изгнания, Н. Буррио характеризует художника как «культурного кочевника». По его мнению, «современное искусство создает впечатление искусства, поднятого на огромной волне перемещений, путешествий, переводов, миграций объектов и существ», а «художественные стили и форматы отныне должны рассматриваться с точки зрения диаспоры, миграций и массового бегства» [6].

Современный художник, с точки зрения Н. Буррио, автора манифеста альтермодернизма, – это своеобразный *homo viator* (человек-странник), мобильность которого позволяет ему с легкостью преодолевать время и пространство разных культур. В теории альтермодернизма речь идет о мире кросскультурных взаимоотношений, а сам альтермодернизм функционирует подобно культуре «антиглобализма», который предлагает альтернативу в виде множества ответов на конкретные ситуации.

Художника эпохи альтермодернизма отличает интерес к межкультурным взаимодействиям, легкое и мобильное пересечение границ (государственных, культурных, междисциплинарных), противостояние неолиберализму, переплетение пространства и времени в многослойном мире.

Автор еще одного термина – *диджимодернизма* – Алан Кирби, профессор Оксфорда, определяет его как критическое событие в современной культуре – глубокое и сокрушительное столкновение компьютеризации и текста. Самой узнаваемой его формой считается новый вид оцифрованной текстуальности – прогрессивной, бессистемной, неоднородной, разрушающей традиционные представления об авторстве и процессе чтения и наиболее ярко проявляющей себя в среде Web 2.0, ряде компьютерных приложений и сфере видеоигр.

Новый вид текстуальности также связывается с изменениями, произошедшими в привычной медийной среде, такими, как обусловленная цифровыми технологиями реструктуризация системы реальности в кинематографе, что заметно как в авторских фильмах наподобие ленты «Самый главный босс» (2006) Ларса фон Триера, так и в голливудских блокбастерах типа «Аватар» (2009) Джеймса Кэмерона.

На телевидении черты диджимодернистской текстуальности воспроизводятся посредством реалити-шоу и интерактивных программ. Они проявляются также как в цифровом искусстве, так и в инсталляциях, схожих с инсталляцией британского скульптора Энтони Гормли «One&Other», которая состоялась в 2009 г. в Лондоне на Трафальгарской площади.

С одной стороны, в попытке отследить насильственное и безвозвратное воздействие процесса оцифровки на все формы текста диджимодернизм оценивает структурные сдвиги, подобные замене музыкальных альбомов скачиваемыми треками, как революцию информационной индустрии; с другой – оказывает влияние и на медийном поле: сдвиг в направлении текстуальной инфантилизации, псевдореальности, искренности и бесконечности повествования [7]. Рауль Эшельман, немецко-американский славист, профессор Университета Людвига Максимилиана в Мюнхене, рассматривает современную культуру сквозь призму «перформатизма» [8] – теории, уходящей корнями в генеративную антропологию и философию монизма Эрика Ганса [9]. Как и диджимодернизм, перформатизм является междисциплинарной парадигмой, хотя автор фокусируется в большей степени на «старых» медиа.

По его мнению, перформатистская текстуальность, проявляющаяся в таких культурных явлениях, как роман Я. Мартела «Жизнь Пи» (2001), фильм Сэма Мендерса «Красота по-американски» (1999) и архитектура новой Германии, принимает определенный набор ценностей и практик, к которым постмодернизм относится с известным подозрением. Они «возвращают красоту, добро, цельность и множество прочих метафизических пропозиций,

но исключительно на специальных, особых условиях, которые текст заставляет нас принимать... по своим правилам» [10]. Закаленный скептицизмом постмодернизма, перформатизм выходит за его пределы в качественно новую художественную эру.

Преподаватель Калифорнийского университета Р. Самуэлс сформулировал теорию *автомодернизма* [11] – нового мира, образованного посредством смешения цифровой автоматизации и персональной автономии, обусловленной новыми технологиями, которые используются в современном мире: персональные компьютеры, текстовые процессоры, мобильные телефоны, портативные плееры типа iPad, блоги, телевидение с дистанционным управлением, компьютерные игры FPS и проч. Технологические объекты подобного рода объединяет высокий уровень механической автоматизации с усиленным смыслом личной автономии. Такая неожиданная и инновационная комбинация автономии и автоматизации воспринимается автором как главное противоречие современной жизни.

В то же время издержки данного подхода видятся в том, что, ограничив себя определенными рамками, автор ограничивается и узкой сферой высоких технологий, игнорируя изменения мирового культурного ландшафта.

Французский философ Жиль Липовецки описывает «гипермодерность» (гиперсовременность) больше в социологическом ключе, отмечая преемственность модерности и пост-постсовременности: «Наследующее постмодернизм по-прежнему обращает человеческое внимание к прошлому, которое принято считать мертвым; оно предполагает, что что-то исчезло, не уточняя, что в результате стало с нами... Атмосфера конца сопровождается информированностью стремительных прорывов, бурной модернизацией» [12]. В очередной раз провозгласив смерть постмодернизма, автор полагает, что *гипермодерность* как нынешнее состояние культуры начинается тогда, когда обещания современности о безграничном индивидуализме, свободе от социальных обязательств становятся, наконец, достигнутыми. Ж. Липовецки заключает, что, к счастью или нет, сегодняшняя современность характеризуется ситуацией гиперпотребления. В связи с этим можно предположить, что гипермодерность в чем-то аналогична диджимодернизму А. Кирби и автомодернизму Р. Самуэлса и стоит где-то между ними.

Таким образом, все вышеобозначенные теории напоминают борьбу амбициозных конкурентов, стремящихся занять место дряхлеющего постмодернизма, в то время как предшественник все еще дышит.

И все-таки в ситуации подобной неопределенности так называемая «смерть постмодернизма», по всей видимости, все же случилась, и хотя новая парадигма еще не приобрела отчетливых очертаний, оставаясь в статусе *нечто*, но основные ориентиры, связанные с процессами тотальной глобализации, порожденными цифровой революцией, дают основание говорить о формировании новой эпистемы. Согласимся в связи с этим с Аланом Кирби, считающим, что такого рода путаница и неопределенность в подходе к пост-постмодернизму только «добавляют очарования» новой эпохе.

Примечания

1. *Hatcheon Linda*. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. Routledge, 1988. P. 37.
2. *Hassan Ihab*. Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust // Reassessments in Literature, Theory, and Culture / ed. by Klaus Stierstorfer. Berlin & New York: Walter de Gruyter, 2003. P. 199–212.
3. After Postmodernism // Academic journal article By Hoberek, Andrew Twentieth Century Literature. Vol. 53. № 3. P. 43.
4. *Eschelman R*. Performatism, or the End of Postmodernism. Internet Journal of Antropoetics. 6, № 2. URL: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform.htm>
5. Bourriaud N. Altermodern. L.: Tate Publishing, 2009. P. 94.
6. *Bourriaud Nikolas*. Modern. Postmodern. Altermodern: материалы конф. Ассоциации искусств Австралии и Новой Зеландии, 2005. URL: http://www.artgallery.nsw.gov.au/aaanz05/abstracts/nicolas_bourriaud
7. *Kirby A*. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture». N. Y.k: Continuum, 2009.
8. *Eschelman R*. Performatism, or the End of Postmodernism // Internet Journal of Antropoetics. 6, № 2. URL: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform.htm>
9. *Gans E*. Victimary Thinking Forever // Internet Journal of Generative Anthropology «Antropoetics». URL: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/views/vw230.htm>
10. *Eschelman R*. Performatism, or the End of Postmodernism // Internet Journal of Antropoetics. 6, № 2. URL: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform.htm>

11. *Samuels Robert*. Auto-modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected, MA: The MIT Press, 2008. P. 219–240.
12. *Lipovetsky G*. Hypermodern Times. L.: Politypress, 2005. P. 23.

Notes

1. Hatcheon Linda. A Poetics of post-modernism: History, Theory, Fiction. Routledge, 1988. P. 37.
2. Ihab Hassan. Beyond post-modernism: Toward an Aesthetic of Trust // Reassessments in Literature, Theory, and Culture / ed. by Klaus Stierstorfer. Berlin & New York: Walter de Gruyter, 2003. Pp. 199-212.
3. After postmodernism // Academic journal article By Hoberek, Andrew Twentieth Century Literature. Vol. 53. No. 3. P. 43.
4. Eschelmann R. Performatism, or the End of post-modernism. Internet Journal of Antropoetics. 6, No. 2. Available at: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform.htm>
5. Bourriaud, N. Altermodern. L.: Tate Publishing, 2009. P. 94.
6. Bourriaud Nikolas. Modern. Postmodern. Altermodern: proceedings of the conference. Art Association of Australia and New Zealand, 2005. Available at: http://www.artgallery.nsw.gov.au/aaanz05/abstracts/nicolas_bourriaud
7. Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture". N. Y.k: Continuum, 2009.
8. Eschelmann R. Performatism, or the End of post-modernism // Internet Journal of Antropoetics. 6, No. 2. Available at: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform.htm>
9. Gans E. Victimary Thinking Forever // Internet Journal of Generative Anthropology "Antropoetics". Available at: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/views/vw230.htm>
10. Eschelmann R. Performatism, or the End of post-modernism // Internet Journal of Antropoetics. 6, No. 2. Available at: <http://www.anthropoetics.ucla.edu/ap0602/perform.htm>
11. *Samuels Robert*. Auto modernity after post-modernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. Digital Youth, Innovation, and the Unexpected, MA: The MIT Press, 2008. Pp. 219-240.
12. *G. Lipovetsky* Hypermodern Times. L.: Politypress, 2005. P. 23.

УДК 130.2:159.923.2

Г. В. Суворов

Проблема личности в контексте европейской утопии XVI–XVII вв.

Термин «утопия» был впервые использован в одноименном произведении Томаса Мора (1477–1535) в 1516 г. Однако первой утопией в истории европейской философии считается модель идеального общества в диалоге Платона «Государство». Томас Мор употребил слово «утопия», которое буквально можно перевести с греческого как «место, которого нет» или «Нигденция». Спустя годы появились сочинения, схожие с «Утопией» и содержащие идеи совершенствования общественного устройства, в большинстве своем совершенно не пригодные к их практической реализации. В дальнейшем утопия стала подразумевать любую подобную схему или план.

В статье рассматривается роль утопических идей Нового времени в развитии взглядов на проблему личности в европейской философии. Раскрытие взглядов философов на будущее общественно-го развития позволяет понять человеческую сущность и переосмыслить перспективы развития человека. Автор рассматривает способы, с помощью которых утопии прошлого могут помочь осмыслить проблемы личности и свободы в современном мире.

The term utopia was coined by Thomas More (1477–1535) for his 1516 book Utopia. Chronologically, the first recorded utopian proposal is Plato's Republic. Thomas More coined the word «utopia» from the Greek ou-topos meaning «no place» or «nowhere». Over the years many books similar to Utopia have been written, and many plans for perfect societies proposed, most of them impractical. Utopia has also come to mean any such scheme or plan.

The article deals with the role of the utopian ideas of a XVI–XVII centuries in the development of views on the problem of personality in European philosophy. Elucidation of views of philosophers on the future of social development makes it possible to understand human nature and to think over perspectives of the development of Van. The author considers the ways in which utopias from the past might help us think about the problem of personality and freedom in the modern world.

Ключевые слова: утопия, человек, личность, общество, индивид, индивидуализм, ценность, воспитание, традиция, свобода.

Keywords: utopia, man, personality, society, individual, individualism, virtue, upbringing, tradition, freedom.

Жанр утопии является одним из самых распространенных в художественной и философской традиции. Непрерывно рождаясь на протяжении столетий, утопические концепции в различных вариациях озвучивали идею создания человека идеального типа, продукта идеальной воспитательной деятельности идеального общества. Первые попытки создания полноценной теории идеального общества и идеального человека были предприняты в европейских утопиях XVI–XVII вв. Характерной чертой классических утопий Ренессанса и Нового времени стало центрирование проблемы человека как свободного субъекта, способного понять и изменить существующий мир.

Начнем с определения утопии. Утопия – понятие многогранное и может трактоваться в принципиально разных значениях, но в наиболее общем виде утопия есть не более чем состояние ума. Утопистом может считаться любой мыслящий человек; тот, кто имеет большой идеал или ставит перед собой далеко идущие цели. В классическом определении утопия есть неосуществимое пожелание. Первоначально утопия не была связана с будущим, а выступала наиболее общей попыткой оценивать современность с позиций общепринятых стандартов. Таким образом, утопия – это не просто мечта; утопия всегда конкретна, она переходит в целостную доктрину или идеологию, не означающую интеллектуальной спекуляции, а относящуюся к сфере реального опыта. Конкретность утопии заключается в том, что она представляет собой реакцию на реальную ситуацию эпохи. С. Лем определил утопию как «изложение определенной теории бытия при помощи конкретных образов» [1]. Поэтому утопические произведения, прежде всего, следует воспринимать как критический диалог между настоящим и возможным будущим, как альтернативу существующим порядкам, способность выбора нескольких вариантов.

Классифицировать утопии можно по самым разнообразным основаниям. Л. Мэмфорд предложил различать «утопию бегства», которая не предлагает никакой идейной программы, и «утопию реконструкции», призывающую к действию [2]. Е. Шацкий в работе «Утопия и традиция» дает следующую типологию: эгалитарные утопии – идеализирующие и абсолютизирующие принципы всеобщего равенства и гармоничного развития личности, и элитарные – отстаивающие построение общества, расслоенного по принципу справедливости и целесообразности. Кроме того, Е. Шацкий говорит о различии между эскапистскими и героическими утопиями. К первым относятся все те мечтания о лучшем мире, из которых не вытекает призыв к борьбе за этот мир (например, «Утопия» Т. Мора). Героические утопии – это мечты, сочетающиеся с программой и призывом к действию (Фаланстер Ш. Фурье) [3]. По отношению к человеку все многообразие утопических концепций можно свести к двум основным. Первая – это концепция «человека счастливого», которая направлена на совершенствование условий жизни и достижение максимально приближенного к идеальному общественному устройству. Второй подход – концепция «человека совершенного», в которой на первый план выходят особенности личного мировосприятия и внутреннего изменения человека [4]. Тем не менее, при всем многообразии подобных классификаций, все они остаются достаточно схематичными, так как невозможно учитывать все случаи, когда без отказа от прежнего идеала на смену одной утопии приходит другая. Следовательно, не существует единой утопии, как нет и единого человечества, единых общественных идеалов.

Итак, понимание утопии как простой проекции на отдаленное будущее или как неосуществимого мечтания, на наш взгляд, слишком примитивно. Утопии всегда побуждали к преобразованиям, а значит приводили к определенным результатам. Поэтому можно задать вопрос: в чем суть воздействия утопий на формирование личности? Способна ли утопия выразить цели и воплотить желания конкретной личности, и можно ли посредством утопии сформировать идеальную личность?

Первые попытки философски осмыслить социально-антропологическую составляющую через призму утопии были осуществлены в XVI–XVII вв. Прежде всего, возникает вопрос: почему утопии в качестве общественно-политической философии возникли на пороге Нового времени? Мечты об идеальном устройстве общества, совершенном и счастливом человеке издавна волновали мыслителей, начиная с Платона и первых христианских апостолов и за-

канчивая народными представлениями о счастливой стране Кокань или граде Китеж. Распространение и необычайная популярность утопий на рубеже XVI–XVII вв. во многом объясняются развитием идеи прогресса, особенно бурным в ту эпоху. С того момента, когда возобладали вера в то, что человечество постепенно идет к совершенству, собственные идеалы стали изображать в виде цели, конечного пункта исторического процесса. Таким образом, утопия сливается с историей, становится предвидением грядущего, лучшего мира. Прежде всего, это уверенность в либеральных реформах во всех сферах общества, позволяющих самоутвердиться личности конкретного человека. Этой веры в стихийное самоутверждение человеческой личности не существовало в Средние века, вот почему эпоха Средневековья не располагала к созданию утопических проектов, хотя это не означало полную гибель утопических идей. На первый план выдвигались ретроспективные образы рая, идеальный образ апостольской общины, ведомой Христом. Но начиная с XVI в. христианство стало сочетать в себе мечты о библейских идеалах с прагматической уверенностью в возможность их достижения. Так, идеалы христианской утопии замечательно уживались с политикой европейского колониализма эпохи Нового времени. Удивительных успехов в просветительской деятельности по всему миру (Индия, Япония, Южная Америка) добились миссионеры-иезуиты, идеи которых испытали явное влияние классических утопий. Как видим, данный факт противоречит широко распространенной точке зрения о том, что утопия не принимает в расчет существующую реальность, что она крайне непрактична и иллюзорна. Кроме того, Великие географические открытия – проект тоже утопический, если вспомнить, что Х. Колумб был уверен, что обнаруженный им Американский континент есть не что иное, как Эдемский сад. В XVII в. образ колонизируемого Нового Света стал критерием, с помощью которого могли быть оценены традиции и ценности зарождающегося капиталистического общества. Европейские путешественники возвращались с рассказами, в которых «достоинства» примитивных племен противопоставлялись недостаткам зарождающегося капиталистического общества. Не случайно первые утопии стилистически построены в виде рассказов о посещении фантастических островов и стран (Т. Мор, Т. Кампанелла, Д. Верас, Д. Свифт).

В эпоху создания новоевропейских утопий общественные и личностные идеалы виделись как нечто неопределенное, поэтому считались неосуществимыми. Сами авторы утопий, скорее всего, не верили в собственные проекты, в возможность создания идеальной личности мгновенно в результате усилий людей текущего времени. Поэтому большинство европейских утопий Нового времени носят пространственный, а не временной характер. Следовательно, воспринимать их, на наш взгляд, следует не как призыв к действию или политическую программу, а как утопии-рефлексии, описывающие кризисную ситуацию существующего общества. Но, так как результаты деятельности людей никогда точно не соответствуют поставленным целям, утопии часто носят не футурологический, а ретроспективный характер. На наш взгляд, большинство европейских утопий Возрождения и Нового времени обладают этой чертой – по форме они нацелены на будущее, а по содержанию – защищают уходящие ценности прошлого.

Первый утопист эпохи Возрождения – это английский мыслитель Томас Мор (1478–1535), которому мы обязаны возникновением всего жанра. Мор определил утопию как хорошее место, которого нет. В первой части книги Мор критикует современные ему социальные порядки, а во второй – описывает систему идеального социального строя. В утопическом описании идеального человека Мор использует как либеральные, так и реакционные идеи (например, институт рабства). Несмотря на то что его проект свободен от аскетических воззрений – добродетель человека состоит в том, что он должен жить своеобразно собственной природе – человек этот достаточно серый, полностью растворенный в обществе и управляемый абсолютистским государством. В Утопии все должны заниматься физическим трудом, в дела семьи и брака государство вмешивается самым существенным, декретным образом. Естественно, что в мечте Мора о бесклассовом обществе нет места частной собственности, зато есть общность предметов потребления. Семьям рекомендуется столоваться совместно, и даже одежда, кроме отдельных случаев, должна быть у всех одинаковой. Материальные блага признаются, но вместе с тем утопийцы особенно ценят духовные удовольствия, «их они считают первыми и главенствующими, преимущественная часть их исходит, по их мнению, из упражнения в добродетели и сознания беспорочной жизни» [5].

Во многих исследованиях, посвященных творчеству Т. Мора, подчеркивается, что его мораль созвучна идеалам эпохи Возрождения (полная веротерпимость, развитие наук и ис-

кусств). Однако мотивы «естественного порядка», звучащие в «Утопии», не что иное как жесткая моралистика, объявленная высшим «духовным удовольствием». Наконец, еще одна отличительная черта «Утопии», перешедшая во все последующие ей подражания, – это вера ее автора в то, что человек должен принять правила игры, предложенные ему. Только в этом случае его идейная ментальность изменится автоматически, причем в лучшую сторону. Пользуясь классификацией Е. Шацкого, произведение Мора – типичная эскапистская утопия. Современность в ней резко осуждается, но на практике методы борьбы с ней не рассматриваются. Указывается, что такое добро, но не указывается, как его можно достигнуть. Указывается, в чем состоит зло, но не указывается, как заменить его добром. По-видимому, утописту не обязательно следует знать, что надо делать, его миссия – это подвергнуть существующий мир сомнению.

После публикации «Утопии» (1517 г.) у Т. Мора оказалось множество подражателей. Первая литературно-художественная утопия была создана во Франции в 1533 г. Речь идет о знаменитом образе Телемского аббатства, описанном в первой книге романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Будучи крупнейшим гуманистом своего времени, Рабле предлагает свой идеал человеческого общежития. Выступая с резкой критикой церковной жизни, он рисует картину аббатства, которое во всем противопоставляется монастырскому порядку. От послушников Телема не требуется ни молитвы, ни труда, а весь монастырский устав укладывается в одну заповедь: делай что хочешь, а живи как можешь. Вместе с тем аббатство поражает своим богатством; в нем есть книгохранилища и галереи с фресками, ристалище, ипподром, театр, бассейн, бани, парк со зверями, сад с плодовыми деревьями и манежи для игры в мяч. За счет чего же достигается это райское блаженство? Рабле отвечает: за счет государства, которое снабжает аббатство щедрыми финансовыми дотациями. Перед нами предстает типичная антиклерикальная утопия, утопия «бегства от действительности», в которой основными добродетелями являются лень и сладкое безделье. Утопический идеал Телемского аббатства есть продукт синтеза средневекового народного фольклора и мечты о «золотом» веке античной культурной традиции. Это мечта об изобилии, неограниченной свободе, мечта о земных наслаждениях, которых так не хватало средневековому человеку. Но Рабле – мыслитель эпохи возрожденческого индивидуализма, поэтому он мечтает о самоутверждении личности. Описывая жителей Телемского аббатства, Рабле говорит о них как людях просвещенных, среди которых «не оказалось ни одного мужчины и ни одной женщины, которые не умели бы читать, писать, играть на музыкальных инструментах, говорить на пяти или шести языках и на каждом из них сочинять стихи или прозу» [6].

Взгляды Ф. Рабле на проблему личности мы обозначим концепцией «телесного индивидуализма». Все персонажи романа Рабле далеки от героических стандартов Возрождения, они, скорее, моральные нигилисты, а не благородные и возвышенные личности. В этом смысле показателен образ Панурга – студента, шпаны, бездельника и недоучки. Несмотря на то что Панург авантюрист, пренебрегающий любыми этическими принципами, он типичный утопист, мечтающий о светлом будущем. «Он смутно, но взволнованно и с энтузиазмом предчувствует какое-то лучшее будущее, в котором люди деклассированные, как он, найдут себе лучшее место под солнцем, будут в состоянии трудиться и развивать свои способности» [7]. Таким образом, идеал личности в творчестве Рабле носит весьма противоречивый характер. Своих героев он представляет в образе грубой телесности, его земное возвышение человеческой личности теряет свои героические черты, что, по мнению А. Ф. Лосева, означает полную противоположность эстетике Ренессанса. «У Рабле с неподражаемой выразительностью подана безыдейная, пустая, бессодержательная и далекая от всякого артистизма телесность... здесь мы находим не просто отсутствие всяких идей в изображении мира человека, а, наоборот, имеем целое множество разных идей, но идеи эти – скверные, порочные, разрушающие всякую человечность» [8].

Ряд исследователей творчества Рабле (М. М. Бахтин, Л. Е. Пинский, А. Ф. Лосев) полагали, что его сатира не направлена на исправление человеческих пороков, а, наоборот, имеет некоторого рода самостоятельное значение, узаконивающее естественность комизма, где злая насмешка – последняя радость и утешение человека. Ф. Рабле одновременно унижает человека, показывая его животную сущность, используя при этом приемы создания отвратительных и отталкивающих образов (обжорства, пьянства, физиологических актов выделения и оправления). Вместе с тем смех и ирония Рабле над пороками человека сочетается с восхищением и

дифирамбами перед его божественной сущностью. Подобно другому великому гуманисту Эразму Роттердамскому, Рабле использует язык сатиры и комического, вскрывая противоречивую природу человека. Ирония и способность человека смеяться над самим собой имеет первостепенное значение для формирования его как личности; смех успокаивает человека, излечивает его жизненной горю, делая его свободным от объективного зла в мире.

Ф. Рабле, Т. Мор, Эразм и другие писатели-гуманисты не только возродили для европейской культуры классическую древность Греции и Рима. Возрождение не сводилось лишь к открытию памятников античности. На рубеже XVI–XVII вв. совершается колоссальный переворот не только в философии и науке, но и в нравственности. Возникновение протестантизма, так же как и нового естествознания, стало возможным благодаря необычному развитию возрожденческого свободомыслия. Пока человеческая личность той эпохи мыслила себя свободной и могущественной только до известного предела, она действительно оставалась свободной и могущественной. Церковная жизнь теряла свои традиционные формы, она становилась более личностной, интимной по отношению к субъекту веры. «Раньше церковь мыслилась как некоторого рода таинственный коллективный орган, в котором каждый его член имеет самое непосредственное общение с Христом. Теперь же все таинства были отменены... Быть членом такого коллектива молящихся вне всякой церковной иерархии... значило отколоться от католической церкви и стать протестантом» [9]. Таким образом, протестантизм зародился как результат огромного развития свободной личности. Однако строгий морализм, присущий любой религии, неминуемо должен был привести к конфликту с идеалами гуманистического индивидуализма. Более того, деятели Реформации – М. Лютер, Ж. Кальвин, а еще раньше Д. Савонарола – призывали к жестким моральным ограничениям человеческого духа и плоти.

Флорентийский монах Джироламо Савонарола (1452–1498) – одна из самых противоречивых фигур позднего Возрождения. Полярные оценки деятельности этого итальянского проповедника вытекают из его утопических взглядов на природу человека и общественно-политическое устройство. Большинство исследователей творчества Савонаролы, считают его реакционным ортодоксом, фанатиком-мракобесом, которому были совершенно чужды идеалы гуманизма и Возрождения, хотя еще в XIX в. известный исследователь П. Виллари доказал неубедительность подобных взглядов: «Савонарола жаждал всего идеального в христианском смысле этого слова, настойчиво твердил современникам, что без добродетели, без самоотречения, без нравственного величия как отдельный человек, так и целое общество неминуемо идут к гибели» [10].

В проповедях Савонаролы виден стиль утопического мышления; он осознает кризисную ситуацию своего времени, бросая вызов порокам флорентийского общества: деспотизму власти, продажности чиновников, развращенности артистической богемы. К этому времени прежние абсолютные ценности стали пониматься как предмет самодовлеющего удовольствия, как потребность в удовлетворении корысти и жизненных благ, поэтому неудивительна критика разнузданного наслаждения, которое лишено всяких ограничений. «Ваши мальчишки для разврата, ваши наемные убийцы и сожительницы – вот ваши кумиры», – провозглашает монах из Сан-Марко. Предлагая порвать с мирской суетой и будучи диктатором Флоренции, Савонарола сумел осуществить ряд реформ: он восстановил во всей строгости обет нищеты, запретил предметы роскоши, устроил школы, в которых изучались скульптура, архитектура и живопись. Особое внимание Савонарола уделил процессу образования и просвещения, с этой целью им преподавались философия, богословие и мораль, но прежде всего Савонарола ввел изучение греческого, еврейского и других языков для более полной интерпретации Священного Писания. Одновременно с этим Савонарола продолжил проповедовать моральное покаяние и воздержание плоти. В качестве утопического идеала он предложил жителям Флоренции вернуться к очищающему учению раннего христианства, к простоте жизни, неприязательности в еде, одежде, жилище. На смену прежним карнавалам приходят так называемые «костры покаяния», где сжигаются непристойные книги, картины и карнавальные наряды. Затем появляется полиция нравов, состоящая из детей (предполагалось, что их невинность должна сломить закоснелость взрослых), усиливается шпионаж и поощряется доноительство.

Пользуясь классификацией Е. Шацкого, деятельность Савонаролы – это редкий исторический пример героической утопии. Мог ли Савонарола добиться ее реализации, исполь-

зую столь радикальные методы? В качестве фактического правителя Флоренции Савонарола был менее пяти лет. Поначалу его яркие проповеди вызывали восторг и энтузиазм всего города, а среди его почитателей были известные деятели Ренессанса (М. Фичино, Боттичелли, Микеланджело). Савонарола был уверен, что слово, если его несет настоящий проповедник, может изменить людей, однако он не учел изначальные инстинкты масс, осторожность, свойственную всем, кто просто хочет спокойной и благополучной жизни. У его паствы были все основания иметь свое мнение, более реалистичное и более далекое от утопических мечтаний. Это не в последнюю очередь способствовало гибели монаха. Беснующаяся толпа, разочаровавшись в своем кумире, вынесла свой приговор, и 23 мая 1498 г. Савонарола был повешен, а затем сожжен.

В идейном плане Савонарола предложил христианскую утопию в ее чистом виде. Она лишена всякого догматизма – ведь райское блаженство и есть высшее удовольствие, оно лишено физической оболочки и свободно от всего земного, а значит духовно насыщено. Савонаролу нельзя назвать экзальтированным монахом, который хотел вернуть Флоренцию в темное Средневековье. Он был далек от схоластической трактовки веры, полагая, что Библия, сама по себе, достаточно четко передает суть вещей. Вместе с тем он навязывал собственный идеал добродетели, полагая, что бренный мир может предложить только бремя, а следовательно, путь спасения человека – это покаяние и самоограничение. Идеал личности в утопии Савонаролы – духовно свободный, но физически ограниченный индивид, и эти идеи заложат фундамент для пуританизма как одного из характерных проявлений протестантской этики. Вот почему флорентийского монаха можно считать одним из предтеч М. Лютера и Ж. Кальвина.

После неудачного примера Савонаролы осуществить свой утопический проект казалось бы уместным спросить, как у кого-либо могло возникнуть позитивное отношение к уверенно вещающим фанатичным личностям, обещающим утопии? Однако спустя несколько лет после страшной казни Савонаролы в Европе произошла Реформация. Только в первой половине XVII в. произошло освобождение от былых условностей и ограничений, созрели необходимые исторические условия, а также были найдены новые рациональные методы решения вопроса преобразования личности, способствующие превращению утопии в действительность.

Человеческая личность XVII в. отличалась большим свободомыслием и мечтой о справедливом устройстве общественной жизни. В творчестве Никколо Макиавелли (1469–1527) этим идеям был задан новый вектор развития. Н. Макиавелли можно считать утопистом, хотя его мечта о новом обществе и человеке носит жесткий, а порой жестокий характер. Как и любой утопист, Макиавелли имел свой «идеал». Этот идеал – не отдельная личность, а единство нации и восстановление сплоченного государства. Для реализации этой цели Макиавелли провозглашает настоящую революцию против этических ценностей. Итальянский мыслитель исходит из положения, которое менее чем через столетие вдохновит Т. Гоббса: люди по природе своей – эгоисты, и для укрощения этого естественного состояния все средства хороши, начиная с лицемерия и заканчивая убийством.

В политической утопии Макиавелли трактовка личности обретает принципиально новое значение. Здесь личность утрачивает свою христианскую божественность, свою самоценность, она воспринимается в контексте идеалов Нового времени – гражданина, носителя национальной идентичности, то есть личность и нация становятся соотносительными понятиями. Будучи страстным патриотом, Макиавелли противопоставляет личное общественному, которое он отождествляет с национальным интересом. Понятие личности у Макиавелли выдвигается на первый план, хотя она лишена своих внутренних идеалов и рассматривается как винтик в государственном механизме. Тем не менее эта бездушная единица является личностью, так как имеет значение сама по себе; она свободна от религиозных догматов, искусства, моральных норм, а общество, согласно Макиавелли, есть ничто иное, как совокупность таких «свободных винтиков».

Другой представитель возрожденческого утопизма Италии – Томаззо Кампанелла (1568–1639), наиболее известный как автор трактата «Город Солнца» (1602 г.). Проведя 27 лет в застенках инквизиции, этот итальянский натурфилософ создал образ идеального общества, даже более яркий, чем в произведении Т. Мора.

В общих чертах в «Городе Солнца» чувствуется значительное влияние «Утопии», хотя присутствуют различия в конкретных деталях: на первый план выдвигается учение о труде,

отсутствии частной собственности и ликвидации семьи (общность жен и детей). Если отбросить мистико-религиозную сторону в философии Кампанеллы (что само по себе достаточно сложно), то мы увидим весьма противоречивый подход к формированию идеальной личности и государства.

Исходный пункт рассуждений Кампанеллы – это отсутствие частной собственности на средства производства и обязательный труд для всех граждан, понимаемый как естественная потребность человека. Кампанелла мечтает о сплоченности человеческого рода, объединении всех людей в единое целое. Трудности реализации этого проекта заключаются в том, что, с одной стороны, человек подчинен эгоистическому принципу самосохранения. С другой стороны, человек испытывает потребность в коллективном сосуществовании. Но, если эгоизм – основной источник человеческих зол, то, как достигнуть объединения народов на принципах всеобщего равенства? Кампанелла видит возможность искоренения эгоизма в уравнивании людей во всех отношениях: общие столовые, дома, спальни, кровати и т. д. Мужей и жен не существует как таковых. Допускается сожительство в рамках государственных декретов, а дети после вскармливания отбираются у матерей государством и воспитываются в специальных интернатах. Несомненно, что подобным идеалом казарменного коммунизма Кампанелла вдохновился, изучая другую классическую утопию – «Государство» Платона. Но, если в античности ослабленное чувство личности было естественным явлением, то Кампанелла, мыслитель позднего Возрождения, доводит эту идею до своего предела. Даже такое сложное человеческое чувство, как любовь, согласно Кампанелле, всего лишь допустимая забава, которая несравнима с «любовью к общине». Другими словами, для итальянского философа человеческое общество должно быть превращено в идеальный конный завод. Если человек следит за породой животных при их спаривании, то почему ему не задуматься над улучшением собственной породы? «Поэтому женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужчинами; полные же – с худыми, а худые – с полными, дабы они хорошо и с пользой уравнивали друг друга» [11]. Сегодня эти воззрения на семью, брак и общество могут вызвать недоумение, однако не стоит забывать, что в XX в. предпринимались попытки реализации такого рода «бессемейного коммунизма». Это еще один пример того, как тесно утопические идеи связаны с наличествующим миром.

Другой важный аспект в «Городе Солнца» – это внимание Кампанеллы к механизмам формирования гармонически развитой личности. Образование соляриев носит всеобщий и совместный характер. При этом Кампанелла предлагает оригинальный метод получения знаний: дети, играя и развлекаясь, незаметно для себя овладевают знаниями, что возможно благодаря наглядности образования. «Во всем городе стены внутренние и внешние, верхние и нижние, расписаны превосходнейшей живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки» [12]. Интересно, что в современном образовательном процессе «динамичный» метод Кампанеллы утвердился как один из основных элементов в развитии мотивации учащихся. Кроме того, Кампанелла предложил ряд других идей, которые нашли свое воплощение в педагогике последующих эпох – это и институт наставничества, и обязательное физическое и трудовое воспитание, и профильное обучение. В данном аспекте утопические взгляды Кампанеллы вполне позитивны, так как они способствовали стремлению к реализации целей, являющихся социальным идеалом и пробуждающим в человеке лучшие качества.

Итак, с одной стороны, Т. Кампанелла – типичная фигура Возрождения, в философии которого тесно переплетены естествознание, астрология, магия и мистика. Вместе с тем в «Городе Солнца» нет места Личности и индивидуальности, того стихийного артистического титанизма, который был так свойственен эпохе Ренессанса.

«Утопия» Т. Мора и «Город Солнца» Т. Кампанеллы схожи друг с другом общим повествовательным стилем изложения. В «Утопии» авторские взгляды вложены в уста португальского путешественника Гитлодея, который повествует о своем посещении Бразилии и других неведомых стран. У Кампанеллы схожий сюжет: генуэзский мореход рассказывает монастырскому гостиннику о своем плавании к островам Индийского океана и посещении чудесного города, расположенного близ экватора. Подобные пространственные утопии получили широкое распространение в европейской литературе Нового времени. «История северамбов» (ок. 1679 г.) – приключенческая утопия, в которой все рассуждения даны в повествовательной форме. Автор «Истории северамбов» – французский гугенот Денни Верас

(ок. 1630 – ок. 1700), о жизни которого сохранились весьма скудные сведения. Содержание книги представляет собой историю основания колонии на Южной земле. Потерпевшие кораблекрушение путешественники оказываются в счастливой и благоденствующей стране Севарамб. Собственность у севарамбов отменена, через общественные склады всем обеспечен необходимый достаток, а труд обязателен для всех. В государстве Севарамб не существует привилегий рождения, но есть привилегии ума: правят в государстве лучшие, а идеальной формой правления объявлена монархическая власть.

Несмотря на генетическое родство «Истории севарамбов» с «Государством» Платона, «Утопией» Мора, «Новой Атлантидой» Бэкона и «Городом Солнца» Кампанеллы, в идеях Вераса обнаруживаются черты просветительской эпохи, что особенно проявляется в его рассуждениях о воспитании севарамбов. Согласно Верасу воспитание несет, прежде всего, охранительную функцию, защищая законы, нравы, спасая людей от политических заблуждений. «Хорошее воспитание очень часто исправляет, иногда и совсем заглушает порочные наклонности людей и развивает добродетельные» [13].

Процесс воспитания и формирования личности строится через систему общественных школ, под руководством лиц избранных и умелых, не побуждаемых ни любовью, ни ненавистью. Д. Верас отмечает, что детей часто портят родители, поэтому, проявив к ним свою первую нежность и любовь, они должны передать своих детей государству и должностным лицам, являющимся «политическими отцами родины». В общественных школах их в течение четырех лет учат повиновению законам, обучают читать и писать, танцевать и обращаться с оружием. После того как они физически окрепнут, их посылают в деревню, где в течение трех месяцев их учат земледелию, заставляя работать по четыре часа в день, при этом девочки учатся отдельно и освобождены от тяжелого физического труда. С момента достижения четырнадцатилетнего возраста детей обучают основам грамматики и заставляют избрать себе профессию. В случае если у них не оказывается должных способностей, то им предоставляется выбор стать либо земледельцами, либо каменщиками, что является основным занятием нации [14].

Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в утопии Вераса, подобно классическим утопиям, общественное объединение людей важнее отдельной личности. Как и первые утописты социалистического толка, Верас строит теорию государственного коллективизма, в которой общество и личность полностью растворены в государстве. Однако у Вераса мы встречаем мотивы автономной концепции личности – это духовная свобода, проявляющаяся в критике пуританского аскетизма, и роли религии на сущность человека. «История севарамбов» – первая открытая антирелигиозная утопия. Верас утверждает приоритет разума, а не божественного откровения. Таким образом, Верас – предвестник просветительской идеи разумной «естественной религии», что нашло дальнейшее отражение в философии эпохи Просвещения.

В отличие от первых социалистических утопий Т. Мора и Т. Кампанеллы, а также в отличие от демократических утопий начала XVII в., излагавшихся главным образом в форме романов-путешествий, качественно другой тип утопий был предложен основоположником научной педагогики, чешским писателем-гуманистом Яном Коменским (1592–1670). В своем произведении «Всеобщий совет» (1645 г.) Коменский разрабатывал утопическую социальную теорию, предлагавшую решение не отдельных общественных проблем, а всех задач человеческого общежития без единого исключения. Разрабатывая теорию всемирного общежития, не знающего войн и раздоров, Коменский не имел другой логической возможности, как только предназначить воспитывающее обучение всему и всесторонне всем, ибо каждый человек, чтобы сознавать себя составной частью человечества, должен изучить, понять, полюбить, уметь делать то же самое и притом в точности то же самое, что и любой другой человек во всех уголках земли. Философская позиция Коменского на процесс формирования личности неотрывна связана с его религиозно-утопическими воззрениями. В чем состоит утопичность мышления Коменского? Прежде всего, в стремлении к идеалам, способным сформировать подлинно образованных, благочестивых и мирных людей. Выдвигаемый им идеал – не «над» человеком, не «вне» человека, а внутри него. «Мы мечтаем об универсальном, всеобщем, полном исправлении всех, во всем, всесовершенно» [15]. Таким образом, идеал – это сам человек в развитом состоянии заложенных в нем природных дарований. Соответственно, путь достижения этого идеала – развитие природных дарований, их культивация, что само по себе уже утверждает и возможность, и необходимость, и перспективность воспитательного воздействия на человека.

Коменский полагает, что исправлению мешает въевшаяся привычка человека к злу, распадающаяся на три части: 1) беззаботность и косность; 2) предвзятое мнение о якобы уже достигнутых истине и благе и возникающая отсюда самоуверенность; 3) злое пристрастие ко всему своему и ненависть к чужому. Всю эту троицу надо полностью искоренить и превратить в свою противоположность, а именно: в 1) живейшее внимание ко всему происходящему; 2) тщательнейшую заботу о более истинном познании мира; 3) неустаннейшую волю и стремление к принятию улучшений [16]. Перечисляя правила совершенствования морали (сегодня они являются основными постулатами педагогической дидактики), Коменский приходит к важному выводу, касающемуся сущности человека вообще. Он полагает, что человеческая природа сотворена свободной, и она не терпит и не может терпеть принуждения, если не хочет разрушить себя, пребывая в равновесии со своим ближним, тоже во всех отношениях свободным. Равновесие это сводится к закону, который, оперируя понятием кантовской философии, известен как категорический императив или всеобщее правило нравственности: «поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой» [17].

Науку о формировании целостной, всесторонне развитой личности Коменский обозначает термином «пампедия». Ее цель состоит в единстве знания, единстве человечества и единстве человека. Если образование непрерывно и всеобщее, то значит личность формируется на всем протяжении своей жизни. Таким образом, взяв за основу принципы демократической утопии, Ян Коменский заложил основы науки о непрерывном образовании практически каждого человека в любом возрасте и любого социального положения.

Практически во всех произведениях новоевропейской утопии встречаются рассуждения о проблеме формирования и развития личности под воздействием целенаправленного обучения. Тезис о том, что образование является своего рода утопией, необходимой обществу, по-видимому, впервые был осознан (хотя и в неявном виде) именно европейскими утопистами XVI–XVII вв. Мы должны согласиться с тем, что утопии необходимы обществу, поскольку в них кристаллизуется социальный идеал будущего, пути к которому еще не выработало настоящее. «Невозможно представить общество без социального института образования, так же невозможно избавиться от утопий в процессе формирования личности. Поэтому образование – необходимая утопия, реализуемая в стремлении человека к идеалам равенства возможностей [18]. Таким образом, цели современного образования вполне соотносятся с утопическими мечтами – это создание совершенного образа мира, взаимопонимание между людьми, обновление повседневной жизни.

Сегодня существуют проблемы взаимодействия философских доктрин (в том числе утопических проектов), ориентированных на формирование и воспитание личности, и самой практики, в том числе образовательной. Например, эффективность советского образования можно объяснить утопическим горизонтом ее задач, например, таким как «кодекс строителя коммунизма». Следует признать, что в современном российском образовании подобные цели отсутствуют. В современном мире царит анархия индивидуальных интересов. Требуется замена личных интересов пониманием того, что следует осуществлять утопии, необходимые обществу. Однако людям, получающим образование, наверное, трудно представить, что их готовят не к достижению жизненных целей, а к осуществлению утопии, необходимой обществу [19].

Перейдем к некоторым выводам. Измерять время, в котором жили люди, мерками других эпох вряд ли правильно и зачастую ведет к ошибкам. Поэтому дать взвешенную оценку утопии, без учета конкретных исторических условий ее создания, достаточно сложно. Европейские утопии XVI–XVII вв. стали важной модификацией взглядов на природу и сущность человека. Под влиянием политических, экономических, социальных и культурных изменений в традиции классической европейской утопии были выработаны характерные черты, отличающие их от последующих утопических мечтаний. Как мы отмечали, утопии Нового времени носят ретроспективный характер. Критикуя существующие порядки, идеалы личного счастья человека авторы утопий видели в прошлом – это могли быть призывы к возврату к «дионисийству» (Ф. Рабле) либо к добродетелям христианства (Д. Савонарола).

Конечная цель новоевропейских утопий – это создание человека совершенного, а не человека счастливого. В них не идет речь о преобразовании в мышлении и самоощущении человека, нет конкретных рецептов по достижению внутренней гармонии личности. Отсюда такое пристальное внимание к совершенствованию условий жизни человека, среды, которая

его окружает. Достижение идеала направлено на внешнюю, предметную сторону человеческой жизни, поэтому почти в каждой утопии рассматривается проблема воспитания и образования личности. При этом для классических утопий свойственен жесткий морализм, что проявляется в унифицированных правилах человеческого общежития. В целом идеал личности в контексте новоевропейской утопии – это не идеал героя, а идеал просвещенного обывателя. В них совершенно отсутствует романтическая патетика или революционные призывы. Наконец, по мнению известного западного исследователя Л. Сарджента, «в классической утопии нравственный идеал трансцендентен, первичен, а социальная организация вторична, она служит только цели реализации этого трансцендентного идеала. В современной утопии главное – разумная организация. Она и есть нетрансцендентный утопический идеал» [20].

Характерной чертой всех утопий является уверенность в том, что в будущем времени все люди должны быть одинаково счастливы. Это означает, что все должны одинаково понимать ценности красоты, блага, добра. Безусловно, вопрос выбора жизненных ценностей индивидуален, поэтому сложно проследить изменения в сознании конкретного человека с помощью рецептов утопистов. Однако положительная черта любой утопии состоит в том, что она позволяет проследить эволюцию человеческих идеалов в их взаимоотношениях с изменяющейся действительностью. Утопии исчезают и возрождаются снова и снова – в политических идеологемах, технологиях, предсказаниях фантастов. Многие исследователи утопий указывают на их опасность, или, по крайней мере, на их совершенную бесполезность. Трагедии XX в., казалось бы, должны были навсегда покончить с утопиями как с иллюзионизмом, приводящим к опасным последствиям. Н. А. Бердяев писал, что «утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать их окончательного осуществления» [21]. Примечательно, что и судьбы большинства авторов утопий глубоко трагичны (Д. Савонарола, Т. Мор, Т. Кампанелла, А. Сен-Симон и т. д.). Очевидно, чем утопичнее планы авторов по преобразованию общества, тем жестче общество сопротивляется им. Однако, на наш взгляд, утопии-рефлексии, утопии просветительского толка, а не политической направленности, всегда необходимы обществу, особенно если оно находится в состоянии кризиса. Вот почему призыв покончить с утопиями – есть настоящая утопия; наверное, в этом значении А. Франс высказался о том, что без утопий «люди все еще жили бы в пещерах, нищие и нагие... Утопия – это принцип любого прогресса, стремление к лучшему будущему» [22].

Примечания

1. Лем С. Фантастика и футурология: в 2 т. Т. 2. М., 2004. С. 290.
2. Mumford L. Utopia: The City and the Machine. Boston, 1965. Vol. 94. № 1. P. 171–283.
3. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1994. С. 52.
4. Донских О. А., Шатула Т. Г. Утопия и формирование личности // Утопия и образование: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Томск, 2011. С. 72.
5. Мор Т. Утопия. М., 1953. С. 154.
6. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., 2006. С. 136.
7. История французской литературы: в 4 т. Т. 1. М.; Л., 1946. С. 267.
8. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 589.
9. Там же. С. 554.
10. Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М., 2002. С. 546.
11. Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1947. С. 54.
12. Там же. С. 42.
13. Верас Д. История севарамбов. М., 1956. С. 298.
14. Там же. С. 299.
15. Коменский Я. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 456.
16. Там же. С. 459.
17. Там же. С. 466.
18. Делор Ж. Образование: необходимая утопия // Педагогика. 1998. № 5.
19. Мелик-Гайказян И. Введение и абрис проблемы «Утопия образования» // Утопия и образование. С. 10.
20. Sargent L. Introduction // British and American Utopian Literature. Boston. 1978. С. 13.
21. Бердяев Н. А. Новое Средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 121.
22. Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 38.

Notes

1. Lem S. *Fantastika i futurologiya* [Fiction and futurology]: in 2 vols. Vol. 2. Moscow. 2004. P. 290.
2. Mumford L. *Utopia: The City and the Machine*. Boston, 1965. Vol. 94. No. 1. Pp. 171-283.
3. Shatsky E. *Utopiya i traditsiya* [Utopia and tradition]. Moscow. 1994. P. 52.
4. Donskykh O. A., Satula T.G. *Utopiya i formirovanie lichnosti* [Utopia and the formation of personality] // *Utopiya i obrazovanie: sb. tr. Mezhdunar. nauch. prakt. konf* – Utopia and education: Proc. of the Intern. scient. practical proc. Tomsk, 2011. P. 72.
5. Mor T. *Utopiya* [Utopia]. Moscow. 1953, p. 154.
6. F. Rabelais *Gargantuya i Pantagryuehl'* [Gargantua and Pantagruel]. Moscow. 2006. P. 136.
7. *Istoriya frantsuzskoy literatury* [History of French literature]: in 4 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad. 1946. P. 267.
8. Losev A. F. *EHstetika Vozrozhdeniya* [The Aesthetics Of The Renaissance]. Moscow. 1978. P. 589.
9. Ibid. P. 554.
10. Villari P. *Dzhirolamo Savonarola i ego vremya* [Girolamo Savonarola and his time]. Moscow. 2002. P. 546.
11. Campanella T. *Gorod Solntsa* [The City Of The Sun]. Moscow. 1947. P. 54.
12. Ibid. P. 42.
13. Veras D. *Istoriya sevarambov* [The History of sevarambs]. Moscow. 1956. P. 298.
14. Ibid. P. 299.
15. Kamensky Ya. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected pedagogical works]: in 2 vols. Vol. 2. Moscow. 1982. P. 456.
16. Ibid. P. 459.
17. Ibid. P. 466.
18. Delor J. *Obrazovanie: neobkhodimaya utopiya* [Education: the necessary utopia] // *Pedagogika – Pedagogy*. 1998, No. 5.
19. Melik-Gajkasan I. *Vvedenie i abris problemy «Utopiya obrazovaniya»* [Introduction and outline of the problem «Utopia education»] // *Utopiya i obrazovanie.* – Utopia and education. P. 10.
20. Sargent L. *Introduction* [Introduction] // *British and American Utopian Literature* – British and American Utopian Literature. Boston. 1978. S. 13.
21. Berdyaev N. A. *Novoe Srednevekov'e. Razmyshlenie o sud'be Rossii i Evrop* [The New Middle Ages. Thinking about the fate of Russia and Europe]. Moscow. 1991. P. 121.
22. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie* [Utopia and utopian thinking]. Moscow. 1991. P. 38.

УДК 130.2 “-18”

Н. И. Тюленева

Формирование понятия культурного ландшафта в контексте природного детерминизма

В статье рассматриваются учения зарубежной истории философии о влиянии природных условий (природного ландшафта) на формирование культурной идентичности территории (культурного ландшафта) с точки зрения географического детерминизма.

The article examines overseas teachings of the history of philosophy on the influence of natural conditions (natural landscape) on the formation of the cultural identity of the territory (cultural landscape) in terms of geographic determinism.

Ключевые слова: природа, ландшафт, культура, культурный ареал.

Keywords: nature, landscape, culture, cultural area.

«Культурный ландшафт» – это междисциплинарное понятие и предмет научного исследования многих наук (географии, истории, антропологии, лингвистики и т. д.). Задача культурологического исследования данного явления состоит в синтезе знаний, накопленных в этих науках. На наш взгляд, корни феномена «культурный ландшафт» в первую очередь необходимо искать в представлениях о культуре, этносе и природе в истории философии.

фии. Именно знания, накопленные в области философии, представляют собой существенную часть современного культурологического знания и имеют первоочередное значение для нашего исследования.

Предпосылки к становлению в XX в. понятия «культурный ландшафт» мы можем найти в зарубежной философской мысли, начиная с развития мысли о природном детерминизме античных времен (так как основной является проблема соотношения понятий «природа» и «культура»).

В рамках природного детерминизма культурное многообразие рассматривается как следствие тех природных условий, которые носят определяющий характер в процессе становления и развития народа (этноса). Зачатки развития идей природного детерминизма мы можем найти в трудах античной науки.

Гиппократ подчеркивал, что «большой частью формы людей и нравы отражают природу страны» [1], Аристотель писал, что «племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностями к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии» [2], Полибий главенствующее значение в формировании свойств народов отдавал климатическим условиям, он писал: «Природные свойства всех народов неизбежно складываются в зависимости от климата. По этой, а не по какой-либо иной причине народы представляют столь резкие отличия в характере, строении тела и в цвете кожи, а также в большинстве занятий» [3].

Ж. Боден в XVI в. в своих работах концептуально развил идеи географического детерминизма о предопределении специфики черт национального характера и различных сфер жизни государств климатом (при этом выделяя три климатические зоны: южная, умеренная и северная) и природными условиями (характером местности и качеством почвы). Ж. Боден впервые вводит деление на Восток (приравнивая его к югу) и Запад (к северу) и согласно этому делению характеризует свойства характера людей, населяющих ту или иную область [4]. Боден заключает, что южане имеют больше тепла от солнца, но меньше внутреннего тепла. Северяне поддерживаются своим внутренним жаром, что делает их более сильными и активными, чем южане. Южане более склонны к размышлению, северяне – к ручным ремеслам и изобретениям, люди среднего района – к устройству различного рода общественных дел. Жители плодородных земель словно предназначены для роскоши. Люди, населяющие бесплодные места, – доблестные солдаты и умелые работники. Так, например, бесплодная равнина Аттики заставила афинян изобрести искусство [5].

Проблему природного детерминизма также рассматривали Ф. Бэкон, У. Темпл, Б. Фонтенель.

Интерес для нашего исследования представляют работы Ж.-Б. Дюбо, который рассматривал не историю человечества в целом, а историю искусства, которую он делит на периоды расцвета и периоды упадка. Причины, которые лежат в основе смен этих периодов, он видел в природных условиях, а именно в климате и качестве воздуха: «Причины перемен, происходящих в нравах и одаренности жителей разных стран, следует искать в изменениях, затрагивающих свойства тамошнего воздуха [качества крови, питающей наши органы и поставляющей им в течение детства и юности материал, нужный для их роста, во многом зависят от воздуха, которым мы дышим], подобного тому как отличия между характерами разных народов принято объяснять разницей между свойствами воздуха их стран. Подобно тому как разницу, которая замечается между итальянцами и французами, приписывают различию между воздухом Италии и воздухом Франции, так и существенное различие, которое ощущается между нравами и одаренностью Французов в разные эпохи, следует приписать изменению свойств воздуха Франции» [6]. Так, изменения нравов народов являются результатом изменения различных качеств воздуха.

Ш. Монтескье, вслед за Ж. Боденом и Ж.-Б. Дюбо, писал о влиянии климата, рельефа местности и о характере почвы: «...есть страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством» [7], «...в Азии всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удерживаться» [7].

жаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнины гораздо обширнее, и она разрезана горами и морями на более крупные области; а поскольку она расположена южнее, то ее источники скорее иссякают, горы менее покрыты снегом и не очень многоводные реки составляют более легкие преграды. Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотической, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое, однако, с естественным разделением страны» [8], «бесплодная почва Аттики породила там народное правление, а на плодородной почве Лакедемона возникло аристократическое правление» [9].

У данных ученых были и оппоненты. Так, по мнению Дж. Миллара, природный детерминизм вышеизложенных авторов мог объяснить особенности общественного строя, но раскрыть причины развития общества был не в состоянии [10]. Так, Дж. Миллар писал: «Как много наций может быть найдено, где ситуация с точки зрения климата совершенно одинакова, а характер и политические институты, однако, полностью противоположны? Сравните, в этом отношении мягкость и умеренность китайцев с грубыми правами и нетерпимыми принципами их соседей в Японии. Что за контраст проявляют народы, жившие рядом, такие как афиняне и лакедемонцы? Может ли быть принято, что различие между климатом Франции и Испании, между Грецией и соседними провинциями Турецкой империи ответственны за различные обычаи и нравы их нынешних обитателей? Как возможно объяснить национальные особенности, которые отличают англичан, ирландцев и шотландцев, различной природной температурой, при которой они живут? Различные нравы народа в той же самой стране, но в различные периоды не менее знаменательны, и дают свидетельства еще более убедительные, что национальный характер мало зависит от непосредственного воздействия климата. Нынешние обитатели Спарты живут под влиянием тех же самых физических условий, что и во время Леонида. Современные итальянцы живут в стране древних римлян» [11].

Развитие природного детерминизма нашло свое отражение в трудах антропогеографической школы в конце XIX–XX в. в научных взглядах Ф. Ратцеля о взаимодействии природы и культуры. Он анализировал воздействие климата в развитии человечества и отмечал связь между потребностями и психологическими склонностями человека (которые обуславливают климат (природа), т. е. географическое расположение обитания народа) и практикой использования культурных предметов. Ф. Ратцель формулирует и развивает тезис о том, что распространение человеческих рас, форм брака, развитие браков, общественного труда и хозяйственных форм связаны во многом с природно-климатическими условиями, при этом не отрицая «теллурический признак» (единство человеческого рода). Например, по Ф. Ратцелю, именно климатические особенности определяют различия характеров между жителями Прованса (Средиземноморский климат) и жителями Бретани или Нормандии (климат южной Англии). Климат диктует разнообразие флоры и фауны, хозяйственные формы (континентальный климат – кочевничество, сырой климат – земледелие), а следовательно, и образ жизни человека. Интересно заключение Ф. Ратцеля о том, что температурные колебания благоприятствуют развитию культуры, обмену веществ и развитию ума, тропический климат, напротив, действует усыпляюще вследствие малых колебаний температуры. Так, главными характеристиками Ф. Ратцель считал площадь территории, географическое местоположение и границы, типы почвы и флору, соседние населенные земли и моря.

Таким образом, природа – это рамки, в которых развивается этнос, и по мере этого развития природа (как географическое понятие) перерастает в культурную, духовную величину в истории народа. Ратцель формулирует концепцию диффузионизма, т. е. распространение созданных в некоей географической зоне культурных предметов, которое является главным двигателем историко-культурного процесса, это распространение культуры происходит в результате контактов между различными народами (переселений, войн, торговли и т. п.), история человечества является процессом столкновения, взаимодействия и переноса культур. В историческом ходе событий эволюция и диффузия взаимодействуют и переплетаются. Многие мощные центры культуры возникают при столкновении различных культурных «потоков», каждая культура несет в себе следы многочисленных влияний иных культур [12].

Заметим, что у Моргана также были идеи о признании роли миграции, переноса культурных изобретений из одного общества в другое. Главный упрек в адрес эволюционистов со стороны диффузионистов заключался в том, что культуры народов не могут развиваться по

одному сценарию, так, совершенно очевидно, что ряд африканских племен перешли сразу из каменного века в железный, минуя бронзовый. Однако, как показывает Л. Уайт, эволюционизм и не отрицает возможность диффузии. Эволюционизм показывает, что культурные явления как таковые: письменность, металлургия, земледелие и т. д. – развиваются по определенным стадиям, что совершенно не исключает того факта, что конкретные народы благодаря культурным контактам могут многое заимствовать друг от друга и миновать конкретные стадии развития культурных явлений или стадии развития обществ.

Наряду с Ратцелем разрабатывал концепции диффузионизма и культурных кругов Л. Фробениус, они в дальнейшем были подхвачены Ф. Гребнером, Б. Анкерманом и получили широкое распространение. Фробениус понимал под культурным кругом не простой набор явлений культуры, а целостный комплекс. В своей работе «Происхождение африканских культур» он выделил «западноафриканский культурный круг», определил его ареал (природный ландшафт) – бассейн реки Конго, побережье Нижней и Верхней Гвинеи – и вычленил общие признаки материальной культуры Новой Гвинеи и других областей Меланезии (например, прямоугольные дома с двухскатной крышей, плетельный щит, музыкальные инструменты со струнами из растительных волокон, маски), на основании чего сделал вывод о едином начале происхождения народа, населяющего данную территорию [13].

Особенный интерес для нашего исследования представляет морфология культуры Л. Фробениуса, согласно которой культура имеет свою «анатомию», «физиологию» и мистическое начало – «душу» («*raideuma*»). При этом народ не создает культуру, а культура, имея свою душу, формирует человека. Культура рождается из природных условий. Культура – «живое» существо и имеет свой возраст (детство, для которого характерны демонология и мифология культуры; юность – эпоха возникновения великих религий (зороастризма, буддизма и т. п.); зрелость – время возникновения философии, разрушившей гармонию между человеком и миром; старость – эпоха науки и техники, время материализма индустриальных обществ). Фробениус различал две первичные культуры: матриархальную, в основе которых лежит растительное начало и единство с природой, мировоззрение просторов и эмоций (русские, немцы и африканские народы), и патриархальную, которой присуще мировоззрение «из пещеры», активность в покорении природы, животное начало, рациональность и магия (англосаксы, арабы-берберы, романские народы и др.). Эти культуры не находятся в стагнации, а попеременно доминируют друг над другом, именно этот процесс является источником развития человечества. Л. Фробениус пришел к выводу, что кардинально отличные друг от друга формы культуры являются порождением одного и того же начала, тождественны в своей сущности и принципах функционирования [14]. Следует отметить, что в дальнейшем философия Л. Фробениуса оказала значительное влияние на философско-исторические построения морфологии культуры О. Шпенглера.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. появляется важное с точки зрения методологической и теоретической баз исследования культурного ландшафта явление – культурные круги, т. е. культурная область с целостным комплексом явлений культуры, характерных для определенной местности. Сегодня это явление мы можем с достаточной уверенностью называть «культурным ландшафтом».

Примечания

1. Гиппократ. О воздухах, водах и местностях // Избранные книги. М., 1994. С. 304.
2. Аристотель. Политика // Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 601.
3. Полибий. Всеобщая история. Т. I. СПб., 1994. С. 363.
4. См.: Боден Ж. Метод лёгкого познания истории / пер. М. С. Бобкова. М., 2000. 416 с.; Боден Ж. Шесть книг о государстве // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2. М., 1999. С. 689–695.
5. См.: Семенов Ю. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
6. См.: Дьюбо Ж.-Б. Критические размышления о поэзии и живописи. М., 1976. С. 391.
7. См.: Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М., 1955. С. 366.
8. Там же. С. 391.
9. Там же. С. 392.
10. Цит. по: Семенов Ю. Философия истории.
11. Там же.
12. См.: Ратцель Ф. Человек как жизненное явление на земле. 2-е изд. М.: Либроком, 2011. 58 с. (Академия фундаментальных исследований: этнология).

13. Бюттнер Т. Лео Фробениус – исследователь Африки: достижения и заблуждения // Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М., 1985.
14. См.: Семенов Ю. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

Notes

1. Hippocrates. *O vozdukhakh, vodakh i mestnostyakh* [On the air, waters and places] // *Izbrannye knigi* – Selected books. Moscow. 1994. P. 304.
2. Aristotle. *Politika* [Policy] // Works: in 4 vols. Vol. 4. Moscow. 1983. P. 601.
3. Polybius. *Vseobshchaya istoriya* [Universal history]. Vol. I. SPb. 1994. P. 363.
4. See: Boden G. *Metod lyogkogo poznaniya istorii* [Easy method of learning history], transl. M. S. Bobkov. Moscow. 2000. 416 p.; G. Boden *Shest' knig o gosudarstve* [Six books of the state] // *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli* – Anthology of world political thought: in 5 vols. Vol. 2. Moscow. 1999. Pp. 689-695.
5. See: Semenov Yu. *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. Moscow. *Sovremennye tetradi*, 2003. 776 p.
6. See: Dubo J.-B. *Kriticheskie razmyshleniya o poezii i zhivopisi* [Critical reflections on poetry and painting]. Moscow. 1976. P. 391.
7. See: Montesquieu Ch. *Montesk'e SH. O dukhe zakonov* [About the spirit of the laws] // Selected works. Moscow. 1955. P. 366.
8. Ibid. P. 391.
9. Ibid. P. 392.
10. Cit. on: Yu. Semenov *Filosofiya istorii* [Philosophy of history].
11. Ibid.
12. See: Ratzel F. *CHelovek kak zhiznennoe yavlenie na zemle* [Human as a vital phenomenon on earth]. 2nd ed. Moscow. Librokom. 2011. 58 p. (Academy of fundamental research: Ethnology).
13. Buettner T. *Leo Frobenius – issledovatel' Afriki: dostizheniya i zabluzhdeniya* [Leo Frobenius – Explorer of Africa: achievements and errors] // // *Izuchenie istorii Afriki. Problemy i dostizheniya* – The study of the history of Africa. Problems and achievements. Moscow. 1985.
14. See: Yu. Semenov *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. Moscow: *Sovremennye tetradi*, 2003. 776 С.

УДК 316.4

О. В. Устинова, С. В. Дейнеко

Оценка уровня духовно-нравственного развития общества

Средства массовой информации являются чрезвычайно значимым институтом социализации, способным трансформировать общественные ценности. В статье представлены результаты социологического исследования роли средств массовой информации в духовно-нравственном развитии современного общества.

Mass media are the most significant means of socialization capable to transform social values. The paper gives the results of social study on the role of mass media in spiritual-moral development of contemporary society.

Ключевые слова: общество, духовно-нравственное развитие общества, ценности, социализация, средства массовой информации.

Keywords: society, spiritual-moral development of society, values, socialization, mass media.

Духовно-нравственное развитие общества в условиях социальных изменений может протекать вполне успешно, если рассматривать человека как высшую ценность, а идеи антропоцентризма и гуманизма – основой общественных процессов. Переход к прогрессивному информационному обществу не исключает, что средства массовой информации могут стать доминирующим агентом социализации личности, тем более что важным атрибутом информационного общества выступает так называемое «информационное сознание», которое является продуктом нарастающей информатизации и лежит в основе глобального информаци-

онного пространства. Нельзя не согласиться на этот счет с Л. Г. Исаевой, что средства массовой информации «являются наиболее доступным и влиятельным механизмом формирования личности» [1].

С целью выявления роли средств массовой информации в духовно-нравственном развитии современного общества авторами был проведен социологический опрос жителей городов Тюменской области (без автономных округов). Выборка включала 264 мужчины и 272 женщины (49,3 и 50,7% соответственно). Относительное большинство респондентов (59,0%) представлено молодежью (лицами в возрасте до 35 лет).

Формирование выборки осуществлялось случайным образом на основании списков с шагом, величина которого определялась для каждого населенного пункта пропорционально общей численности жителей в возрасте 18 лет и старше.

На первом этапе исследования респондентам были заданы вопросы, позволяющие установить иерархию их ценностей. Результаты опроса показали, что в числе безусловных ценностных приоритетов жителей Тюменской области находятся образованность (63%) и здоровье (63%). Однако лидирующая позиция «достаток» (68,3%) заставляет более детально рассмотреть полученные результаты. Так, 40,8% респондентов постулируют высшей ценностью «обретение достатка» (табл. 1).

Таблица 1

Распределение жизненных ценностей (приоритетов) респондентов

Ценность (приоритеты)	Позитивные			Нейтральные	Негативные		
	Ранг	Очень важно	Важно	Не очень важно	Неважно	Неприемлемо	Ранг
Иметь достаток	1	40,8	27,5	17,4	14,2	0,0	15
Быть образованным	2	38,6	24,4	27,5	9,5	0,0	17
Быть здоровым	3	34,2	28,8	23,7	13,3	0,0	16
Иметь детей	4	15,5	36,4	31,3	3,8	13,0	14
Иметь друзей	5	13,9	37,7	15,2	33,2	0,0	8
Иметь личную свободу	6	20,3	29,4	25,6	24,7	0,0	11
Быть уважаемым	7	20,6	28,5	20,3	30,7	0,0	9
Иметь семью	8	18,7	27,8	36,7	10,8	6,0	13
Жить верой	9	11,7	25,9	21,2	41,1	0,0	6
Обрести признание	10	13,0	19,0	47,8	20,3	0,0	12
Помогать другим	11	6,6	22,2	31,0	32,3	7,9	7
Получать помощь от других при необходимости	12	2,8	20,3	27,8	44,0	5,1	5
Жить трудом	13	8,9	12,3	14,9	35,8	28,2	1
Быть любимым	14	5,1	15,5	50,3	28,2	0,9	10
Быть терпимым к людям другой веры	15	7,9	10,8	29,7	28,5	23,1	3
Нести ответственность	16	1,6	14,2	29,4	27,5	27,2	2
Состоять в браке	17	5,4	6,0	38,9	19,9	29,7	4

Можно предположить, что многие из перечисленных приоритетов рассматриваются респондентами как производные от достатка, что в некоторой степени отводит на второй план выводы о меркантильности современного российского общества. Так, возможно, образование, здоровье, наличие семьи и детей, уважение, социальный статус индивида и т. д. ставятся ими в зависимость от собственного благосостояния.

Полученные результаты соотносятся с мнением Архиепископа Тобольского и Тюменского Дмитрия, по мнению которого, «молодое поколение разделяет совершенно иные ценностные ориентиры: для одних – это отдых и развлечения; для других – красивая и комфортная жизнь, для третьих – собственное благополучие и карьера, для четвертых – главными остаются ценности благополучия своей семьи, здоровья, хорошей оплачиваемой работы» [2].

Анализируя результаты опроса, нельзя не обратить внимание на девальвацию целого ряда общечеловеческих ценностей, таких как семья, труд, взаимопомощь, ответственность. В наибольшей степени обесценившимся предстает институт брака, поставленный респондентами на последнее место в рейтинге: лишь 11,4% респондентов считают брак важным и очень важным, а 29,7% – неприемлемым. Это отчасти объясняет такое распространенное яв-

ление, как гражданский брак. Все больше семей образуется самопроизвольно, без регистрации государством, и так же спонтанно распадается. Так, например, в 2010 г. в России на 1000 женщин в незарегистрированном браке состояли 87 (16,5%).

В списке ценностей, получивших «негативные» оценки, лидирует «труд» – 63,9% респондентов считают трудовую деятельность неважным или неприемлемым элементом их жизни.

Авторы рассматривают крайние варианты оценок («очень важно» и «неприемлемо») как радикальные. Так, высказывания некоторых респондентов в духе «уважение любой ценой», «дружба любой ценой» скорее свидетельствуют об определенных внутриличностных проблемах индивида, а не об отклонениях в духовно-нравственном развитии. То же самое можно сказать о негативных оценках относительно взаимопомощи (в сумме 13%).

Полученные результаты интересны также с позиции степени однородности или разобщенности регионального социума относительно оценки ценностей (рис. 1).

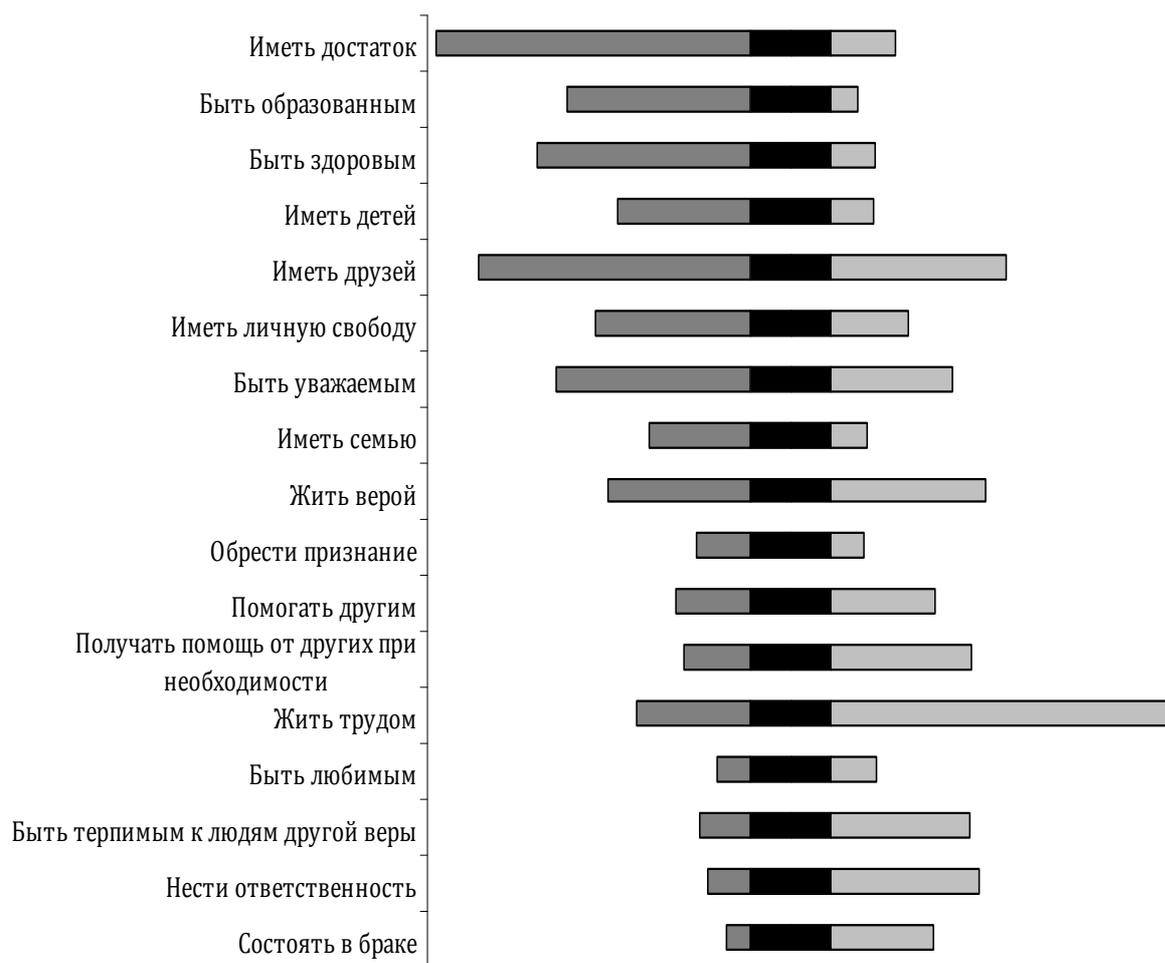

Рис. 1. Степень консолидации регионального социума по поводу оценки ценностей

На рис. 1 черным цветом представлена доля нейтральных оценок, слева от которой размещены положительные, а справа – отрицательные оценки респондентов. Представленные данные могут быть интерпретированы следующим образом: чем больше размер строки по сравнению с нейтральной оценкой, тем выше степень консолидации общества в оценке соответствующей ценности. Относительно одинаковые по размеру строки указывают на относительное равенство позиций, постулируя отсутствие в обществе консенсуса по обсуждаемому вопросу.

Авторы делают вывод, что в наибольшей степени респонденты единодушны в положительной оценке благосостояния, здоровья, образования и деторождения. Консолидация во-круг негативных оценок наблюдается в отношении института брака, труда, веротерпимости и

ответственности. Также обращает на себя внимание нарастающая тенденция индивидуализации, проявляющаяся в неготовности оказывать помощь и нежелании ее принимать. Настораживает тот факт, что почти половина населения не рассчитывает на помощь со стороны.

На втором этапе исследования оценивалось восприятие респондентами негативных социальных явлений (ложь, насилие, супружеская неверность и т. д.). В частности, интерес представляла их позиция по вопросу допустимости или недопустимости этих явлений и, как следствие, готовность поступиться моральными принципами при определенных обстоятельствах.

Респонденты проявили единогласие в негативной оценке такого «социального недуга», как оставление детей: не было зафиксировано ни одного варианта ответа «приемлемо» или «скорее приемлемо». В то же время аборт является приемлемым по мнению почти половины опрошенных женщин и мужчин (46,3 и 46,9% соответственно) (рис. 2.).

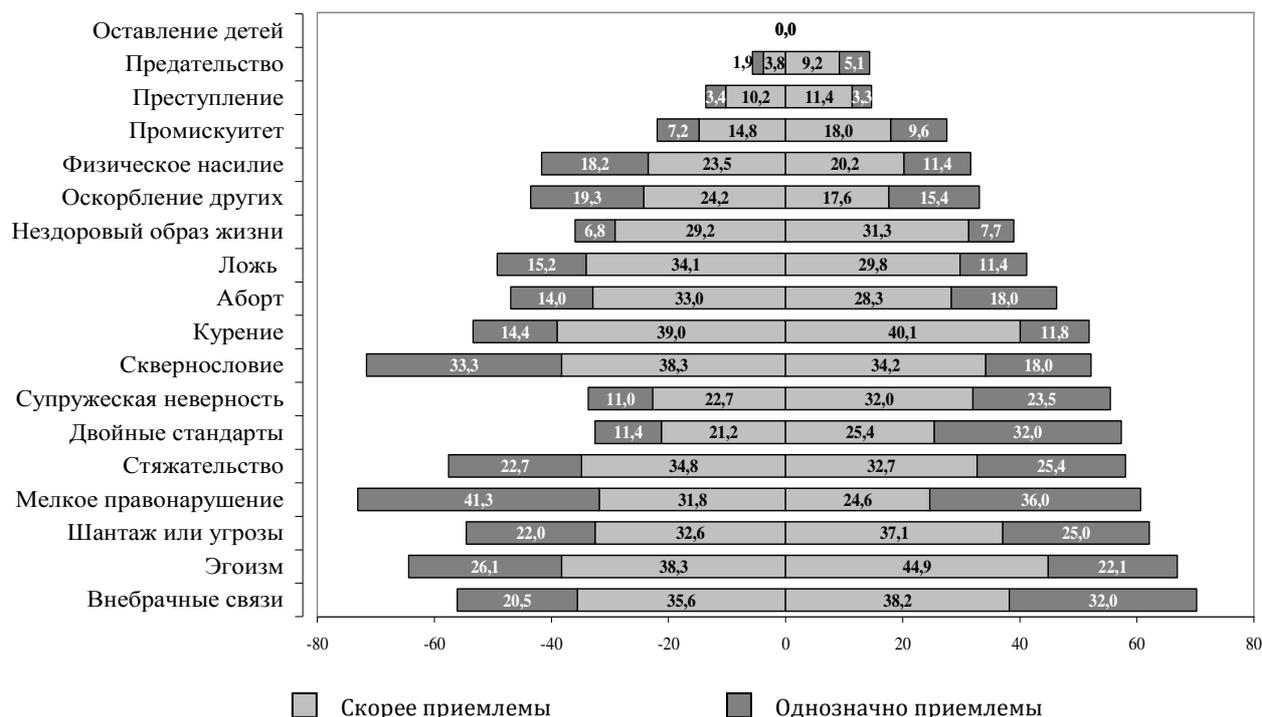

Рис. 2. Доля респондентов мужчин (слева) и женщин (справа), считающих приемлемыми негативные социальные явления

Среди женщин не особо значимыми с точки зрения общественно порицаемых явлений выделены внебрачные связи (70,2%), эгоизм (67,0%) и шантаж с угрозами (62,1%). Более половины мужчин считают приемлемыми внебрачные связи, курение, шантаж и угрозы, эгоизм и стяжательство, а женщин – мелкое правонарушение, стяжательство, двойные стандарты, супружескую неверность, сквернословие и курение.

Результаты опроса согласуются с результатами других исследований. Так, в 2008 г. председатель Комиссии Общественной палаты РФ по социальной и демографической политике А. В. Очирова на Парламентских слушаниях со ссылкой на Институт социологии РАН привела статистику, согласно которой «среди молодёжи 55% готовы переступить через моральные нормы для достижения успеха. От 30 до 50% молодёжи не считают неприемлемым проституцию, обогащение за счёт других, хамство, пьянство, взяточничество, аборт, супружескую измену, публичное проявление неприязни к другим национальностям» [3].

Таким образом, несмотря на то что ценность «жить верой» отнесена респондентами на девятое место «положительных ценностей», примерно четверть опрошенных допускают внебрачные связи, возможность применения угроз для достижения собственных целей, приемлют эгоизм, стяжательство и сквернословие.

На третьем этапе исследования авторы выявляли факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на систему ценностей респондентов. Для этого респонденты были разделены на людей с позитивной духовно-нравственной установкой (те, кто «не приемлют негативные социальные практики») и «людей с негативной духовно-нравственной установкой» (все остальные) (рис. 3).

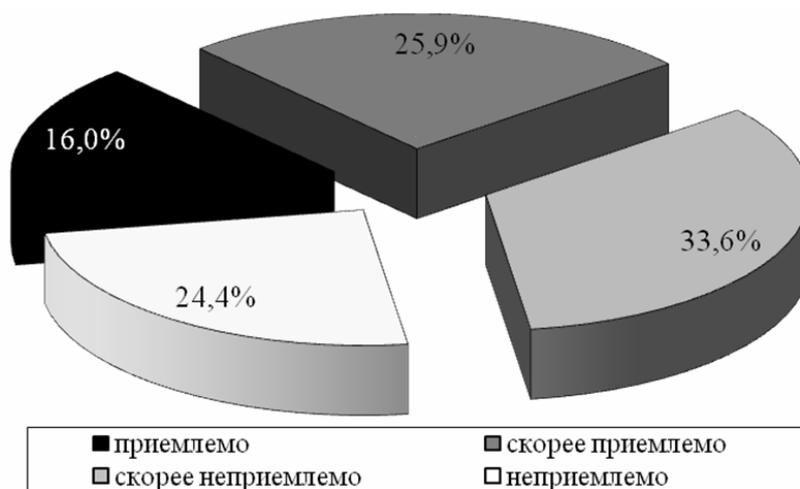

Рис. 3. Распределение респондентов относительно приемлемости негативных социальных практик

Респонденты с негативной духовно-нравственной установкой отметили как наиболее значимые следующие факторы (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос о факторах, оказавших наиболее существенное влияние на их систему ценностей

Факторы воздействия	Мужчины		Женщины		Всего	
	чел.	% к итогу	чел.	% к итогу	чел.	% к итогу
	% к муж.	Ранг	% к жен.	Ранг		
Респонденты с позитивной духовно-нравственной установкой						
Так принято в семье	59	11,0	50	9,3	109	20,3
	22,3	1	18,2	2		1
Влияние образования (школы)	48	9,0	53	9,9	101	18,8
	18,2	2	19,3	1		2
Живу по канонам религии	34	6,3	42	7,8	76	14,2
	12,9	3	15,3	3		3
Другие варианты	12	2,2	9	1,7	21	3,9
	4,5	4	3,3	4		4
Респонденты с негативной духовно-нравственной установкой						
Общественное мнение: «так все поступают»	25	4,7	21	3,9	46	8,6
	9,5	2	7,7	2		2
Так принято в семье	15	2,8	16	3,0	31	5,8
	5,7	4	5,8	3		3
Так поступают мои друзья	16	3,0	14	2,6	30	5,6
	6,1	3	5,1	4		4
Навязывают СМИ	51	9,5	63	11,8	114	21,3
	19,3	1	23,0	1		1
Другие варианты	4	0,7	6	1,1	10	1,9
	1,5	5	2,2	5		5
Итого	264		274		536	-

Представленные данные свидетельствуют, что наиболее значимыми с точки зрения воздействия на духовно-нравственное развитие общества факторами являются семья (26,1% от общего числа респондентов), средства массовой информации (21,3%) и школа (18,8%).

Среди респондентов с негативной духовно-нравственной установкой наиболее существенными являются такие факторы, как влияние средств массовой информации (21,3%) и влияние общественного мнения (8,6%). Автор полагает, что фактор «общественное мнение» отчасти целесообразно рассматривать как элемент воздействия средств массовой информации, в связи с тем что последние выступают средством транслирования и распространения ценностных установок среди социальных групп.

В заключение авторы делают следующие выводы. Среди ценностных ориентаций респондентов приоритеты отводятся благосостоянию и производным от него образованию и здоровью. Традиционные ценности, такие как семья, вера, труд, взаимопомощь и уважение, относятся большинством респондентов на второй план, что свидетельствует об «обнищании» духовных начал в развитии современного социума.

В структуре ценностей, разделяемых индивидами, в большей степени негативно воспринимаются труд, веротерпимость, брак и ответственность. Также выявлена девальвация института брака и некоторых общекультурных компонентов духовности и нравственности, таких, например, как вера.

Более половины опрошенных считают приемлемыми такие проявления бездуховности, как внебрачные связи, мелкие правонарушения, шантаж, эгоизм, супружеская неверность, сквернословие и т. д. При этом налицо ассимиляция двойных стандартов, характерных для общества с деградирующей нравственностью, проявление которой заключается в неприятии обществом предательства на фоне допустимости супружеской неверности. Общество сознательно или под воздействием сторонних сил претерпевает девальвацию и подмену общечеловеческих ценностей в угоду навязываемым извне стереотипам.

Выявленное нежелание помогать другим и получать помощь говорит о дискретизации общества. Нельзя не согласиться с тем, что духовно развитому обществу свойственны синергия и единство, тогда как отсутствие последнего является признаком его духовной деградации.

Наиболее значимую роль в навязывании негативных стереотипов поведения и в установлении новой «шкалы дозволенного» играют средства массовой информации, сила влияния которых соизмерима с институтом семьи и педагогическим воздействием.

Примечания

1. Исаева Л. Г. СМИ как фактор формирования духовной культуры российского общества: дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2005. С. 112.

2. Дмитрий, Архиепископ Тобольский и Тюменский. Нравственность как основа образования // Сибирская православная газета. 2008. 12 сент. URL: <http://ihtus.ru/112008/st03.shtml>.

3. Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей на тему «О концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей в РФ и защите их нравственности». 2008. 01 июня URL: <http://www.detirossii.ru/13124.php>.

Notes

1. Isaeva L.G. *SMI kak faktor formirovaniya dukhovnoy kul'tury rossiyskogo obshchestva: dis. ... kand. filol. nauk* [The media as a factor of formation of spiritual culture of the Russian society: dis. ... candles. phil.sci.] Ufa. 2005. P. 112.

2. Dmitri, Archbishop of Tobolsk and Tyumen. *Nravstvennost' kak osnova obrazovaniya* [Morality as the basis of education] // *Sibirskaya pravoslavnyaya gazeta* – Siberian Orthodox newspaper. 2008, 12 Sep. Available at: <http://ihtus.ru/112008/st03.shtml> (in Russ.).

3. Transcript of parliamentary hearings of the State Duma Committee on family, women and children on the theme «On the concept of state policy in the field of spiritual and moral education of children in the Russian Federation and the protection of their morals». 2008. 01 June. Available at: <http://www.detirossii.ru/13124.php> (in Russ.).

Ценностная переориентация властной элиты в дискурсе страновой идентификации

В статье рассматривается проблема ценностной переориентации властной элиты, к которой общество относится по-разному, в зависимости от уровня его развития. Оперативность в ценностной переориентации властной элиты является показателем её мобильности и эффективности.

Поскольку ценностная переориентация включает в себя инструментальный аспект, то она играет важную роль в современной общественно-политической жизни.

In article the problem of valuable reorientation of imperious elite which the society concerns differently, depending on level of its development is considered. Efficiency in valuable reorientation of imperious elite is an indicator of its mobility and efficiency.

As valuable reorientation includes tool aspect she plays the important role in a modern political life.

Ключевые слова: ценностная переориентация, властная элита, региональная, общественное мнение, эволюция.

Keywords: valuable reorientation, imperious elite, regional, public opinion, evolution.

Ценностная переориентация властной элиты, как и её ценностная ориентация, обусловлены сменой ценностей и приоритетов в обществе. Властная элита в институте власти выполняет множество функций – управленческих, инструментальных. От характера функционирования зависит сущность эволюции власти и общества. Но если эволюция власти в современном обществе происходит в цивилизационном дискурсе, то властная элита характеризуется в дискурсе страновой идентификации.

Социолог и политолог Г. Моска предложил такую концепцию политической элиты как субъекта политического процесса: «Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и заканчивая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей – класс, который правит, и класс, которым правят...» [1] Далее он пишет: «Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть, в то время как другой, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым, причем таким способом, который обеспечивает функционирование политического организма... В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего (или политического класса)» [2].

Сегодня выделяют внутри этого правящего класса властную элиту, механизм формирования которой характеризует состояние общества. Но в данном случае речь идет о причинах ценностной переориентации властвующей элиты, сыгравшей важнейшую роль в консолидации общества. Р. Миллс фокусирует внимание на властвующей элите как субъекте политического процесса, подчеркивая, что она может использовать рациональные средства для достижения иррациональных целей [3].

При изменении вектора политического развития важную роль играет ценностная переориентация властной элиты. Общество внимательно наблюдает за изменениями во властной элите, и характер его реакции зависит от его же ментальности и действий элиты. В демократических обществах оно считает возможным делиться своими достижениями на благо общества, используя правила конкуренции.

Российские социологи и политологи (О. П. Гаман-Голутвина [4], Ю. С. Пивоваров, А. И. Соловьев и др.) проанализировали роль политической элиты в подготовке и проведении реформ. Вопросы мобильности и эффективности властной (всех уровней) элиты широко обсуждаются в научном обществе. Фактором мобильности и эффективности властной элиты является её способность адаптироваться к меняющимся условиям функционирования [5].

О ценностной ориентации политической элиты писали Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, российские исследователи П. Г. Юлдашев [6], А. Ю. Мельвиль и др.

Э. Дюркгейм пишет: «В данном обществе каждый предмет обмена имеет во всякий момент определенную ценность, которую можно было бы назвать общественной ценностью. Она представляет количество заключенного в нем труда» [7]. Социолог вводит понятия *моральная ценность, социальная ценность* и т. п. Социальные ценности выполняют определенную функцию в нормативной системе культуры.

На важную роль ценностной ориентации указывают другие зарубежные и отечественные исследователи [8]. С развитием общества происходит ценностная переориентация, являющаяся приоритетной в философии власти. Властная же элита должна адаптироваться к изменившимся условиям.

Каждому обществу свойственна система нравственных норм и ценностей, являющаяся составляющей духовной жизни данного социума. Нравственные ценности включают в себе общественное мнение, выражающее сложившееся в данной нации и государстве представление о высших ценностях бытия, добра и зла, справедливости и несправедливости.

Проблема политической идентификации в условиях трансформации общества в исследованиях О. В. Поповой [9] и других для властной элиты становится дилеммой в дискурсах цивилизационном либо страновой идентификации. Властная элита, выступающая в защиту национальных интересов, вступает в плоскость ценностной переориентации. На ценностную переориентацию элиты оказывает влияние смена ценностных ориентаций общества.

В свое время Н. А. Бердяев отметил, что происходящая в мире демократическая революция не оправдывает себя высокой ценностью и высоким качеством культуры, которую она несет с собой в мире [10]. Также отмечает, что по причине всеобщей демократизации культура принижается в своем качестве и в своей ценности: «Она делается более дешевой, более доступной, более комфортабельной, и более простой, пониженной в своем качестве» [11].

В современных западных обществах достаточно четко обозначена ценностная переориентация – с таких ценностных градаций, как «уровень жизни», «качество жизни» к приоритетности «устойчивого развития». В конце 80-х гг. XX в. в общественном сознании многих советских людей закрепилось неприятие многих советских традиций. О необходимости реформ говорил новый и последний Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. Речь шла об обновлении ценностей советского периода, но лидеры демократического движения выступали за кардинальное обновление. Многотысячные митинги в Москве и во многих регионах СССР взывали к переменам. Но каким? Большинство людей поверили в быстрое улучшение жизни с отмены 6-й статьи в Конституции СССР. Произошедшее разочарование проявилось уже в начале 90-х гг. Ценностная переориентация репрезентативной части российского общества после трудных 90-х с либеральной модели развития на традиционную, матричную, модель предопределила ценностно-нормативную переориентацию власти, начавшуюся с начала 2000-х гг. в дискурсе страновой идентификации (национальной и региональной). Дискуссии о стратегии российского развития завершились аналитическими проектами [12].

В современном обществе (особенно в странах, вступивших на путь демократического развития после окончания «холодной войны») происходит ценностная ориентация властной элиты по разным причинам, но в двух форматах: в цивилизационном дискурсе и в контексте дискурса страновой идентификации. Как показывает исследование, превентивная ценностная переориентация элит имеет духовно-нравственное направление.

Реальная переориентация происходит, когда есть общественный запрос. Общество ждет от власти перемен, реальной эволюции власти. Последняя происходит по разным причинам, но наиболее часто начинается с ценностной переориентации властной элиты (всех уровней). Неспособность договариваться, непрактичность властной элиты повышают градус общественных эмоций, порождают различные политические коллизии.

Речь идет о легитимной власти, избранной на выборах и пользующейся доверием общества, о контроле над властвующей элитой [13], о демократических ценностях. Такая власть может реализовать предвыборную программу и принимать государственные решения. В современном же обществе обесценились многие старые аксиомы власти, например та, которая гласит, что власть всегда права. Политическая практика требует внесения корректив в действие власти, но их механизм отсутствует (в ряде западных стран он имеет место). Этот опыт апробируется в странах демократического транзита (страны Восточной Европы,

Украина, Россия и бывшие союзные республики СССР). Властная элита опирается на результаты общественного мнения, если они способствуют реализации своих проектов. Но общественное мнение можно подготовить, используя определенный инструмент власти. Происходит ценностная переориентация властной элиты в соответствии с общественным запросом на политические преобразования. Проанализировав структуру общества, можно определить социальный адресат национальной политики.

Таким образом, политический аспект социальной ориентированности инновационных программ властной элиты заключается в гармонизации властеотношений. Инновации адресуются активной части общества (научно-технической интеллигенции, предпринимателям, работникам корпораций, создателям компьютерных программ). С учетом этих моментов можно произвести классификацию ценностных переориентаций. Можно выделить следующие типы ценностной переориентации элит: а) частичная; б) конъюнктурная; в) превентивная; г) адаптивная; д) симулятивная; е) национальная; ж) региональная.

Ранее обратили внимание на инструментальный аспект общественного мнения – данные опроса, контент-анализа. К адаптивному типу примыкает ценностная ориентация региональной элиты (элита субъектов государства). Так, ценностная переориентация властной элиты Республики Крым и города Севастополя как новых субъектов Российской Федерации на федеративные отношения имеет нормативную базу.

Социально-политическая практика после окончания «холодной войны» положила начало демократического транзита возвратными процессами в ряде стран Европы и республик бывшего СССР.

В последнее время влияние общественного мнения на деятельность институтов власти возросло. Например, большая часть украинского общества была за вступление Украины в Евросоюз. Но почти половина населения Украины, в основном русское и русскоязычное население Юго-Востока, – за более тесное сотрудничество Украины с Российской Федерацией. Президент Украины В. Ф. Янукович, зная о результатах опросов общественного мнения, до определенного момента вел с некоторым успехом маятниковую геополитику.

Но в неоднородном обществе возможен конфликт ценностей, предтеча политического конфликта – генезис Евромайдана на Украине в конце 2013 г. в симулятивной переориентации украинской властной элиты на раздвоение ценностных предпочтений в неоднородном обществе (половина населения – за вступление в ЕС, другая – за вступление в Таможенный союз). Наступил момент выбора приоритетов, и властная элита (окружение Президента Украины В. Ф. Януковича) вынуждена была определить свою геополитическую ориентацию. Президент Украины В. Ф. Янукович не подписал соглашение об ассоциации с ЕС. И выразил готовность развивать тесное сотрудничество с Россией, игнорируя мнение другой части украинского общества, тем самым вызвав общественное возмущение. Президент Украины В. Ф. Янукович и его окружение покинули страну. На Украине фиаско президента Украины В. Ф. Януковича не могло скрыть своей ценностной переориентации той части общества, которая была за вступление в Таможенный союз. Дальнейшие события на Украине показали важность превентивной ценностной переориентации властной элиты.

На Украине политика властной группировки (отстраненный президент Украины В. Ф. Янукович и его окружение) вызывала недовольство, а с осени 2013 г. – протестное движение (на Майдан выходили сотни тысяч протестующих). Были митинги и в поддержку политики В. Ф. Януковича. Она была переориентирована на сближение с Россией, что отражало настрой юго-восточной части Украины. Выяснилось, что В. Ф. Янукович и его команда переориентировались, опираясь на запрос лишь части общества.

Академик Национальной академии Украины Петр Толочко утверждает: «К сожалению, Россия на каком-то этапе сосредоточилась на своих проблемах и многое упустила. За двадцать лет на Украине выросло целое поколение, воспитанное на новых убеждениях, которому все время говорили, что Россия нам не брат и не сосед, что достаточно благодушно воспринималось украинскими политологами и историками. Россия не участвовала в переориентации украинского сознания» [14]. Следует отметить, что в переходном обществе после трудных испытаний политического транзита все отчетливее зреет запрос на реставрацию хотя бы частично доброго прошлого. И формы реализации этого запроса самые различные.

В российском обществе не исчезало недовольство развалом Советского Союза. Действительно, сегодня очевидны драматические моменты этого геополитического процесса.

В Российской Федерации ценностная переориентация власти началась с 2000-х гг. с осознанием масштаба произошедшего. Ценности советского периода воспринимаются некоторой частью общества приоритетными по сравнению с новыми. В России в конце 90-х гг. XX в. после трудных испытаний и на волне недовольства в обществе пробуждаются ностальгические чувства по важнейшим завоеваниям советской власти, по социальным нормам: бесплатное жилье, бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, льготы, обеспеченная старость. Ностальгия по традиционным скрепам ментальности: государственный патриотизм, аскетизм, бескомпромиссность.

Все большее число людей охватывало ностальгическое чувство на рубеже веков. Опросы общественного мнения фиксировали фактор устойчивого запроса на бывшее благополучие и величие. В то же время опросы (апрель 2014 г.) зафиксировали позитивный настрой общества на приоритетное решение власти, воспринятое им как новый социально-политический императив.

И с 2000-х гг. первые символические шаги власти, которые ряд социологов и политологов рассматривают как новые акценты в оценке достижений девяностых годов, по существу были иллюзорными. Это было обусловлено еще и тем, что в современном структурированном обществе найти удовлетворяющую всех формулу сотрудничества, толерантности непросто.

Более того, опросы общественного мнения показывают, что в обществе находят понимание инновационные интенции власти в контексте страновой идентификации. Значительная часть россиян негативно отнеслась к оранжевым, тюльпановым, розовым и прочим цветным революциям как следствию демократического транзита, пренебрежению властью духовными потребностями общества. Но и они почти не оправдали завышенных надежд. Цветные революции – лишь условие для блага, а не само благо. И были далеки до реализации: а) социальных проектов; б) нормализации политического процесса.

В России началась тихая, незаметная переориентация с цивилизационных на традиционные неоконсервативные ценности. Социальные коллизии эволюции власти, как показывает национальная практика, привели к тому, что элита испытала первое разочарование от реформ. Произошла частичная ценностная переориентация властной элиты. Артикуляция государственности на приоритетность частной собственности определила особенность политического сознания властной элиты.

Политическое поведение сенаторов, депутатов и членов правительства, проявивших дисциплинированность и единодушие, показало, что полная ценностная переориентация властной элиты была обусловлена многими факторами (психологическим, внешнеполитическим и т. п.). Демонстрация единения упрочила позицию института власти. Рейтинг президента РФ В. В. Путина поднялся до 80–82% (данные ВЦИОМ, «Левада-Центра» и других центров по изучению общественного мнения, 25–28 апреля 2014 г.).

Ценностная переориентация новой региональной элиты (Крымский федеральный округ) стала новой российской реальностью, с проявлением советской ментальности – крымчане проголосовали на референдуме за вхождение Республики Крым в состав России как правопреемницы СССР.

Стало очевидным, в российском обществе созрел запрос на сильную власть, а безбрежный либерализм встретил в обществе устойчивое неприятие.

По результатам опроса общественного мнения, проведенного «Левада-Центром» в апреле 2014 г., 70–80% опрошенных поддерживают внешнеполитический курс президента РФ В. В. Путина (включение Республики Крым и города Севастополя в состав России). Точечные экономические санкции западных стран против российской властной элиты оказались малоэффективными, не способными поколебать её нынешнюю ценностную ориентацию, ибо она, по мнению западных аналитиков, пребывает в мире прошлого государственного величия.

Всё это свидетельствует о том, что современное политическое развитие нелинейно. Адаптивная ценностная переориентация элиты отдаёт предпочтение в некоторых условиях консервативному вектору развития, ибо приоритетность консервативных ценностей является основой для консолидации элит, служащей условием её эффективного управления обществом.

Поскольку в современном постсоветском политическом пространстве происходит смена культурных, социальных и общественных ценностей, у властной элиты может поменяться отношение к проблеме, требующей от власти концептуального подхода для её разрешения. Своевременная ценностная переориентация властной элиты означает кон-

солидацию элиты, но сталкивается с психологическим фактором, ментальностью, в какой-то мере воспрепятствующими выполнению этих задач.

В новых демократиях не изжит мифологичность общественного сознания, способствуя артикуляции традиционными ценностями, что является трендом политического развития, который переориентирует решение проблемы с цивилизационного дискурса на дискурс страновой идентификации. Без оглядки на политические окрестности властная элита, исходя только из приоритетности национальных интересов, укрепляет государственность, но при этом обедняет бюджет гражданина.

Огромная ответственность власти за будущее общества и государства. Опросы общественного мнения подтверждают ценностную переориентацию общества, что является основным фактором ценностной переориентации властной элиты. Большая часть общества, разочаровавшись в не совсем понятном либеральном водовороте, обратила взоры на непреходящие ценности.

Развитие страны – стратегическая программа властной элиты. Развитие страны предполагает сотрудничество всех форм, обмен информацией, технологиями, а сотрудничество базируется на таких ценностях, как доверие, договороспособность, ответственность (цивилизационный дискурс). События последнего времени (в соседних странах, в России) подтверждают обоснованность этих выводов.

Но легитимная властная элита в ответственный момент вступает в дискурс страновой идентификации. Это обусловлено угрозами безопасности, идеей самозащиты. Властной элите приходится обходить цивилизационный дискурс. Опора только на собственные силы, ресурсы, на самоограничение не является ценными приоритетами, ибо ведет страну к изоляционизму. Общество выбирает безопасность, которая требует установления атмосферы доверия, открытости и добрососедства, являющихся не только демократическими, но и мировыми ценностями нашего времени. Впрочем, опросы общественного мнения подтверждают эту гипотезу социологов. Возможен элемент манипуляции общественным мнением, когда синусоида общественного сознания доходит до традиционных выражений, позволяя властной элите предложить свою картину мира.

Следует отметить, что ценностная переориентация элиты в сторону человека не произошла, началась переориентация в сторону государственности, с модернизационной модели развития на мобилизационную модель, которая основывается на традиционных ценностях в дискурсе страновой идентификации, укрепляется позиция власти, что важно в ожидании новых вызовов времени. Но это же позволяет обществу оценивать мобильность и эффективность элиты с различных позиций, в т. ч. с демократических ценностей. Формирование отечественной властной элиты происходило на традиционных ценностях [15].

Поскольку в Российской империи государственная служба – это обязанность дворян (сословность), в СССР – выходцы из рабочих и крестьян (социальное происхождение), то в новой России появились деятели, прошедшие демократические процедуры (свобода личности).

Формирование российской элиты зачастую основывается на известных принципах лояльности, иерархичности, бывших базовыми в досоветский и советский периоды. Основная ценностная ориентация властной элиты – преумножение мощи государства. Эта ценностная ориентация не меняется, но возможна смена приоритетности ценностной переориентации элиты с традиционных наборов на мировые и цивилизационные. При этом важно отметить, что современная властная элита – консервативная, патриотическая – (альтернатива ей – номенклатура (в странах бывшего соцлагеря), не является противницей частной собственности и рыночных отношений, т. е. демократических ценностей). Наблюдается и некое смещение консерватизма и либерализма во взглядах некоторых политиков.

Культурные ценности играют важную роль в жизни общества, в его духовно-нравственном развитии. Властная элита ориентируется на следующие условия для политической толерантности: а) устойчивость политической системы; б) ценность нормальных межэтнических отношений; в) ценность федеративных отношений.

Поскольку ценностная переориентация властной элиты происходит от её ментальности, то она специфична, что обусловлено ментальностью неоднородного российского общества. Деятельность общественных организаций оказывает влияние на циркуляцию и ротацию элит при сохранении мировоззренческих, этических констант. Поскольку цен-

ностная переориентация российской властной элиты становится очевидным в стране и за рубежом, а также находит отражение в политике власти, то она становится фактором современной геополитики.

Вследствие этого поиск различных форм выражения отношения к складывающейся ситуации в условиях политической турбулентности непросто, но будет успешным, если будет вестись в цивилизационном дискурсе.

Примечания

1. Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. С. 187.
2. Там же.
3. Миллс Р. Властвующая элита. М., 2007.
4. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 1998.
5. Старостин А. М. Эффективность деятельности государственной власти и управления: критерии оценки, анализ состояния, пути повышения (элитологический аспект). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2005.
6. Юлдашев Л. Г. Теории ценностей в социологии: вчера и сегодня // Социс. 2001. № 8. С. 145–151.
7. Дюркгейм Э. О разделении труда. М., 1996. С. 296.
8. Миллс Р. Указ. соч.
9. Попова О. В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб., 2002.
10. Бердяев Н. А. Философия неизвестности. М., 1990. С. 264.
11. Там же. С. 265.
12. О стратегии российского развития. Аналитический тренд / под ред. В. И. Толстых. М., 2007.
13. Миллс Р. Указ. соч.
14. URL: <http://nashahla-net...> В стране товарища маузера. Украинский академик Петр Толочко об уроках майдана.
15. Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч.

Notes

1. Mosca G. *Pravyashchiy klass* [The ruling class] // *Sotsis – Socis*. 1994, No. 10, p. 187.
2. Ibid.
3. Mills R. *Vlastvuyushchaya ehlyta* [Ruling elite]. Moscow. 2007.
4. Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskie ehlyty Rossii: Vekhi istoricheskoy ehvolyutsii* [Political elite of Russia: Landmarks of historical evolution]. Moscow. 1998.
5. Starostin A. M. *EHffektivnost' deyatel'nosti gosudarstvennoy vlasti i upravleniya: kriterii otsenki, analiz sostoyaniya, puti povysheniya (ehlitologicheskii aspekt)* [The effectiveness of the state government and administration: criteria for evaluation, situation analysis, ways to improve (elitological aspect)]. Rostov-na-Donu: SKAGS Publ. 2005.
6. Yuldashev L.G. *Teorii tsennostey v sotsiologii: vchera i segodnya* [Theory of values in sociology: yesterday and today] // *Sotsis – Socis*. 2001, No. 8, pp. 145-151.
7. E. Durkheim *O razdelenii truda* [On the division of labor]. Moscow. 1996. P. 296.
8. Mills R. Op. cit.
9. Popova O.V. *Politicheskaya identifikatsiya v usloviyakh transformatsii obshchestva* [Political identity in the transformation of society]. SPb. 2002.
10. Berdyayev N. A. *Filosofiya neizvestnosti* [Philosophy of the unknown]. Moscow. 1990. P. 264.
11. Ibid. P. 265.
12. *O strategii rossiyskogo razvitiya. Analiticheskii trend* [On the strategy of Russian development. Analytical trend] / ed. by C. I. Tolstukh. Moscow. 2007.
13. Mills R. Op. cit.
14. Available at: <http://nashahla-net...> [In the country comrade Mauser. Ukrainian academician Petr Tolochko about the lessons of the Maidan] (in Russ.).
15. Gaman-Golutvina O.V. Op. cit.

Особенности реализации теорий взаимодействия медиа и аудитории в современном медиапространстве

Статья посвящена специфике современного медиапространства. В статье рассматриваются теории медиавмешательства и теории активной аудитории, которые отводят кардинально разные роли средствам массовой информации и аудитории в процессе их взаимодействия.

The article deals with the specific features of the present-day media space. The article views the theory of media interference and the theory of active audience which take the audience and the media quite different roles in the process of their interaction.

Ключевые слова: медиа, СМИ, аудитория, общественность, медиавмешательство, информация, связи с общественностью, воздействие, массовые коммуникации, маркетинговые коммуникации.

Keywords: media, audience, community, media interference, public relations, influence, mass communications, marketing communications.

Роль медиа в современном мире, как и количество единиц медиаресурсов, растет постоянно. Медиафера во всех ее проявлениях является востребованным объектом гуманитарных исследований, предоставляя богатую пищу для анализа филологам, социологам, маркетологам, психологам, специалистам по коммуникациям и т. д. как в научно-практическом направлении [1], так и в векторе эмпирических, сугубо прикладных и ограниченных во времени и пространстве исследований [2]. Не менее пристально ученые анализируют многочисленные характеристики второго участника медиапроцесса – аудитории [3]. На уровне синтеза происходит оценка взаимодействий и взаимовлияний медиа – с одной стороны, и аудитории – с другой.

Разработанные теоретические подходы к оценке влияния СМИ на формирование мнения и поведения аудитории кардинально отличаются по критериям значимости СМИ и роли аудитории [4]. С этой точки зрения подходы можно поделить на теории медиавмешательства и противостоящие им теории активной аудитории. В первом случае медиа отводится главенствующая, активная роль (Л. Берковиц, С. Фешбах, М. Зубер, Г. Гербнер, П. Бурдые, У. Липпман, Б. Коэн). Адресаты при этом пассивны, воспринимают готовую позицию, предложенную им в сообщениях. Пассивность обусловлена не только субъективным нежеланием аудитории анализировать информационные процессы, но и объективным отсутствием возможности лично, непосредственно получать информацию об абсолютно большей части происходящих событий. В рамках второго подхода СМИ воспринимаются как один из множества способов донести до публики информацию без претензий на оказание существенного влияния (Э. Катц, П. Лазарфельд, В. Стефенсон, С. Халл, Д. Блумлер). Аудитория при этом активна, самостоятельно отбирает и фильтрует необходимую информацию, без внешнего давления формирует собственную позицию по отношению к сообщениям и событиям [5].

В сфере массовых коммуникаций можно наблюдать, как одновременно реализуются обе эти, казалось бы, взаимоисключающие друг друга тенденции – усиление и ослабление роли СМИ. С увеличением скорости обмена информацией, безусловно, возрастает значение медиа; СМИ целенаправленно и последовательно формируют отношение к себе как к незаменимому источнику информации. Немаловажную роль играет стремление СМИ повысить собственные рейтинги и уровень цитируемости, в результате чего приоритетными требованиями к информационным поводам являются их резонансность, эксклюзивность, оперативность.

Бесспорно, СМИ являются мощнейшим каналом распространения сведений и формирования мнений и не теряют свою позицию «четвертой власти», несмотря на многочисленные случаи понимания аудиторией, что ей предлагают недостоверную, тенденциозную, неполную,

непроверенную, заказную информацию. Потребность в получении новостей и уверенность в постоянной возможности самостоятельно выбирать из огромного перечня медианосителей менее спорные оказываются сильнее единичной ситуации обмана. Желание аудитории быть информированной, находиться внутри информационного пространства, на наш взгляд, также сформировано самими медиа, однако публика уверена, что именно она влияет на выбор тематики СМИ, определяет их рейтинги и привлекательность, и в этом есть доля правды.

Теория активной аудитории стала особенно актуальна с появлением электронных версий СМИ с возможностью комментировать и обсуждать полученную информацию. Комментарии, или посты, являются не только и не столько оценкой прочитанного или увиденного, сколько пространством обмена дополнительными фактами и сведениями. Аудитория не просто обеспечивает реакцию на медиатексты, но и сама становится их источником или инициатором.

Теория медиавмешательства использует в первую очередь инструменты связей с общественностью, согласно которым авторы медиатекстов выступают скорее в роли копирайтеров. Теория активной аудитории ближе к методам классической журналистики. Указанные теории, с одной стороны, противостоят друг другу, с другой – сосуществуют в медиапространстве, давая возможность и СМИ, и аудитории, и инициаторам информационных поводов использовать весь спектр форм взаимодействия в зависимости от характера коммуникации и имеющихся ресурсов.

Обратим внимание на один из тезисов, на которые опираются теории медиавмешательства: у аудитории нет возможности лично присутствовать на событиях, освещаемых в СМИ, соответственно, нет возможности сопоставлять сообщение из СМИ с собственным впечатлением. Получается, широкая аудитория воспринимает такую аудиовизуальную или вербальную информацию о событии или проблеме, которую представители конкретных СМИ отобрали, или отфильтровали, ориентируясь на собственный формат, стиль и, что важно – на информационные запросы или потребности своей целевой аудитории. Последние выявляются (или должны выявляться) в процессе функционирования СМИ посредством социологических (для журналистской информации) и маркетинговых (для рекламной информации) исследований.

Однако личное присутствие СМИ на многих событиях и мероприятиях также невозможно по причинам технического, географического или конфиденциального характера. Кроме того, журналисты, присутствующие на событии, далеко не всегда в состоянии компетентно обработать получаемую информацию, поскольку не могут являться специалистами одновременно в огромном множестве специальностей и сфер, требующих медиаподдержки. Для того чтобы компенсировать дефицит компетентности и обеспечить размещение в СМИ фактически верной информации, существуют отработанные инструменты сферы связей с общественностью: комментарии экспертов, медиакиты (готовые информационные документы для СМИ, раздаваемые на специально организованных мероприятиях), пресс-релизы и т. д. Таким образом, журналист либо не имеет возможности лично присутствовать на мероприятии и поэтому пользуется готовой, оперативно предоставленной пиар-службами информацией, либо присутствует, но все равно пользуется сведениями из медиакитов, другими словами, выполняет функцию не создателя, а транслятора текстов. В этом реализуется один из факторов технологизации профессии журналиста в противовес творчеству, приоритетному ранее, до масштабного развития пиар-инструментов [6].

В результате в каждом информационном процессе, задействующем пиар-службы и СМИ, реализуется двухуровневый отбор информации, поступающей к широкой аудитории: сначала организаторы медиасобытий и мероприятий формулируют основные послы (при условии, что это возможно, т. е. событие или проблема имеет именно спланированный, организованный, а не спонтанный или форс-мажорный характер). Далее на основе полученных, зачастую уже практически готовых к подаче, сведений обработка и отбор сведений происходит непосредственно в СМИ, которые выполняют свою первостепенную роль каналов распространения информации. Соответственно, на каждом этапе значительно сокращается объем информации, после проведенных процедур фильтрации, трансформации и интерпретации аудитория получает в качестве новости такую часть от первоначального объема сведений, которую можно сопоставить с верхушкой информационного айсберга, что более характерно для моделей пропаганды, чем журналистики [7].

Традиционная схема коммуникативного процесса применительно к медиасфере выглядит следующим образом: субъект информирования выступает в роли коммуникатора, СМИ – в

роли канала распространения информации, медиатексты – в роли сообщения, аудитория – соответственно, в роли получателя, адресата. Однако в условиях сосуществования разных коммуникативных ролей, которые мы рассмотрели, и особенно с учетом изменяющегося набора информационных ресурсов (благодаря интернет-коммуникациям существенно расширились возможности аудитории) указанные роли постоянно меняются и наслаиваются друг на друга. Зритель или читатель, размещая собственную информацию в открытых интернет-ресурсах (блогах, соцсетях), а также оставляя комментарии к текстам СМИ, берет на себя функцию либо коммуникатора, либо транслятора (канала). Организация, получающая неконтролируемое публицити, выступает в этом случае в роли получателя информации и т. п.

В любом случае больше возможностей информационного воздействия имеется у той стороны, которая обладает более мощными ресурсами: финансовыми, административными, кадровыми, технологическими, а также понимает свои стратегические информационные задачи, а не действует спонтанно или на основе эмоций. В основном ресурсы аккумулируются и систематически используются первым участником информационного процесса – организациями, медиасубъектами, а к спонтанности и эмоциональности склонна прежде всего аудитория. Остается вопрос, к какой категории коммуникаторов относятся СМИ: к тем, кто воздействует, или к тем, на кого воздействуют? Самим медийщикам комфортнее чувствовать себя в роли «рулевых»; пиарщикам комфортно оставлять СМИ в иллюзии, что они «рулят», а аудитории – оставлять гипотетическую возможность влиять и на СМИ, и на организации – субъекты коммуникации. Информационные потребности каждой стороны при этом условно удовлетворены.

До сих пор мы использовали для обозначения общности людей, воспринимающей медиаинформацию и обеспечивающей обратную связь, понятие «аудитория». Оно является далеко не единственным в сфере коммуникаций и смежных с ней сферах, более того, в разных ситуациях синонимы и другие понятия могут приобретать разные, часто неосознаваемые для большинства, нюансы.

В качестве нейтральных назовем категории «общество», «социум», «население», «коллектив», «публика», «масса». Все они широко используются практически во всех гуманитарных науках и исследованиях и при этом, как правило, не имеют тенденциозного характера в употреблении.

В public relations как основная категория используется «общественность». Уже в названии сферы деятельности – отношения с общественностью, или связи с общественностью – расставлены приоритеты в функциях сторон – участниц коммуникативного процесса. Есть некий субъект, иницирующий и осуществляющий эти связи, или отношения (обычно организация как заказчик и ее PR-структура как исполнитель), и объект – общественность, которой отводится роль адресата, получателя информации.

Для маркетинга, рекламы и сферы СМИ более уместным является понятие «аудитория». Маркетинговые коммуникации делают акцент на процессах работы с аудиторией и над аудиторией: изучение ее характеристик и предпочтений, качественные и количественные исследования, выработка инструментов воздействия на аудиторию с целью решения задач субъекта коммуникаций.

Политические коммуникации интересуются обществом прежде всего как электоратом, сегментированным на, соответственно, базовый, подвижный, протестный и т. д. Кроме того, используется категория «мишень», обозначающая конкретные целевые группы, на которых направлено информационное воздействие.

Для социологии, в последнее время активно сотрудничающей с отраслью медиа и маркетинговых коммуникаций, общество представляет собой подборку реципиентов, респондентов, интервьюируемых.

Во всех без исключения перечисленных вариантах аудитория предстает в роли объекта, который подвергается разноплановым исследованиям и экспериментам. Принципиально важным процессом для любых маркетинговых и медийных коммуникаций является сегментирование, или фрагментирование, дробление аудитории, в результате которого выявляются такие ее части, как целевая и нецелевая аудитория, реальная, постоянная и потенциальная аудитория, уникальная и пересекающаяся аудитория и т. д. СМИ, в зависимости от своего формата, воспринимает аудиторию как совокупность зрителей, читателей, слушателей и пользователей.

Если процесс сегментирования ориентирован на выявление и оценку характеристик, принадлежащих достаточно крупным группам аудитории, то более сложный процесс, реализуемый в первую очередь в интернет-пространстве – таргетирование, – направлен на выявление и учет уже не групповых, а индивидуальных характеристик для более точечного воздействия. Здесь мы наблюдаем активную и последовательную реализацию процесса демасковизации, которую Г. П. Бакулев называет одной из важнейших тенденций развития современных СМИ [8].

Учитывая рост информационных и технических ресурсов, посредством которых аудитория принимает участие в моделировании медиапространства, предположим, что в перспективе теории активной аудитории не перестанут быть актуальными. С другой стороны, развитие технологий информационного воздействия позволяет СМИ использовать все новые инструменты формирования у аудитории определенных, просчитанных и спланированных, мнений и взглядов. Таким образом, разнонаправленные тенденции изменения ролей участников медиапроцессов продолжают сосуществовать, позволяя той и другой стороне выполнять собственные, иногда противоположные, информационные задачи. На наш взгляд, в оценке теорий активной аудитории и теорий медиавмешательства определяющими являются понятия «активности» и «вмешательства», привлекательные для всех участников информационных процессов.

Примечания

1. Российское телевидение: между спросом и предложением: в 2 т. / под ред. А. Г. Качкаевой, И. В. Кирия. М.: Элиткомстар, 2007; *Савельева О. О.* Социология рекламного воздействия. М.: «РИП-холдинг», 2006; *Федотова Л. Н.* Социология массовой коммуникации. 4-е изд. М.: Изд. дом междунар. ун-та в Москве, 2009; *Фомичева И. Д.* Индустрия рейтингов. Введение в медиаметрию. М.: Аспект Пресс, 2004; *Хант Ли.* Основы телевизионного брендинга и эфирного промоушн. М.: Галерея, 2003; *Черных А.* Мир современных медиа. М.: ИД «Территория будущего», 2007; *Щепилов К. В.* Медиаисследования и медиапланирование. М.: «РИП-холдинг», 2005.

2. *Смалун М.* Как исследования в социальных медиа помогают другим видам исследований / пер. с англ. А. В. Шашкина // Онлайн исследования в России 3.0.: сб. науч. ст. URL: <http://adindex.ru/publication/tools/2013/01/30/96418.phtml>; *Давыдов С. Г., Ивашкина О. Г., Шариков А. В.* Образы ведущих новостных телепрограмм в экспертных оценках. М.: ВГТРК, 2000.

3. *Голядкин Н. А.* Анализ аудиторий: учеб. пособие для менеджеров телевидения и радио. М., 2000; *Ермолаева О. Я., Шариков А. В.* Исследования телевизионной аудитории: теория и практика. М.: НАТ, 1997; *Колесниченко А. В.* Зарубежные исследования аудитории прессы : учеб. пособие. М., 2009; На пути к общемировому стандарту измерения телевизионной аудитории. М.: Медиа Комитет, 2005; Рекомендации по единым требованиям и стандартам на системы измерения радиоаудитории. М.: Медиа Комитет, 2006.

4. Подробное описание теорий взаимодействия СМИ и аудитории см.: *Бакулев Г. П.* Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 82–103; *Яковлев И. П.* Современные теории массовых коммуникаций. СПб., 2004. С. 50–55; *Bryant Jennings, Miron Donna.* Theory and Research in Mass Communication // Journal of Communication. Vol. 54. № 4. P. 667–704.

5. *Бугайски М.* Язык коммуникации / пер. с польского. Харьков: Изд-во «Гуманит. центр», 2010. С. 500–510.

6. *Симкачева М. В.* Профессионализм журналиста: трансформация понятия, модели практического воплощения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. С. 3.

7. О технологических и прикладных аспектах современной пропагандистской информации см., например: *Сагателян А. А.* Моделирование процессов политической пропаганды в реалиях информационного общества // Бюллетень Научно-образовательного фонда «Нораванк»: специальный выпуск «К вопросам информационной безопасности». Ереван, 2005. С. 38–46. Более подробно о технологиях и особенностях процесса взаимодействия власти, СМИ и аудитории, см.: *Игошина Ю. В.* Существует общественное мнение, что общественное мнение существует // Товар – Деньги – Товар. 2012. № 6. С. 16–17.

8. *Бакулев Г. П.* Массовая коммуникация: Западные теории и концепции. М.: Аспект Пресс, 2005. С. 82–103.

Notes

1. Russian TV: between demand and supply: in 2 vols. / Ed. by A. G. Kachkaeva, I. C. Kiria. Moscow. Elitkomstar. 2007; Savelyeva O.O. *Sotsiologiya reklamnogo vozdeystviya* [Sociology of advertising exposure]. Moscow. «RIP holding». 2006; Fedotova L. N. *Sotsiologiya massovoy kommunikatsii*. [Sociology of mass communication]. 4th ed. Moscow. Publ. house of international university in Moscow. 2009; Fomicheva I. D. *Industriya reytingov. Vvedenie v mediametriyu* [Industry of ratings. Introduction to mediametrie]. Moscow.

Aspect Press. 2004; Hunt Lee. *Osnovy televizionnogo brendinga i ehfirnogo promoushn* [Fundamentals of television branding and on-air promotion]. Moscow. Galerius. 2003; Chernykh A. *Mir sovremennykh media* [The world of modern media]. Moscow. Publ. house «Territory of the future», 2007; Shepilov K. V. *Mediaissledovaniya i mediaplanirovanie* [Media research approaches and media planning]. Moscow. «RIP holding». 2005.

2. Smalun M. *Kak issledovaniya v sotsial'nykh media pomogayut drugim vidam issledovaniy* [How do researches in social media help other types of research] / trans. from Eng. A. C. Shashkin // Online research in Russia 3.0.: collected scientific articles. Available at: <http://adindex.ru/publication/tools/2013/01/30/96418.phtml>; Davydov S.G., Ivashkina O.G, Sharikov A. V. *Obrazy vedushchikh novostnykh teleprogramm v ehkspertnykh otsenkakh* [Images of leading news TV in expert assessments]. Moscow. VGTRK. 2000.

3. Golyadkin N. A. *Analiz auditoriy: ucheb. posobie dlya menedzherov televideniya i radio* [Analysis of audiences: manual for managers of TV and radio]. Moscow. 2000; Ermolaeva O. J., Sharikov A. V. *Issledovaniya televizionnoy auditorii: teoriya i praktika* [Television audience Research: theory and practice]. Moscow. NAT. 1997; Kolesnichenko A. V. *Zarubezhnye issledovaniya auditorii pressy* [Foreign audience research media]: textbook. Moscow. 2009; *Na puti k obshchemirovomu standartu izmereniya televizionnoy auditorii* [Towards a global standard for measuring television audience]. Moscow. Media Committee. 2005; *Rekomendatsii po edinyim trebovaniyam i standartam na sistemy izmereniya radioauditorii* [Recommendations for uniform standards and requirements for system radio audience measurement]. Moscow. Media Committee. 2006.

4. Detailed description of the theories of the interaction between media and audience, see: Bakulev G. P. *Massovaya kommunikatsiya: Zapadnye teorii i kontseptsii* [Mass communication: Western theories and concepts]. Moscow. Aspect Press. 2005. Pp. 82-103; Yakovlev I. P. *Sovremennye teorii massovykh kommunikatsiy* [Modern theory of mass communications]. SPb. 2004. Pp. 50-55; Bryant Jennings, Miron Donna. Theory and Research in Mass Communication // Journal of Communication. Vol. 54. No. 4. P. 667-704.

5. Bugajski, M. *Yazyk komunikatsii* [Language of communication] / translation from the Polish. Kharkov: Publ. house «Humanit. center». 2010. Pp. 500-510.

6. Simacheva M. V. *Professionalizm zhurnalista: transformatsiya ponyatiya, modeli prakticheskogo voploshcheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Professionalism of a journalist: the transformation of concepts, models, practical implementation: author. dis. ... cand. phil. sci.] Kazan. 2006. P. 3.

7. On the technological and applied aspects of modern propaganda information, see, for example: Saghatelyan A. A. *Modelirovanie protsessov politicheskoy propagandy v realiyakh informatsionnogo obshchestva* [Modeling of processes of political propaganda in the realities of the information society] // *Byulleten' Nauchno obrazovatel'nogo fonda «Noravank»: spetsial'nyy vypusk «K voprosam informatsionnoy bezopasnosti»*-Bulletin of the Scientific educational foundation Noravank: special issue "On information security". Yerevan. 2005, p. 38-46. Learn more about the technologies and features of the process of interaction between government, the media and the audience, see: Igoshina Y. C. *Sushchestvuet obshchestvennoe mnenie, chto obshchestvennoe mnenie sushchestvuet* [There is a public opinion that public opinion exists] // *Tovar – Den'gi – Tovar – Commodity – Money – Commodity*. 2012, No. 6, pp. 16-17.

8. Bakulev G. P. *Massovaya kommunikatsiya: Zapadnye teorii i kontseptsii* [Mass communication: Western theories and concepts]. Moscow. Aspect Press. 2005. Pp. 82-103.

ИСТОРИЯ

УДК 902.6:94(470.342)

А. В. Егоров

Гипотезы о времени появления каринских татар на территории Вятского края в свете археологических источников

В статье рассматриваются основные версии появления каринских (нухратских) татар на территории современной Кировской области в свете археологических данных. Основное внимание уделено описанию археологических памятников в окрестностях с. Карино. Дано описание Каринского городища и выявлены некоторые параллели с городищами булгаро-татарского типа. Появление каринских татар отнесено к XV в.

The article considers the basic version of the appearance carinskih (nuhratsku) tatars on the territory of modern Kirov region in the light of archaeological information. The main attention is paid to the description of archaeological sites in the vicinity of the village of Carino. The description of Carino settlement and identified some parallels with the settlements of Bulgar-Tatar type. The emergence carinskih tatars attributed to the XV century.

Ключевые слова: турки, Волжская Булгария, Золотая Орда, каринские татары, археологические исследования, Каринское городище, Казанское ханство.

Keywords: Turks, Volga Bulgaria, Golden Horde, karinskie Tatars, archaeological research, Karino settlement, Kazan khanate.

На территории Слободского района Кировской области расположено старинное татарское село Карино, где проживает особая этнографическая группа татар – каринские (нухратские) татары, которые считаются этнотерриториальным кустом чепецкой группы казанских татар. Окрестности села Карино, а в частности появление там представителей тюркского этноса, с дореволюционных времен и до настоящего времени привлекали к себе пристальное внимание многих историков и краеведов. Появлению данной этнографической группы на территории Вятского края посвящен ряд научных гипотез, которые, как правило, тесно связаны с вопросами появления и дальнейшего развития тюркских народов на территории всего Камско-Вятского междуречья. Большинство исследований строятся на основании имеющихся письменных документов, лингвистических и этнографических данных. В данный момент наметилась определенная исчерпанность этих традиционных источников по истории каринских татар и представляется актуальным рассмотреть вопросы их происхождения в свете археологических данных, до сих пор используемых крайне недостаточно. Сами по себе время и обстоятельства появления каринских татар на территории Вятского края являются важными вопросами средневековой истории, в прояснении которых археологические данные чрезвычайно важны, а при исчерпанности письменных источников могут являться решающими. Как отмечал признанный специалист в области теоретической археологии Л. С. Клейн, подчеркивая важность археологических источников для реконструкции этнических процессов Средневековья, «письменные источники практически оказались исчерпанными, а перспективы их пополнения почти что равны нулю, тогда как археология непрерывно обогащается новыми важными фактами и за каждые три десятилетия удваивает количество своих источников» [1]. Данное утверждение вполне справедливо и при рассмотрении гипотез о появлении каринских татар на территории Вятского края.

Среди разнообразных версий существует оригинальное мнение, высказанное А. Х. Халиковым, о раннем появлении представителей тюркского этноса в окрестностях с. Карино. Ученый считал, что каринские татары восходят к некоему раннему тюрко-угорскому населению, которое на р. Чепце и Средней Каме контактировало с обитавшими там древнеудмуртскими племенами [2]. Данная идея, вероятно, служила дополнением к отстаиваемой ученым концепции о ранней тюркизации Камско-Вятского междуречья еще в добулгарскую эпоху [3]. Теории о заселении данных мест в добулгарский период сегодня считаются весьма спорными и большинством ученых не разделяются. В районе с. Карино и ближайшей округе не выявлено ни археологических памятников, ни отдельных находок, подтверждающих существование здесь тюркского населения в добулгарский период.

Ряд исследователей придерживался гипотезы о появлении первых тюркских поселенцев в районе с. Карино в булгарскую эпоху. Так, П. М. Сорокин отмечал, что «для исследователя древнейшей истории Вятского края каринцы интересны в том отношении, что некоторые данные связывают их с государством волжско-камских болгар... Именно каринцы-князья представляются наследниками власти предполагаемых болгарских владетелей» [4]. М. Г. Худяков видел в каринских татарах потомков болгар, бежавших от монголо-татар на север и осевших на нижнем течении р. Чепцы [5]. Этой же версии придерживается и ряд других исследователей [6]. Булгарский домонгольский период (X – первая половина XIII в.) действительно характеризуется заметным увеличением тюркского компонента среди автохтонного населения Камско-Вятского региона. Это происходило в основном за счет активизации торгово-экономических и культурных контактов между волжскими булгарами и финно-угорским населением региона. Период X–XIV вв. М. В. Талицкий «с полным основанием» называл «болгарской эпохой в истории народов Прикамья» [7]. Этот тезис доказан огромным количеством артефактов, найденных на средневековых памятниках Пермского и Удмуртского Предуралья. На данных территориях обнаружены многочисленные предметы булгарского импорта – керамика, украшения, оружие, орудия труда – и даже выделены памятники с многоэтничным составом населения. Однако на территории Кировской области булгарские находки почти не встречаются, кроме, возможно, территорий Афанасьевского района, который в археологическом плане ближе к древностям Пермского Предуралья. Немногочисленные булгарские находки домонгольского периода в основном обнаружены на крупных городищах, являвшихся первыми укрепленными форпостами русских поселенцев на данных территориях, и, как справедливо отмечает Л. Д. Макаров, «безусловно, что подавляющая часть находок, включая и керамику, попала на Вятку как результат торговых контактов и использовалась здесь местным не рядовым населением» [8]. Не обнаружены булгарские материалы и в с. Карино. Выявленные в ходе археологических исследований в окрестностях села памятники археологии материалов домонгольского периода не содержат вообще [9]. В последнее время появился ряд работ местных краеведов, в которых на Средней Вятке помещаются целые «булгарские» города и провинции, чуть ли не с V в. н. э. [10] Отметим, что данные выводы не соотносятся с археологическими материалами, обнаруженными на территории Вятского края, и относятся к категории фолк-истории.

Более распространена гипотеза о появлении каринских татар уже в период Золотой Орды и Казанского ханства. А. И. Вештомов относил появление каринских татар на территории Вятской земли к периоду «татарского господства», считая, что первые татарские поселенцы были отправлены на Вятку «для надзора и собирания дани» [11]. Этой же точки зрения придерживались С. Васильев и Н. Бехтерев, связывая появление каринских татар с периодом, последовавшим после опустошительного похода царевича Бектута в 1391 г. на Вятку, когда татары «начали заводить на Вятке свои поселения» [12]. Н. П. Луппов связывал появление татар в бассейне р. Чепцы с отрядом царевича Ентяка и датировал концом XIV – началом XV в. [13] Д. М. Исхаков считает, что можно «достаточно уверенно говорить о вхождении до 1489 г. территории бассейна р. Чепцы в состав Арской даруги Казанского ханства» [14]. Археологические материалы монгольского периода на территории Вятского края более обширны, чем материалы этого же периода, например, на территории Удмуртского Предуралья – в основном это монетные клады и предметы вооружения, а также керамика. Как правило, поиск и исследования тюркских материалов специально не производились, и основная их масса была обнаружена в ходе изучения древнерусских памятников Вятской земли. Специалист по истории русской колонизации Прикамья Л. Д. Макаров, описывая булгаро-татар-

ские материалы древнерусских памятников Вятской земли, отмечал среди них находки золотоордынских серебряных монет, немногочисленные украшения и фрагменты керамики южного (нижневолжского) происхождения [15]. Этнокультурные контакты Вятской земли с сопредельными территориями, в том числе и с тюркоязычным населением, ученый характеризовал как противоречивые, отмечая, что «связи с... Золотой Ордой носили специфический характер: наряду с торговлей заметны признаки вооруженной конфронтации и возможное присутствие поселенцев» [16]. Анализируя керамический материал средневековых вятских памятников (Хлынов, Никульчинское II поселение, Котельнич, Спасское селище, Казаковцевское I поселение), Д. А. Салангин выделил среди них особую «татарскую» группу посуды, наличие которой отражает влияние татар на гончарство населения Вятской земли [17]. По мнению автора, ее появление на территории Вятского края связано с переселением в XIV в. какой-то части булгаро-татар в результате неблагоприятной военно-политической обстановки в Золотой Орде. Наиболее реальным исходным регионом носителей «татарской» керамики можно считать, скорее всего, территорию Арского княжества. Учитывая наличие массы «татарской» керамики на других памятниках, можно предположить и дальнейшее расселение татар из Заказанья в Хлынов, Спасское селище и Казаковцевское I поселение (на них обнаружено больше всего «татарской» керамики – более 2% от общего числа). Впрочем, в окрестностях с. Карино подобной керамики пока обнаружено не было.

Принимая гипотезу о позднем появлении каринских татар (период со второй половины XIII–XV вв.) как наиболее вероятную, стоит подробнее рассмотреть окрестности села Карино с точки зрения археологии. Впервые данные места были описаны А. А. Спицыным. Им в 1890 г. было осмотрено Каринское городище, расположенное к юго-востоку от д. Деветьярово (Верхнее Карино). Ученый выяснил, что «оно относится к числу несодержательных», и отмечал среди находок только «обломки костей да каких-то песчаниковых камней, и то в небольшом количестве» [18]. В 1983 г. Каринское городище было обследовано разведгруппой Камско-Вятской археологической экспедиции под руководством Е. А. Обуховой. В ходе обследования в юго-западной части памятника был заложен шурф размером 2х2 м, который выявил культурный слой мощностью до 55 см без находок [19]. У с. Карино было также обнаружено позднесредневековое Нижнекаринское селище.

В 2013 г. окрестности с. Карино были обследованы в ходе археологической экспедиции «Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области» под руководством автора данной статьи. Было установлено, что размеры памятника составляют около 90х65 м. По краю площадки и с напольной стороны идет кольцевой вал высотой 1–2 м и шириной 1–1,5 м. С напольной же стороны, предположительно, проходит вторая линия вала, почти полностью распаханная. Площадка памятника отделена от коренной террасы заплывшим рвом глубиной до 4 м. В юго-западной части городища был заложен шурф, в котором ниже дерна залегал пахотный слой коричневой супеси мощностью 0,1–0,15 м. Под ним фиксировался слой угля мощностью до 0,25 м. В шурфе были обнаружены несколько обожженных костей животных и один фрагмент керамики коричневого цвета с примесью песка в тесте. Данный фрагмент керамики предположительно выполнен в булгаро-татарской традиции (автор благодарит д. и. н. Ф. Ш. Хузину за помощь в предварительном определении керамического материала, обнаруженного в окрестностях с. Карино в ходе разведки 2013 г.). В окрестностях Каринского городища было открыто два селища с позднесредневековым материалом – Деветьяровское I и II. Характерно, что на территории Деветьяровского I селища был также обнаружен фрагмент керамики, выполненный в булгаро-татарской традиции, отличающийся от основной массы находок данной категории. К сожалению, обнаруженные два фрагмента керамики крайне невыразительны, и более точное их определение затруднено.

Местные жители называют городище Кала-Тау (город-гора, городище) и считают местом первоначального проживания татар в районе села, а также местом проживания князей Деветьяровых. Крайне интересна оборонительная система городища. Сплошные кольцевые валы нехарактерны для средневековых городищ Вятского края. Ближайшие городища с аналогичными укреплениями и названиями «Кала-Тау» известны на территории Среднего Поволжья и определены как булгарские или булгаро-татарские. Р. Г. Фахрутдинов относил подобные городища с кольцевой системой обороны и небольшим культурным слоем к типу феодальных замков. На территории Среднего Поволжья автор выделял 73 подобных памят-

ника [20]. К такому же типу относят хорошо укрепленные городища с небольшой площадью до 6 га и А. М. Губайдуллин [21]. Городища определяют мощные оборонительные укрепления при небольших площадях и наличие нескольких окружающих селищ, представляющих собой открытые поселения-деревни в поместье феодала. Хотя в окрестностях с. Карино выявлены лишь поздние селища, таковыми могут быть современные татарские поселения – д. Деветьярово (где на Деветьяровском I селище был обнаружен фрагмент керамики в болгаро-татарской традиции) и само с. Карино. Оба эти поселения имеют древнюю историю и, вероятно, на заре своего появления были связаны с городищем. Много сходных с Каринским городищем черт имеет Старо-Барановское городище Спасского района Республики Татарстан – округлая форма, малая площадь при довольно мощных укреплениях, отсутствие культурного слоя и находок, наличие старого татарского кладбища, датируемого XVI в. Ученый отмечает, что «учитывая достаточную мощь обороны этого городища при его незначительной площади, этот памятник предположительно можно связать с усадьбой отдельного князька» [22].

Интересны и другие объекты, расположенные вблизи Каринского городища. Около него стоит упомянуть почитаемый ручей (местное название – Мрслан-тешме) и надгробные памятники нач. XVI в. с арабской и тюрко-татарской эпиграфикой, почитаемые местным населением на близлежащем кладбище (местное название – Мазар-кладбище). Подобное кладбище с ранними надгробиями и «святой» ручей имеется у Чувашско-Бродского городища в Алькеевском районе Татарстана [23]. Похожие на Каринское городище памятники известны в бассейне Б. Черемшана, это Утяшкинское, Ошинское и Елантовское городища. Данные памятники имеют небольшую площадь, незначительный культурный слой (на Утяшкинском слое вообще не выявлено), вокруг них не выявлены синхронные селища. Р. Г. Фахрутдинов относит их к типу военных фортификаций, имеющих стратегическое значение [24]. На наш взгляд, Каринское городище, расположенное вдалеке от основных территорий татар рядом с русской Вятской землей, может рассматриваться как сочетающее в себе функции городища-замка и городища-форпоста. Подобными функциями обладало Елховское городище в Альметьевском районе Республики Татарстан. Оно возникло изначально как феодальный замок, но со временем переросло в городок-крепость, один из опорных пунктов болгар [25].

По характеру укреплений Каринское городище предварительно можно интерпретировать как памятник болгаро-татарского типа и отнести к периоду позднего Средневековья. Появление в окрестностях с. Карино первых тюркоязычных поселенцев, вероятно, следует связывать с возникновением данного памятника и отнести к периоду не ранее XV в. Надгробные памятники, известные на территории старого татарского кладбища у с. Карино, хотя и относятся к началу XVI в., по многим параметрам архаичны и напоминают надгробия XV в. из с. Тат. Ходяшево Республики Татарстан [26]. XV в. датируются и первые письменные источники по истории каринских татар. Д. М. Исхаков, на основе их анализа, предполагает, «что создание на севере Арской даруги особого форпоста в виде укрепленного городка «Кала-тау» было связано с походом московских войск 1459 г. на Вятку» [27]. Возможно наличие среди первых тюркоязычных поселенцев и определенной части волжских болгар. Некоторые исследователи видят таковых в бессермянском населении края. Отмечается, что чепецкие татары состоят из двух этнических компонентов: болгарского, в своей основе бессермянского, компонента и золотоордынско-тюркского, т. е. собственно татарского компонента [28]. И оба этих компонента испытали определенное влияние со стороны проживавших в крае удмуртов.

Начиная с XIV в., по мнению С. Х. Алишева, происходит отток тюркоязычного населения с территорий Волжской Булгарии на обширную территорию Предкамья [29]. Вероятно, с одним из таких переселений, намеренным или вынужденным, стоит связывать и появление каринских татар в бассейне р. Чепцы и образование там целого конгломерата татарских деревень, существующих до сих пор. Археологические источники по истории каринских татар, на данном этапе их изучения, говорят в пользу гипотезы о позднем (XV в.) появлении данного народа в Вятском крае. Приведенные выводы носят предварительный характер, окончательное же решение вопроса о времени появления каринских татар видится в дальнейшем археологическом обследовании окрестностей с. Карино и полномасштабных раскопках Каринского городища.

Примечания

1. Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб, 2009. С. 145.
2. Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 61.
3. Халиков А. Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 7–36; Халиков А. Х. Узловые проблемы средневековой археологии Среднего Поволжья и Прикамья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1987. С. 20–21.
4. Сорокин П. М. Арские князья в Карине // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1897 г. Вятка, 1896. Отдел IV. С. 49.
5. Худяков М. Г. Очерки по истории казанского ханства. Казань, 1923. С. 21.
6. Гимади Х. Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 220; Мухамедова Р. Г. Чепецкие татары // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С. 7–8.
7. Талицкий М. В. Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 22. М., 1951. С. 34.
8. Макаров Л. Д. Болгаро-татарские материалы древнерусских памятников Вятской земли // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001. С. 145.
9. Обухова Е. А. Отчет о разведочных работах в Слободском районе Кировской области, проведенных летом 1983 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. 1983. Ф. 2. Д. 218; Егоров А. В. Отчет об археологической разведке по территории Афанасьевского и восточной части Слободского районов Кировской области за 2013 г. // Архив НПЦ по охране ОКН Кировской области. 2014. Т. 1. Текстовые материалы. Д. 180. С. 31–46.
10. Серкин С. П. Аргументы и факты к пониманию реальных событий древней истории Вятского края. Киров, 2014; Серкин С. П. Тайны земли Вятской. Предания, мифы, гипотезы и реальность Подчуршинского городища. Киров, 2008.
11. Вештомов А. И. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год через 600 лет, сочиненная в 1807–1808 годах. Казань, 1907. С. 67.
12. Васильев С., Бехтерев Н. История Вятского края с древних времен до начала XIX столетия. Т. 1. От прибытия новгородцев на вятку до начала XVIII столетия. С 1174 по 1700 год. Вятка, 1870. С. 35.
13. Луппов П. Н. Северные удмурты в XVI–XVII вв. // Ученые записки НИИ народов Советского Востока при ЦИК СССР. Вып. II. На удмуртские темы. М., 1931. С. 120.
14. Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. С. 126.
15. Макаров Л. Д. Болгаро-татарские материалы древнерусских памятников Вятской земли // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2002. С. 143–147.
16. Макаров Л. Д. Связи Вятской земли в XII–XV вв. по археологическим материалам // Finno-Ugrica. Казань, 2005–2006. № 9. С. 131–150.
17. Салангин Д. А. Об одной из этнокультурных групп керамики Вятского края // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Т. 4. Ижевск, 2002. С. 244, 245.
18. Спицын А. А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М., 1893. С. 189.
19. Обухова Е. А. Отчет о разведочных работах в Слободском районе Кировской области, проведенных летом 1983 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. 1983. Ф. 2. Д. 218. С. 6–7.
20. Фахрутдинов Р. Г. Классификация и топография болгарских городищ // Советская археология. 1990. № 4. С. 80.
21. Губайдуллин А. М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002. С. 103.
22. Фахрутдинов Р. Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в закамской Татарии // Советская археология. 1969. № 1. С. 229–230.
23. Фахрутдинов Р. Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии // Советская археология. 1978. № 1. С. 220.
24. Там же. С. 222–223.
25. Фахрутдинов Р. Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в закамской Татарии // Советская археология. 1969. № 1. С. 229–230.
26. Фахрутдинов Р. Г. Исследования болгарских городищ в Татарии и Ульяновской области (по разведкам 1976, 1970, 1971 гг.) // Советская археология. 1981. № 1. С. 251.
27. Мухаметшин Д. Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Вып. 6. Казань, 2008. С. 53.
28. Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010. С. 129.
29. Там же. С. 67.

Notes

1. Klein H.P. *Spor o varyagakh. Istoriya protivostoyaniya i argumenty storon* [Dispute about the Vikings. The background and arguments of the parties]. St Petersburg, 2009. P. 145.
2. Khalikov A.H. *Proiskhozhdenie tatar Povolzh'ya i Priural'ya* [The Origin of the Tatars of the Volga and Ural]. Kazan. 1978. P. 61.
3. Khalikov A.H. *Istoki formirovaniya tyurkoyazychnykh narodov Priural'ya* [The origins of the formation of the Turkic peoples in the Urals region] // *Voprosy ehtnogeneza tyurkoyazychnykh narodov Srednego Povolzh'ya* - Problems of the ethnogenesis of the Turkic-speaking peoples of the Middle Volga. Kazan. 1971. Pp. 7-36; Khalikov A. H. *Uzlovye problemy srednevekovoy arkheologii Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya* [Key problems of the medieval archaeology of the Middle Volga and Kama region] // *Problemy srednevekovoy arkheologii Urala i Povolzh'ya* - Problems of medieval archaeology of the Urals and the Volga region. Ufa. 1987. Pp. 20-21.
4. Sorokin P. M. *Arskie knyaz'ya v Karine* [Arsk princes in Karine] // *Kalendar' i pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1897 g* - Calendar and memorable book of Vyatka province in 1897. Vyatka. 1896. Department IV. P. 49.
5. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan khanate]. Kazan. 1923. P. 21.
6. Gimadi H.G. *Narody Srednego Povolzh'ya v period gospodstva Zolotoy Ordy* [The peoples of the Middle Volga region in the period of the domination of the Golden Horde] // *Materialy po istorii Tatarii* - Materials on the history of Tatarstan. Kazan. 1948. Vol. 1. P. 220; Mukhamedova R.G. *Chepetskie tatory* [Chepetsk Tatars] // *Novoe v ehtnograficheskikh issledovaniyakh tatarskogo naroda* - New in ethnographic studies of the Tatar people. Kazan. 1978. Pp. 7-8.
7. Talitsky M. V. *Verkhnee Prikam'e v KH-XIV vv.* [The upper Kama region in the X-XIV centuries] // *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* - The Materials and research on the archaeology of the USSR. No. 22, Moscow, 1951, p. 34.
8. Makarov L.D. *Bolgaro tatarskie materialy drevnerusskikh pamyatnikov Vyatskoy zemli* [Bulgarian Tatar materials of ancient monuments Vyatka land] // *Voprosy drevney istorii Volgo Kam'ya* - The problems of the ancient history of the Volga Kama region. Kazan. 2001. P. 145.
9. Obukhova A. E. *Otchet o razvedochnykh rabotakh v Slobodskom rayone Kirovskoy oblasti, provedennykh letom 1983 g* [Report on exploration supplier in Slobodsky district of the Kirov region, conducted in the summer of 1983] // *Fondy Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ya pri UdGU* - The Funds of the Institute of history and culture of the peoples of the Urals at the UdSU. 1983. F. 2, File 218; Egorov A. V. *Otchet ob arkheologicheskoy razvedke po territorii Afanas'evskogo i vostochnoy chasti Slobodskogo rayonov Kirovskoy oblasti za 2013 g.* [Report on archaeological exploration on the territory Afanasyevsky and the Eastern part of the settlement of the Kirov region for 2013] // *Arkhiv NPTS po okhrane OKN Kirovskoy oblasti* - Archive of SPC for the protection of OKN of the Kirov region. 2014. Vol. 1. Text materials. File 180. Pp. 31-46.
10. Serkin S. P. *Argumenty i fakty k ponimaniyu real'nykh sobytyy drevney istorii Vyatskogo kraya* [Arguments and facts to understanding the real events of the ancient history of the Vyatka region]. Kirov. 2014; Serkin S. P. *Tayny zemli Vyatskoy. Predaniya, mify, gipotezy i real'nost' Podchurshinskogo gorodishcha* [Secrets of Vyatka land. Legends, myths, hypotheses and reality Podgurskogo settlement]. Kirov. 2008.
11. Vechtomov A. I. *Istoriya vyatchan so vremeni poseleniya ikh pri reke Vyatke do otkrytiya v sey strane namestnichestva, ili s 1181 po 1781 god cherez 600 let, sochinennaya v 1807-1808 godakh* [The history of the people of Vyatka from the time of their settlement at the river Vyatka to open in this country, the province, or from 1181 to 1781 600 years later, composed in 1807-1808]. Kazan. 1907. P. 67.
12. Vasiliev S., Bekhterev N. *Istoriya Vyatskogo kraya s drevnikh vremen do nachala XIX stoletiya. T. 1. Ot pribytiya novgorodtsev na vyatku do nachala XVIII stoletiya. S 1174 po 1700 god* [The history of the Vyatka region from ancient times to the early nineteenth century. Vol. 1. From the arrival of the Novgorodians to Vyatka prior to the beginning of the XVIII century. From 1174 to 1700]. Vyatka. 1870. P. 35.
13. Luppov P.N. *Severnye udmurty v XVI-XVII vv* [Northern Udmurts in the XVI-XVII centuries] // *Uchenye zapiski NII narodov Sovetskogo Vostoka pri TSIK SSSR. Vyp. II. Na udmurtskie temy* - Scientific papers of the Institute of the peoples of the Soviet East of the CEC of the USSR. Iss. II. Udmurt topics. Moscow. 1931. P. 120.
14. Iskhakov D.M. *Arskie knyaz'ya i nukratskie tatory* [Arsk princes and nakrutka Tatars]. Kazan. 2010. P. 126.
15. Makarov L.D. *Bolgaro tatarskie materialy drevnerusskikh pamyatnikov Vyatskoy zemli* [Bulgarian Tatar materials of ancient monuments of Vyatka land] // *Voprosy drevney istorii Volgo Kam'ya* - The problems of the ancient history of the Volga Kama region. Kazan. 2002. Pp. 143-147.
16. Makarov L.D. *Svyazi Vyatskoy zemli v XII-XV vv. po arkheologicheskim materialam* [Communication Vyatka land in the XII-XV centuries for archaeological materials] // *Finno Ugrica. Kazan, 2005-2006, No. 9, pp. 131-150.*
17. Slangin D. A. *Ob odnoy iz ehtnokul'turnykh grupp keramiki Vyatskogo kraya* [About one of ethnocultural groups of ceramics of Vyatka region] // *Issledovatel'skie traditsii v arkheologii Prikam'ya* - Research traditions in archaeology of the Kama region. Vol. 4. Izhevsk. 2002. Pp. 244, 245.
18. Spitsyn A. A. *Priural'skiy kray. Arkheologicheskie razyskaniya o drevneyshikh obitatel'yakh Vyatskoy gubernii* [The Transurals region. Archaeological research on ancient inhabitants of the Vyatka province] // *Materialy po arkheologii Vostochnykh guberniy Rossii* - Materials on the archaeology of the Eastern provinces of Russia. Iss. 1. Moscow. 1893. P. 189.

19. Obukhova E.A. *Otchet o razvedochnykh rabotakh v Slobodskom rayone Kirovskoy oblasti, provedennykh letom 1983 g.* [Report on exploration supplier in Slobodsky district of the Kirov region, conducted in the summer of 1983] // *Fondy Instituta istorii i kul'tury narodov Priural'ya pri UdGU - Funds of the Institute of history and culture of the peoples of the Urals at the UdSU.* 1983. F. 2. File 218. Pp. 6-7.
20. Fakhrutdinov R.G. *Klassifikatsiya i topografiya bulgarskikh gorodishch* [Classification and topography of Bulgar settlements] // *Sovetskaya arkheologiya - Soviet archaeology.* 1990, No. 4, p. 80.
21. Gubaidullin A. M. *Fortifikatsiya gorodishch Volzhskoy Bulgarii.* [Fortified settlements of Volga Bulgaria]. Kazan. 2002. P. 103.
22. Fakhrutdinov R.G. *Novye arkheologicheskie pamyatniki Volzhskoy Bulgarii v zakamskoy Tatarii* [New archaeological monuments of Volga Bulgaria in Zakamskaya Tataria] // *Sovetskaya arkheologiya - Soviet archaeology.* 1969, no. 1, pp. 229-230.
23. Fakhrutdinov R.G. *Novye arkheologicheskie pamyatniki Volzhskoy Bulgarii* [New archaeological sites of the Volga Bulgar] // *Sovetskaya arkheologiya - Soviet archaeology.* 1978, No. 1, p. 220.
24. Ibid. Pp. 222-223.
25. Fakhrutdinov R.G. *Novye arkheologicheskie pamyatniki Volzhskoy Bulgarii v zakamskoy Tatarii* [New archaeological monuments of Volga Bulgaria in Zakamskaya Tataria] // *Sovetskaya arkheologiya - Soviet archaeology.* 1969, No. 1, pp. 229-230.
26. Fakhrutdinov R.G. *Issledovaniya bulgarskikh gorodishch v Tatarii i Ul'yanovskoy oblasti (po razvedkam 1976, 1970, 1971 gg.)* [Research of Bulgar settlements in Tatarstan and the Ulyanovsk region (researches of 1976, 1970, 1971)] // *Sovetskaya arkheologiya - Soviet archaeology.* 1981, No. 1, p. 251.
27. Mukhametshin D.G. *Tatarskie ehpigraficheskie pamyatniki. Regional'nye osobennosti i etnokul'turnye varianty* [Tatar epigraphic monuments. Regional characteristics and cultural options]. Iss. 6. Kazan. 2008. P. 53.
28. Iskhakov D.M. *Arskie knyaz'ya i nukratskie tatory* [Arsk princes and nukrat Tatars]. Kazan] 2010. P. 129.
29. Ibid. P. 67.

УДК 271.2:94(470.342)

В. В. Машковцева

Старообрядцы Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографический аспект

В статье рассмотрена динамика численности старообрядцев Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Автором проанализировано расселение адептов староверия по отдельным уездам и даны их основополагающие социально-демографические характеристики: половой, возрастной и этнический состав, уровень грамотности. Источниковой базой исследования являются материалы фондов Государственного архива Кировской области и Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

The article considers the dynamics of the population of the Old Believers of Vyatka province in the second half of XIX – early XX centuries. The author analyzed the settlement of adepts of the Old Believers in separate counties and given their basic socio-demographic characteristics: gender, age and ethnicity, level of literacy. Source base study materials are the funds of the State Archives of the Kirov region and the First General population census of 1897.

Ключевые слова: старообрядцы, Вятская губерния, Русская православная церковь, демографическая статистика, конфессиональная политика.

Keywords: Old Believers, Vyatka province, Russian Orthodox Church, demographic statistics, confessional policy.

Старообрядчество как религиозно-нравственный и социальный феномен изучается современными исследователями на основании материалов как центральных, так и местных архивов России. В частности, фонды Государственного архива Кировской области являются богатейшим источником информации по истории вятского староверия. В первую очередь, это делопроизводственная документация, отложившаяся в фонде Канцелярии вятского

губернатора (Ф. 582), донесения священнослужителей высшему епархиальному начальству и отчеты православных миссионеров о работе со староверами, нашедшие отражение в фондах Вятской духовной консистории (Ф. 237) и Вятского комитета православного миссионерского общества (Ф. 811). Помимо этого, важные сведения, позволяющие проследить динамику численности вятских старообрядцев в целом, а также по отдельным городам и уездам, содержат материалы фонда Вятского губернского статистического комитета (Ф. 574). Важным дополнением к архивным сведениям являются опубликованные источники, например, материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г., отражающие возрастной и этнический состав, образовательный уровень адептов староверия. На основании вышеперечисленных источников в рамках данной статьи нами будут рассмотрены основные социально-демографические характеристики вятских старообрядцев. В первую очередь, проанализируем динамику их численности на протяжении второй половины XIX – начала XX в.

Статистические данные, представленные в табл. 1, наглядно свидетельствуют об устойчивом росте численности старообрядцев Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Отметим, что на протяжении рассматриваемого хронологического периода велась активная борьба со староверием, в которой принимали участие как представители власти, так и священнослужители Русской православной церкви. При этом власти использовали административный ресурс и оказывали силовое воздействие на старообрядцев. Главными мерами наказания, применяемыми в отношении поборников староверия, являлись тюремное заключение, ссылка в Закавказский край, битье розгами и др. Основной же задачей миссионеров было возвращение «ревнителю древнего благочестия» в лоно официального православия с помощью мер просветительского, увещательного характера. В этой связи создавались церковные братства (например, два из них действовали в Вятской губернии – Братство Святителя и Чудотворца Николая и Сарапульское Вознесенское братство), усилиями которых открывались «противораскольнические» школы, распространялась богословская литература, пропагандирующая вероучение Русской православной церкви, инициировалось совместное обучение в школах детей старообрядцев и сторонников официальной церкви в целях сглаживания противоречий между ними и ликвидации конфронтации, проводились индивидуальные и коллективные беседы с приверженцами староверия и т. п. Тем не менее, даже несмотря на четко выстроенную систему мер, направленную на искоренение старообрядчества, реализовать поставленную цель властям не удалось.

Таблица 1

Динамика численности старообрядцев Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [1]

Годы	1855 г.	1860 г.	1865 г.	1869 г.	1875 г.	1879 г.	1885 г.	1897 г.	1905 г.	1909 г.
Численность старообрядцев (чел.)	38 996	41 817	47 338	51 349	61 816	63 793	72 709	98 055	105 528	115 644

Ежегодно происходило значительное увеличение численности староверов, чему способствовал ряд факторов. Главным из них являлся естественный прирост численности старообрядцев. Во второй половине XIX – начале XX в. в России в целом наблюдался рост численности населения. Так, если в 1863 г. в 50-ти губерниях Европейской части Российской империи проживало 61 175,9 тыс. человек, то по данным переписи 1897 г. – уже 93 442,9 тыс. человек. К 1914 г. эта цифра возросла до 127 776,5 тыс. человек [2]. Во многом это связано с прогрессивными реформами Александра I, в частности, развитием земской медицины, результатом функционирования которой стало снижение уровня смертности населения. В Вятской губернии численность населения увеличилась с 2220,6 тыс. человек в 1863 г. до 3030,8 тыс. человек в 1897 г. К 1914 г. здесь проживало уже 3926,7 тыс. человек. Рост численности населения можно наблюдать и на примере конкретной вероисповедной группы – старообрядцев, менталитет которых отличался ярко выраженным консерватизмом. Их семьи традиционно являлись многочисленными и включали в себя представителей нескольких поколений.

Помимо естественного прироста населения, определенную роль в развитии староверия играли переходы в его лоно адептов официальной церкви. За некоторыми исключениями, они не носили массового характера, но происходили ежегодно. Например, согласно отчету вятского губернатора, количество перешедших в старообрядчество на 1897 г. составило 12 350 человек [3], а на 1899 г. – 12 664 человек [4]. Таким образом, в конце XIX в. средняя

численность перешедших из официальной церкви в староверие составляла ежегодно порядка 150 человек. В масштабах населения Вятской губернии эта цифра не значительна. В начале XX в. рассматриваемый показатель будет еще ниже. В частности, в 1908 г. лишь 38 адептов Русской православной церкви присоединились к староверию [5].

Выявить причины распространения старообрядчества, мотивы переходов из официальной церкви в староверие пытались сами православные служители культа. В частности, в своих отчетах миссионеры традиционно подчеркивали чрезмерно большую территорию приходов и, соответственно, численность православной паствы. По этой причине священник не имел возможности регулярно общаться со своими прихожанами, обеспечивать исполнение ими долга исповеди и причастия, а также участие в церковном богослужении. Данное заявление православного духовенства следует признать объективным. Действительно, штат большинства приходов состоял из священника являвшегося настоятелем прихода, дьякона и псаломщика. Среднее число приходов в благочинном округе Вятской епархии равнялось 12. Средняя численность населения в приходе Вятской епархии составляла 4 168 чел., в то время как по России в целом – 1 500 чел. [6]

Помимо этого, необходимо учитывать и другие обстоятельства, способствовавшие увеличению численности староверов путем присоединения к ним приверженцев официальной церкви. Например, материальные выгоды старообрядцев, их лучшая обеспеченность по сравнению с адептами официальной церкви. Как правило, крестьяне в своих прошениях о разрешении им перейти в старообрядчество в числе первых причин указывали желание «избежать расходов на содержание духовенства» [7]. Действительно, православные священники порой преступали определенные границы в сборе руги и денег с приходского населения. Это признавали и сами миссионеры. В частности, помощник епархиального миссионера, священник Николай Тихвинский сообщил епископу Вятскому и Слободскому Алексею о сложившейся неблагоприятной обстановке в селе Новый Торьял Уржумского уезда. Приверженцы официальной церкви, высказывая свое недовольство работой православного клира, отметили, что «духовные не учат их и мало с ними разговаривают, на Пасхе и на Рождестве Христовом бегают из дома в дом, как настеганные, берут с них деньги без всякой жалости» [8]. Подобного рода действия, безусловно, вызывали неприязнь и недоверие духовенству со стороны православных прихожан. Не отрицая вышеизложенные факты, не следует, однако, возводить их в разряд систематических и обвинять в корыстолюбии все духовенство Русской православной церкви. Исследователи старообрядчества подчеркивают, что, как правило, взимание платы свидетельствовало о тяжелом материальном положении, которое вынуждало священников брать деньги с прихожан за отправление духовных треб. Однако это влекло за собой снижение авторитета православных служителей культа.

Наконец, рост численности старообрядцев мог быть связан с либерализацией конфессиональной политики самодержавия в целом и изданием конкретных нормативно-правовых актов. С воцарением Александра II правительство все больше внимания стало уделять развитию образования в народной среде. В миссионерских отчетах постоянно подчеркивалась мысль о том, что лучшим средством борьбы со староверием является просвещение народа. Уже в 60-е гг. XIX в. был принят ряд нормативных актов, свидетельствовавших о смене конфессиональной политики самодержавия. В частности, закон от 27 февраля 1866 г. обязывал сельских священников «в проповедях стараться располагать крестьян к грамотности и обучению» [9]. В целях активизации миссионерской деятельности, утверждения основ православия создавались церковные братства. Закон «О правилах для учреждения православных церковных братств» был издан 8 мая 1864 г. С благословения епархиального архиерея и разрешения начальника губернии братства основывались при церквях и монастырях. На территории Вятской губернии активно действовало два таких братства: Вятское епархиальное братство Святителя и Чудотворца Николая и Сарапульское Вознесенское братство. Через организацию бесед православных служителей культа со староверами, распространение брошюр, книг, направленных на обличение старообрядчества, устройство библиотек, открытие школ и обучение детей (как православных, так и староверов) братства вносили свой вклад в дело просвещения народа. Они служили «нуждам и пользам» православной церкви, препятствовали «посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников» [10]. Наконец, старообрядцы, не принадлежавшие к «особенно вредным сектам», согласно постановлению от 29 ноября 1863 г., могли исполнять общественные должности волостного и сельского управления государственных

крестьян. Исключение составляли должности волостного головы и сельского старшины, избираться на которые разрешалось только сторонникам Русской православной церкви [11].

Вероятно, либерализация конфессиональной политики самодержавия в период царствования Александра II, особенно в 1860-е гг., вселила в старообрядцев надежду на возможность их полной легализации в обществе. Не случайно в указанный период времени наблюдается значительный рост численности староверов. Вятская губерния находилась в числе тех регионов, где в 1864 г. были отмечены массовые переходы адептов официальной церкви в старообрядчество (наряду с Пензенской, Курской и Оренбургской губерниями). Общая численность старообрядцев Вятской губернии увеличивается с 41 817 человек в 1860 г. до 51 349 человек в 1869 г. (см. табл. 1).

В это время среди крестьян стал распространяться слух о том, будто старообрядцам благоволит сам император. Так, крестьянин починка Мальчикова Большеучинского прихода Малмыжского уезда распространял слух, будто «Государю Императору понравились раскольнические молельни или часовни и он в 1859 г. издал указ: не теснить раскольников, и православные, если пожелают спасти душу свою, могут записываться в старую спасенную веру» [12]. Услышав об этом, многие принимали решение перейти в старообрядчество. Более того, староверы рассказывали крестьянам – сторонникам официального православия, что «Государь Император их старой веры, но только до времени не хочет это обнаруживать, а желает, чтобы все переходили в старую веру...» [13]. Разумеется, распространение подобной информации затрудняло работу православных миссионеров, снижало ее результативность.

В 60-е гг. XIX в. возрастает поток прошений крестьян в высшие религиозные инстанции о разрешении им официально считаться старообрядцами. Так, в 1863 г. в Святейший Синод обратились крестьяне нескольких деревень Елабужского и Малмыжского уездов с просьбой «об отчислении их со своими семействами из православия» в старообрядчество [14]. Ранее они являлись староверами, как и их предки, затем «назвались... православными» ввиду преследования старообрядцев со стороны духовных и светских властей. Однако в душе крестьяне не изменили своим религиозным воззрениям и хотели бы вновь исповедовать «старую веру», официально считаясь ее сторонниками. Прощения вятских крестьян о разрешении им состоять в старообрядчестве поступали в Святейший Синод и в последующие годы (в частности в 1865, 1866 гг.) [15]. Однако ни одно из подобных ходатайств не было удовлетворено, поскольку это противоречило действовавшему тогда законодательству. С этим связано значительное сокращение числа прошений старообрядцев, попыток перейти в староверие, не нарушая закона, уже к концу 1860-х гг.

Новая волна значительного увеличения численности старообрядцев наблюдается после опубликования закона 3 мая 1883 г., в соответствии с которым старообрядцы получили право творить общественную молитву, исполнять духовные требы, совершать богослужение по своим обрядам, восстанавливать пришедшие в ветхость молельни и обращать в таковые существующие строения [16]. Данный нормативно-правовой акт вселил в старообрядцев большие надежды, несмотря на серьезные ограничения их прав. В Вятской губернии численность старообрядцев на протяжении 80-х гг. XIX в. возрастает с 63 793 человек в 1879 г. до 72 709 человек в 1885 г. (см. табл. 1).

Наконец, 17 апреля 1905 г. Николаем II был подписан указ «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому староверы, наконец, были уравнены в правах с адептами Русской православной церкви. Они перестали именоваться ненавистным им словом «раскольник». Понятием «старообрядцы» были объединены все последователи «толков и согласий, которые приемлют основные догматы православной церкви, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам». В соответствии с данным нормативным актом «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение» более не каралось и не преследовалось по закону [17]. Указ 17 октября 1906 г. предоставил старообрядцам право свободного исповедания их веры, отправления религиозных обрядов «по правилам их вероучений», а также образования религиозных общин [18]. Следствием такой политики властей, направленной на легализацию старообрядчества, стало увеличение численности его последователей в Вятской губернии с 105 528 человек в 1905 г. до 115 644 человек в 1909 г. (см. табл. 1).

Проанализируем распределение старообрядцев по территории Вятской губернии в рассматриваемый период времени. Для этого обратимся к статистическим данным, обобщенным в табл. 2.

Распределение старообрядцев по уездам Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [19]

Уезд	Численность старообрядцев (чел.)									
	Годы									
	1855	1860	1865	1869	1875	1879	1885	1897	1905	1909
Вятский	489	651	507	1027	1109	1027	908	1357	1393	1395
Глазовский	12 669	13 658	15443	17 261	18 842	20 635	24 564	30 602	37 412	43 449
Елабужский	528	253	364	416	1092	1127	1365	1798	1832	704
Котельничский	–	–	–	–	10	–	–	5	–	–
Малмыжский	6945	8108	8446	9220	13 145	13 039	14 152	17 214	18 845	23 680
Нолинский	6591	7580	9246	7934	8613	8677	8485	8998	8387	8549
Орловский	952	878	1201	1257	1306	1676	3285	9116	9703	10 411
Сарапульский	3358	3598	4657	5564	7698	7063	7887	13 618	11 898	15 407
Слободской	71	58	69	188	187	181	161	235	270	274
Уржумский	6648	6364	6770	7528	8494	9306	10 564	12 993	12 899	9251
Яранский	745	669	635	884	1320	1062	1338	2119	2619	2769

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. лидером по численности старообрядцев Вятской губернии неизменно оставался Глазовский уезд, находившийся на востоке региона. В разные годы здесь проживало от 30,5% (1875 г.) до 37,6% (1909 г.) всех вятских староверов. Центрами беспоповщины в Глазовском уезде являлись села Карсовайское, Кулиг, деревни Павлушата и Мокрушата. Поповщина была наиболее сильно представлена в селах Порезское, Зюздино-Христорожественское, Зюздино-Афанасьевское, деревнях Наймушинская, Антоновская, Тарасенская. В Омутнинском заводе проживали старообрядцы обоих толков. Одним из распространителей староверия в Глазовском уезде являлся крестьянин починка Тарасенского Мухинской волости Козьма Чернышев. Он исполнял обязанности священника у старообрядцев после получения сана от московского архиерея Антония. Обвинение Чернышева в распространении староверия и «сворачивании в раскол» православных следствием доказана не была, однако за организацию молельни он был приговорен Сенатом к шести месяцам тюремного заключения [20]. За венчание малолетних (13–15 лет), совершение браков в не разрешенные Русской православной церковью дни, венчание не только старообрядцев, но и приверженцев официального православия был сослан на Кавказ «лжепоп» Илья Русских, деятельность которого в Глазовском уезде была локализована, главным образом, на территории с. Зюздино-Христорожественское [21].

Второе место по численности старообрядцев Вятской губернии занимал Малмыжский уезд, располагавшийся на юге края. На протяжении рассматриваемого периода здесь проживало от 17,6% (1897 г.) до 21,3% (1875 г.) от общей численности старообрядцев Вятской губернии. В Малмыжском уезде находились такие центры беспоповщины, как село Старая Тушка, деревни Подосиново, Большие Рожки, Красный Ключ, Куженерка. С селом Старая Тушка связана деятельность известного вятского старообрядца Луки Арефьевича Гребнева. В 1908 г., с разрешения Министерства внутренних дел, он открыл там «типографию со словолитней для печатания на церковно-славянском языке старообрядческих богослужебных и других религиозно-нравственного содержания книг, а также изготовления необходимого для этой цели шрифта» [22]. Таким образом, Старая Тушка стала не только крупнейшим культовым (там находилась молельня), но и книгоиздательским старообрядческим центром всей Вятской губернии. Типография была закрыта в 1918 г., что связано с антирелигиозной политикой большевиков. Последователи поповщины проживали в таких населенных пунктах Малмыжского уезда, как село Лекшур, деревни Вихарево, Яшкино, Сосновка, Новый Кузлук. Согласно отчетам православных миссионеров, в деревне Яшкино вели религиозную деятельность два «лжеепископа» – Петр Федорович Мальцев и Александр Игнатьевич Санников [23]. Старообрядцы Малмыжского уезда поддерживали связи со своими религиозными единомышленниками из других регионов. В частности, в 1904 г. в с. Старая Тушка приезжал исполнявший обязанности священника у староверов Федот Дмитриевич Пермяков – крестьянин Камышинского уезда Саратовской губернии. Он принимал участие в публичных беседах старообрядцев с православными миссионерами [24].

Третьим центром староверия в Вятской губернии являлся Уржумский уезд, находившийся на юге края. Самый низкий процент проживавших здесь старообрядцев приходился на период Думской монархии. В частности, в 1909 г. в Уржумском уезде насчитывалось

9251 последователей староверия, что составляло лишь 8% от общей численности «ревнителей древнего благочестия». Однако на протяжении второй половины XIX в. в данном уезде проживало до 15,2% всех старообрядцев Вятской губернии. В Уржумском уезде наиболее сильно была представлена беспоповщина, центрами которой являлись такие населенные пункты, как сам Уржум, села Русский Турек, Петровское, Большеройское, Русский Билямор, Косолапово, деревни Комарово и Черная Грязь и Шурминский завод. Приверженцы поповщины проживали в починках Березник и Байса, селе Кузнецово, деревне Большие Ключи.

Четвертым по численности старообрядцев на территории Вятской губернии являлся Сарапульский уезд, находившийся на юго-востоке региона. Поповцы здесь были максимально представлены в селах Петропавловское и Июльское, деревнях Светлая и Черная, на Ижевском заводе и в городе Сарапуле. Наиболее крупные центры беспоповщины – Воткинский завод, село Кигбаево и деревня Верхняя Талица. Одним из распространителей старообрядчества в Сарапульском уезде являлся «лжесвященноинок» Ананий. Полное имя этого старообрядца, уроженца Пермской губернии – Андриян Акинфьевич Шibaков. В Москве старообрядческий епископ Геннадий постриг его в монахи, дав имя Ананий, а позднее он получил сан дьякона и иерея, или священноинока. В Сарапуле, после установленного полицией наблюдения, А. Шibaков был арестован и по решению уездного суда, за исполнение обязанностей священника, лишен всех гражданских прав и сослан в Закавказский край [25]. Духовным отцом Анания являлся «лжепоп» Аристарх Рябов – глава старообрядцев Ижевского завода, также арестованный в 1862 г. Помимо этого, согласно отчетам православных миссионеров, на территории уезда священнодействовали и другие представители старообрядческого духовенства: в Сарапуле – «лжепоп» Никифор Егоров Баранов, в Ижевском заводе – Иоанн Шестаков [26]. Для активизации миссионерской деятельности Русской православной церкви среди старообрядцев было создано Сарапульское викариатство, чья деятельность распространялась территориально на три уезда Вятской губернии – Сарапульский, Елабужский и Малмыжский.

Далее по численности проживавших в них адептов староверия следуют Нолинский, Орловский, Яранский и Елабужский уезды. В Нолинском уезде проживали старообрядцы как поповского, так и беспоповского толка. Центрами первого являлись деревни Крысовская, Власовская, Марковская и Копосовская, второго – села Слудка и Сретенское, деревни Зубари, Боровская, Безносики и Медкоедовская. В Орловском, Яранском и Елабужском уездах проживали приверженцы беспоповщины. Наиболее сильно они были представлены в селах Подрелье, Верхораменское, Березово и Верховино (Орловский уезд); починке Двоглазовский, деревнях Луговая, Павлово, Широково, Левкино и Арзаматово (Яранский уезд); селах Васильевское, Костенеево, деревнях Вишур и Волково (Елабужский уезд).

Как свидетельствуют отчеты православных миссионеров, старообрядцы Яранского и Нолинского уездов поддерживали контакты со своими религиозными единомышленниками из Нижегородской губернии. Например, представители старообрядческого клира в Нолинском уезде Иван Копосов, Амвросий Семеновых (д. Марковская) и Семен Крысов (д. Крысовская) регулярно совершали поездки в Нижегородскую губернию к «лжеепископам» Иосифу и Кириллу [27]. В марте 1873 г. в деревне Писариной Яранского уезда была задержана «раскольническая игуменья» – крестьянка деревни Комарово Семеновского уезда Нижегородской губернии Марфа Гавриловна Соловьева. На допросе М. Соловьева показала, что она является сторонницей белокриницкого согласия. Ввиду недоказанности вины М. Соловьевой в распространении старообрядчества, она была освобождена из-под ареста, но «с отдачею под местный полицейский надзор» [28].

Незначительным был процент представительства старообрядцев в Вятском уезде – от 1 до 1,7, что, вероятно, объясняется жестким контролем за староверами со стороны губернских властей. Еще меньше староверов насчитывалось в Слободском уезде: от 0,1% (1860, 1865 гг.) до 0,4% (1869 г.) от общей численности старообрядцев края. Наиболее крупным центром старообрядчества здесь являлось село Трехсвятское. Наконец, приверженцы староверия практически отсутствовали в Котельничском уезде. Лишь в 1875 и 1897 гг., согласно отчетам Вятского губернского статистического комитета, здесь насчитывалось соответственно 10 и пять старообрядцев.

Таким образом, на территории Вятской губернии старообрядцы были максимально представлены в уездах, находившихся на востоке (Глазовский), юге (Малмыжский, Уржум-

ский) и юго-востоке (Сарапульский) края. Вятские старообрядцы поддерживали активные связи с «ревнителями древнего благочестия» из близлежащих регионов, в частности, Казанской, Пермской и Нижегородской губернии.

Ниже представлены статистические данные о половом составе вятских старообрядцев (табл. 3).

Таблица 3

Половой состав старообрядцев Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [29]

Годы	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)	Соотношение численности мужского и женского населения (в %)
1855	18 150	20 846	46,5 / 53,5
1860	19 558	22 259	46,8 / 53,2
1865	22 291	25 047	47,1 / 52,9
1869	24 210	27 139	47,1 / 52,9
1875	28 853	32 963	46,7 / 53,3
1879	30 118	33 675	47,2 / 52,8
1885	34 660	38 049	47,6 / 52,4
1897	44 964	53 091	45,9 / 54,1
1905	50 551	54 707	47,9 / 51,8
1909	56 131	59 513	48,5 / 51,5

Как видим, половой состав вятских старообрядцев рассматриваемого периода отличался стабильностью. Незначительно преобладали женщины: их доля составляла от 51,5 до 54,1%. Представительство мужчин колебалось от 46,5 до 48,5%. Сохранение такого полового баланса было характерно для Российской империи в целом.

Важным представляется и анализ соотношения численности городского и сельского населения в составе старообрядцев Вятской губернии. Необходимые статистические данные представлены в табл. 4.

Таблица 4

Численность городского и сельского населения в составе вятских старообрядцев во второй половине XIX – начале XX в. [30]

Годы	Численность городского населения (чел.)	Численность сельского населения (чел.)	Соотношение численности городского и сельского населения (в %)
1855	393	38 603	1 / 99
1860	439	41 378	1 / 99
1865	487	46 851	1 / 99
1869	790	50 559	1,5 / 98,5
1875	570	61 146	0,9 / 99,1
1879	654	63 139	1 / 99
1885	1 258	71 451	1,7 / 98,3
1897	1 482	96 573	1,5 / 98,5
1905	1 546	103 712	1,5 / 98,5
1909	770	114 874	0,7 / 99,3

На протяжении рассматриваемого периода Вятская губерния оставалась преимущественно аграрным регионом. Доля сельского населения значительно превышала городское. Это касается как доминирующей конфессии – адептов Русской православной церкви, так и приверженцев староверия. Горожане среди «ревнителей древнего благочестия» были представлены незначительно: от 0,7 до 1,7% от общей численности старообрядцев. Доля сельского населения, напротив, традиционно была высокой и в разные годы составляла от 98,3 до 99,3%. Незначительность городских жителей среди староверов объясняется еще и жестким административным контролем за ними. Только в начале XX в. положение старообрядцев было легализовано; ранее же они подвергались гонениям со стороны как светских, так и духовных властей. Сохранить свои культовые и образовательные центры, обеспечить возможность религиозной деятельности служителей культа в городах в создавшихся условиях было значительно сложнее, чем в сельской местности.

Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., старообрядцы были максимально представлены в уездных городах на юге и юго-востоке Вятской губернии. В частности, в Сарапуле проживало 569 староверов, что составляло лишь

История

4,2% от общей численности старообрядцев Сарапульского уезда. При этом среди горожан Сарапула староверы составляли 5,7%. В Уржуме их насчитывалось 371 человек (2,9% от общей численности старообрядцев Уржумского уезда). Среди жителей Уржума староверы были представлены достаточно весомо и составляли 8,4%. В губернском центре – г. Вятке – община староверов включала в себя 284 человека, что составляло около 21% от общей численности старообрядцев Вятского уезда. Однако при таком сопоставлении нужно учитывать, что количественно староверы Вятского уезда существенно уступали своим единоверцам Сарапульского и Уржумского уезда – примерно в 10 раз. Представительство старообрядцев среди горожан Вятки было незначительным: они составляли лишь 1,1%. Наконец, «ревнителю древнего благочестия» проживали в Нолинске (92 человека), Орлове (76 человек), Малмыже (39 человек) и Глазове (37 человек). Совсем незначительным было представительство старообрядцев в Елабуге (10 человек), Слободском (два человека), Яранске и Котельниче (по одному человеку).

В основной своей массе, по социальному статусу вятские староверы являлись крестьянами. Кроме того, были среди них и представители купечества. Например, в селе Русский Турек Уржумского уезда проживали известные лесопромышленники Бушковы, на средства которых содержалась молельня старообрядцев-беспоповцев (даниловцев и федосеевцев) в названном населенном пункте. В Уржуме жил состоятельный лесопромышленник Савва Дмитриевич Шамов, благодаря материальной помощи которого было возможно функционирование молельного дома старообрядцев-даниловцев в селе Комарово. В губернском центре – г. Вятке – старообрядческая молельня была построена на средства купца Дениса Фадеевича Зонова. Ее открытие в 1910 г. стало важным и отрадным событием в духовной жизни вятских староверов. Радость вместе с ними разделили их единомышленники из разных регионов России. Так, например, на имя Дениса Фадеевича поступили поздравительные телеграммы от старообрядческих общин Астрахани, Ярославля, Нижнего Новгорода [31]. Д. Ф. Зонов финансировал не только строительство молельного дома, но и приобретение икон для него. В частности, в иконописной мастерской Ф. А. Бочкарева в Сызрани были заказаны Сретение Господне и Введение в церковь Пресвятой Богородицы. За первую икону, согласно сохранившейся переписке купца, им было заплачено 35 руб., за вторую – 30 руб. [32] Помимо строительства храмов, купцы-старообрядцы, обладая большими капиталами, всегда материально поддерживали своих единоверцев. В случае нужды последние всегда могли рассчитывать на их помощь. Тем самым предприниматели – последователи «древнего благочестия» – много способствовали сохранению и дальнейшему развитию староверия на Вятской земле.

Далее рассмотрим возрастной состав вятских старообрядцев.

Таблица 5

**Возрастной состав старообрядцев Вятской губернии
во второй половине XIX – начале XX в. (на 1897 г.) [33]**

Возрастные категории	Численность старообрядцев	% от общей численности старообрядцев
Дети до 1 года	3 817	3,9
1–9 лет	24 077	24,6
10–19 лет	20 615	21
20–29 лет	14 687	15
30–39 лет	11 748	12
40–49 лет	9 004	9,2
50–59 лет	6 768	6,9
60–69 лет	4 716	4,8
70–79 лет	1 937	2
80–89 лет	559	0,6
90–99 лет	108	0,1
100 лет и более	7	0,01

Анализируя возрастную структуру старообрядцев Вятской губернии, следует обратить внимание на количественное преобладание в ней детей в возрасте от 1 года до 10 лет. На долю этой возрастной группы, согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., приходилось 24,6% от общей численности старообрядцев губернии. Вторая преобладающая возрастная группа – дети и подростки в возрасте от 10 до 20 лет, составлявшие 21% от общего количества староверов Вятского края. Доминирование двух на-

званных возрастных категорий среди старообрядцев объясняется высоким уровнем рождаемости, что было характерно и для представителей других конфессий, в частности, православных и мусульман. Однако доля детей в возрасте до одного года составляла лишь 3,9%, что было обусловлено высоким уровнем детской смертности, особенно во младенчестве.

Третье место по численности занимают представители самого работоспособного возраста. Это, в первую очередь, молодые люди от 20 до 30 лет. На их долю приходилось 15% от общей численности старообрядцев губернии. За ними с незначительным отрывом следуют старoverы в возрасте от 30 до 40 лет, составлявшие 12% от общего количества старообрядцев Вятского края. Наконец, к числу работоспособных отнесем и представителей следующей возрастной группы – от 40 до 50 лет (9,2%).

Люди пожилого возраста составляли, в основном, от 4,8% (60–69 лет) до 6,9% (50–59 лет). Незначительным среди старообрядцев было представительство людей более зрелого возраста: 70–79 лет – 2%, 80–89 лет – 0,6%, 90–99 лет – 0,1%, 100 и более лет – 0,01%. Последнее обстоятельство связано с невысокой продолжительностью жизнью.

Характеристика этнического состава старообрядцев Вятской губернии может быть дана на основании статистических сведений, представленных в табл. 6.

Таблица 6

Этнический состав старообрядцев Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (на 1897 г.) [34]

Этнос	Численность (чел.)	% (от общей численности старообрядцев губернии)
Русские	97 405	99,3
Белорусы	2	0,002
Удмурты	17	0,01
Марийцы	5	0,005
Пермяки	622	0,6
Татары	3	0,003
Башкиры	1	0,001

Этнический состав вятских старообрядцев был достаточно однородным: 99,3% из них являлись русскими. Помимо этого восточные славяне, хотя и весьма незначительно, но были представлены белорусами (0,002%). Небезынтересно, что среди вятских старoverов были и финно-угры. Вспомним, что именно удмурты, марийцы, коми-зыряне и коми-пермяки составляли коренное население Вятского края. В рассматриваемый период Русская православная церковь вела в их среде активную миссионерскую работу в целях христианизации. Убедить язычников в истинности своих взглядов и верования пытались и местные старообрядцы. Например, беседуя с ними, приверженцы старoverия, в первую очередь, акцентировали внимание на корыстолюбии православных пастырей, взимавших плату за совершение религиозных обрядов (крещение, венчание, отпевание) и отправление треб. Так, крестьянин деревни Юловской Юсовской волости Никита Корепанов в присутствии священника А. Васнецова и своих соседей рассуждал: «Мы теперь молимся Христу и святым его, это хорошо, но для нас, вотяков, эта вера не под силу: больно расходно. За все отдай деньги. Раньше мы молились шайтану да расходу не знали. Нам лучше та старая вера... Вот и у старoverов расходу не знают...» [35] Материальные преимущества, отсутствие расходов на содержание православного духовенства являлись излюбленной темой бесед старообрядцев с адептами официальной церкви. Наконец, еще одним, элементом этнической структуры вятских старoverов являлись представители тюркских народов. Их доля была очень низкой: татары составляли 0,003% и башкиры 0,001% от общей численности старообрядцев Вятской губернии, что вполне объяснимо. Традиционной религией данных народов является ислам, последователи которого всегда отличались очень высокой степенью религиозной убежденности.

Далее обратимся к рассмотрению вопроса о развитии образования в среде старообрядцев. Имеющийся статистический материал по обозначенной проблеме представляется возможным обобщить в табл. 7.

**Численность грамотных старообрядцев Вятской губернии
во второй половине XIX – начале XX в. (на 1897 г.) [36]**

Этнос	Численность грамотных старообрядцев (чел.)			% (от общей численности старообрядцев данного этноса)
	м. п.	ж. п.	всего	
Русские	11 427	3 450	14 877	15,3
Белорусы	–	–	–	–
Удмурты	3	1	4	23,5
Марийцы	–	–	–	–
Пермяки	36	1	37	5,9
Татары	–	–	–	–
Башкиры	–	–	–	–

Вопрос об уровне грамотности старообрядцев по-разному рассматривался представителями духовенства официальной церкви и светскими исследователями данной темы. В частности, православные служители культа оценивали старообрядцев как невежественных, абсолютно необразованных людей, чьи убеждения держатся лишь на силе упорства в отстаивании своих взглядов и на сплоченности и взаимовыручке в рамках общины. Так, священник села Кузнецово Уржумского уезда указал в своем донесении: «Грамота среди раскольников распространена очень мало, они очень мало знают об учении церкви и о расколе...» [37] Светские же историки, особенно современные, напротив, отмечают весьма высокий уровень грамотности «ревнителей древнего благочестия». «Старообрядчество, – пишет М. О. Шахов, – характеризовалось крайне высокой грамотностью и интересом к книжности» [38]. Дети старообрядцев, как правило, получали домашнее образование, поскольку закон не разрешал им открытие собственных школ. Последние функционировали, но нелегально, до момента обнаружения властями и закрытия. Посещение учебных заведений, где обучались адепты официальной церкви, родители долгое время не считали возможным для своих детей в силу серьезной религиозной конфронтации. Стремление к грамотности, книжности всегда отличало староверов. Согласно статистическим данным, средний уровень грамотности в Европейской России в 1908 г. составлял 23%, в то время как в старообрядческой среде он равнялся 36%, а в северных областях достигал даже 43% [39]. Конечно, мнение православных пастырей является необъективным и предвзятым. В то же время нельзя идеализировать ситуацию. Сопоставим уровень грамотности в среде представителей разных вероисповеданий, проживавших на территории Вятской губернии.

Таблица 8

**Соотношение численности грамотного населения среди представителей разных вероисповеданий
Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (на 1897 г.) [40]**

Вероисповедание	Процент грамотных		
	м. п.	ж. п.	всего
Православные	25,7	8,2	15,7
Католики	74,9	71,7	73,5
Лютеране	83,6	86,9	85,2
Иудеи	70,1	61,0	65,5
Мусульмане	23,3	23,4	23,3
Старообрядцы	25,5	6,5	15,2

Как видим, согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., уровень грамотных старообрядцев в Вятской губернии составлял 15,2%. Это сопоставимо с аналогичным показателем у православных – приверженцев официальной церкви – 15,7%, однако по уровню грамотности староверы значительно уступали лютеранам (85,2%), католикам (73,5%), иудеям (65,5%) и мусульманам (23,3%). Последнее обстоятельство может быть мотивировано рядом факторов. Во-первых, немцы, поляки, евреи в основной своей массе проживали в городах, а старообрядцы, преимущественно, – в сельской местности, где система образования была менее развита. Во-вторых, староверы долгое время, вплоть до 1905 г., не имели возможности открывать свои учебные заведения, в то время как дети мусульман могли обучаться в мектебе или медресе, у католиков и протестантов функционировали школы при костелах и кирхах, дети евреев учились в светских школах. В-третьих, необходимо учесть и разницу в социальном статусе. Поляки, немцы, евреи, по преимуществу были чиновниками, государственными служащими, инженерами или пред-

принимателями, т. е. их род профессиональной деятельности был сопряжен с интеллектуальной сферой [41]. Получение хорошего образования было для них объективной необходимостью. Старообрядцы же, в основном, как уже было сказано выше, являлись крестьянами. Прослойка предпринимателей среди них была, но не столь существенна.

Основная масса грамотных староверов приходилась на долю мужчин: среди них грамотными были 25,5%. Процент грамотных женщин в среде старообрядцев был почти в 4 раза меньше – 6,5. Вероятно, это обусловлено консерватизмом мировоззрения старообрядцев: женщина традиционно воспринималась как мать и хозяйка.

Что касается этнической принадлежности, то грамотные староверы в Вятской губернии были только среди русских, удмуртов и пермяков. Этнически преобладающая категория – русские; среди них уровень грамотных старообрядцев составлял 15,3%.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. староверие было наиболее распространено на юге и юго-востоке Вятской губернии. Основная масса его приверженцев проживала в сельской местности и являлась крестьянами по социальному статусу. Кроме того, среди них были и представители купеческих династий, которые, благодаря своим материальным возможностям, способствовали строительству молелен, приобретению богослужебной литературы, икон и в целом развитию старообрядчества на территории рассматриваемого региона. В возрастной структуре вятских староверов преобладают дети и подростки в возрасте от 1 года до 20 лет, что обусловлено высоким уровнем рождаемости в среде последователей старообрядчества, а также молодые люди самого работоспособного возраста – 20–29 лет. Абсолютное большинство старообрядцев Вятской губернии – русские по этнической принадлежности. Их отличал достаточно высокий для освещаемого периода уровень грамотности. Однако стремление к образованию и просвещению на протяжении столетий сталкивалось с запретом иметь свои учебные заведения, который действовал вплоть до 1905 г.

Примечания

1. Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Лл. 7 об.–9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Лл. 9 об.–11; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 737. Л. 139; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Лл. 8 об.–10; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Лл. 4 об.–6; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 879. Лл. 6 об.–8; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Лл. 137–139; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. С. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Лл. 2 об.–4; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Лл. 2 об.–4.

2. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913) Статистические очерки. URL: <http://istmat.info/node/72>.

3. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1897 г. Вятка, 1898. С. 76.

4. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора за 1899 г. Вятка, 1900. С. 107.

5. Обзор Вятской губернии за 1908 год. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1909. С. 64.

6. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / под ред. К. И. Куликова. Ижевск, 2004. С. 507.

7. ГАКО. Ф. 237. Оп. 15 и. Д. 345. Л. 11.

8. ГАКО. Ф. 237. Оп. 203. Д. 424. Л. 9 об.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. XLI. Отд-ние первое. 1866. СПб., 1868. С. 187.

10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. XXXIX. Отд-ние первое. 1864. СПб., 1867. С. 409.

11. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 604.

12. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84. Д. 422. Л. 1.

13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 84 а. Д. 111. Лл. 1–1 об.

14. РГИА. Ф. 796. Оп. 144. Д. 1938. Лл. 3–4 об.

15. Записка с изложением извлеченных из дел Св. Синода и канцелярии обер-прокурора за последнее десятилетие сведений о действиях и распоряжениях духовного начальства по отношению к расколу. СПб., 1874. С. 39, 57, 72–74.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. СПб., 1886. Т. III. С. 219–220.

17. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. СПб., 1909. Т. XXV. 1905. Отд-ние 1. СПб., 1908. С. 257, 258.

18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. СПб., 1909. Т. XXVI. 1906. Отд-ние 1. СПб., 1909. С. 905.

19. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Лл. 7 об.–9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Лл. 9 об.–11; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 737. Л. 139; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Лл. 8 об.–10; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Лл. 4 об.–6; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 879. Лл. 6 об.–8; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Лл. 137–139; Первая всеобщая перепись

- населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. С. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Лл. 2 об.-4; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Лл. 2 об.-4.
20. ГАКО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1660.
 21. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 427. Л. 32об.
 22. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 287. Л. 2.
 23. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 513. Л. 12.
 24. ГАКО. Ф. 582. Оп. 144. Д. 351. Лл. 1-7.
 25. РГИА. Ф. 797. Оп. 32. Д. 78. Л. 2об.
 26. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 513. Л. 11.
 27. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 428. Л. 10 об.
 28. ГАКО. Ф. 582. Оп. 90. Д. 273. Лл. 35об.-36.
 29. ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 30. Лл. 7 об.-9; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 85. Лл. 9 об.-11; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 737. Л. 139; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 274. Лл. 8 об.-10; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 526. Лл. 4 об.-6; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 879. Лл. 6 об.-8; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1005. Лл. 137-139; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. С. 84; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 610. Лл. 2 об.-4; ГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 811. Лл. 2 об.-4.
 30. Там же.
 31. ГАКО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 7. Лл. 69, 70, 71.
 32. ГАКО. Ф. 510. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.
 33. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. С. 260-261.
 34. Там же. С. 90.
 35. ГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 668. Л. 4.
 36. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. С. 90.
 37. ГАКО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
 38. Шахов М. О. Старообрядчество, общество, государство. М., 1998. С. 25.
 39. Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 г.). М., 1910. С. 201-202.
 40. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. X. Вятка, 1904. С. IX, 90.
 41. Машковцев А. А. Католики Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. : численный состав и размещение // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2 (1). С. 39.

Notes

1. State archive of the Kirov region (hereinafter - GAKO). F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 7turn-9; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 85. Sh. 9 turn-11; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 737. Sh. 139; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 274. Sh. 8.-10; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 4 turn-6; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 879. Sh. 6 turn-8; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 1005. Sh. 137-139; *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g* - the First General census of the population of the Russian Empire 1897. Vol. X. Vyatka. 1904. P. 84; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 610. Sh. 2 turn-4; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 811. Sh. 2.-4.
2. Rashyn A.G. [Russia's Population is over 100 years (1813-1913) Statistical essays]. Available at: <http://istmat.info/node/72> (in Russ.).
3. *Prilozhenie k vsepoddanneyshemu otchetu vyatskogo gubernatora za 1897 g* - Attachment to the most devoted report of Vятка Governor for 1897, Vятка. 1898. P. 76.
4. *Prilozhenie k vsepoddanneyshemu otchetu vyatskogo gubernatora za 1899 g* - Attachment to the most devoted report of Vятка Governor for 1899 Vятка. 1900. P. 107.
5. *Obzor Vyatskoy gubernii za 1908 god. Prilozhenie k vsepoddanneyshemu otchetu vyatskogo gubernatora* - Overview of Vятка province for 1908. Attachment to the most devoted report of Vятка Governor. Vятка. 1909. P. 64.
6. *Istoriya Udmurtii: Konets XV – nachalo XX veka* [The history of the Udmurt Republic: the End of XV - beginning of the XX century] / edited by K. I. Kulikov. Izhevsk. 2004. P. 507.
7. GAKO. F. 237. Sh. 15 I. File 345. Sh. 11.
8. GAKO. F. 237. Sh. 203. File 424. Sh. 9 turn.
9. Complete collection of laws of the Russian Empire. Col. second. Vol. XLI. Dep. first. 1866. SPb. 1868. P. 187. (in Russ.)
10. Complete collection of laws of the Russian Empire. Col. second. Vol. XXXIX. Dep. first. 1864. SPb. 1867. P. 409. (in Russ.)
11. *Sobranie postanovleniy po chasti raskola* - Assembly resolutions on the part of the split. SPb. 1875. P. 604.
12. GAKO. F. 582. Sh. 84. File 422. Sh. 1.
13. GAKO. F. 582. Sh. 84. File 111. Sh. 1-1 turn.
14. RGIA. F. 796. Sh. 144. File 1938. Sh. 3-4 turn.
15. *Zapiska s izlozheniem izvlechennykh iz del Sv. Sinoda i kantselyarii ober prokurora za poslednee desyatiletie svedeniy o deystviyakh i rasporyazheniyakh dukhovnogo nachal'stva po otnosheniyu k raskolu* - A note outlining

ing extracted from the Affairs of St. Synod and the office of the chief Prosecutor for the last decade, information about the actions and orders of the spiritual authorities in relation to the split. SPb. 1874. Pp. 39, 57, 72-74.

16. Complete collection of laws of the Russian Empire. Col. third. SPb. 1886. Vol. III. Pp. 219-220. (in Russ.)

17. Complete collection of laws of the Russian Empire. Col. third. St. Petersburg, 1909. Vol. XXV. 1905. Dep. 1. SPb. 1908. Pp. 257, 258. (in Russ.)

18. Complete collection of laws of the Russian Empire. Col. third. SPb. 1909. Vol. XXVI. 1906. Dep. 1. SPb. 1909. P. 905. (in Russ.)

19. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 7 turn-9; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 85. Sh. 9 turn-11; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 737. Sh. 139; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 274. Sh. 8.-10; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 4 turn-6; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 879. Sh. 6 about-8; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 1005. Sh. 137-139; *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* - The First General census of the population of the Russian Empire in 1897. Vol. X. Vyatka. 1904. P. 84; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 610. Sh. 2 turn-4; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 811. Sh. 2.-4.

20. GAKO. F. 20. Sh. 1. File 1660.

21. GAKO. F. 811. Sh. 1. File 427. Sh. 32 turn.

22. GAKO. F. 582. Sh. 139. File 287. Sh. 2.

23. GAKO. F. 811. Sh. 1. File 513. Sh. 12.

24. GAKO. F. 582. Sh. 144. File 351. Sh. 1-7.

25. RGIA. F. 797. Sh. 32. File 78. Sh. 2 turn.

26. GAKO. F. 811. Sh. 1. File 513. Sh. 11.

27. GAKO. F. 811. Sh. 1. File 428. Sh. 10 turn.

28. GAKO. F. 582. Sh. 90. File 273. Sh. 36 turn.

29. GAKO. F. 574. Sh. 1. File 30. Sh. 7 turn-9; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 85. Sh. 9 turn-11; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 737. Sh. 139; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 274. Sh. 8.-10; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 526. Sh. 4 turn-6; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 879. Sh. 6 turn-8; GAKO. F. 574. Sh. 1. File 1005. Sh. 137-139; *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.*- The First General census of the population of the Russian Empire of 1897. Vol. X. Vyatka. 1904. P. 84; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 610. Sh. 2 turn-4; GAKO. F. 574. Sh. 2. File 811. Sh. 2.-4.

30. Ibid.

31. GAKO. F. 510. Sh. 1. File 7. Sh. 69, 70, 71.

32. GAKO. F. 510. Sh. 1. File 1. Sh. 10 turn.

33. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* - The first General census of the population of the Russian Empire of 1897. Vol. X. Vyatka. 1904. Pp. 260-261.

34. Ibid. P. 90.

35. GAKO. F. 811. Sh. 1. File 668. Sh. 4.

36. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* - The first General census of the population of the Russian Empire of 1897. Vol. X. Vyatka. 1904. P. 90.

37. GAKO. F. 274. Sh. 1. File 4. Sh. 2.

38. Shahov M. O. *Starobryadchestvo, obshchestvo, gosudarstvo*. [Old belief, society, state]. Moscow. 1998. P. 25.

39. *Sel'skokhozyaystvennyy i ehkonomicheskiy byt starobryadtsev (po dannym ankety 1909 g.)*.- Agricultural and economic life of the old believers (according to the questionnaire 1909). Moscow. 1910. Pp. 201-202.

40. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.*- The first General census of the population of the Russian Empire of 1897. Vol. X. Vyatka. 1904. P. IX, 90.

41. Mashkovtsev A. A. *Katoliki Vyatskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. : chislennyy sostav i razmeshchenie* [Catholics Vyatka province in the second half of XIX - early XX century: staffing and placement] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* - Herald of the Vyatka state University of Humanities. 2012, No. 2 (1), p. 39.

Материальное положение приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне церковных реформ Александра II*

В статье рассматривается материальное положение православного приходского духовенства Екатеринбургского уезда накануне проведения церковных реформ правительством Александра II. Автор сравнивает ситуацию на городских, сельских и заводских приходах (рассматриваются как казенные, так и частные заводы). Статья основана на материалах клировых ведомостей Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Клировые ведомости имеют высокий информационный потенциал, позволяют выявить основные официальные источники доходов приходского духовенства. Приводятся данные о получаемом причтами казенном жалованье. В статье анализируется степень обеспечения приходских причтов земельными наделами (пашней и покосами), жильем, которые могли компенсировать нехватку жалования и натуральных выплат. Кроме того, сравнивается оценка причтами своего материального положения накануне реформ и после их проведения (в конце 1870-х – начале 1880-х гг.).

The article examines material situation of orthodox parish clergy of the Ekaterinburg district on the eve of carrying out church reforms by the government of Alexander II. The author compares a situation on city, rural and factory parishes (both state, and private plants are considered). The article is based on materials the clergy registers of the Ekaterinburg district of the Perm province. Clergy registers have high information potential, allow to reveal the main official sources of the income of parish clergy. The article examines the extent to ensure the parish clergy allotments (arable land and hayfields), housing, which could compensate for the lack of salary and natural payments. Besides, the assessment of clergy of their material position on the eve of reforms and after their carrying out is compared (at the end of the seventies – the beginning of eighties of the nineteenth century).

Ключевые слова: Русская православная церковь, церковные реформы, приходское духовенство, Пермская епархия, Екатеринбургский уезд, материальное положение, клировые ведомости.

Keywords: The Russian Orthodox Church, ecclesiastical reforms, parish clergy, the Perm diocese, the Ekaterinburg district, material state, clergy registers.

В современной историографии вопрос о материальном положении приходского духовенства до сих пор не получил удовлетворительного разрешения. Большинство авторов, следом за дореволюционными историками, считают, что материальное обеспечение духовенства было недостаточным [1], хотя иногда встречаются попытки проанализировать реальное положение вещей более непредвзято [2]. Материал клировых ведомостей, дающий представление о доходах духовенства, используется преимущественно как иллюстративный, поскольку сделать на его основании какие-либо выводы об уровне достатка духовенства на самом деле сложно, но других источников, освещающих данный вопрос, крайне мало, и они дают достаточно ограниченные сведения. В качестве примера анализа такого рода источников можно привести статью Ю. М. Гончарова, посвященную западносибирскому городскому духовенству. Автор не только приводит конкретные цифры денежных доходов клириков, но и сравнивает их с запросами духовенства, используя материалы ходатайства тобольского городского духовенства 1864 г. в адрес Главного Присутствия по делам православного духовенства. Что же касается оценки реального уровня доходов духовенства, Ю. М. Гончаров находит действительно уникальный источник – «Статистическое описание города Тобольска»

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

барона И. фон Шеллинга, в котором экономический статус духовенства определен весьма четко: во второй половине XIX в. священнослужители относились к той группе горожан, которая могла тратить в год на самые насущные нужды от 100 до 300 рублей (то есть они принадлежали к группе горожан со средним достатком) [3].

Что же касается уральского духовенства, здесь самым надежным и информативным источником остаются, все-таки, клировые ведомости, составлявшиеся ежегодно и содержавшие не только послужные списки клириков храма и сведения об их семьях, но и данные о материальном содержании клира. В настоящей статье будут проанализированы данные клировых ведомостей Екатеринбургского уезда Пермской губернии (и епархии) за 1859, 1860, 1862 гг. [4] К середине XIX в. клировые ведомости стали сшиваться не по уездам, как было ранее, а по благочиниям, поэтому сведения о храмах всего уезда приходится брать из разных ведомостей (которые, к тому же, сохранились не за все годы). Екатеринбургский уезд был выбран благодаря тому, что здесь находились приходы разных типов: сельские и заводские, включающие поселения, принадлежавшие Горному ведомству и частным владельцам.

Накануне реформ в Екатеринбургском уезде насчитывалось всего 76 православных приходов. Меньшее число причтов (19 из 76 – 25%) получали жалование по Горному положению, которое вышло в 1806 г. как временное, но затем стало основой Горного устава, вошедшего в Свод законов 1832 г. В 1827 г. были утверждены штаты горных казенных заводов Уральского хребта, где определялась численность заводского духовенства и размеры его жалования. К числу приходов Горного ведомства относились причты храмов государственных заводов и приписанных к ним сел, а также три екатеринбургских храма (Екатерининский собор, церкви Сошествия Святого Духа и Вознесения Господня). В соответствии с этими штатами священнику полагалось жалования 180 руб. серебром в год, а также 90 руб. квартирных. При наличии на приходе училища священник должен был преподавать в нем Закон Божий, а иногда и другие предметы; плата за преподавание составляла 30 руб. серебром в год. Единственный священник, служба которого оплачивалась более высоко, – протоиерей Екатеринбургского собора г. Екатеринбурга (360 руб. сер. в год вместе с квартирными). Диаконы по Горному положению получали 90 руб. жалования и 60 руб. квартирных, причетники – по 48 руб. сер. в год. Кроме того, церковнослужителям полагался «провиант»: самим причетникам и их женам по 2 пуда муки, а детям – по 1 пуду в месяц на каждого. Помимо этого причту тех заводских храмов, в числе прихожан которых были государственные крестьяне, могла выплачиваться хлебная руга: священнику по 1 пуду «с венца», диакону – по 30 фунтов, причетникам – по 20 фунтов каждому. В Тиминской одноштатной церкви клирики получали и денежное жалование, и ругу, тогда как в Каменском заводе два церковных штата получали только денежное жалование по Горному положению, а третий, отправлявший требы для приписанных к заводу государственных крестьян, получал жалование «по сельским штатам» и ругу [5].

Семь из 19 заводских причтов (36,8%) оценили свое содержание как «достаточное», семь – как «посредственное». Причт Мраморского завода признал содержание священника «достаточным», а дьячка – «средственным» (священник Мраморского завода получал максимально высокое для заводов жалование – 300 руб. серебром в год, а диакон на дьячковской вакансии – 57 руб. 14 ¼ коп. жалования и провиант: жалование получали от Екатеринбургской Гранильной конторы) [6]. Клирики Уткинского завода сочли свое содержание «недостаточным», Тиминского села – «скудным». Описание Тиминского прихода демонстрирует сложность структуры уральского прихода и, соответственно, разнообразие составляющих доходов духовенства. Государственные крестьяне Тиминского села отвели духовенству пашенную и сенокосную землю, тогда как неперменные работники частных Сысертских заводов должны были выплачивать ругу взамен землеотвода, но заводоуправление заменило ругу денежным жалованием, соответствующим нормам Горного положения для казенных заводов. Тем не менее духовенство считало, что получает плату лишь за половину неперменных работников, указывая, что «с половины неперменных работников никакой земли не имеется», т. е. договор о выплате руги был заключен с половиной прихожан. Государственные крестьяне выплачивали ругу в традиционных размерах [7]. Причты двух екатеринбургских церквей не определили уровень своего достатка. Все семь причтов, посчитавших свое содержание достаточным, пользовались также и покосами, хотя клирики Арамилевского села были недовольны количеством отведенной для покосов земли. Они «пользовались до

1858 года санными покосами, отводимыми прихожанами, но в 1858 году распоряжением Горного Начальства покосов дано недостаточно, а некоторым из причта вовсе оных не дано» [8]. Примечательно, что в данном случае не прихожане возражали против предоставления покосов причту, но горное ведомство озаботилось тем, чтобы его работники не испытывали недостатка. Не имел земли лишь один причт, обозначивший свое положение как посредственное (Никольское село [9]), а также причт Екатеринбургской Духосошествиевской церкви, не давший оценки своего материального положения [10], и причт Уткинского завода [11]. Пахотная земля имела лишь у причта Тиминского села (получена от государственных крестьян) и частновладельческого Полевского завода [12] (нарезана по Генеральному межеванию на два штата).

30 причтов, служащих в приходах государственных крестьян (39,5% от общей численности причтов), получали жалование от казны в соответствии с сельскими штатами 1842 г. [13], причем 28 из них получали, помимо этого, и ругу с крестьян. В соответствии со штатами на долю старшего священника приходилось 144 рубля, младшего – 108 рублей, диакону – 54 рубля, дьячку – 36 и пономарю – 24 рубля серебром в год, в приходах, где число прихожан мужского пола было меньше 700 человек, жалование священника сокращалось до 90 руб. Размеры руги с государственных крестьян были те же, что и на казенных заводах.

Девять причтов (30%) сочли свое содержание «достаточным» и «порядочным»; причты с. Троицкого и Камышевского, а также Аятской слободы сочли, что подобную оценку можно дать только положению священника (в Троицком добавили, что содержание диакона «безбедно», тогда как положение остальных членов причта в Троицком и Аяти назвали «скудным», а в Камышевском – «посредственным»). Помимо троицких причетников и аятских диакона и причетников оценили содержание как «скудное» и «недостаточное» только три причта (10%), причем в с. Белоярском указали причину «скудости»: «по причине частых неурожаев хлеба и от того бедности большей части прихожан руга получается в малом количестве» [14]. 10 причтов (помимо камышевского) сочли свое положение «средственным», «не весьма достаточным» (33,3%), пять причтов (16,7%) не дали оценки своему положению.

Лишь при двух храмах духовенство не владело землей. Пашенная земля была отведена к пяти храмам (16,7%), но духовенство двух из этих храмов отметило, что землей пользуются крестьяне, причем в с. Кочневском указано, что крестьяне захватили землю «самовольно» [15]. В Логиновской слободе (причт которой не дал оценки своему состоянию) земельный вопрос был урегулирован вполне цивилизованно: 33 десятины пашенной земли были записаны на церковь в 1859 г., и тогда же с прихожанами было заключено письменное соглашение о сдаче им земли в аренду на 12 лет «с платою руги: священнику 1 пуд 30 фунтов, причетникам – по 20 фунтов с венца» [16]. Интересно, что земля по норме еще XVIII в. была выделена уже в 1859 г., причем цифра «33 десятины» обозначала уже не пашенную и сенокосную землю, как предполагалось законодательством, а только пашню, тогда как 15 десятин сенокоса были отведены прихожанами, видимо, добровольно и вне официального межевания. Интересно, что руга, выплачиваемая прихожанами за пользование землей, соответствует нормам сельских штатов, с той лишь разницей, что в отсутствие диакона священник получал как свою, так и его долю. Очевидно, что руга, которую прихожане платили на других приходах, также давалась в качестве компенсации вместо выделения духовенству земли из общинного фонда. Единственный случай выплаты вольной руги зафиксирован в Глинской слободе [17].

Обращает также на себя внимание то, что размеры покосов отличаются друг от друга, так что можно сделать вывод, что покосами духовенство наделяли сами прихожане без вмешательства властей. Не указал наличие покоса причт Черемисского села (только усадебную землю – «одна десятина с осьминником» [18]).

Среди оставшихся 27 причтов (35,5% от общего числа: частных заводов и 3 городских) девять (33,3%) оценили свое положение как «достаточное» и «безбедное», девять – как «посредственное» и «не очень достаточное», семь (25,9%) – как «очень недостаточное», «скудное». Духовенство Невьянского и Шуралинского заводов оценило свое положение одинаково: «содержание священнослужителей по общей дороговизне жизненных припасов очень недостаточно, а причетников даже весьма бедно»; схожую, хоть несколько лучшую, оценку дал причт Билимбаевского завода [19]. Следует учесть при этом, что на частных заводах духовенство, как правило, снабжалось дополнительно сеном, дровами и свечами.

Для этой группы духовенства характерна слабая связь с землей. 17 причтов (63%) земель не обладали, еще два (7,4%; оба – Сысертского завода) объявили, что вместо земли получают хлеб, причем к Симеоно-Аннинской церкви Сысерти земля была нарезана (198 десятин покосов), но духовенство ею не пользовалось [20]. Таким образом, землею вообще не пользовались 70,4% причтов, чье положение регулировалось особыми условиями (установленными центральными властями, как в случае с екатеринбургскими храмами, либо возникшими в результате договоренности с прихожанами, помещиками и заводовладельцами). Шесть причтов (22,2%) пользовались покосами, два – пашней и покосами. На Кыштымском заводе и в Воскресенском селе, принадлежащих наследницам Л. И. Расторгуева, покосы достались только некоторым членам причта, но остальные получали компенсацию деньгами [21].

Таким образом, можно отметить, что духовенство Екатеринбургского уезда к началу реформ сохраняло уже весьма слабую связь с пашенной землей; судя по количеству причтов, которые отметили ее наличие, само духовенство вряд ли занималось земледелием; скорее всего, даже эта земля отдавалась прихожанам на определенных условиях. В реальном пользовании причтов оставались покосы, но даже от них в некоторых местах отказывались в обмен на деньги или продукты. Основной формой платы остается руга, но все причты отмечают также денежную форму платы. Наименее связанными с землей оказалось духовенство частных заводов и, естественно, городское. Тем не менее доходы этой группы духовенства оцениваются довольно высоко, хотя на первом месте по количеству доходов остается духовенство приходов Горного ведомства. Более точно определить, от каких факторов зависел материальный достаток духовенства, достаточно сложно. Остается предположить, что реальный уровень доходов клириков зависел от дополнительных доходов, которые не всегда указывались в клировых ведомостях (лишь в некоторых из них указывается сумма кружечных сборов за год, а определить количество продуктов, полученных во время традиционных сборов, просто невозможно).

Пользовались приходскими квартирами или квартирами, оплачиваемыми приходом, шесть причтов из числа тех, кто получал жалование по Горному положению (31,6%), 11 – получавших жалование по сельским штатам (36,7%), и 23 (85,2%) – получавших плату на особых условиях (следует оговориться, что обеспечена жильем была, как правило, только часть приходских клириков). Таким образом, государство, ратовавшее за наделение клириков жильем, справлялось с этой задачей хуже, чем частные владельцы (точнее, гораздо эффективнее принуждало частных владельцев к обеспечению клириков жильем, чем само заботилось об этом). Именно за счет помещиков и заводовладельцев средние показатели наделения духовенства жильем достигли 52,6%. При этом 29 причтов из 40, пользовавшихся приходским жильем (72,5%), были не удовлетворены своим положением (оценки от «посредственно» до «крайне скудно»), восемь (20%) считали свои доходы «достаточными», а три (7,5%) не дали оценки своему положению. Опять же, наибольший удельный вес в данных о «недостаточных» причтах «обеспечивают» частновладельческие заводы (16 причтов – 69,6% от тех, кто владел жильем), так что можно предположить, что строительство жилья для духовенства или его найм заводскими конторами были свидетельством осознания недостаточности доходов духовенства на этих приходах. При этом на «государственных» приходах удовлетворенность своим положением высказал только один причт (Бруснянского села), так что разрыв в реальных доходах в группе «частновладельческих» приходов был выше, чем в целом по уезду.

Хотя церковные реформы были еще впереди, отмена крепостного права уже сказалась на положении церковных причтов в «частновладельческих» приходах. На Уткинском заводе духовенство осталось при одном денежном жаловании без «материальных пособий» (сена, овса, дров, свеч), в Уткинском селе духовенство после подписания Уставной грамоты лишилось и денежного жалования от Уткинской заводской конторы, оставшись при тех деньгах, которые выплачивались казной, то же самое произошло и в Нижнем селе, тогда как на Шайтанском заводе духовенство, пусть и «с большим трудом», но добилось выдачи по крайней мере половины прежней нормы дров и свеч [22].

Поэтому, когда правительство заведет речь об улучшении материального положения духовенства, это будет означать на самом деле не столько попытку улучшить, сколько остановить ухудшение положения. Каким образом в годы реформ изменилось положение духовенства Екатеринбургского уезда, которое, по предварительным прогнозам, должно было

пострадать не слишком сильно (много «казенных» приходов)? Имеется возможность сравнить данные о доходах духовенства 75 приходов Екатеринбургского уезда в 1860-е и 1870 – начале 1880-х гг. [23] Правда, шесть (8%) из этих причтов не дали оценки своего состояния в обоих случаях. Состояние шести причтов можно считать улучшившимся (правда, состояние духовенства Шайтанско-Васильевского завода в 1860-х гг. считалось «очень недостаточным», а в 1870-х – просто «недостаточным»). Состояние 20 (26,7%) причтов осталось таким же, как прежде. Из них как «достаточное» оценивалось состояние шести причтов, «посредственное» – семи (9,3%), «недостаточное» – одного (1,3%), «скудное», «весьма недостаточное» – трех (4%) и «весьма скудное» – одного причта. В эту же группу (нет изменений) отнесены причты сел Ново-Алексеевского и Белоярского (2,7%), в которых состояние священника оценивалось как недостаточное, а псаломщика – как «совершенно бедное». Ухудшилось содержание 23 причтов (30,7%), причем у семи причтов (9,3%) ухудшение оценки следует признать очень существенным. 24-м в этой группе будет причт Кыштымского завода, где положение священника не изменилось (осталось «достаточным»), а псаломщика – ухудшилось (было «достаточным», а стало «скудным»).

В девяти случаях (12%) сложно говорить об изменениях в положении причтов, поскольку в ведомостях 1860-х гг. благочинные не сделали отметки об их состоянии. В период же церковных реформ состояние двух из них оценивалось как «достаточное» [24], двух – как «посредственное», пяти – как «скудное». В 10 случаях (13,3%), напротив, отсутствуют отметки за более поздний период. При этом раньше положение трех из них оценивалось как «достаточное», пяти – как «посредственное» [25], двух – как «недостаточное». С достаточной осторожностью можно предположить, что все-таки благочинные чаще избегали прямых оценок в тех случаях, когда положение причта было не слишком хорошим.

Итак, в ходе реформ изменилось к лучшему положение лишь 8% учтенных причтов, при том что в период реформ «достаточным», «безбедным» называлось с оговорками положение 12 причтов (или только некоторых членов причтов) (15,8%). При этом ухудшилось материальное положение 32% причтов, так что говорить об удовлетворенности духовенства результатами реформ в этой области не приходится. Признали свое положение достаточным два городских причта, пять заводских (все заводы – частные, причем четыре из них принадлежали к Сысертскому горному округу, так что условия обеспечения духовенства здесь были одинаковые), пять сельских (все села, напротив, управлялись Министерством государственных имуществ). В целом следует признать, что приходы государственной деревни оказались более устойчивыми в материальном плане, чем остальные (заводские и помещичьей деревни). Причиной этого можно считать то, что и в прежние годы сами крестьяне брали на себя обеспечение духовенства, и отношения духовенства и прихожан здесь в наименьшей степени подвергались воздействию со стороны. Кроме того, реформы практически не затронули положение государственных крестьян, в то время как статус заводских работников и крепостных крестьян изменился радикально. В связи с этим как бывшие владельцы (которые брали на себя обеспечение духовенства), так и бывшие крепостные посчитали себя свободными в отношении обязательств перед приходским клиром.

В последующие годы изменения в материальном положении духовенства были связаны прежде всего с переводом наиболее бедных причтов на государственное жалование. В целом же реальные доходы духовенства по-прежнему оставались в зависимости от дополнительных статей, которые поддаются лишь весьма приблизительному учету [26].

Примечания

1. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. С. 25–32.
2. *Миронов Б. Н.* Американский историк о русском духовном сословии // Вопросы истории. 1987. № 1. С. 156–157.
3. *Гончаров Ю. М.* Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–1. С. 63–66.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 6 (Екатеринбургская духовная консистория). Оп. 2. Д. 568, 569, 576, 577, 578, 585.
5. Там же. Д. 569. Л. 36 об.; Д. 577. Л. 2.
6. Там же. Д. 577. Л. 49 об.

7. Там же. Д. 569. Л. 36–36 об.
8. Там же. Д. 577. Л. 34.
9. Там же. Д. 569. Л. 26.
10. Не оценили уровень своих доходов два причта екатеринбургских храмов (Там же. Д. 568. Л. 17, 29): в отсутствие сборов с прихожан им в качестве дополнительных доходов оставались лишь кружечные сборы (размер которых также не указан), а также жалование, выплачиваемое тем из них, кто занимал какие-либо дополнительные должности (церковные, административные или преподавательские). Возможно, отсутствие оценки уровня доходов в такой ситуации является демонстративным: поскольку на уровень доходов клириков прихожане влияли незначительно, а признание государственного жалования недостаточным было бы признаком нелояльности, то в арсенале клириков оставалось только красноречивое молчание.
11. Там же. Д. 585. Л. 13; Д. 568. Л. 29.
12. Там же. Л. 59.
13. В их числе учтены третий штат Каменского завода (Там же. Д. 577. Л. 1 об.–2) и причт Уткинского села, получавший только половинное жалование (Там же. Д. 585. Л. 19 об.).
14. Там же. Д. 577. Л. 79 об.
15. Там же. Л. 91.
16. Там же. Л. 69–69 об.
17. Там же. Д. 576. Л. 77.
18. Там же. Л. 63.
19. Там же. Л. 1, 29; Д. 585. Л. 2.
20. Там же. Д. 577. Л. 17, 29.
21. Там же. Д. 569. Л. 2, 22.
22. Там же. Д. 585. Л. 13, 19 об., 23 об., 31 об.
23. Там же. Д. 606, 609, 611, 614, 618, 643.
24. В данных о причте Останинского с. сделана оговорка «достаточно, если причт бессемейный» (Там же. Д. 643. Л. 118 об.).
25. На Билимбаевском заводе Строгановых положение священника оценивалось как «средственное», а диакона и причетников – как «недостаточное». Можно было бы воспринять такую оценку как заниженную, но в графе о просфорне сделана следующая запись: должность просфорни исполняет «служительская жена», причем она «занимается печением просфор с 1854 г. по нежеланию духовных сирот исполнять просфорническую должность при Билимбаевской церкви по недостаточному жалованию от заводской конторы» (Там же. Д. 585. Л. 2, 10 об.). Обычно «духовные сироты» особой привередливостью не отличались.
26. В следственном деле священника с. Ницинского Ирбитского у. Ивана Молчанова содержатся сведения об источниках доходов священнослужителя начала XX в. Мещанин Шипицин показал, что, когда священник начал объяснять крестьянам значение Манифеста 3 ноября 1905 г. о снижении и последующей отмене выкупных платежей, Шипицин вступил с ним в спор по поводу необходимости таких выступлений: «Зная, какое порядочное ведет хозяйство о. Иоанн, я ему высказал, что для крестьян было от него больше пользы, если бы он вместо подобных проповедей уменьшил хлебные сборы со своих прихожан» (Там же. Оп. 4. Д. 184. Л. 63–63 об.). Таким образом, и в начале XX в. сельский священник жил за счет ведения собственного хозяйства (достаточного, чтобы прокормить его семью) и сборов с прихожан. Попытка противопоставить крестьян священнику в целом не удалась, по словам одного из допрошенных крестьян, «священник о. Иоанн очень хороший для прихода и усердный к службе» (Там же. Л. 54), так что на сборы крестьяне смотрели в общем-то спокойно, признавая их законность. Хозяйство клирика рассматривалось как результат его собственной деятельности, сборы – как плата за его службу.

Notes

1. Leontieva T.G. *Vera i progress: pravoslavnoe sel'skoe duhovenstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv* [Belief and progress: the Orthodox rural clergy of Russia in the second half of XIX - early XX centuries] Moscow. Novyj hronograf - New chronograph. 2002. Pp. 25-2.
2. Mironov B. N. *Amerikanskij istorik o russkom duhovnom soslovii* [American historian of Russian spiritual estate] // *Voprosy istorii - Questions of history*. 1987, No. 1, pp. 156-157.
3. Goncharov Yu. M. *Material'noe polozhenie pravoslavnogo belogo duhovenstva v gorodah Tobol'skoj gubernii v seredine XIX – nachale XX v.* [The financial situation of the Orthodox parish clergy in the towns of Tobolsk province in the middle of the XIX - early XX century] // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta - News of the Altai State University*. 2010, No. 4-1, pp. 63-66.
4. State archive of Sverdlovsk region (GASO). F. 6 (Yekaterinburg spiritual Consistory). Sh. 2. File 568, 569, 576, 577, 578, 585.
5. Ibid. File 569. Sh. 36 turn; File 577. Sh. 2.

6. Ibid. File 577. Sh. 49 turn.

7. Ibid. File 569. Sh. 36-36 turn.

8. Ibid. File 577. Sh. 34.

9. Ibid. File 569. Sh. 26.

10. Did not appreciate the level of their income two clergy Yekaterinburg temples (ibid. File. 568. Sh. 17, 29): in the absence of charges parishioners to them as additional income remained only a mug fees (the amount of which is not specified), as well as the wages paid to those who took any additional posts (Church, administrative or teaching). Perhaps the lack of evaluation of the level of income in this situation is demonstrative: because the income of the clergy members were affected slightly, and the recognition of the state salary would be insufficient sign of disloyalty, in the Arsenal of the clergy remained only an eloquent silence.

11. Ibid. File 585. Sh. 13; File 568. Sh. 29.

12. Ibid. Sh. 59.

13. Among them is considered the third state of Kamensky plant (ibid. File 577. Sh. 1 turn-2) and the clergy of Utinskiy village, received only half of the salary (ibid. File 585. Sh. 19.).

14. Ibid. File. 577. Sh. 79 turn.

15. Ibid. Sh. 91.

16. Ibid. Sh. 69-69 turn.

17. Ibid. File 576. Sh. 77.

18. Ibid. Sh. 63.

19. Ibid. Sh. 1, 29; File 585. Sh. 2.

20. Ibid. File 577. Sh. 17, 29.

21. Ibid. File 569. Sh. 2, 22.

22. Ibid. File 585. Sh. 13, 19 turn, 23 turn, 31turn.

23. Ibid. File 606, 609, 611, 614, 618, 643.

24. In data about the Ostaninsky clergy it is made the reservation "it is sufficient if the clergy is unmarried" (ibid. File 643. Sh. 118.).

25. On Bilimbaev plant of the Stroganovs position of the priest was appraised as "famous", and the deacons and clerks as "insufficient". One could perceive this assessment as understated, but in the graph on making bread made the following entry: position of prosporn is performed by "Ministerial wife", and she is "engaged in biscuits host with 1854 by the reluctance of spiritual orphans to perform prefernces position when Bilimbaevsky Church low wages from the factory office" (ibid. File 585. Sh. 2, 10 turn.). Usually "spiritual orphans" did not differ with special fastidiousness.

26. In investigating the case of a priest of S. Nitinskiy Irbit Ivan Molchanov there is information about the sources of income of the priest in the beginning of XX century. Tradesman Shipitsin showed that when the priest began to explain to farmers the value of the Manifest November 3, 1905, on the reduction and eventual abolition of redemption payments, Shipitsin joined with him in a dispute over the necessity of such statements: "Knowing what a decent farm operates O. Ioann, I stated him that for peasants there were more benefit from him if he instead of such sermons reduced grain dues from its members" (ibid. Sh. 4. File 184. Sh. 63-63 turn.). Thus, in the early twentieth century rural priest lived at the expense of doing their own economy (enough to feed his family) and fees from members. The attempt to oppose the peasants to the priest as a whole failed, according to one of the interviewed farmers, "the priest acting John is very good for ward and diligent service" (ibid. Sh. 54), so that charges the peasants looked at the calm, recognizing their legitimacy. Agriculture cleric was seen as the result of his own activities, fees as payment for his service.

Государственная социальная поддержка кировских инвалидов и пенсионеров в 1938 – июне 1941 гг.

В статье отражен процесс развития советского законодательства в области социального обеспечения инвалидов и пенсионеров в Кировской области. Показаны пути решения местными органами власти проблем трудоустройства и обучения этой категории людей в 1938 – июне 1941 гг. Прослеживается работа органов социального обеспечения по оказанию материальной и специфической помощи своим подопечным. Рассматриваются трудовые планы артелей инвалидов, а также способы их реализации. Характеризуются принципы территориального расположения предприятий артелей инвалидов в Кировской области. Дается анализ степени профессиональной подготовки инвалидов и пенсионеров в рассматриваемом периоде, в том числе этапы практической реализации форм обучения и подготовки инвалидов различным видам профессий.

In the article development of soviet legislation is lighted up in area of public welfare of invalids and pensioners in the Кировской area. The ways of decision are shown by local authorities of problems of employment and educating of this category of people in 1938 is June 1941 work of organs of public welfare is Traced on providing of material and specific help the ward. The labour plans of artels of invalids, and also their methods of realization, are examined. It is characterized principles of territorial location of enterprises of artels of invalids in the Кировской area. The analysis of degree of professional preparation of invalids and pensioners is given in the examined period, including practical implementation of forms of educating and preparation of invalids phases to the different types of professions.

Ключевые слова: законодательство, система социального обеспечения, инвалиды, пенсионеры, трудоустройство, обучение.

Keywords: legislation, social security, persons with disabilities, pensioners, employment, training.

Социальная политика местных властей по отношению к инвалидам непосредственно касалась вопросов их трудоустройства, а также назначения и выплаты пенсий. Под эти мероприятия была подведена солидная правовая база.

В рассматриваемый период, а именно с 1 января 1938 г., решением правительства РСФСР организовывались отделы социального обеспечения в районах и городах РСФСР [1]. Во исполнение его 5 января 1938 г. вышло постановление Кировского облисполкома об организации отделов социального обеспечения при районных и городских исполнительных комитетах Советов [2]. На них, в числе прочего, возлагались функции трудоустройства инвалидов, назначения и выплаты пенсий инвалидам труда.

Хотя в своей деятельности местные власти сталкивались с массой трудностей, но все же, как свидетельствуют проанализированные автором источники, материальная помощь оказывалась практически всем, кто обращался в органы социальной защиты: и инвалидам, и пенсионерам. Так, 9 января 1938 г. облисполком издал распоряжение об оказании финансовой поддержки инвалиду второй группы Палкину в сумме 300 руб. из бюджета областного отдела социального обеспечения [3], а 15 января выделил такую же сумму инвалиду первой группы Селивановскому на лечение. Последнее распоряжение сопровождалось адресованным органам социальной защиты требованием оказать немедленную лечебную помощь Селивановскому с проверкой правильности произведенной операции [4]. Оказывалась помощь и просто пенсионерам. Например, в январе 1938 г. была удовлетворена просьба пенсионера Дерендяева о материальном пособии в сумме 300 руб. за счет финансовых средств облсобеса [5]. Незадолго до этого, в декабре 1937 г., СНК РСФСР разрешил работать и персональным пенсионерам. Но при условии, что их заработок, вместе с пенсией, не будет превышать сумму 600 руб. в месяц [6].

Центральное правительство отслеживало положительные и отрицательные стороны работы органов соцобеспечения регионов, внося необходимые коррективы в свою социальную политику. В конце 1938 г. вышло постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» [7].

Указанный документ сыграл большую роль в укреплении производственной дисциплины на предприятиях и в учреждениях, в совершенствовании государственной социальной политики. В нем предусматривались меры поощрения добросовестных работников, устанавливались надбавки к пенсиям за непрерывный стаж работы на одном предприятии или в учреждении в допенсионный период. Устанавливались значительные льготы для инвалидов 1-й и 2-й групп, выполнявших надомную работу, предоставляемую им кооперацией инвалидов. Повышались ранее назначенные пенсии низкооплачиваемым категориям пенсионеров. Одновременно ужесточалось наказание лиц, скрывавших свои доходы и заработки от органов социального обеспечения, чтобы полностью получать пенсию в обход закона [8].

В Кировской области данное правительственное постановление без промедления вступило в силу. В целях его практической реализации исполкомом Кировского областного Совета было направлено циркулярное письмо № 1/5 от 9 января 1939 г. во все районные отделы социального обеспечения о том, чтобы они начали пересматривать пенсионное обеспечение населения, в сторону повышения [9].

Распоряжение касалось инвалидов 1-й группы, а также пенсионеров по старости, получавших пенсию за выслугу лет в размере менее 50 руб. в месяц. В результате проведения постановления в жизнь средняя пенсия инвалидов 1-й группы, ранее составлявшая в области 91 рубль в месяц, возросла до 277 руб. [10]

Одновременно также повышались трудовые пенсии инвалидов 1-й группы, получавших пенсию в размере менее 70 руб. в месяц, и инвалидов 2-й группы, имевших таковую в размере менее 60 руб. Кроме того, увеличивались выплаты инвалидам 3-й группы, получавшим пенсию по государственному социальному страхованию (если она была менее 25 руб. в месяц), а также семьям, потерявшим кормильца, получавшим пенсию при одном нетрудоспособном члене семьи менее 30 руб., и при двух и более нетрудоспособных членов семьи в размере менее 40 руб. в месяц. Сохранялись в прежних размерах ранее (до 1 января 1939 г.) начисленные надбавки к пенсиям за ударную или стахановскую работу, за продолжительный общий стаж работы в качестве рабочего или служащего [11].

Важным направлением деятельности органов социального обеспечения являлась помощь в преодолении иных специфических жизненных трудностей инвалидов. Принимая во внимание тот факт, что тем из них, кто жил в районах, трудно добираться до областного центра и здесь решать вопросы протезирования, областной отдел социального обеспечения организовывал выезды бригады специалистов по протезированию на места. Квартальный план такого рода работы медицинских работников доводился до всех районных отделов социального обеспечения, а также обнародовался по радио и в печати [12].

Принципиально важным было решение властей о продолжении создания производственных артелей инвалидов, что позволяло, с одной стороны, повысить их жизненный уровень, а с другой – включить их в процесс социально-экономического развития области и его соответствующего ускорения. Мощным стимулом на данном направлении стал утвержденный Кировским областным исполнительным комитетом от 11 мая план трудоустройства и обучения инвалидов в 1938 г. Облсобес в текущем году был обязан организовать работу на дому для 200 инвалидов II группы, обучить и трудоустроить 2355 инвалидов, а все руководители предприятий и учреждений были обязаны устраивать их на рабочие места с облегченными условиями труда. В первую очередь, на тех предприятиях, где эти рабочие или служащие получили инвалидность [13].

В развитие этой линии, в конце июня 1938 г. постановлением президиума Кировского облисполкома всем руководителям предприятий и учреждений, торгующих организаций дополнительно и достаточно предметно предписывалось трудоустраивать инвалидов на такие легкие виды работы, как обслуживание вешалок, гардеробов, рубка и развеска мяса и других продуктов на базарах, невооруженная охрана учреждений, магазинов.

Кроме того, им же предлагалось принимать на работу в первую очередь инвалидов, направляемых органами социального обеспечения, при замещении следующих должностей:

сторожа (без оружия), швейцара, гардеробщика, продавца в киоске, кассира бани (парикмахерских, садов, парков, лодочных станций), курьера, рассыльного, разносчика телеграмм, билетера, контролера по учету воды и электроэнергии, табельщика, уборщицы (без подъема больших тяжестей). В этот же перечень включались обслуживающий персонал гостиниц, костелянши, рыночные агенты и весовщики, пчеловоды совхозов [14].

Персональная ответственность за реализацию постановления областной власти возлагалась на руководителей городских Советов и исполкомов районных Советов. Кроме того, президиум Кировского областного исполкома потребовал от областной кооперации инвалидов создавать на своих предприятиях надлежащие производственные условия для её членов, в зависимости от их категории. Одним из условий выполнения поставленных задач называлось освобождение соответствующих рабочих мест от здоровых работников, не имеющих инвалидности, с заменой их инвалидами [15].

Трудности в работе органов социального обеспечения были в немалой степени обусловлены недостаточной активностью как руководителей, так и сотрудников этих учреждений. Это отмечалось в следующем директивном документе Кировского областного исполнительного комитета от 25 августа 1938 г., где работа Омутнинского и Зуевского отделов социального обеспечения была оценена как крайне неудовлетворительная. В этих районах не было контроля за правильностью оформления пенсионных дел, наблюдались переплаты и недоплаты пенсий. Плохое руководство работой артелей инвалидов приводило к пьянству, растратам, хищениям, выплате зарплат сотрудникам отдела социального обеспечения за счет пенсионных фондов [16].

Отчеты руководителей низовых отделов социального обеспечения за 1938 г. показали, что такие районы, как Арбажский, Белохолуницкий, Богородский, Бисеровский, Верховинский, Кировский, Омутнинский, Татауровский и Кильмезский вообще не проводили работы по обучению и трудоустройству инвалидов [17].

Спрос с руководителей за исполнение их обязанностей носил не формальный характер, а потому постановлением от 15 декабря 1938 г. заведующий областным отделом социальной защиты Запольских был снят с должности [18].

Вместе с тем прогресс в деле развития системы областного соцобеспечения, несомненно, имел место, о чем говорят нижеприведенные цифры.

1. Бюджет социального обеспечения области вырос с 8072,7 тыс. руб. в 1937 г. до 12952,7 тыс. руб. в 1938 г., т. е. почти в полтора раза.

2. Было выплачено в 1937 г. – 14 480 трудовых пенсий, а в 1938 г. – 15 730.

3. За 1938 г. было устроено инвалидов на работу 2312 человек, обучено 163 человека.

4. Улучшилась работа по кассам общественной взаимопомощи колхозников: в 1937 г. в области имелось 2418 касс, с общим числом членов 183 528 человек, при доходе касс 400 тыс. руб.; а в 1938 г. – 3346 касс с 221 296 членами при доходе касс 815 тыс. руб. [19]

Работа органов соцобеспечения по трудоустройству инвалидов труда в том виде, как она сложилась в 1938 г., была продолжена далее. В конце января 1939 г. исполком Кировского районного Совета организовал для инвалидов 2-й группы артели надомные работы по пошиву одежды, изготовлению вязаных беретов, обшивке меха и ретушерству [20].

Через пару месяцев на организационном собрании этой категории жителей г. Кирова (присутствовало 52 человека) было принято решение о создании артели по производству кукол [21].

В марте того же 1939 г. распоряжением Наркомата социального обеспечения РСФСР артели инвалидов стали обеспечиваться сырьем (отходами кожевенного производства) в централизованном порядке [22].

Тенденция к дальнейшему развитию системы социальной защиты на данном направлении закреплялась в плановых показателях. В постановлении президиума Кировского областного исполнительного комитета от 22 февраля 1939 г. «О плане народного хозяйства области на третью пятилетку» намечалось довести объем производства продукции промышленной кооперации и кооперации инвалидов в последнем (1942-м) году пятилетки до объема (в стоимостном выражении) на сумму 332,4 млн руб. против 158,6 млн руб. в 1937 г., при соответствующем росте численности работников [23].

Особое внимание уделялось увеличению производства предметов широкого потребления; удельный вес ширпотреба в общем производстве по промкооперации планировалось увеличить

с 69,5% в 1937 г. до 73,7% в 1942 г. Этих показателей предполагалось достичь за счет как старых артелей, так и путем организации ряда новых производственных субъектов, в частности артелей по ремонту гармоний, выпуску щипковых изделий, игрушек, кружев, спортивного инвентаря, плетеных изделий, мебели, щепных изделий, ложек, посуды, обозного инвентаря [24].

По входившему в Коопинсоюз Кировскому комбинату музыкальных инструментов в эти же сроки предусматривалось значительное увеличение производства музыкальных инструментов. По мнению экономистов объединения, спрос на них должен был бы увеличиться к концу третьей пятилетки по сравнению с 1937 г. в 6,5 раза, в неизменных ценах [25].

Кооперации инвалидов отводилась существенная роль в реализации этих планов, особенно с учетом того обстоятельства, что изготовление гармоней и баянов было совершенно не механизировано, а соответствующие методы работы заимствовались у кустарей [26].

Наиболее перспективными в смысле дальнейшего роста промышленной кооперации инвалидов оставались такие традиционные производственные районы области, как Кировский, Слободской, Просницкий, Оричевский, Яранский, Малмыжский, Омутнинский. При этом темп развития сельских артелей задавался выше, чем у городских. К концу пятилетки удельный вес продукции, производимой на селе, должен был возрасти до 35,7 процента [27].

Стабильное развитие самой системы производственной кооперации инвалидов внушало уверенность в реальности намеченных плановых показателей. Так, численность занятых работой инвалидов с 2916 человек в 1939 г. возросла к началу 1940 г. до 3355 человек. Увеличивалась и оплата труда работников артелей объединения. Среднегодовой заработок инвалида составлял в 1935 г. 1151 руб., а в 1939 г. уже – 2110 руб. Объем валовой продукции год от года заметно увеличивался. Если в 1938 г. стоимость изготовленной продукции приближалась к 13 млн руб., то в 1939 г. превысила 16 млн [28].

В сентябре 1939 г. решением Экономического Совета при СНК СССР «О переработке промысловой кооперацией и кооперацией инвалидов натуральной полугрубой шерсти на давальческих началах» кооперации инвалидов было дано право закупать у колхозов, колхозников и единоличников шерсть в качестве сырья для своих производств. Это распоряжение давало им возможность расширять ассортимент предлагаемых населению услуг (крашение шерсти, вязка головных уборов и т. д.) [29].

На втором году пятилетки вопрос трудоустройства инвалидов оставался на контроле у областных властей. В частности, он был рассмотрен на заседании президиума областного исполкома Советов 12 октября 1939 г., где вновь (как и в 1938 г.) были выявлены серьезные недостатки в этом деле. Выяснилось, что отделы социального обеспечения Фаленского, Богородского, Немского и Шарангского районов вопросами трудоустройства инвалидов вообще не занимались. Заметно лучше ситуация была в областном центре, где из 719 способных к труду инвалидов было трудоустроено 679 человек, что составило 94,4 процента выполнения плана [30].

В 1940-е гг. Кировской областной производственной кооперацией инвалидов была продолжена работа по обучению и созданию рабочих мест для её членов. По мнению руководства облсобеса, к середине 1940 г. ситуация в этой сфере сложилась неблагоприятная. В результате этого выполнение плана трудоустройства и обучения оказалось под угрозой срыва. Неудовлетворительно работали Зуевский, Малмыжский, Санчурский, Сталинский районы и Слободской отдел социального обеспечения, где план полугодового задания был выполнен только на 48 процентов. Совсем не занимались вопросами трудоустройства Поломский, Немский, Кетчминский, Богородский, Кайский районы [31].

В своем приказе от 22 июня 1940 г. Кировский областной отдел социального обеспечения, помимо вышеуказанных недостатков, обратил внимание на текучесть кадров в артелях инвалидов, низкую дисциплину, растраты и хищения в коллективах артелей [32].

В целом за 1940 г. было выявлено 333 случая расхищения кооперативной собственности на сумму 116,3 тыс. руб. [33].

Но все же план по трудоустройству инвалидов за 1940 г. удалось выполнить на 98,75 процента, а за 1-й квартал 1941 г. – 133,6 процента [34]. За этот же период число членов Коопинсоюза инвалидов увеличилось с 3401 до 3686 человек [35], что положительно отражалось на выполнении взятых производственных обязательств на третью пятилетку.

В уставе Союза кооперации инвалидов не случайно в единой связке было прописано «повышение материального и культурного, в т. ч. образовательного уровня членов кооперации инвалидов» [36].

Обучение профессиям облегчало решение задачи трудоустройства. В сельской местности оно осуществлялось на базе РКШ (районных колхозных школ). Продолжительность обучения – от шести до 12 месяцев. Стипендия у обучающихся в РКШ составляла 68 руб., плюс дополнительно 20 руб. оплата за проживание на квартире. В системе Кировского Союзоргучета (кроме учебных заведений в областном центре, в неё входили школы в Котельниче) стипендия составляла 150 руб. Помимо местных учебных заведений инвалиды могли быть отправлены учиться и в другие регионы. Так, в 1939 г. 25 человек были командированы учиться на цветоводов, обувщиков и инструкторов-пчеловодов за пределы области. В этом случае обучение длилось два года.

Утвержденный областным отделом социального обеспечения план обучения инвалидов в 1939 г. в количестве 200 человек был превышен. Фактически получил различные профессии 221 человек, в том числе по таким специальностям, как бухгалтеры – 13 человек, счетоводы – 146, животноводы – 19, полеводы – девять, пчеловоды – семь, заведующие лабораториями – шесть, агротехники – шесть, ветфельдшеры – пять, заведующие МТФ – восемь, зоотехники – два [37]. Направление в высшие учебные заведения получили пять человек, в средние – шесть [38].

Распоряжением наркомата социального обеспечения РСФСР из местного бюджета в Кировской области были выделены на трудовое обучение и трудоустройство инвалидов труда в 1939 г. значительные средства, что видно из нижеприведенной таблицы (в тыс. руб.) [39].

Смета на год	Открытие кредита	Кассовые расходы	Остаток неиспользованных средств	Фактические расходы
205,0	205,0	175,0	30,0	181,2

Источник: ГАРФ. Ф. Р.-413, Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

Хорошими показателями трудоустройства инвалидов труда отличились Слободской, Котельничский, Даровской, Молотовский районы. Отставали – Уржумский, Советский, Ждановский и Кайский районы [40].

Члены артелей инвалидов нередко работали не хуже фабрично-заводских рабочих. Так, например, из протокола общего городского собрания инвалидов г. Кирова от 3 марта 1940 г. известно, что в пяти из числа расположенных в областном центре артелей (1570 работников) стахановцами были 520 человек и ударниками – 275. Средняя зарплата инвалидов составляла 240 руб. в месяц и не опускалась ниже 115 руб. [41]

Как и на других промышленных предприятиях, работники 35 артелей были охвачены межартельным соревнованием. Из 194 цехов и производств соревнованием охвачено было 137 цехов, в том числе 108 производственных бригад. Отдельные инвалиды-стахановцы выполняли нормы выработки на 300–400% [42].

Развитие системы обучения инвалидов продолжилось в последующий период. Ассигнования по этой статье в 1940 г. были увеличены облсобесом до 212,7 тыс. руб. [43]

Согласно отчёту начальника отдела по трудоустройству Кировского облсобеса, за три квартала 1940 г. было обучено инвалидов по Кировской области 149 человек. Послано на иногороднее обучение 88 человек [44]. Общее выполнение плана по трудоустройству инвалидов по районам за три квартала 1940 г. составило 72,5% [45]. За четвертый квартал 1940 г. – 100% [46]. 1940-й год отмечен дальнейшим прогрессом региональной системы социального обеспечения по целому ряду направлений её деятельности.

В этом же году на обеспечение неработающих инвалидов труда, войны, семей умерших и погибших инвалидов труда и войны в общем количестве 22 490 человек было выплачено 15 600 тыс. руб. [47]

В течение 1940 г. вновь были организованы 74 новые кассы взаимопомощи, а в 1-м квартале 1941 г. – ещё 320. За счет их средств были посланы на курорты и дома отдыха 65 человек, на что израсходовано 23 тыс. рублей. На содержание детей-сирот – 52,7 тыс. руб. На оказание помощи детям колхозников, временно попавшим в нужду, выделялось 44,4 тыс. руб. На помощь колхозникам по инвалидности и старости, а также по болезни было перечислено 68,3 тыс. руб. Нуждающимся семьям красноармейцев, призванных в РККА, была оказана материальная поддержка в сумме 53,4 тыс. руб., на обучение и переобучение инвалидов, протезирование – 3,4 тыс. руб., а также на предметы ухода за новорожденными – 54,5 тыс. руб. Выдано

возвратных ссуд 202,8 тыс. руб. [48]. Общая сумма ассигнований на социальную поддержку населения области в 1941 г. приближалась, в соответствии с плановыми установками, к 16 млн руб., что более чем на 2,5 млн превышало соответствующий показатель 1939 г.

Кроме вовлечения инвалидов в производственный процесс, у областного руководства органами социального обеспечения не менее важной была проблема подбора кадров руководителей этих органов. Инспектора, обследовавшие районные отделы социального обеспечения в начале марта 1939 г., выявили ряд нарушений, допущенных заведующими районными отделами социального обеспечения Советского и Слободского районов. В конце месяца президиум исполкома Советского районного Совета отреагировал на их замечания постановлением о неудовлетворительной работе местного собеса. В нем признавались отсутствие порядка в делопроизводстве отдела, случаи переплаты и недоплаты пенсий и некачественной работы касс взаимопомощи [49].

Результаты проверки деятельности касс взаимопомощи в Слободском районе (заведующий собеса Ушахин) показали, что из 87 касс половина совершенно не работали, а их денежные средства были сданы в правления колхозов [50]. Малая зарплата (150–200 руб. в месяц) и в целом слабое стимулирование труда руководителей районных отделов социального обеспечения приводили к повышенной текучести кадров и – как следствие – к сбоям в работе этой системы. Только за 1938 г. в области сменилось 17 заведующих райсобесами [51].

В предвоенный период социальное обеспечение стало частью повседневного быта примерно 50% населения страны.

Был заложен материально-организационный фундамент всеобщей доступности здравоохранения, образования и просвещения, культурного обслуживания, а также социального обслуживания инвалидов.

Осуществление социальной политики государства в сфере государственной поддержки инвалидов труда в 1930-е гг. – одно из ярких проявлений заботы о той категории людей, которым без гарантированного органами власти трудоустройства было бы очень и очень нелегко. Не менее важна и обратная сторона медали: инвалиды возвращались на производство, в сферу услуг и обслуживания, а значит вносили свой вклад в экономику страны, в развитие народного хозяйства, а опосредованно – и в дело подготовки Советского Союза к грядущей большой войне.

Примечания

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р.-2130. Оп. 1. Д. 216. Л. 100.
2. Там же. Д. 220. Л. 100.
3. Там же.
4. Там же. Д. 220. Л. 3.
5. Там же. Л. 2.
6. Там же. Д. 135. Л. 41.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1938–1945 т. М., 1985. С. 40.
8. ГАКО. Ф. Р.-2130. Д. 132. Л. 31, 32.
9. Там же. Д. 129. Л. 31, 32.
10. Там же. Д. 247. Л. 12.
11. Там же. Д. 129. Л. 31, 32.
12. ГАКО. Ф. Р.-1024. Оп. 2. Д. 51. Л. 7.
13. ГАКО. Ф. Р.-2130. Д. 220. Л. 17.
14. Там же. Л. 24.
15. Там же. Д. 135. Л. 18.
16. Там же. Д. 220. Л. 51.
17. Там же.
18. Там же. Л. 70.
19. Там же. Д. 135. Л. 23.
20. ГАКО. Ф. Р.-1024. Д. 63. Л. 7.
21. Там же. Л. 6.
22. ГАКО. Ф. Р.-2130. Оп. 1. Д. 272. Л. 49.
23. Там же. Д. 271. Л. 8.
24. История индустриализации Нижегородского-Горьковского края (1926–1941 гг.) / под ред. Ф. Г. Евграфова, З. К. Звездина, В. П. Фадеева (гл. ред.). Горький, 1968; Обзор состояния промышленности Кировской области, Чувашской и Марийской АССР на начало 3-й пятилетки. 9 мая 1938 г. С. 437.

25. ГАКО. Ф. Р.-2131. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.
26. Там же. Л. 3, 4.
27. ГАКО. Ф. Р.-2048. Оп. 3. Д. 4. Л. 15.
28. ГАКО. Ф. Р.-2130. Оп. 1. Д. 296. Л. 19.
29. Сборник постановлений и распоряжений правительств СССР. 1939 г. № 55. Ст. 315.
30. ГАКО. Ф. Р.-1024. Оп. 2. Д. 66. Л. 48.
31. ГАКО. Ф. Р.-2130. Оп. 1. Д. 323. Л. 25.
32. Там же. Л. 26.
33. ГАКО. Ф. Р.-2357. Оп. 12. Д. 323. Л. 26.
34. ГАКО. Ф. Р.-2130. Оп. 1. Д. 296. Л. 39.
35. Там же. Д. 1. Л. 1.
36. ГАКО. Ф. Р.-2357. Оп. 12. Д. 1. Л. 20.
37. ГАКО. Ф. Р.-2130. Оп. 1. Д. 296. Л. 12.
38. Там же. Л. 15.
39. ГАКО. Ф. Р.-413. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.
40. Там же. Д. 247. Л. 13.
41. ГАКО. Ф. Р.-2130. Оп. 1. Д. 298. Л. 61.
42. ГАКО. Ф. Р.-2357. Оп. 12. Д. 1. Л. 9.
43. ГАКО. Ф. Р.-2130. Оп. 1. Д. 296. Л. 21.
44. Там же. Л. 36.
45. Там же. Л. 38.
46. Там же. Л. 39.
47. Там же. Д. 316. Л. 41.
48. Там же. Л. 44.
49. Там же. Д. 135. Л. 15.
50. Там же. Д. 150. Л. 12.
51. Там же. Д. 135. Л. 23.

Notes

1. State archive of the Kirov region (GAKO). F. R.-2130. Sh. 1. File 216. Sh. 100.
2. Ibid. File 220. Sh. 100.
3. Ibid.
4. Ibid. File 220. Sh. 3.
5. Ibid. Sh. 2.
6. Ibid. File 135. Sh. 41.
7. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s»ezdov, konferentsiy i plenumov TSK* - The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 1938-1945. Moscow. 1985. P. 40.
8. GAKO. F. R.-2130. File 132. Sh. 31, 32.
9. Ibid. File 129. Sh. 31, 32.
10. Ibid. File 247. Sh. 12.
11. Ibid. File 129. Sh. 31, 32.
12. GAKO. F. R.-1024. Sh. 2. File 51. Sh. 7.
13. GAKO. F. R.-2130. File 220. Sh. 17.
14. Ibid. Sh. 24.
15. Ibid. File 135. Sh. 18.
16. Ibid. File 220. Sh. 51.
17. Ibid.
18. Ibid. Sh. 70.
19. Ibid. File 135. Sh. 23.
20. GAKO. F. R.-1024. File 63. Sh. 7.
21. Ibid. Sh. 6.
22. GAKO. F. R.-2130. Sh. 1. File. 272. Sh. 49.
23. Ibid. File 271. Sh. 8.
24. *Istoriya industrializatsii Nizhegorodskogo Gor'kovskogo kraya (1926-1941 gg.)* [The history of industrialization of Nizhny Novgorod Gorky region (1926-1941)] / Ed. by F. G. Evgrafov, Z. K. Zvezdin, B. N. Fadeev (editor-in-chief). Gorky. 1968; *Obzor sostoyaniya promyshlennosti Kirovskoy oblasti, CHuvashskoy i Mariyskoy ASSR na nachalo 3 y pyatiletki*. [Review the status of the Kirov region, Chuvash and Mari ASSR at the beginning of the 3d five-year plan]. May 9, 1938. P. 437.
25. GAKO. F. R.-2131. Sh. 1. File 92. Sh. 2.
26. Ibid. Sh. 3, 4.
27. GAKO. F. R.-2048. Sh. 3. File 4. Sh. 15.
28. GAKO. F. R.-2130. Sh. 1. File 296. Sh. 19.

29. *Sbornik postanovleniy i rasporyazheniy pravitel'stv SSSR* - Digest of decisions and orders of government of the USSR. 1939, No. 55, art. 315.
30. GAKO. F. R.-1024. Sh. 2. File 66. Sh. 48.
31. GAKO. F. R.-2130. Sh. 1. File 323. Sh. 25.
32. Ibid. Sh. 26.
33. GAKO. F. R.-2357. Sh. 12. File 323. Sh. 26.
34. GAKO. F. R.-2130. Sh. 1. File 296. Sh. 39.
35. Ibid. File 1. Sh. 1.
36. GAKO. F. R.-2357. Sh. 12. File 1. Sh. 20.
37. GAKO. F. R.-2130. Sh. 1. File 296. Sh. 12.
38. Ibid. Sh. 15.
39. GAKO. F. R.-413. Sh. 1. File 16. Sh. 12.
40. Ibid. File 247. Sh. 13.
41. GAKO. F. R.-2130. Sh. 1. File 298. Sh. 61.
42. GAKO. F. R.-2357. Sh. 12. File 1. Sh. 9.
43. GAKO. F. R.-2130. Sh. 1. File 296. Sh. 21.
44. Ibid. Sh. 36.
45. Ibid. Sh. 38.
46. Ibid. Sh. 39.
47. Ibid. File 316. Sh. 41.
48. Ibid. Sh. 44.
49. Ibid. File 135. Sh. 15.
50. Ibid. File 150. Sh. 12.
51. Ibid. File 135. Sh. 23.

К 100-летию начала Первой мировой войны

УДК: 94(4)"1914/19"

И. В. Лукоянов

**Россия и сепаратный мир (1914–1917 гг.):
из внешнеполитической во внутриполитическую проблему***

Статья посвящена попыткам Германии вывести Россию из Первой мировой войны с помощью заключения сепаратного мира и тех путей, которыми пользовался Берлин для достижения цели: сначала прямые переговоры, а затем стремление ослабить самодержавие, поддерживая революционные и националистические силы. Несмотря на то что эта политика не увенчалась успехом, использование слухов о готовящемся сепаратном мире способствовало развитию внутреннего политического кризиса и в конечном итоге Февральской революции.

The article is devoted to German attempts to withdraw Russia from the World War I with the help of a separate peace, and the ways in which Berlin used to achieve the objective: first direct talks, and then desire to weaken the sovereignty of supporting the revolutionary and nationalist forces. Despite the fact that this policy was not successful, the use of rumors about the upcoming separate peace contributed to the development of the internal political crisis and, ultimately, the February Revolution.

Ключевые слова: Первая мировая война, сепаратный мир, самодержавие, оппозиция, антивоенная пропаганда, историография.

Keywords: The First World War, separate peace, autocracy, opposition, antiwar propaganda, historiography.

Вопрос о сепаратном мире – одна из самых трудных страниц истории Первой мировой войны. Несмотря на то что мнение историков единодушно: дело не двинулось дальше зондирования почвы, тем не менее немало тёмных мест в тех событиях ещё остаётся. В частности, для России вопрос о сепаратном мире оказался тесно связан с внутренним политическим кризисом. Поэтому в советской историографии большинство авторов затрагивало эту проблему как часть «заговора царизма» против революции, являвшегося, в свою очередь, составляющей «теории двух заговоров», несостоятельностью которых в том числе объяснялся крах империи в начале 1917 г.

Историография темы за столетие обросла многочисленными работами, хотя содержательными, то есть опирающимися на конкретные, тем более неизвестные прежде события, являются далеко не все. Первыми были труды и публикации В. П. Семенникова, носившие обвинительный уклон по отношению к самодержавию: автор настойчиво подозревал его в стремлении к сепаратному миру, хотя и признавал, что фактов, определённо свидетельствующих об этом, нет [1]. Его оппонент С. П. Мельгунов на значительном количестве свидетельств убедительно показал, что царская семья до конца империи отвергала сепаратный мир [2].

В 1960–1980-е гг. в советской историографии появился ряд исследований, в которых авторы, используя обнаруженный ими новый фактический материал, несколько по-иному смотрели на проблему. Если В. С. Дякин пришёл к весьма скептическому выводу, констатируя, что «нет оснований утверждать, будто царское правительство или придворная камарилья помимо правительства предпринимали реальные шаги для заключения сепаратного мира» [3], то Р. Ш. Ганелин, сочтя такую позицию «излишне категоричной», выявил сторонников сепаратного мира среди российских верхов, но в итоге констатировал, что даже при желании царской чете и её окружению «было очень трудно разорвать цепь внутриполитиче-

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда 12-31-10020 «Первая мировая война и конец Российской империи».

ских препятствий на пути к сепаратному миру» [4]. Следует оговориться, что Р. Ш. Ганелин не делал разницы между теми, кто выступал за односторонний выход России из войны, и теми, кто призывал к скорейшему завершению конфликта всеми его участниками. «Линию» В. С. Дякина продолжила Н. П. Евдокимова, расширившая своё исследование до проблемы завершения конфликта среди главных участников войны и убедительно показавшая, что это Берлин прилагал колоссальные усилия для того, чтобы расколоть Антанту [5]. В развитие «линии» Р. Ш. Ганелина: И. А. Дьяконова, использовав новые источники, придала, как представляется, чрезмерно большое значение встрече А. Д. Протопопова и Ф. Варбурга в Стокгольме [6].

Ситуация в отечественной историографии кардинально изменилась с начала 1990-х гг., после чего в России за два с половиной десятилетия увидели свет как переведённые исследования и публикации, так и многочисленные работы современных авторов. Стремление к разоблачению различных тайн, а также некоторые общие подходы в современной пропаганде, изображающей все беды Российского государства не как результат внутренних процессов, а как происки различных, особенно внешних, врагов, привели к тому, что тема сепаратного мира оказалась отчасти мифологизирована, а отчасти окружена большим количеством недостоверных фактов и слухов.

Прежде всего, необходимо провести различие между идеей сепаратного мира и завершения войны, к которой в России относились со вниманием, особенно с 1916 г. К сожалению, в отечественной литературе такое разделение, как правило, не делается. Надо также помнить, что 23 августа (5 сентября) 1914 г. Россия, Франция и Англия заключили специальное соглашение о недопустимости сепаратного, то есть без предварительного согласования с другими союзниками, мира [7]. Представляется, что этот договор осложнил возможные планы выхода из войны.

Начало Первой мировой войны, как известно, сразу поставило Тройственный союз в невыгодное положение: расчёты на то, что Англия не вступит в конфликт и что Германии удастся по очереди разгромить Францию и Россию, не оправдались. После же провала блицкрига на Западном фронте стало ясно, что война Берлином проиграна: и экономическая и военная суммарная мощь его противников превосходила возможности Германии и её союзников. Единственным шансом на успех был раскол Антанты, то есть сепаратный мир. Слабым звеном в Берлине казалась Россия.

Немецкий зондаж мирных условий начался уже с осени 1914 г., причём по всем странам [8]. Германия делала ставку на прямой контакт с российскими государственными деятелями. Едва ли не единственным их партнёром мог стать С. Ю. Витте. Р. Ш. Ганелин убедительно показал, как граф, будучи давним сторонником тесных русско-германских связей, ещё до начала войны публично заявлял о недопустимости войны, а позднее искал пути её скорейшего прекращения [9]. Несмотря на то что С. Ю. Витте бравировал, его предложения немедленно покончить с войной не находили отклика ни в верхах, ни у иностранных дипломатов [10].

Правые, традиционно испытывающие симпатии к Германии, разрывались между необходимостью поддержать «единение» в войне и боязнью революции. В целом же идея сепаратного мира была абсолютно чужда общественному мнению, уверенному в том, что виновата в конфликте агрессивность Германии и Австро-Венгрии. Однако с осени 1914 г. в обществе появились слухи и подозрения, что Александра Фёдоровна и её окружение, а также Елизавета Фёдоровна ведут тайную переписку с Германией, что имело под собой реальную почву [11]. Возможно, это была утечка информации, но нельзя утверждать, что они сознательно кем-то распространялись: политика «внутреннего мира» ещё не дала видимых трещин. Но скорость распространения и лёгкость, с которой публика верила фантастическим сведениям о «прямом проводе» между Царским Селом и Берлином, показывают наэлектризованность общественного мнения и негативную установку по отношению к царской семье, готовность поверить в «измену».

Реального интереса правящих кругов (С. Ю. Витте можно отнести к ним лишь условно) в России к сепаратному миру, по крайней мере, в 1914–1915 гг., до сих пор не выявлено. Претензией на такое открытие была статья К. Ф. Шацилло о В. Д. Думбадзе [12]. Племянник ялтинского градоначальника побывал в Германии в мае – июне 1915 г. вместе со своим другом Г. В. Мачабели, о чём сообщил военному министру В. А. Сухомлинову. Описание их визита выглядит чистой хлестаковщиной. Николай II, насколько можно понять из текста, никаких по-

ручений насчёт зондажа возможных условий мира не давал, согласившись лишь на общее ознакомление с ситуацией в Германии. Поэтому вывод историка, что «под словесной шелухой рассказа Думбадзе» скрывается установление прямого контакта «влиятельных сфер» Германии и России, является явным преувеличением.

Многочисленные немецкие зондажи и попытки установить прямой контакт с Николаем II уже описаны в литературе, суть их примерно одинакова. Среди серьёзных можно упомянуть неудачную миссию посланца датского короля Христиана X Х.-Н. Андерсена в первой половине 1915 г. Ни Николай II, ни вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, ни С. Д. Сазонов интереса к сепаратному миру не проявили [13]. Также безуспешными были попытки посредничества, инициированные из Стокгольма [14].

Удачное немецкое наступление весны – лета 1915 г. лишь усилило желание Берлина достичь сепаратного соглашения с Россией. Пожалуй, самым заметным его выражением стала миссия фрейлины М. А. Васильчиковой (иногда её ошибочно титулуют княгиней), хорошо известная в литературе. Первым из исследователей о ней написал В. П. Семенников, он же опубликовал её письма Николаю II [15]. Имеются и другие свидетельства, прежде всего самой М. А. Васильчиковой [16]. Фрейлина, близкая, с одной стороны, к Елизавете Фёдоровне, с другой – частая гостья в семье великого герцога Гессен-Дармштадтского, брата Александры Фёдоровны, оказалась живым мостом между двумя дворами, что и требовалось Берлину.

Ещё до начала немецких успехов на Восточном фронте, 6 февраля 1915 г., Эрнст-Людвиг получил письмо крон-принца Вильгельма: «Не могли бы Вы установить контакты с Ники и посоветовать ему договориться с нами полюбовно?» [17] Вскоре последовало первое обращение М. А. Васильчиковой к царю – письменно, из Австрии, датированное 25 февраля (10 марта) 1915 г. [18] В нём фрейлина на основании «разговора» с тремя «более или менее влиятельными» людьми передавала предложение Николаю II выступить с инициативой мира (весьма наивный приём, с помощью которого Берлин становился бы хозяином положения: либо он соглашался, либо предавал огласке инициативу России в Лондоне и Париже). Никаких условий мира как бы не обсуждалось, за исключением одного. «Я спросила: а Дарданеллы? Тут тоже сказали: стоит русскому царю пожелать, и проход будет свободен» (то есть уступали за счёт Турции).

Не получив ответа, М. А. Васильчикова 17 (30) марта 1915 г. направила царю второе письмо, где уточнила, что речь идёт только о мире России с Германией и Австро-Венгрией. 14 (27) мая 1915 г. последовало третье письмо М. А. Васильчиковой, уже из Берлина. В нём, наконец, появились имена: сообщив о том, что император Вильгельм в курсе её деятельности, фрейлина изложила содержание разговоров с министром иностранных дел Г. фон Яговым, где прозвучали некоторые условия мира для России. Франция не исключалась совсем, а главной пострадавшей должна была стать Англия – злейший враг России, как это хотели представить в Берлине [19]. Разумеется, никакой реакции на них не последовало.

Наконец, 8 декабря 1915 г. М. А. Васильчикова лично явилась в Петроград с запиской Эрнста-Людвига для Николая II с предложением начать переговоры о сепаратном мире. Однако она не была принята ни императором, ни императрицей, ни Елизаветой Фёдоровной, а через некоторое время её выслали в имение своей сестры А. А. Милорадович в Черниговскую губернию, где она и находилась под стражей до Февральской революции. В этой истории обращают на себя внимание даты. В. П. Семенников подметил: март 1915 г. – начало миссии М. А. Васильчиковой и другие попытки – хорошо сочетаются по времени с обсуждением внутри Антанты возможных выгод России в войне. Речь шла, прежде всего, о судьбе черноморских проливов. Именно в это время Париж и Лондон уверили Петроград, что Россия должна в результате войны получить контроль над ними [20]. Поэтому позиция Николая II – воздерживаться от каких-либо контактов с немцами по поводу возможного завершения войны – выглядит абсолютно оправданной: любые переговоры подобного рода стали бы разменной картой в игре на раскол Антанты – и только.

Резко негативное отношение в свете к незадачливой «посланнице мира» совпало по времени с начавшимся обострением отношений оппозиции и правительства. Созданный в августе 1915 г. Прогрессивный блок не сумел добиться отставки премьера И. Л. Горемыкина и смены правительственного курса. Однако несмотря на то что общество в целом было настроено непримиримо против идеи сепаратного мира, обвинения самодержавия в намерении его заключить тогда ещё не прозвучали.

В 1916 г. немцы, не отказываясь от своего намерения установить прямой контакт с правящими кругами в Петрограде, сделали акцент на обработку массового сознания в России. Им хотелось, чтобы оно изменилось от готовности воевать («всё для победы») к пацифизму (немедленно остановить войну). Берлин стал предпринимать попытки целенаправленной агитации за немедленное прекращение войны вообще, в частности, через И. И. Колышко, Д. И. Бебутова и других фигур.

И. И. Колышко, известный публицист, принадлежащий кругу князя В. П. Мещерского, оказался в Стокгольме во время мировой войны благодаря своим амурным связям. Его очередная подруга – немка Э. Брейденбанд – была вынуждена покинуть Россию как германская подданная. К тому же у него имелось коммерческое поручение – покупать в Швеции сталь для российских заводов [21]. Окунувшись в мутную атмосферу шведской столицы, наполненную активностью различных коммерсантов, посредников и контрабандистов, И. И. Колышко быстро почувствовал себя в родной среде [22].

С помощью своего друга, американца Пассвела, журналист познакомился в Стокгольме с немецким посланником Г. Люциусом, стал его осведомителем о положении дел на родине и предложил ему организовать прогерманскую мирную пропаганду в России через газету «Русское слово» [23]. Что подтолкнуло И. И. Колышко к работе на немцев – сказать сложно. Не исключено, что деньги, – кажется, публицист в них нуждался.

Дальше – больше. И. И. Колышко решил играть серьёзную политическую роль – участвовать в организации переговоров о сепаратном мире и одновременно бороться за общественное мнение. В первой половине 1916 г. он дважды встречался в Петрограде со своим старым знакомым по салону В. П. Мещерского, премьер-министром Б. В. Штюрмером, обсудив с ним возможные перспективы завершения войны [24]. По утверждению самого И. И. Колышко, он настаивал на альтернативе: либо дорога к миру («не сепаратному, а общему»), либо революция («Кто хочет победы, должен отказаться от самодержавия»). Публицист уверял, что премьер был категорически против сепаратного мира («Не я начал эту войну. Но я не могу идти в этом вопросе против государя, против страны. Моя задача – помочь победе. А главное – охранить самодержавие») [25]. Интересно, что в мотивации Б. В. Штюрмера внутривнутриполитический фактор – «противоестественный» пакт правительства с либералами во имя «единения» – выходил на первый план. Нет никаких данных, свидетельствующих о том, что глава правительства предпринял какие-либо реальные шаги по подготовке сепаратного мира. Однако мысль о завершении войны не была чужда Николаю II, Александре Фёдоровне и Г. Е. Распутину. Не случайно в переписке царской четы с весны 1916 г. начинает мелькать уверенность в скором, к концу года, окончании конфликта [26]. Однако за этим стояла не идея сепаратного мира, а надежда на победу. Тем не менее связь переговоров И. И. Колышко в Стокгольме и его разговора с премьером представляется несомненной: вряд ли публицист действовал бы только на свой страх и риск, не заручившись поддержкой.

Вернувшись в Швецию, он немедленно вступил в переговоры с немецким магнатом Гуго Стиннесом, проявлявшим активность на поприще поиска сепаратного мира с весны 1916 г. [27] Показательно, что И. И. Колышко заинтересовал немцев после того, как стало ясно, что миссия М. А. Васильчиковой завершилась провалом.

Переговоры Колышко – Стиннес были весьма интенсивными и продолжались с 1 (13) по 27 мая (6 июня) 1916 г. Стороны обсуждали приемлемые для России варианты завершения войны: в обмен на приобретения в Галиции и Малой Азии Россия теряла Польшу, которая получала автономию с вхождением в таможенное пространство Германии. Судьба прибалтийских территорий вызывала споры: И. И. Колышко хотел бы (правда, не категорично), чтобы немцы вернули России Вильно, Ковно и Гродно. Главным препятствием для достижения сепаратного соглашения виделась позиция Николая II, категорически не желавшего идти на такой мир. Однако результата эти контакты не имели: германское руководство предпочло дожидаться, пока Россия выразит готовность к миру в недвусмысленной форме [28]. Также складывается ощущение, что Берлин не относился слишком серьёзно к подобным встречам: личности их участников, отсутствие у них внятных полномочий свидетельствовали, как минимум, о том, что до реального диалога о мире всё равно оставалась дистанция огромного размера.

Почти одновременно с переговорами Стиннес – Колышко, в июне 1916 г., в Стокгольм из Германии приехал хорошо известный кадетским лидерам князь Д. О. Бебутов, находив-

шийся там с начала войны и намеревавшийся вернуться в Россию. На германских дипломатов (Г. Люциус, У. Брокдорф-Ранцау) большое впечатление произвёл тот факт, что князь «был принят» у А. В. Неклюдова, русского посланника в Стокгольме, и что он установил связь с И. И. Колышко. Два авантюриста общими усилиями сформулировали план достижения мира с помощью обработки общественного мнения. Вскоре оба они представили Берлину схожие проекты по приобретению средств массовой информации в России для ведения через них пронемецкой пропаганды. Размах у Д. О. Бебутова был шире, чем у И. И. Колышко: он предлагал купить три русские газеты: «Новое время», «Русские ведомости» и «День», просил на это 10 млн рублей и обещал поддержку ряда еврейских предпринимателей (Л. И. Бродского, Д. Л. Рубинштейна). Однако немцы доверяли Д. О. Бебутову едва ли не меньше, чем И. И. Колышко, поэтому не приняли его предложение [29].

Эти же идеи использовал И. И. Колышко. Журналист продолжил контакты с Г. Стиннесом, добившись от него 12 августа 1916 г. согласия предоставить 2 млн рублей для финансирования издательства в России [30]. Однако вскоре И. И. Колышко обиделся на Г. Стиннеса: якобы тот обещал много денег (15 млн марок на газету), но ничего не дал [31]. Однако какие-то средства публицист всё-таки получил. Осенью 1916 г. он заявил журналисту И. Троцкому, что планирует войти в руководство «Петроградского курьера», который, якобы, должна приобрести некая «группа общественников и финансистов» [32]. Начало 1917 г. И. И. Колышко провёл в Копенгагене, где установил контакт с А. Л. Парвусом (Гельфандом). По-видимому, это дало толчок его «предприятию» уже после Февральской революции, так как А. Л. Парвус советовал немцам отнестись к нему со всей серьёзностью [33]. Весной 1917 г. он также вступил в переговоры с М. Эрцбергером [34]. Дальнейшая его активность протекала уже в Петрограде после Февральской революции и закончилась для журналиста плачевно – он оказался в руках российской контрразведки.

Перечень «агитаторов» И. И. Колышко и Д. О. Бебутовым не исчерпывается. Корреспондент известного историка и архивиста Б. И. Николаевского М. Н. Павловский, специально изучавший этот вопрос, привёл целый список таких «агентов влияния», преимущественно из революционных кругов (А. Кескюла, Литчев, Клейн, Е. Б. Цивин, К. Циллакиус, Н. А. Рубакин) [35]. Показательно, что финансирование этой публики началось во второй половине 1915 г., а существенные средства на их деятельность были выделены в 1916 г.

В историографии и публицистике большое внимание уделено контактам немцев с большевиками, особенно с В. И. Лениным. Разумеется, в основе пораженчества большевиков находились интересы революционной борьбы: ленинцы, как и в 1905 г., рассматривали неудачу самодержавия в войне как толчок к началу новой революции. Никакими немецкими агентами они не были, просто их желание свергнуть власть в России полностью совпадало с интересами Берлина. Попытки обнаружить прямые контакты большевиков с немецкими властями предпринимались неоднократно, но к успеху не привели. Так, не вызывает ни малейшего сомнения опубликованный Ю. Г. Фельштинский в копии доклад заграничной агентуры Департамента полиции, сообщавший о посещении В. И. Лениным германского посольства в Берне в декабре 1916 г., в котором он якобы пробыл более суток [36]. «Документ» этот, известный в историографии ещё с 1920-х гг., вызывает массу вопросов и не находит подтверждения в немецких источниках.

Деятельность другого российского социал-демократа А. Л. Парвуса, хорошо знакомого с В. И. Лениным, давно находится в сфере внимания многих историков и изучена весьма подробно [37]. Его контакты с немцами в связи с войной начались с 1915 г., они никак не связаны с идеей сепаратного мира. По-видимому, Берлин в марте 1915 г., не отказываясь от идеи провести прямые переговоры, одновременно сделал ставку на поддержку антиправительственного движения в России, ассигновав А. Л. Парвусу 1 млн рублей. Вероятно, именно с этими деньгами связано появление цепочки Парвус – Ганецкий – Ленин. Однако утверждения о прямом и обильном немецком финансировании большевиков через этот канал в последние годы подвергнуты серьёзным сомнениям. В 1995 г. С. Ляндрес опубликовал 66 телеграмм, добытых Временным правительством, которыми обменивались Е. М. Суменсон и Я. С. Ганецкий, а также их коммерческие и политические корреспонденты, включая В. И. Ленина [38]. Эта переписка сообщает лишь о коммерческих операциях: ввоз в Россию дефицитных товаров, используя нейтральные страны (в данном случае – Швецию) и продажа их по весьма высоким ценам, что приносило большую прибыль. С. Ляндрес отметил, что переписка не со-

держит данных о переводе денег из Стокгольма в Россию: финансовые потоки шли только в Швецию. Выводы С. Ляндреса были развиты и уточнены в большой документальной публикации, подготовленной С. С. Поповой и увидевшей свет в 2010 г. [39] Используя материалы, находящиеся в российских архивах, публикатор показала, что основные финансовые операции большевиков приходятся на 1917 г. и что суммы их не были значительными. Документально прослеживается выручка примерно 800 тыс. рублей, полученная Е. М. Суменсон, из которых Я. С. Ганецкому (Фюрстенбергу) было переведено около 580 тыс. [40] Однако показания участников этой цепочки однозначно свидетельствуют, что за поставками товаров на сумму свыше 2 млн рублей, начавшихся с конца 1915 г., стоял А. Л. Парвус и немецкие деньги. Механизм же их использования через торговые операции выдаёт действительные цели «купца русской революции»: спонсирование большевиков сочеталось у него с ведением высокоприбыльных торговых операций. Не случайно именно за годы войны А. Л. Парвус превратился в весьма состоятельного человека.

Финансирование деятельности большевиков из-за границы после Февральской революции выходит за рамки данной статьи, однако исследования, появившиеся в последние годы [41], показывают, что число каналов и суммы, передаваемые ленинцам, существенно выросли после падения самодержавия. Возможно, тогда речь шла уже о миллионах, вложенных в русскую революцию.

Для ослабления российской власти Германия пыталась использовать не только революционные, но и национальные движения для раскола Российской империи. В апреле 1916 г. для этой цели в Швейцарии на немецкие деньги была создана «Лига нерусских народов России» (финны, эстонцы, литовцы, поляки, выходцы с Кавказа и др.) [42]. Заметное место в немецких планах отводилось украинофильству, ярко заявившему о себе во время первой русской революции.

Частично завесу над целым клубком различных интересов и интриг приоткрыл для российских властей ещё в 1917 г. один из видных деятелей тогдашнего украинофильства Владимир Яковлевич Степанковский [43]. В мае 1915 г. он открыл в Лозанне «Украинское бюро» и основал газету «Украина» (*L'Ukraine*) на французском языке (!). Деньги он получал большей частью от графа Михаила Тышкевича, помещика Киевской губернии, которого англичане называли более украинофилом, чем украинцы, а также от немцев [44]. Обещая прорусский тон газеты, В. Я. Степанковский обратился в российскую миссию в Берне с запиской, «где говорил, что украинский вопрос начинает монополизироваться австрийцами и германцами», чему необходимо создать противовес. Это не мешало ему быть также осведомителем немецкой миссии в Швейцарии о положении дел в России, а через английского журналиста Герберта Уайта доставлять сведения и для Лондона. То есть В. Я. Степанковский, контактируя с представителями спецслужб любых держав, пытался преследовать свои политические цели и идеалы.

Несмотря на то что предложение В. Я. Степанковского не было принято в Петрограде, корреспондент Петроградского телеграфного агентства В. П. Свадковский вывел его на военных, заинтересовавшихся украинской тематикой. «Решено было действовать совершенно конспиративно, чтобы о моей работе в этом направлении не знала бы и бернская русская миссия», не меняя при этом курса газеты [45]. От В. П. Свадковского же В. Я. Степанковский получал деньги [46]. Несмотря на контакты с российскими представителями, В. Я. Степанковского, конечно, нельзя рассматривать как агента Петрограда. По аналогичной схеме действовали и другие националисты, например финн К. Циллакус или эстонец А. Кескюла, что уже хорошо известно благодаря ряду исследований. Тем не менее существенного результата немецкие усилия по розыгрышу «национальной карты» в России не принесли, так как национально-сепаратистские настроения в империи были слабы.

Гораздо большее значение имели внутренние политические процессы. В России оппозиция и самодержавие с 1916 г. находились в конфликте по широкому спектру вопросов. Обе стороны искали любых возможностей, чтобы обвинить или уличить в чём-либо друг друга. В частности, среди либералов (и не только их) распространились подозрения власти в том, что она тайно готовит сепаратный мир с немцами. Нет прямых сведений, что подобные слухи распускались целенаправленно, но логика противостояния Прогрессивного блока и правительства толкала именно к таким обвинениям. Скорее всего, мы имеем дело с наэлектризованной атмосферой общественного сознания, когда малейшие сомнения быстро раздувались, превращаясь в «достоверные сведения».

Одним из поводов для подозрений стала встреча А. Д. Протопопова с германским банкиром Ф. Варбургом в Стокгольме 23 июня (6 июля) 1916 г. Она часто упоминается в исследованиях, однако её интерпретации расходятся во многих, в том числе и существенных, деталях [47]. Связано это с тем, что участники с российской стороны, а также те, кто был причастен к её организации, руководствовались не чьими-то конкретными поручениями, а действовали на свой страх и риск, а затем пытались использовать событие в своих целях. Особенно это относится к А. Д. Протопопову.

Товарищ председателя Думы, он был главой русской парламентской делегации за границей (шесть членов Государственного совета и 10 депутатов Думы), являлся официальным лицом. Его встреча с немцем была первым контактом с врагом такого уровня за время войны, поэтому она неизбежно рассматривалась в контексте завершения войны, а в худшем случае, что и произошло, – сепаратного мира. Понимая всю двусмысленность разговора, А. Д. Протопопов обставлял её свидетелями (Л. С. Поляк, Д. А. Олсуфьев) и сам предал его гласности. Его подробный рассказ о встрече прозвучал 29 августа 1916 г. в Москве на встрече губернских предводителей дворянства, позднее его опубликовала газета «Русское слово» [48].

Несомненно, что контакт был экспромтом, заранее не готовился. Разговор мог носить только общий характер, ни у той, ни у другой стороны не было предварительно подготовленных документов. Во время встречи, длившейся около полутора часов, больше говорил Ф. Варбург, развивая тему: война – следствие английской политики, сепаратный мир нужен, прежде всего, России [49]. Банкир изложил некоторые немецкие условия прекращения войны: Сербия и Бельгия остаются свободными государствами, Лотарингия возвращается Франции, русская и австрийская части Польши становятся независимыми государствами, Россия получает Буковину и Галицию, Германия – Курляндию [50]. То есть повторялась позиция, представленная ещё М. А. Васильчиковой: мир по-немецки будет достигаться за счёт Австро-Венгрии, а Англия ничего не получит. Показательно, что о русских условиях мира речь даже не заходила. Несмотря на то что в Берлин Ф. Варбург представил «победоносный» рапорт, министр иностранных дел Г. Ягов справедливо заметил: русские основательно «подоили» Ф. Варбурга, практически ничего не сообщив ему в ответ [51].

Несмотря на кажущуюся безобидность «стокгольмского свидания», для России оно имело негативные последствия. Грубейший просчёт дилетанта А. Д. Протопопова состоял в том, что он являлся официальным лицом и его контакт с неприятелем, который получил огласку, не мог не вызвать пристальнейшего внимания союзников, особенно в контексте многочисленных слухов о возможном сепаратном мире. А. В. Неклюдов рассказывал о встрече своим коллегам-дипломатам со слов А. Д. Протопопова, не скрывая, что участники, по-видимому, обсуждали возможные условия завершения войны. Он уверял, что ничего существенного там не прозвучало, но контекст разговора всё равно выводил на тему сепаратного мира [52]. Ошибку совершил и министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Решив, что никакого политического интереса «стокгольмская встреча» не представляла, он, тем не менее, выхлопотал для А. Д. Протопопова высочайшую аудиенцию [53]. Кроме того, вскоре после возвращения А. Д. Протопопов возглавил Министерство внутренних дел. Пусть эти события не были прямо связаны между собой, но подозрения в тайной политике немедленно обострились. Эти обстоятельства использовал П. Н. Милюков в своём знаменитом выступлении в Думе 1 ноября 1916 г. Отлично знавший обстоятельства встречи Ф. Варбурга и А. Д. Протопопова, он, тем не менее, ничего не сделал для того, чтобы развеять разные домыслы, а, наоборот, только усилил их. Лидер Прогрессивного блока окончательно перевёл проблему сепаратного мира из внешнеполитической во внутривнутриполитическую плоскость.

Знаменитой речи предшествовало усиленное распространение слухов о сепаратном мире в обществе. 16 октября 1916 г. это зафиксировал в дневнике М. Палеолог: «уже несколько дней» «уверяют, что Штюмер доказал, наконец, императору необходимость кончить войну, заключив в случае надобности сепаратный мир». Посла посетили с расспросами об этом «более 20 лиц» [54].

Оборотной стороной этих слухов стали также резко активизировавшиеся разговоры о дворцовом перевороте, причём среди весьма высокопоставленных собеседников. 19 октября 1916 г. М. Палеолог встречался с А. Ф. Трёповым. Конечно, разговор вращался вокруг сепаратного мира. Министр уверил посла, что император – приверженец войны до победы. Однако он косвенно подтвердил существование в столице круга, который выступает за прекра-

щение войны, назвав их безумными (мир «без полной победы это – немедленная революция»). Но Николай II слаб. Вывод напрашивается сам собой – необходим дворцовый переворот, но не в пользу Александры Фёдоровны. Его сделал М. Палеолог, А. Ф. Трёпов не согласился, но не опроверг главный тезис дипломата: германофилы станут действовать за спиной императора, и однажды «его поставят перед совершившимся фактом. Тогда он уступит или, точнее, махнёт рукой и покорится» [55]. Союзники очутились в неприятном тупике: чтобы предотвратить сепаратный мир, следовало отстранить от власти окружение Николая II, а может быть, и его самого. Но западные дипломаты были уверены, что в случае переворота Россия немедленно выйдет из войны. Внутренняя ситуация складывалась так, что только status quo сохраняло шансы на продолжение военных усилий России, и не факт, что до победы. Понятно, что дипломаты Антанты боялись дворцового переворота больше, чем ему способствовали.

Возможно, именно этот фактор – сепаратного мира – мог сыграть решающую роль в отстранении Б. В. Штюрмера: его отставка в остальном выглядела как уступка Думе, что было нежелательно для Николая II. Показательно, что за назначением Н. Н. Покровского в декабре 1916 г. во главе Министерства иностранных дел последовало его немедленное заявлением в Думе, что Россия не помышляет о сепаратном мире. Но оставался ещё Г. Е. Распутин, прочно связанный молвой с сепаратным миром. И не только ей. В распоряжении союзников неожиданно оказалась информация, подтверждающая их самые мрачные догадки, причём источником её являлся весьма осведомлённый человек – Илиодор.

Илиодор (С. М. Труфанов), близкий Г. Е. Распутину настоятель Свято-Духова монастыря в Царицыне, в начале 1912 г. рассорился со «старцем». Илиодор был лишён сана и уехал к себе на родину на Дон, а в июле 1914 г. из-за преследования властей бежал за границу. Он появился в Христиании (Осло) с замыслом окончательно «разоблачить» своего врага – Г. Е. Распутина. В конце 1914 г. беглый монах-расстрига начал работу над текстом «Святого чёрта», одновременно он подыскивал издателя книги как в России, так и за границей. Возможно, первыми, к кому Илиодор обратился, стали немцы. Уже в ноябре 1914 г. экс-приятель «старца» посетил германскую дипломатическую миссию в Осло, предлагая приобрести рукопись ещё не законченного сочинения. Б. И. Колоницкий полагает, что С. М. Труфанов подгонял её содержание под покупателя: так, он сообщал немцам, что война начата по инициативе «старца», что не соответствовало действительности [56]. Судя по немецким документам, несмотря на скептическую реакцию дипломатов, «разоблачителем» заинтересовался Генеральный штаб, и Илиодор в феврале 1915 г., когда его работа над текстом уже подходила к концу, побывал в Берлине. Итоги его поездки неизвестны, но очевидно, что сделка по приобретению рукописи не состоялась [57].

25 января 1916 г. квартиру Илиодора в Христиании вдруг посетил журналист Б. М. Ржевский, якобы посланный А. Н. Хвостовым для того, чтобы через беглого экс-монаха подыскать людей, готовых убить Г. Е. Распутина. Достоверность этой истории, изложенной Илиодором, а также известной со слов С. П. Белецкого и А. С. Симановича, вызывает сомнение: зачем министру внутренних дел почти открыто обращаться за содействием к беглецу? Для темы завершения войны интересно другое: якобы в ходе разговора Илиодор зачем-то сообщил «посланцу» о своей рукописи, а тот завоевал расположение собеседника тем, что в ответ рассказал ему, ни больше, ни меньше, о готовящемся Г. Е. Распутиным сепаратном мире [58].

Вслед за Б. М. Ржевским супруга Илиодора (бывшая поклонница «старца») Н. А. Перфильева в конце марта 1916 г. приехала в Петроград (муж уверял – «лечиться») [59]. Там она встретила Г. Е. Распутина и рассказала ему про визит Б. М. Ржевского, объяснив желание мужа убить его историей с сепаратным миром. «Старец» не только подтвердил намерение заключить мир, но и обещал обеспечить возвращение Илиодора в Россию, а также дать денег, если тот откажется от публикации книги. Г. Е. Распутин также был весьма откровенен, почему-то поведал супруге своего злейшего врага немало интересного, в том числе о Б. В. Штюрмере, сепаратном мире и т. п. [60]

Известно, что летом 1914 г., в канун войны, Г. Е. Распутин был против её начала, но также известно и то, что «старец» легко менял свою позицию. Его «пацифизм» усилился в 1916 г., когда начался призыв ратников II разряда, в число которых попал его единственный сын Дмитрий. Разумеется, Г. Е. Распутин не имел в виду никакого сепаратного мира, да и

вряд ли вполне понимал, что это такое, он выступал за прекращение конфликта. Об этом сохранилось немало свидетельств. Некоторую парадоксальность взгляда Г. Е. Распутина на войну отметила В. И. Баркова, дочь И. Ф. Манасевича-Мануйлова, которая, после ареста отца в августе 1916 г., полтора месяца провела в квартире Г. Е. Распутина. В это время – конец августа – начало октября 1916 г. – Г. Е. Распутин выступал «против войны как войны – грех. ...А мир заключить – это не корову купить, а устал народ воевать. Ах, как устал» [61].

Но это были разговоры. Илиодор же решил разыграть политическую карту, используя написанную им книгу. Монах-расстрига отправился за океан, в Нью-Йорк он прибыл 18 июня 1916 г. Заинтересованные издатели его «откровений» нашлись быстро («Метрополитен» и Герман Бернштейн), но издание начало тормозить русское посольство [62]. Сам факт острого интереса представителей России к сочинению Илиодора придавал ему серьёзное значение – это означало, что «мемуаристу» было что рассказать. Илиодор максимально использовал этот интерес: 26 декабря 1916 г. расстрига собрал в Нью-Йорке представителей американской, еврейской и русской печати и стал пересказывать своё сочинение в части влияния Г. Е. Распутина на царскую семью, пообещав организацию массовых митингов в ряде городов Америки, где намеревался публично зачитывать свои разоблачения [63]. Вероятно, поэтому беглецом заинтересовалась английская дипломатическая миссия. Илиодор, со слов своей супруги Н. А. Перфильевой, с удовольствием сообщил им о событиях в России и представил своё сочинение о Г. Е. Распутине, дополнив его рассказом о сепаратном мире, что, по справедливому предположению, должно было заинтересовать Лондон. Якобы англичане встревожились. Через некоторое время Илиодору, согласно его рассказу, сообщили, что Б. В. Штюрмер и его кабинет скоро будут смещены, русская армия перейдёт под контроль англичан, а Г. Е. Распутин либо привезут в Лондон, либо убьют. Если же Николай II воспротивится такому развитию событий, то в России произойдёт революция [64]. Все эти рассказы похожи на фантазии, но Илиодор называл имена. Например, сотрудника английского консульства в Нью-Йорке литовца Казимира Пиленаса, якобы хорошо известного в шпионских кругах, который поддерживал контакт с ним и рассказывал многое о событиях в России [65].

Естественным решением проблемы в Лондоне, вероятно, представлялось устранение влияния Г. Е. Распутина на государственные дела. Отсюда понятен интерес англичан к планам его убийства, который уже отмечали некоторые исследователи [66]. Сведения, почерпнутые из записок Илиодора, лишь подкрепляли подозрения Лондона, поэтому не будет преувеличением предположить, что монах-расстрига получил в Англии некоторый кредит доверия. Этому есть косвенные подтверждения. Так, летом 1917 г. американцы пытались использовать расстригу в борьбе против распространения германского влияния в России как несомненного противника немцев [67]. Однако убийство Г. Е. Распутина никак не повлияло прямо на возможность выхода России из войны.

В целом, следует признать, что ставка немцев на выход России из войны с помощью заключения сепаратного мира, сделанная ими ещё в конце 1914 г., не сработала. Несмотря на неудачи на фронтах, особенно в 1915 г., ни российское общество, ни власть не выказывали желание нарушить союзнические обязательства, намереваясь воевать до победы. Ошибочен был и расчёт Берлина на колебания Николая II и немецкое происхождение его супруги: и он, и Александра Фёдоровна ни разу не выразили ни малейшего намерения пойти на сепаратный мир. Наконец, ставка на революционное и национальные движения также не дала результата: они оказались недостаточно сильны, чтобы создать реальные проблемы самодержавной власти в годы войны. Об их относительной слабости свидетельствует история Февральской революции, после которой ни одна политическая сила либо партия не могла утверждать, что это она добилась свержения монархии. Другое дело, что после свержения самодержавия этот фактор оказал решающее влияние на неспособность России продолжать войну до победы Антанты. С другой стороны, союзники, обеспокоенные слухами о готовности самодержавия выйти из войны, также не преуспели в сохранении status quo. Устранение Г. Е. Распутина всё-таки не было делом их рук, да и не привело к желанным изменениям в политике. В основе Февральской революции, коллапса империи и последовавшем спустя почти год выходе из войны лежали в первую очередь внутренние причины.

Примечания

1. Семенников В. П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии). По новым документам. М.; Л., 1926. С. 37, 62 и др.
2. Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж, 1957.
3. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 286.
4. Ганелин Р. Ш. Сторонники сепаратного мира с Германией в царской России // Проблемы истории международных отношений: сб. ст. памяти академика Е. В. Тарле. Л., 1972. С. 126–155. Сейчас эта работа переиздана: Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. Статьи разных лет. М., 2014. С. 370–400.
5. Евдокимова Н. П. Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985.
6. Дьяконова И. А. Сепаратные контакты царской России и кайзеровской Германии в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1984. № 8.
7. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 425.
8. Евдокимова Н. П. Указ. соч. С. 11–12, 37–40, 47–51; Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006. С. 270–274.
9. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 384–386.
10. Палеолог М. Дневник посла. М., 2003. С. 617. Запись 2 ноября 1916 г. (новый стиль) содержит рассказ посланника Японии в Петрограде И. Мотоно, которого С. Ю. Витте в декабре 1914 г. безуспешно убеждал в недопустимости для Страны восходящего солнца послать свои войска на театр военных действий в Европу. В начале 1915 г. из окружения графа к итальянскому послу попала записка с планом прекращения войны, в которой предполагалось решить основные проблемы между Петроградом, Берлином и Парижем за счёт Австро-Венгрии, Лондон же оставался за бортом переговоров (телеграмма А. Карлотти С. Санино 6(19) января 1915 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917 гг. (далее – МОЭИ). Т. 7. 14 января 1915 г. – 23 мая 1915 г. Ч. 1. М.: Л., 1935. С. 47–48).
11. Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 304–306. Александра Фёдоровна поддерживала до конца 1916 г. переписку со своим братом великим герцогом Гессенским Эрнестом-Людвигом. Ныне письма российской императрицы опубликованы (Correspondence of the Empress Alexandra of Russia with Ernst Ludwig and Eleonore, Grand Duke and Duchess of Hesse 1878–1916 / ed. by Petra H. Kleinpenning. Norderstedt, 2010). Эта корреспонденция носила по преимуществу неполитический характер.
12. Шаццлло К. Ф. К попыткам сепаратных переговоров во время Первой мировой войны (март – май 1915 г.) // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 105–112.
13. Дьяконова И. А. Указ. соч. С. 83–85; Дневники императрицы Марии Фёдоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 87. Запись 6(19) июля 1915 г.
14. Новикова И. Н. Указ. соч. С. 274–276.
15. Семенников В. П. Указ. соч. С. 11–37.
16. Возмущённая тем, что в газетах и журналах (в частности, в «Историческом вестнике») в 1917 г. появилась всякая нелепица о её возвращении в Россию в 1915 г., она стремилась опровергнуть ложь в печати (М. А. Васильчикова – в редакцию «Русского слова» 31 мая (13 июня) 1917 г. // Отдел рукописей российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 259. К. 12. № 11. Л. 1–4). Позднее её рассказы воспроизвёл Д. А. Олсуфьев (Олсуфьев Д. А. Фрейлина трёх царствований. Из воспоминаний сословных и политических. 1. Общественное положение и характер кн. Васильчиковой // Возрождение. 1934. 30 сент. № 3406).
17. Цит. по: Земан З., Шарлау В. Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 181.
18. М. А. Васильчикова – Николаю II 25 февраля (10 марта) 1915 г. // МОЭИ. Т. 7. Ч. 1. М.; Л., 1935. С. 444–446.
19. МОЭИ. Т. 8. Ч. 1. М.; Л., 1935. С. 34–39.
20. Семенников В. П. Указ. соч. С. 21.
21. Колышко И. И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 269.
22. Новикова И. Н. Указ. соч. С. 266–348.
23. Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918 / ed. by Z. A. B. Zeman. L., 1958. P. 92.
24. В. С. Дякин отметил, что одновременно с последовавшими переговорами И. И. Колышко в Стокгольме Б. В. Штюрмер добился отставки С. Д. Сазонова, а в столице поползли настойчивые слухи, что война будет окончена к концу года (Дякин В. С. Указ. соч. С. 279–280).
25. Колышко И. И. Указ. соч. С. 101–102. Схожую версию И. И. Колышко изложил своему приятелю журналисту М. А. Сукенникову (Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 312–313).
26. Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 136–137.
27. Дьяконова И. А. Указ. соч. С. 86–87.

28. Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 142.
29. Г. М. Катков – Б. И. Николаевскому 12 марта 1962 г. // Фельштинский Ю. Г. Германия и революция в России. 1915–1918. Сборник документов / ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 2013. С. 475–476.
30. Аронсон Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Мадрид, 1986. С. 103.
31. М. Эрцбергер – Э. Лангверту 21 апреля 1917 г. Приложение 3 // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 303–304.
32. Троцкий И. Со ступеньки на ступеньку (к портрету И. И. Кольшко) // Новое русское слово. 1962. 2 дек.
33. У. Ранцау – в МИД 16 марта 1917 г. // Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 281–282.
34. М. Эрцбергер – А. Циммерману 31 марта 1917 г.; М. Эрцбергер – Э. Лангверту 21 апреля 1917 г. Приложение 3 // Там же. С. 287–292, 298–304.
35. М. Н. Павловский – Р. А. Абрамовичу 2 мая 1959 г. // Фельштинский Ю. Г. Указ. соч. С. 458–464.
36. Ещё раз о Ленине и немецких деньгах (публикация Ю. Г. Фельштинского) // Континент (Париж). 1986. Кн. 50. С. 313–316.
37. Scharlau W. B., Zeman Z. A. *Freibeuter der Revolution: Parvus-Helphand. Eine politische Biographie.* Köln, 1964 (русский перевод: Земан З., Шарлау В. Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991); Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. СПб., 2009.
38. Lyandres S. *The Bolsheviks «German Gold» Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusation.* Pittsburg, 1995.
39. Попова С. С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 г. в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010.
40. Там же. С. 34.
41. Например: Бьёркегрэн Х. Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906–1917. М., 2007.
42. Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916–1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Ersten Weltkrieg. Helsinki, 1978; Futrell M. Northern Underground. Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland, 1863–1917. L., 1963; Греков Б. И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы Первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 419–431; Новикова И. Н. Указ. соч. С. 324–329.
43. Hoffman J. H. V. Stepankovsky, Ukrainian Nationalist and German Agent // *The Slavonic and East European Review.* 1972. Vol. 50. № 121 (October). P. 594–602; Симоненко Р. Г. Про авантюристичну діяльність українського буржуазного націоналізму на міжнародній арені в 1917–1918 рр. // Історія та історіографія України: збірник наукових статей. Київ, 1985. С. 137–173.
44. Ukrainian movement in Switzerland (report from Geneva) 1.12.1917 // Public Record Office. Foreign Office (PRO FO). 371/3020. P. 235.
45. Протокол допроса В. Я. Степанковского 9 августа 1917 г. (копия) // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 934. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–20.
46. Ukrainian movement in Switzerland... P. 234.
47. Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 229–242 и др.; Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 143–147, 151–152; Дьяконова И. А. Указ. соч. С. 87–91.
48. Русское слово. 1917. 19 янв. № 15. Содержание публикации подробно пересказано В. П. Семенниковым (Семенников В. П. Указ. соч. С. 38–41).
49. Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция 1914–1917 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1960. С. 102–103.
50. Дьяконова И. А. Указ. соч. С. 90.
51. Ганелин Р. Ш. Указ. соч. С. 145.
52. Е. Ховард (английский посланник в Стокгольме) – в Форин офис 3 октября 1916 г. // PRO FO. 371/2746. P. 399.
53. Показания С. Д. Сазонова в Чрезвычайной следственной комиссии 24 марта 1917 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1. Д. 547. Л. 2–9.
54. Палеолог М. Указ. соч. С. 601. Запись 16 октября 1916 г. (новый стиль).
55. Там же. С. 605. Запись 19 октября 1916 г. (новый стиль).
56. В опубликованном в России в 1917 г. варианте «Святого чёрта» говорится, что в июне 1914 г. Г. Е. Распутин заявлял о необходимости «проучить» немцев (Илиодор. Святой чёрт (записки о Распутине). М., 1917. С. 98).
57. Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 538–539.
58. Iliodor. *The Mad Monk of Russia: Life, Memoirs and Confessions of Sergei Michailovich Trufanoff,* Iliodor. N. Y., 1918. P. 297–307.
59. Если такая поездка действительно имела место, то произойти она не могла позже, чем конец февраля 1916 г.: 13 (26) марта Г. Е. Распутин отбыл из Петрограда в Покровское, вернулся он 23 апреля.

60. Илиодор – А. С. Пругавину 25 марта 1917 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2167. Оп. 2. Д. 115. Л. 13.
61. Протокол допроса В. И. Барковой 6 августа 1920 г. С. 219.
62. Сведения об этой истории появились также и в российской печати (Где Илиодор? // Русское слово. 1917. 29 янв.).
63. Донесение и. о. заведующего заграничной агентурой 19 января (1 февраля) 1917 г. // ГАРФ. Ф. 102. 00. Оп. 246. 1916 г. Д. 35–36. Л. 1–1 об.
64. Илиодор – А. С. Пругавину 25 марта 1917 г. Л. 13–14. Позднее Илиодор изложил историю своих контактов с Ржевским в мемуарах, изданных в США, повторив обвинения Г. Е. Распутина в том, что тот с начала 1916 г. начал действовать в поисках сепаратного мира (Илиодор. Оп. cit. P. 296, 307).
65. Илиодор – А. С. Пругавину 25 марта 1917 г. Л. 13.
66. См.: Шишкин О. А. Убить Распутина. М., 2000. С. 116–117, 121–122, 126–127.
67. Меморандум, подготовленный англичанами для президента США В. Вильсона, о борьбе с германской пропагандой в России, 8 июня 1917 г. // The Papers of Woodrow Wilson. Vol. 42. Princeton, 1983. P. 463–466.

Notes

1. Semennikov V.P. *Politika Romanovykh nakanune revolyutsii (ot Antanty k Germanii). Po novym dokumentam* [Policy of Romanovs on the eve of the revolution (from Antanta to Germany). According to new documents]. Moscow; Leningrad. 1926. Pp. 37, 62, etc.
2. Melgunov S. P. *Legenda o separatnom mire (kanun revolyutsii)* [Legend of a separate peace (the eve of the revolution)]. Paris. 1957.
3. Dyakin V. S. *Russkaya burzhuaziya i tsarizm v gody pervoy mirovoy voyny (1914–1917)* [The Russian bourgeoisie and stir in the years of the first world war (1914-1917)]. Leningrad. 1967. P. 286.
4. Ganelin R. Sh. *Storonniki separatnogo mira s Germaniyei v tsarskoy Rossii* [Proponents of a separate peace with Germany in tsarist Russia] // *Problemy istorii mezhdunarodnykh otnosheniy: sb. st. pamyati akademika E. V. Tarle - Problems of history of international relations: Proc. of art to the memory of academician E. C. Tarle*. Leningrad. 1972. Pp. 126-155. This work is now reissued: Ganelin R. Sh. *V Rossii dvadtsatogo veka. Stat'i raznykh let* [In Russia of the twentieth century. Articles from different years]. Moscow. 2014. Pp. 370-400.
5. Evdokimova N. P. *Mezhdv Vostokom i Zapadom. Problema separatnogo mira i manevry diplomatii avstro germanskogo bloka v 1914–1917 gg* [Between East and West. Issue of a separate peace and maneuvers of diplomacy of Austro-German bloc in 1914-1917], Leningrad. 1985.
6. Diakonova I. A. *Separatnye kontakty tsarskoy Rossii i kayzerovskoy Germanii v Pervuyu mirovuyu voynu* [Separate contacts of tsarist Russia and Imperial Germany in the First world war] // *Voprosy istorii - Questions of history*. 1984, No. 8.
7. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856–1917 - Collection of treaties between Russia and other States 1856-1917*. Moscow. 1952. P. 425.
8. Evdokimova N. P. Op. cit. Pp. 11-12, 37-40, 47-51; Novikova I. N. «*Mezhdv molotom i nakoval'ney*»: *SHvetsiya v germano rossyskom protivostoyanii na Baltike v gody Pervoy mirovoy voyny* ["Between a rock and a hard place": Sweden in the German Russian confrontation in the Baltic sea during the First world war]. SPb. 2006. Pp. 270-274.
9. Ananich B. V., Ganelin R. Sh. *Sergey YUL'evich Vitte i ego vremya* [Sergei Yulyevich Witte and his time]. SPb. 1999. Pp. 384-386.
10. Paleolog M. *Dnevnik posla* [Diary of Ambassador]. Moscow. 2003. P. 617. Record of November 2, 1916 (new style) contains the narration of the messenger of Japan in Petrograd Imperial Motono, which S. Y. Witte in December 1914 unsuccessfully persuaded of inadmissibility for the Country of the rising sun to send its troops to the theater of war in Europe. In early 1915 the entourage of the count to the Italian Ambassador to hit the note with a plan to end the war, which was supposed to solve the main problems between Petrograd, Berlin and Paris at the expense of Austria Hungary, London was left behind negotiations (telegram A. Carlotti to S. Sanino 6(19) January 1915 // International relations in the era of imperialism. Documents from the archives of the tsarist and Provisional governments. 1878-1917. Series III. 1914-1917 (hereinafter MOAI). Vol. 7. January 14, 1915 - 23 may 1915. Pt. 1. Moscow: Leningrad. 1935. Pp. 47-48).
11. Kolonitsky B. I. «*Tragicheskaya ehrotika*»: *obrazy imperatorskoy sem'i v gody Pervoy mirovoy voyny*. ["Tragic erotic": images of the Imperial family during the First world war]. Moscow. 2010. Pp. 304-306. Alexandra maintained until the end of 1916 correspondence with his brother, Grand Duke of Hesse, Ernest Ludwig. Now the letters of the Russian Empress published (in Correspondence of the Empress Alexandra of Russia with Ernst Ludwig and Eleonore, Grand Duke and Duchess of Hesse 1878-1916 / ed. by Petra H. Kleinpenning. Norderstedt, 2010). This correspondence was carried on mostly non-political.
12. Chatzillo K. F. *K popytkam separatnykh peregovorov vo vremya Pervoy mirovoy voyny (mart – may 1915 g.)* [On the attempts of separate negotiations during the First world war (March - may 1915)] // *Voprosy istorii - Questions of history*. 1970, No. 9, pp. 105-112.

13. Diakonova I. A. Op. cit. Pp. 83-85; *Dnevniky imperatritsy Marii Fyodorovny (1914–1920, 1923 gody)* [Diaries of the Empress Maria Feodorovna (1914-1920, 1923)]. Moscow. 2005. P. 87. Record 6(19) July 1915.
14. Novikova I. N. Op. cit. Pp. 274-276.
15. Semennikov B. N. Op. cit. Pp. 11-37.
16. Perturbed by the fact that in the Newspapers and magazines (in particular, "Historic messenger") in 1917 appeared any nonsense about her return to Russia in 1915, she tried to refute false print (M. A. Vasilchikov - in edition of "the Russian word" may 31 (June 13) 1917 // Department of manuscripts of the Russian state library (RSL PR). F. 259. K. 12. No. 11. Sh. 1-4). Later her stories reproduced D. A. Olsufiev (Olsufiev D. A. *Freylina tryokh tsarstvovaniy. Iz vospominaniy soslovnykh i politicheskikh. 1. Obshchestvennoe polozhenie i kharakter kn. Vasil'chikovoy* [The maid of three reigns. From the memoirs of class and political. 1. The social position and character of the princess Vasilchikova] // *Vozrozhdenie - Revival*. 1934, Sept 30, No. 3406).
17. Cit. by: Z. Zeman, Sharlow V. *Parvus – kupets revolyutsii* [Parvus - the merchant of revolution]. New York. 1991. P. 181.
18. M. A. Vasil'chikova to Nicholas II on February 25 (March 10) 1915 // MOAI. Vol. 7. Pt. 1. Moscow; Leningrad. 1935. Pp. 444-446.
19. MOAI. Vol. 8. Pt. 1. Moscow; Leningrad. 1935. Pp. 34-39.
20. Semennikov B. P. Op. cit. P. 21.
21. Kolisko I.I. *Velikiy raspad. Vospominaniya* [Great collapse. Memories]. SPb. 2009. P. 269.
22. Novikova I. N. Op. cit. Pp. 266-348.
23. *Germany and the Revolution in Russia, 1915–1918 - Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918* / ed. by Z. A. B. Zeman. L., 1958. P. 92.
24. V. S. Dyakin noted that simultaneously with the subsequent negotiations of I. I. Kolisko in Stockholm B. V. Stürmer achieved resignation of S. D. Sazonova, and in the capital crept persistent rumors that the war will be over by the end of the year (Dyakin V.C. Op. cit. Pp. 279-280).
25. Kolisko I.I. Op. cit. Pp. 101-102. A similar version I.I. Kolisko explained to his friend the journalist M. A. Schennikov (Melgunov S. P. Op. cit. Pp. 312-313).
26. Ganelin R. Sh. Op. cit. Pp. 136-137.
27. Diakonova I. A. Op. cit. Pp. 86-87.
28. Ganelin R. Sh. Op. cit. P. 142.
29. G. M. Katkov to B. I. Nikolaevsky on March 12, 1962 // Felshtinsky Y.G. *Germaniya i revolyutsiya v Rossii. 1915–1918. Sbornik dokumentov* [Germany and the revolution in Russia. 1915-1918. Collection of papers] / Ed. Y.G. Felshtinsky. Moscow. 2013. Pp. 475-476.
30. Aronson G. *Rossiya nakanune revolyutsii. Istoricheskie ehtyudy* [Russia before the revolution. Historical essays]. Madrid. 1986. P. 103.
31. M. Arzberg to E. Langwerth on 21 April 1917. Annex 3 // Nicholaevsky B. I. [Secret pages of history]. Moscow. 1995. Pp. 303-304.
32. Trotsky I. *So stupen'ki na stupen'ku (k portretu I. I. Kolyshko)* [From step to step (to the portrait of I.I. Kolisko)] // *Novoe russkoe slovo - New Russian Word*. 1962, 2 Dec.
33. U. Rantzau to the foreign Ministry on March 16, 1917 // Nicholaevsky B. I. Op. cit. Pp. 281-282.
34. M. Arzberger to A. Zimmerman on March 31, 1917; M. Arzberger to E. Langwerth on 21 April 1917, Appendix 3 // *Ibid*. Pp. 287-292, 298-304.
35. M. Pavlovsky to R. A. Abramovich on May 2, 1959 // Felshtinsky Y.G. Op. cit. Pp. 458-464.
36. *Eshchyo raz o Lenine i nemetskikh den'gakh (publikatsiya YU. G. Fel'shtinskogo)* [Again about Lenin and German money] (publication of Y.G. Felshtinsky) // *Continent* (Paris). 1986. Book 50. Pp. 313-316.
37. Scharlau W. B., Zeman, Z. A. *Freibeuter der Revolution : Parvus Helphand. Eine politische Biographie*. Köln, 1964 (English translation: H. Zeman, Sharlow C. Parvus - the merchant of revolution. New York, 1991); Sobolev G. L. *Taynyy soyuznik. Russkaya revolyutsiya i Germaniya* [Secret ally. The Russian revolution and Germany]. SPb. 2009.
38. Lyandres S. *The Bolsheviks "German Gold" Revisited. An Inquiry into the 1917 Accusation*. Pittsburg, 1995.
39. Popova S. S. *Mezhdv dvumya perevorotami. Dokumental'nye svidetel'stva o sobytiyakh leta 1917 g. v Petrograde (po frantsuzskim i rossiyskim arkhivnym istochnikam)* [Between the two revolutions. Documentary evidence about the events of the summer of 1917 in Petrograd (French and Russian archival sources)]. Moscow. 2010.
40. *Ibid*. P. 34.
41. For example: Bjorkegren H. *Skandinavskiy tranzit. Rossiyskie revolyutsionery v Skandinavii. 1906–1917* [Scandinavian transit. The Russian revolutionaries in Scandinavia. 1906-1917]. Moscow. 2007.
42. Zetterberg S. *Die Liga der Fremdvölker Russlands 1916-1918. Ein Beitrag zu Deutschlands antirussischem Propagandakrieg unter den Fremdvölkern Russlands im Can Weltkrieg*. Helsinki, 1978; M. Futrell, Northern Underground. *Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications through Scandinavia and Finland, 1863-1917*. L., 1963; Grekov B. I. *Natsional'nyy aspekt vneshney politiki Germanii v*

gody Pervoy mirovoy voyny (Liga nerusskikh narodov Rossii) [National aspect of the foreign policy of Germany in the First world war (the League of non-Russian peoples of Russia)] // *Pervaya mirovaya voyna. Prolog KHKH veka* - The First world war. The prologue of the twentieth century. Moscow. 1998. Pp. 419-431; Novikova I. N. Op. cit. Pp. 324-329.

43. Hoffman J. H. V. Stepankovsky, Ukrainian Nationalist and German Agent // *The Slavonic and East European Review*. 1972. Vol. 50. No. 121 (October). P. 594-602; Simonenko R.G. [Про авантюристичну діяльність українського буржуазного націоналізму на міжнародній арені в 1917–1918 рр.] // *Історія та історіографія України: збірник наукових статей*. Київ, 1985. Pp. 137–173. (in Ukr.)

44. Ukrainian movement in Switzerland (report from Geneva) 1.12.1917 // Public Record Office. The Foreign Office (PRO FO). 371/3020. P. 235.

45. *Protokol doprosa V. YA. Stepankovskogo 9 avgusta 1917 g. (kopiya)* - Protocol of interrogation of V. Y. Stepanovsky on August 9, 1917 (copy) // Central state historical archive of St. Petersburg (TSGIA SPb). F. 934. Sh. 1. File 3. Sh. 16-20.

46. Ukrainian movement in Switzerland... P. 234.

47. Melgunov S. P. Op. cit. Pp. 229-242 and others; Ganelin R. Sh. Op. cit. Pp. 143-147, 151-152; Dyakonova I. A. Decree. cit. Pp. 87-91.

48. *Russkoe slovo* - Russian word. 1917, 19 Jan, No. 15. The contents of this publication in detail retold by B. P. Semennikov (Semennikov B.P. Op. cit. Pp. 38-41).

49. Spiridovich A. I. *Velikaya voyna i Fevral'skaya revolyutsiya 1914–1917 gg* [The great war and the February revolution, 1914-1917]. Vol. 2. New York, 1960. Pp. 102-103.

50. Diakonoa I. A. Op. cit. P. 90.

51. Ganelin R. W. Op. cit. P. 145.

52. E. Howard (British Ambassador in Stockholm) - in the foreign office, October 3, 1916 // PRO FO. 371/2746. P. 399.

53. *Pokazaniya S. D. Sazonova v CHrezvychaynoy sledstvennoy komissii 24 marta 1917 g* [Readings of S. D. Sazonov in the Extraordinary Commission of inquiry on March 24, 1917] // State archive of the Russian Federation (GARF). F. 1467. Sh. 1. File 547. Sh. 2-9.

54. Paleolog M. Op. cit. P. 601. Record of October 16, 1916 (new style).

55. Ibid. P. 605. Record of October 19, 1916 (new style).

56. Published in Russia in 1917 version of "Holy hell," says that in June, 1914, E. Rasputin was said about the need to "punish" the Germans (Heliodorus. Holy hell (notes about Rasputin). Moscow. 1917. P. 98).

57. The Kolonitsky B. I. Op. cit. Pp. 538-539.

58. Iliodor. *The Mad Monk of Russia: Life, Memoirs and Confessions of Sergei Michailovich Trufanoff*, Iliodor. N. Y., 1918. P. 297-307.

59. If this trip actually took place, some place she couldn't occur later than the end of February, 1916: 13 (26) March, E. Rasputin departed from Petrograd to Pokrovskoe, he returned on April 23.

60. Heliodorus to A. S. Prugavin on 25 March 1917 / / Russian state archive of literature and art (RGALI). F. 2167. Sh. 2. File 115. Sh. 13.

61. Protocol of interrogation of the V.I. Barkova on August 6, 1920. P. 219.

62. Information about this story appeared in the Russian press (*Gde Iliodor?* [Where is Heliodorus?]) // *Russkoe slovo* - Russian word, 1917, 29 Jan.).

63. *Donesenie i. o. zaveduyushchego zagranichnoy agenturoy 19 yanvarya (1 fevralya) 1917 g* - Report of the acting head of the foreign agents on January 19 (February 1) 1917 // SARF. F. 102. OO. Sh. 246. 1916. File 35-36. Sh. 1-1 turn.

64. Heliodorus to A.S. Prugavin on 25 March 1917. Sh. 13-14. Later Heliodorus outlined the history of their contact with Rzhewski in his memoirs, published in the U.S. by repeating accusations of E. Rasputin in the fact that since the beginning of 1916 began to move in search of a separate peace (Iliodor. Op. cit. P. 296, 307).

65. Heliodorus to A.S. Prugavin on 25 March 1917. Sh. 13.

66. See: Shishkin O. A. *Ubit' Rasputina* [To Kill Rasputin]. Moscow. 2000. Pp. 116-117, 121-122, 126-127.

67. The Memorandum prepared by the British for the US President C. Wilson, about the struggle with the German propaganda in Russia, 8 June 1917, / / *The Papers of Woodrow Wilson*. Vol. 42. Princeton, 1983. P. 463-466.

Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны

В статье рассматриваются общественная позиция и изменения в повседневной жизни учащихся средних школ Московской губернии под влиянием событий Первой мировой войны. С привлечением архивных документов, периодической печати и мемуаров исследованы формы социальной активности учащихся: побеги на фронт и «добровольчество», помощь раненым в госпиталях, благотворительность и уличные денежные сборы, трудовая помощь в изготовлении «предметов государственной обороны». Изучено отношение юношей к подготовке к военной службе через занятия спортом и в рамках деятельности местных военно-спортивных комитетов. С учетом возрастного фактора выявлена эволюция ученических настроений и форм досуга под воздействием побед и неудач русской армии, нарушений учебного процесса, потерь близких, страданий беженцев. Определена специфика поведения учащейся молодежи в условиях политизации общества в 1917 г.

The article deals with social position and changes in daily routine of high school students of the Moscow province influenced by events of the First World War. The forms of social activity of pupils: shoots on the front and “volunteering” the wounded in hospitals, charity and street cash charges, labour assistance in the manufacture of “objects of national defense” have been studied with the use of archival documents, periodicals and memoirs. Also, they have been learned in relation to the preparation of young men for military service through sports and through the activities of the local military and sports committees. Taking into account the age factor, the evolution of student attitudes is regarded and forms of leisure activity under the influence of victories and failures of the Russian army, violations of the educational process, the loss of loved ones, the suffering of refugees. Specificity of students' behaviour in a politicization of society in 1917 has been determined.

Ключевые слова: Первая мировая война; повседневная жизнь учащихся средних школ; формы помощи учащимся фронту; эволюция социального поведения учащихся.

Keywords: The First World War; the daily routine of high school students; forms of assistance to the students to the front; the evolution of social behaviour of students.

Столь масштабные исторические события, как войны (а тем более Первая мировая – охватившая территории многих государств), всегда серьезно влияли на судьбы втянутых в столкновение народов. В странах – участниках враждебных коалиций налицо было пробуждение гражданских, патриотических чувств, а победа над агрессором (в данном случае – держав Антанты над Четверным союзом) до сего дня является предметом их национальной гордости.

В постсоветской России научный интерес к истории Первой мировой войны возрос в последнее двадцатилетие. Одновременно в исследовании темы прослеживаются существенные перемены. Во-первых, всё больше внимание привлекают не деяния полководцев и войсковые операции, а «homo belli» (буквально – «человек воюющий»), в широком смысле – поведение «человека на войне», причем не только профессиональных военных или ставших в строй по набору или добровольно. Речь идет о повседневной жизни всех попавших в трагические обстоятельства войны: от монархов и элиты до обычных людей – эвакуированных, беженцев, постоянных жителей городов и сел, взрослых и детей. Ведь именно из их настроений, поступков и взаимоотношений складывался общественный климат в стране, а политическое руководство стран приобретало или теряло поддержку подданных, что определило и результаты войны. А во-вторых, на фоне выраженного интереса к региональной истории изучается вклад конкретной местности в борьбу с неприятелем.

Тема общественных позиций учащейся молодежи России в годы войны получила определенное освещение в новейшей отечественной литературе о «германской войне» [1], но сюжеты, связанные с гимназической повседневностью, занимают в этих работах скромное место. К тому же здесь практически не отражены изменения, произошедшие в школьной

жизни в течение 1917 г., когда традиционные ценностные ориентиры и в обществе, и в молодежной среде подверглись серьезной коррекции.

Источниками написания данной статьи послужили донесения и отчеты директоров учебных заведений Московской губернии, хранящиеся в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГА Москвы), статистические материалы, периодическая печать, мемуары, художественная литература.

Рассмотрение темы предварим изложением сведений о среднешкольном «образовательном лице» Московской губернии изучаемого времени. В начале 1910-х гг. московский регион (Москва и губернская периферия) являлся ведущим, наряду с Петербургским, образовательным центром Российской империи. В Москве насчитывалось 11 казенных и 16 частных мужских гимназий, три казенных и 18 частных реальных училищ, четыре женских института, 56 женских частных гимназий, шесть гимназий Учреждений императрицы Марии; 20 школ давали профессиональное образование – сельскохозяйственное, духовное, коммерческое, техническое, педагогическое, медицинское, театральное, музыкальное [2]. В тематически интересующих нас подмосковных городах (Богородске, Бронницах, Верее, Волоколамске, Дмитрове, Звенигороде, Клину, Коломне, Можайске, Подольске, Павловском Посаде, Сергиевом Посаде, Серпухове) и крупных селах (Озеры, Останкино, Новогиреево, Павлово, Раменское) действовали пять мужских гимназий, пять реальных училищ, 17 женских правительственных и частных гимназий и прогимназий, две школы совместного обучения (г. Бронницы и пос. Малаховка). Кроме общеобразовательных, в губернии были две учительские семинарии (мужская – в с. Поливаново Подольского у., женская – в Можайске), Вифанская духовная семинария (в Сергиевом Посаде) и три коммерческих училища (в Серпухове, с. Озеры, на ст. Щелково) [3].

Вся учебная, воспитательная и внешкольная деятельность учебных заведений регулировалась соответствующими нормативными актами: «Уставом» 1871 г. и «Положением о женских гимназиях» 1870 г. Государство не допускало вмешательства общественности в жизнь учебных заведений и пресекало любые попытки влияния воспитанников на порядки своей *alma mater*. Власти стремились изолировать учащихся от «проблем жизни», исключить или минимизировать воздействие событий в стране (особенно политических) на их мировоззрение и поведение. Правда, в годы первой российской революции Министерство просвещения и администрация средних школ (в том числе и подмосковных), столкнувшись с массовым ученическим движением, вынуждены были разрешить деятельность родительских комитетов несколько смягчить дисциплинарный режим и разнообразить формы воспитательной работы. Эта волна перемен оказалась не последней – «июльский кризис» 1914 г. на Балканах и Манифест Николая II о войне с Германией окончательно разрушили барьеры между школой и окружающим миром, и вновь, как в 1905 г., сделали в юношеской среде популярным лозунг «Мы не только учащиеся, но еще и граждане!» (с иным – проправительственным – содержанием).

Подписание императором Манифеста состоялось в воскресенье 20 июля 1914 г., а в последующие два дня документ был напечатан во всех газетах и стал общеизвестным. Война расценивалась подавляющим большинством русского общества не только как продолжение поддержки православных балканских народов – жертв австро-германской агрессии, но и как защита православия от протестантизма и католицизма (современники называли её «Большой войной», «Великой войной», «Второй Отечественной», «германской»). Все это вызвало у школьной молодежи подъем патриотических настроений. Наглядным выражением таких чувств явились демонстрации в Петербурге, Москве и многих губернских городах; несмотря на каникулярное время, в них приняли участие гимназисты и реалисты старших классов. В Москве такого рода общегородские манифестации происходили часто в сентябре – октябре (у памятника Минину и Пожарскому на Красной площади, на Тверском бульваре, Скобелевской, Страстной и Арбатской площадях). На территории губернии патриотические демонстрации были отмечены в Богородске и Щелкове [4]. При этом, в отличие от 1905 г., школьное начальство с пониманием отнеслось к явному нарушению правил для учащихся.

В середине августа во всех учебных заведениях состоялись молебны «о ниспослании победы христолюбивому воинству». Но участие в официальных мероприятиях лишь в малой мере давало выход эмоциональному подъему, который испытывала школьная молодежь. Разворачивавшиеся на ее глазах события воспринимались как продолжение Балканской

кампании 1877–1878 гг., о которой рассказывали на уроках истории. В повседневном чтении учащихся теперь присутствовали сводки и репортажи с театров военных действий, публикуемые в газетах и журналах; в классах вывешивались карты и самодельные схемы мест сражений, где флажками отмечались линии фронтов; необычайную популярность получили книги по военной истории.

Свойственную юношескому возрасту бурю чувств, где переплелись патриотические переживания, страх перед неизвестным, идеализация действительности, донесли до нас мемуаристы – современники тех событий. Типичными для молодежи были ощущения, эмоционально точно описанные выдающимся актером И. В. Ильинским – 15-летним учеником московской частной гимназии А. Е. Флерова: «Нам же, гимназистам, подросткам, война казалась романтическим и чуть ли не праздничным событием, похожим на какую-то гигантскую и шумную игру. Мы... спешили встречать первых раненых на Брестский вокзал; порядок был полный, сестры милосердия были очаровательны в своих новеньких костюмах, офицеры, бывшие на вокзале, подтянуты и щегольски одеты, даже сами раненые, которых выносили и которые выходили из вагона, имели, казалось, радостный и праздничный вид. Их осыпали цветами, подарками и улыбками» [5]. То же подметил в рассказе «Гимназистки» писатель И. С. Соколов-Микитов, хорошо знакомый с жизнью коломенских мужской и женской гимназий (здесь учились жена писателя, Лидия Ивановна, и ее брат, Анатолий Иванович Малофеев, впоследствии известный советский военачальник). Картины, изображенные прозаиком, исторически достоверны: сюжет рассказа, типажи героев и детали провинциального быта подсказаны автору его супругой, а точность её воспоминаний была велика – чуть более десяти лет отделяли события от их литературной версии (рассказ публикуется в 1928 г. и получает благожелательные оценки вплоть до сравнения с буинскими «Темными аллеями»). Поэтому данный текст можно оценить как специфический исторический источник, близкий к беллетризованым воспоминаниям.

Приведем несколько красочных зарисовок Коломны первых месяцев войны, сделанных Соколовым-Микитовым. «Война вдруг изменила, преобразила город, всколыхнула привычное бытие-житие. Город наполнили новые люди... По бульвару и Пушкинской нынче гуляли новоиспеченные прапорщики в ремнях и новеньких погонах; проходили, семеня ножками, сестры милосердия в черных монашеских косынках. Первое время все это – прапорщики, ремни, косынки, музыка и песни всякий день проходивших по городу и топтавших рыжий снег солдат – казалось занимательным и модным. Гимназистки сходили с ума, мечтая о косынках милосердных сестер; гимназисты готовились добровольцами на фронт... Казалось, скоро-скоро въедут храбрые русские генералы на белых и вороных конях в главный немецкий город, кончится война, и будет долго ликовать Россия» [6].

Увлечение героикой войны обусловило стремление попасть на фронт, в первую очередь, среди младших подростков. Побег на фронт стали массовым явлением, и о них сообщали столичные газеты. В Московской губернии такие факты единичны – известен случай в Серпухове [7]. Много большую популярность получило «добровольческое движение». Речь идет о стремлении молодых людей 16–19 лет, т. е. учеников VI–VIII классов, попасть на фронт официальным путем: одни предпочитали разрешенную родителями и учебным начальством запись в действующую армию (т. е. «добровольчество»), другие же – настаивали на возможности поступления в юнкерские училища при ускоренном завершении гимназического обучения. Такие желания стимулировались газетными статьями, где с осени 1914 г. в качестве способа восполнения потерь русского офицерского корпуса первых месяцев войны назывались гимназисты и реалисты, досрочно «в период рождественских вакаций» сдавшие выпускные экзамены [8]. Учитывая общественные настроения, Военное министерство допустило с 1915 г. прием в военные училища юношей, окончивших полный курс шести классов общеобразовательных школ и двух классов духовных семинарий, а ведомства, управлявшие средними учебными заведениями, разрешили старшеклассникам прохождение досрочных итоговых испытаний [9].

Приведем несколько типичных примеров воплощения юношами своих патриотических порывов. В Вифанской духовной семинарии 12 семинаристов обратились в Синод с просьбой разрешить «держат им выпускные экзамены в декабре, чтобы иметь возможность немедленно вступить в ряды армии». Синод удовлетворил ходатайство, отметив, что это «невиданный факт в истории духовной семинарии» [10]. Директор Коломенской мужской гимна-

зии А. Ф. Лебедев в донесении от 28 мая 1915 г. сообщил попечителю Московского учебного округа имена троих коломенских гимназистов-добровольцев – учеников IV класса Гавриила Дмитриевского и Александра Пробатова и семиклассника Исаака Левитана (первые – отправились на театр военных действий в октябре 1914 г., а третий – в январе 1915 г.). В документе приведены подробности службы Дмитриевского и Пробатова: оба «были причислены к воинским частям, принимали деятельное участие в боевых операциях против неприятеля; из них Дмитриевский, простудившийся во время зимней кампании, был эвакуирован на Родину и возвратился в гимназию. Пробатов поддерживал сообщение во время боев между отдельными частями действующей армии, был контужен и, как оказавший существенные услуги делу борьбы с врагом, был награжден орденом Святого Георгия Победоносца; в марте Пробатов возвратился из армии на Родину». Здесь же перечислены имена гимназистов, поступивших в военные училища: в январе 1915 г. – Константин Ежов, Николай Буткин, Иван Беляев, Иван Надеждин, Сергей Успенский, Николай Флерин, Георгий Якобс; в апреле 1915 г. – Сергей Вихрев и Сергей Чекарев; в мае 1915 г. – Николай Кравчинский [11].

Однако при всей поддержке молодежного патриотизма в общественном сознании присутствовало понимание угроз, которыми сопровождается участие в боевых действиях незрелых физически и психологически юношей. Указывая на возрастную «слабость» подрастающего поколения, «Вестник воспитания» в начале войны писал: «Чувства учеников благородны и достойны всякого сочувствия, но часто могут вытекать из переоценки своих сил». Через полгода журнал обратился к читателям: «Нельзя всем сражаться», ибо мирная работа в тылу бесконечно разнообразна» [12]. Московский журнал «Гимназист» задавался вопросом: «Должны ли мы помочь Родине, нашим братьям личным участием на поле брани, или для этого мы еще слабы, и не принесем ли мы больше пользы... на местах тем или иным посильным для нас трудом?» И ответ звучал безальтернативно: «Кругом столько лазаретов, питательных и санитарных пунктов, так часты кружечные и другие сборы... и ваша помощь, сочувствие и поддержка здесь для вас нравственны и обязательны» [13].

И действительно, проза войны уже к осени 1914 г. естественным образом обозначила сферы приложения патриотических чувств молодежи. Именно тогда возникло стремление облегчить страдания «раненых и увечных» в лазаретах, разместившихся в учебных и общественных зданиях тыловых городов. На помощь санитарам и сестрам милосердия приходили добровольцы – старшеклассники (они доставляли раненых с вокзалов), а также ученицы старших классов. Но была и иная, повседневная, помощь раненым, внешне незаметная, но важная и потому оставшаяся в памяти современников. Её иллюстрирует фрагмент рассказа Соколова-Микитова: «Гимназистки, всякий день проходившие мимо лазарета с повисшим флагом над входом, стали отдавать свои завтраки и покупать на карманные деньги папиросы. И всякий раз раненые поджидали проходивших гурьбою, звеневших голосами девочек, принимали подарки, ласково шутили. Весело смеялся... раненый в руку веселый солдат Серёга, которого знала и любила вся женская гимназия». Учащиеся занимались благотворительными и уличными «кружечными» сборами денег в пользу сербов и черногорцев, русских беженцев, раненых и увечных. На уроках рукоделия гимназистки «прилежно шили кисеты и вязали шарфы, вкладывая в махорку надушенные записочки солдатам в окопы» [14].

Со временем война показала свое недоброе лицо. Ее зримым воплощением стали раненые в больничных халатах с забинтованными култышками; на улицах города наряду с ожидавшими отправки на фронт сестрами милосердия и офицерами появились инвалиды. В поведении учащихся появились те черты, которые не могли не беспокоить педагогов: в первую очередь, национальная нетерпимость, «крайняя нервозность» и частое отвлечение от учебных занятий в связи с неблагоприятными сводками с театра военных действий, гибелью или увечьем воевавших родственников и знакомых. Не случайно, педагогическая печать указывала, что задача педагогов, «не возбуждать страстей, не разжигать шовинизма», а «оберегать детей, чтобы они извлекли из войны уроки героизма и самоотверженности, а не ненависти и злобы» [15]. А поводы для беспокойства были: в 1914–1915 гг. столичные и губернские газеты неоднократно сообщали о требованиях учеников удалить учителей-немцев и прекратить преподавание немецкого языка. В большей степени указанное (идущее от настроения семей) было характерно для крупных городов, где толпы громили магазины с немецкими вывесками и избивали иностранцев. В провинции же, если и отмечался «подъем патриотического духа», то без агрессивного шовинизма. Применительно к коломенским школам эту местную

специфику подметил Соколов-Микитов: «Немка Демицилия Адольфовна ходила сконфуженная, робея поднять глаза, а чтобы покрепче ей насолить, розовая и круглая Дуня Кудрявцева, сидевшая на крайней парте, перестала, как всегда делала раньше, вскакивать и закрывать за немкою дверь. Краснея, теряясь на глазах недружелюбно молчащего класса, Демицилия Адольфовна неловко поворачивалась длинною своею, затянутой в форменное зеленое платье спиной и сама закрывала стеклянную дверь. ...Демицилия Адольфовна, чувствовавшая себя виновной за разразившуюся войну, не спрашивая уроков, всем стала ставить пятерки». Напротив, «представитель» союзников удостоился чествования гимназистов – они «до обморока качали на руках француза Эмиля Альфредовича Корню, высокого черноусого много-семейного человека, занимавшегося прежде скромным кондитерским ремеслом» [16].

Гнетущее впечатление произвело отступление русских войск в 1915 г. И дело не только в людских потерях и оставлении больших территорий. Из западных губерний в центр России хлынул поток беженцев, сюда эвакуировались русские учебные заведения, которые размещались в средних школах. В Сергиево-Посадской мужской гимназии разместилась Ленчицкая учительская семинария из Калишской губернии, а в здании Коломенского высшего начального училища появилась Андреевская учительская семинария из Келецкой губернии [17]. Рассказы эвакуированных сверстников и беженцев о пережитом разрушали юношески романтические представления о войне.

Перемены в восприятии учениками военной повседневности приводит Соколов-Микитов: «Давно пригляделись франтившие перед отправкой на войну прапорщички, примелькались монашеские косынки сестёр, будничнее и грознее стала казаться война, чаще ходили недобрые по городу слухи. Весною... у Сони Воронцовой убили на войне брата, и она неделю не ходила в класс, потом явилась заплаканная, бледная, с крепом на гимназическом значке. У многих девочек забрали отцов и братьев. Взяли из гимназии сторожа Степана: у Степана под лестницей, в каморке, которую он занимал... оставались жена и ребёнок, и вся гимназия перебивалась под лестницей смотреть маленького... сына Степана, на Степанову заплаканную и растерянную жену Дашу» [18].

В учебных заведениях начал нарушаться незыблемый учебный распорядок. 1915/1916 учебный год не все школы начали своевременно (17 августа) по причине занятости зданий под лазареты и штабы. Так, в Красково-Малаховской и Раменской гимназиях опоздание составило четыре дня, в Поливановской семинарии и Бронницкой гимназии – две недели. То же отмечено в Коломне, где большая часть помещений мужской гимназии была отдана «на нужды военного ведомства», и в распоряжении гимназии остались канцелярия, учительская и библиотека. Учебные занятия теперь проходили в женской гимназии вечером [19]. К чему это привело, колоритно передает Соколов-Микитов: «Пылью, шумом и грохотом, непривычно топотнёю наполнился коридор и чистенькие классы женской гимназии... По утрам гимназистки находили в партах измятые окурки, а в уборных нестерпимо разлило табачным дымом» [20].

Но все эти перемены принципиально не сказались на отношении ученической молодежи к происходящему, к войне. Наоборот, особое значение юноши стали придавать спортивным занятиям как необходимой части подготовки к военной службе. Отмеченная в юношеской среде с довоенных времен популярность физического здоровья получила теперь новый импульс. Спорт рассматривался в качестве средства преодоления «вялости, колебаний, болезни». А журнал учащихся «Юные силы», провозгласив в 1914 г. лозунг «Да здравствует разумный спорт!», обосновал его ситуационно: «В такой момент, когда наша Родина переживает все ужасы войны за лучшее будущее народов, ей нужно много сильных, решительных и выносливых людей» [21].

К сожалению, воплощение этих призывов затруднялось несовершенством материальной базы школ. Из подмосковных гимназий только Коломенская располагала спортивным залом со «снарядами и гимнастическими машинами», что позволило преподавать гимнастику один раз в неделю. «Беззальные» школы изыскивали способы организации занятий: зимой использовали помещения (в Сергиево-Посадской гимназии – проходную комнату площадью 16 кв. метров), а летом – проводили уроки «на свежем воздухе» (Серпуховская гимназия соорудила гимнастическую площадку в гимназическом саду). Кроме уроков гимнастики учащиеся посещали спортивные кружки своих городов (в Коломне – местного гимнастического общества) [22].

Особый интерес учеников вызывали уроки строя с овладением ружейными приемами. Их проводили и перед войной, но системность допризывная военная подготовка получила в 1915–1916 гг., с созданием военно-спортивных комитетов. По архивным данным, в Московской губернии такой комитет действовал в Серпухове, а Московский (столичный) – распространял руководство на периферию: Сергиев Посад, Подольск, село Раменское [23].

В повседневной работе комитеты и школы руководствовались «Инструкцией» Канцелярии Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи от 1 марта 1916 г. и циркуляром Министерства просвещения от 3 мая 1916 г. Продолжительность подготовки устанавливалась $\frac{3}{4}$ часа при трех занятиях в неделю. Она включала гимнастику, лазание, ходьбу, бег, строевую подготовку, изучение обязательных для рядового сведений и полевой службы [24]. Проводились занятия на последнем одном или двух уроках (если два занятия в неделю). Строевые упражнения обычно устраивались в воскресные дни во избежание помех учебному процессу. Результаты обучения проверялись комиссиями в конце мая, и внимание уделялось практическим навыкам учеников. Примечательно, что в мае 1916 г. губернию (с. Раменское) для ознакомления с образцовой постановкой работы по «мобилизации спорта» посетил помощник Главнонаблюдающего В. И. Срезневский [25].

В 1915–1916 гг. в России распространилась трудовая помощь учащимся фронту. В 1915 г. она получила одобрение императора; со своей стороны, Министерство народного просвещения рекомендовало директорам школ, чтобы учащаяся молодежь «отдала часть своего рабочего времени на изготовление предметов снаряжения для армии». Составлен был их перечень (рукоятки для пехотных и кавалерийских топоров, черенки для пехотных лопат и кирок, снарядные ящики, траншейные перископы) с приложением чертежей. Работы должны были производиться за счет учебных заведений, при помощи земств и городских управ и во внеурочное время [26].

Гимназисты и реалисты «горячо отозвались на призыв работать» во благо Родины, но результативность зависела скорее от усилий взрослых, ибо школы не располагали сырьем, мастерскими, кадрами инструкторов. Примером успешной организации являлись Павлово-Посадское реальное училище и Коломенская мужская гимназия. В Павлово-Посадском училище под мастерскую приспособили часть училищной столовой, где установили верстаки, точильный и деревообрабатывающие станки. Под наблюдением мастера и педагогов старшеклассники изготавливали и ремонтировали снарядные ящики; работы велись с 17 до 19 часов. В Коломне 15 учеников пятых-восьмых классов в учительской комнате под руководством учителей Рокицкого и Никольского производили траншейные перископы по образцам, предоставленным командованием запасного 198-го пехотного батальона. Качество изделий было хорошим, о чем свидетельствовали оценки офицеров-фронтовиков. Но несогласованность ведомств не способствовала успеху дела – на запрос гимназии об отправке перископов губернский комитет Всероссийского земского союза заявил, «что не имеет заказы на изготавливаемые предметы от интендантского ведомства» [27].

Конечно, не только мыслями о положении на фронтах жили учащиеся. Как и до войны, в учебных заведениях ставились любительские спектакли и устраивались балы (сборы от билетов и лотерей шли в пользу раненых), действовали познавательные и художественные кружки, проводились «ближние» экскурсии («дальние» затруднены из-за транспортных перебоев), а самые увлеченные ученики пытались реализовать свои интересы за стенами школ. Как пример, сошлемся на мемуары М. И. Прудкина – ученика Клинского реального училища. Выдающийся артист вспоминает о кружке драматического искусства, постановке в 1915 г. пьесы «Бедность – не порок», лестной оценке Модеста Ильича Чайковского, приглашенного на премьеру спектакля «Снегурочка» («У Вас есть сценические способности»), переписке с великим К. С. Станиславским и попытке в 1916 г. поступить в школу-студию МХАТа [28].

Февральская революция 1917 г. пробудила к активной социальной и политической жизни все слои российского общества. Не осталась в стороне школьная молодежь – проходили собрания учащихся, создавались ученические комитеты, популярным стал лозунг «Свободная школа в свободной России». По свидетельству мемуаристов, «проявлением гражданства» подольских реалистов, горячо поддержавших революцию, стало их участие в городской милиции, а гимназистов Сергиева-Посада – посещение и выступления на городских и школьных митингах. Происходившее в Коломне передает Соколов-Микитов: «По городу ходили толпы... В гимназии о. Валериан служил молебн, и гимназистки, как прежде, чинно

стояли в белых парадных фартуках, а после молебна Марья Васильевна... объявила, что с этого дня им разрешается носить открытые на платьях воротнички. На другой день почти все гимназистки явились в класс в переделанных платьях, с голыми шеями... Те дни было в гимназии суетно и невесело; для многих гимназисток странными, пугающими казались проплывавшие под окнами красные флаги». Гимназисты обратились к женской гимназии с посланием, где «уговаривали гимназисток объединиться с ними, учиться совместно, и для почина предлагали устроить собрание и общий избрать комитет». Такое собрание состоялось, несмотря на кокетливые обвинения в адрес юношей, что «совсем не для революции вы к нам подъезжаете, а только бы поухаживать за хорошенькими...» [29].

Ученические комитеты, определяя свою позицию по общенациональным и академическим проблемам, затрагивали и отношение к войне. Анализ постановлений Всероссийского съезда учащейся молодежи в мае 1917 г. (Московскую губернию представляли делегаты из Клина, Коломны, Павловского Посада, Подольска) свидетельствует о господстве настроений «революционного оборончества». Война рассматривалась как борьба с «германским монархизмом, стремящимся уничтожить свободную революционную Россию» [30]. Следствием такой позиции явились статьи в ученической прессе о подвигах на фронте, призывы бороться с лозунгами «Долой войну!», подписываться на «Заем Свободы», организовывать «трудовые мобилизации» и создавать трудовые дружины.

Но в отличие от 1914–1916 гг. массового следования таким призывам не наблюдалось, за исключением оказания помощи находящимся в лазаретах раненым. В городах тому причиной были трудности с земским снабжением школьных производств материалами и инструментами; в свою очередь, результаты летней деятельности сельскохозяйственных дружин оказались весьма скромными из-за роста преступности и массовых крестьянских волнений. К осени 1917 г. стало ясно, что благородные порывы молодежи оказались не востребованными Временным правительством. К тому же, в зависимости от общественной позиции и личных воззрений, основные интересы учащихся сосредоточились на вопросах реформирования школьной жизни, партийно-политической борьбе или устройстве собственной судьбы, оттеснив продолжавшуюся войну на второй план.

Смену умонастроений учащихся косвенно подтверждает анализ содержания мемуаров, где в послефевральских сюжетах действия на фронтах не упоминаются вовсе: Долежалов повествует о поступлении в Московское высшее техническое училище, Прудкин – в Московский университет, Волков – в Духовную академию. То же наблюдаем у Соколова-Микитова: на балу в Коломенской гимназии после акта получения аттестатов «гимназисты лопали угощение, танцевали и ухаживали, щипали усы», а разговоры выпускников вперемежку шли «о революции, о танцах, о женских курсах и университете» [31]. Такое отсутствие темы войны далеко не случайно. Для «ровесников двадцатого века» её события, лишившись остроты, стали частью недавнего прошлого, школьной юности, когда они, переполненные патриотическими чувствами, стремились в меру сил помочь сражающейся Родине и следовать высоко понимаемому гражданскому и нравственному долгу.

Примечания

1. См. например, о студенчестве: *Иванов А. Е.* Студенты в окопах // *Родина*. 1993. № 8/9. С. 150–152; о молодежи средних школ: *Соколов В. И.* Патриотическая деятельность молодежных объединений в России в 1914–1917 гг. // *Россия в Первой мировой войне*. Рязань, 1994; *Страхов В. В.* Патриотическое движение российской учащейся молодежи в период Первой мировой войны (1914–1917) // *Известия Российской академии образования*. 2009. № 2 (10). С. 29–37; *Беленцов С. И.* Социальная активность учащегося юношества в годы Первой мировой войны // *Известия Юго-Западного государственного университета*. 2012. № 4. Ч. 3 (43). С. 229–233; *Пархоменко В.* «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию»: юные добровольцы на фронтах Первой мировой // *Родина*. 2013. № 8. С. 142–145; и др.

2. Подсчитано по: *Вся Москва*. Адресная и справочная книга на 1915 г. М., 1915. Стлб. 287–293, 296–300, 305–310, 379–381, 384–402, 411–445, 447.

3. Подсчитано по: *Подмосковье из века в век*. Сборник исторических очерков. М., 2006. С. 453–455; *Центральный государственный архив г. Москвы (далее – ЦГА Москвы)*. Ф. 459. Оп. 3. Д. 4885. Л. 126.

4. См. *Руга В., Кокорев А.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта времен Первой мировой войны. М., 2011. С. 12–15.

5. *Ильинский И. В.* Сам о себе. М., 1961. С. 40.

6. *Соколов-Микитов И. С.* Гимназистки // *На теплой земле*. М., 1954. С. 129–130.

7. *Вестник воспитания*. 1914. № 9. С. 109.

8. См., например: Московские ведомости. 1914. № 198, 253, 263, 266, 268, 273, 275, 277, 279, 280 и др.
9. Вестник воспитания. 1914. № 9. С. 107.
10. Школа и жизнь. 1914. № 48.
11. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7899. Л. 11.
12. Вестник воспитания. 1914. № 9. С. 108; 1915. № 4. С. 163.
13. Гимназист. 1915. № 3. С. 13.
14. Соколов-Микитов И. С. Указ. соч. С. 129–131.
15. Школа и жизнь. 1914. № 45.
16. Соколов-Микитов И. С. Указ. соч. С. 130–131.
17. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7481. Л. 176, 307.
18. Соколов-Микитов И. С. Указ. соч. С. 130.
19. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7481. Л. 237–237 об; Д. 7889. Л. 46.
20. Соколов-Микитов И. С. Указ. соч. С. 133.
21. Юные силы. 1914. № 1.
22. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7885. Л. 78, 126, 164–164 об., 173–173 об.
23. Там же. Д. 8174. Л. 3, 14–15, 48, 61, 82.
24. Там же. Д. 8174. Л. 26–26 об., 54, 56.
25. Голощапов Б. Р., Коржукова Т. Ю. История физической культуры и спорта в Московской области. М., 2014. С. 25.
26. ЦГА Москвы. Ф. 459. Оп. 3. Д. 7889. Л. 1–4.
27. Там же. Л. 24, 25, 46, 46 об, 91, 91 об.
28. Подробнее см.: Прудкин М. И. Жизнь – в Художественном театре. М., 2007.
29. Долежжаль Н. А. У истоков рукотворного мира. Записки конструктора. М., 2010. С. 10–11; Волков С. А. Возле монастырских стен. М., 2000. С. 82; Соколов-Микитов И. С. Указ. соч. С. 135.
30. Свободная школа. 1917. № 5.
31. См.: Долежжаль Н. А. Указ. соч.; Волков С. А. Указ. соч.; Прудкин М. И. Указ. соч.; Соколов-Микитов И. С. Указ. соч. С. 139.

Notes

1. See for example, about students: Ivanov A. E. *Studenty v okopakh* [Students in the trenches] // *Rodina - Birthplace*. 1993, No. 8/9, pp. 150-152; about young people in secondary schools: Sokolov V.I. *Patrioticheskaya deyatel'nost' molodezhnykh ob"edineniy v Rossii v 1914–1917 gg.* [Patriotic activities of youth organizations in Russia 1914-1917] // *Rossiya v Pervoy mirovoy voyne - Russia in the First world war*. Ryazan. 1994; Strakhov V.V. *Patrioticheskoe dvizhenie rossiyskoy uchasheysya molodezhi v period Pervoy mirovoy voyny (1914–1917)* [Patriotic movement of Russian students during the First world war (1914-1917)] // *Izvestiya Rossiyskoy akademii obrazovaniya - News of the Russian Academy of education*. 2009, No. 2 (10), pp. 29-37; Belentsov S. I. *Sotsial'naya aktivnost' uchashegosya yunoshstva v gody Pervoy mirovoy voyny* [Social activity of the student youth in the years of the First world war] // *Izvestiya YUgo Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta - Proceedings of the South Western state University*. 2012, No. 4, Pt. 3 (43), pp. 229-233; Parkhomenko V. . «*Proshchayte, dorogie roditeli, ya edu oboronyat' Rossiyu*»: *yunye dobrovol'tsy na frontakh Pervoy mirovoy* ["Farewell, dear parents, I'm going to defend Russia": young volunteers on the fronts of world] // *Rodina - Birthplace*. 2013, No. 8, pp. 142-145; and other
2. Calculated by: the Whole of Moscow. Address and reference book for 1915. Moscow. 1915. Clmn. 287-293, 296-300, 305-310, 379-381, 384-402, 411-445, 447.
3. Calculated by: the suburbs of Moscow from century to century. Collection of historical essays. Moscow. 2006. Pp. 453-455; Central state archive of Moscow (hereinafter - the archives of Moscow). F. 459. Sh. 3. File 4885. Sh. 126.
4. See Ruga V., A. Kokorev *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta vremeni Pervoy mirovoy voyny* [Everyday life of Moscow. Essays on urban life during the First world war]. Moscow. 2011. Pp. 12-15.
5. Ilinsky I.V. *Sam o sebe* [About Himself]. Moscow. 1961. P. 40.
6. Sokolov-Mikitov I.S. *Gimnazistki* [Schoolgirls] // *Na teploy zemle - On the warm earth*. Moscow. 1954. Pp. 129-130.
7. *Vestnik vospitaniya - Herald of education*. 1914, No. 9, p. 109.
8. See, for example: Московские Ведомости. 1914, № 198, 253, 263, 266, 268, 273, 275, 277, 279, 280 and other
9. *Vestnik vospitaniya - Herald of education*. 1914, No. 9, p. 107.
10. *SHkola i zhizn'*- School and life. 1914, No. 48.
11. The archives of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 7899. Sh. 11.
12. *Vestnik vospitaniya - Herald of education*. 1914, No. 9, p. 108; 1915, No. 4, p. 163.
13. Schoolboy. 1915, No. 3, p. 13.
14. Sokolov-Mikitov I.S. Op. cit. Pp. 129-131.
15. School and life. 1914, No. 45.

16. Sokolov-Mikitov I.S. Op. cit. Pp. 130-131.
17. The archives of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 7481. Sh. 176, 307.
18. Sokolov-Mikitov I.S. Op. cit. P. 130.
19. The archives of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 7481. Sh. 237-237 turn; File 7889. Sh. 46.
20. Sokolov-Mikitov I.S. Op. cit. P. 133.
21. *YUnye sily* - Young forces. 1914, No. 1.
22. The archives of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 7885. Sh. 78, 126, 164-164 turn, 173-173 turn.
23. Ibid. File 8174. Sh. 3, 14-15, 48, 61, 82.
24. Ibid. File 8174. Sh. 26-26 turn, 54, 56.
25. Goloshchapov B. R., Korjukova T. Y. *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta v Moskovskoy oblasti* [History of physical culture and sport in Moscow region]. Moscow. 2014. P. 25.
26. The archives of Moscow. F. 459. Sh. 3. File 7889. Sh. 1-4.
27. Ibid. Sh. 24, 25, 46, 46 turn, 91, 91.
28. For more information, see: Prudkin M. I. *ZHizn' - v KHudozhestvennom teatre* [Life - at the Art theater]. Moscow. 2007.
29. Dolezhal N. A. *U istokov rukotvornogo mira. Zapiski konstruktora* [At the origins of the man-made world. Notes of the designer]. Moscow. 2010. Pp. 10-11; Volkov S. A. *Vozle monastyrskikh sten* [Near the monastery walls]. Moscow. 2000. P. 82; Sokolov-Mikitov I.S. Op. cit. P. 135.
30. *Svobodnaya shkola* - Free school. 1917, No. 5.
31. See: Dolezhal N. A. Op. cit.; Volkov S. A. Op. cit.; Prudkin M. I. Op. cit.; Sokolov-Mikitov I.S. Op. cit. P. 139.

УДК 373

А. М. Ермаков

Первая мировая война в российских школьных учебниках зарубежной истории

В статье анализируется освещение истории Первой мировой войны в российских школьных учебниках зарубежной истории. Рассматриваются концепция войны, предлагавшаяся советским школьникам, и формирование в 1990-е гг. нового взгляда на первый всемирный вооруженный конфликт. Показаны утвердившиеся в современных учебниках трактовки характера, причин и последствий войны, ее итогов и исторического места. Выявлены представленные в учебной литературе основные события Первой мировой войны, персоналии. Проанализированы исторические понятия, которые используются авторами учебников. Изучены текстовые и визуальные источники, сопровождающие учебный макротекст. Сделаны выводы о соответствии учебного материала как современному состоянию научных знаний, так и ожиданиям власти и общества; о том, что войне 1914–1918 гг. отводится в школьных учебниках зарубежной истории значительно меньше места, нежели Второй мировой войне.

The article examines the coverage of the First World War history in Russian textbooks on General History. The concept of war proposed to the Soviet students is considered. The article deals with the formation of a new look on the first global conflict in the 1990s. Particular attention is paid to the entrenched interpretations of nature, causes and consequences of the war, its outcomes and historical significance given in modern textbooks. The major events and personalities of The First World War presented in the academic literature have been detected. The historical terms used by the textbook authors are analyzed. The article includes the research of textual and visual sources, accompanied by training makrotext. The author of the study comes to the conclusion that the material of examined textbooks is up-to-date in modern historical science and it corresponds to the expectations of the authorities and the society. Besides, the material about the War of 1914–1918 takes much less space in textbooks on General History than the one related to The Second World War.

Ключевые слова: Первая мировая война, Новая история, Новейшая история, школьный учебник истории, исторический нарратив.

Keywords: The First World War, Modern History, Contemporary history, school history textbook, historical narrative.

В начале 1990-х гг. история Первой мировой войны, не входившая в число приоритетных научных тем в советское время, привлекла внимание многих российских ученых. Предпринятые ими исследования пополнили научные знания по многим аспектам первого глобального вооруженного конфликта, позволили дать новые оценки фактам, событиям и историческим деятелям той эпохи. Однако война 1914–1918 гг. в нашей стране не вызывает такого интереса общества и власти, как Вторая мировая и Великая Отечественная войны. Эта ситуация находит отражение в школьных учебниках зарубежной истории, которые, с одной стороны, отражают современные научные взгляды на Первую мировую войну, а с другой – освещают ее историю гораздо более сжато, нежели события 1939–1945 гг. Один-два параграфа, отведенные в современных учебниках на изложение истории Первой мировой войны, как правило, занимают не более 10% от общего объема предназначенного для школьников материала.

Авторами современных учебников была проведена огромная работа по замене устаревшей советской интерпретации войны 1914–1918 гг. новой концепцией, соответствующей состоянию научных знаний и отвечающей запросам демократического общества и государства.

В Советском Союзе преподавание всеобщей истории осуществлялось по единым учебникам, не менявшимся в течение десятилетий. Например, учебник по Новой истории для 9-го класса под редакцией академика В. М. Хвостова впервые вышел в свет в 1962 г. и к 1983 г. выдержал уже 21 издание [1]. Новый учебник, изданный в годы перестройки, не только воспроизводил старую концепцию Первой мировой войны, но и заимствовал у своего предшественника большие фрагменты текста, часть визуального ряда и исторических документов [2]. Косметический характер изменений проявлялся в том, что половину источников по-прежнему составляли материалы социалистического и рабочего движения, а цитата из доклада Л. И. Брежнева «Пятьдесят лет великих побед социализма» [3] была заменена аналогичной по содержанию выдержкой из новой редакции Программы КПСС (1986 г.) [4].

Согласно официальному советскому взгляду, виновниками Первой мировой войны были империалисты всех стран, которые преследовали цели захвата чужих земель и использования законов военного времени «для решительного подавления рабочего и национально-освободительного движения». Война была «империалистической, захватнической, несправедливой» для всех стран-участниц, кроме Сербии, продолжавшей «многолетнюю борьбу за свою независимость и за освобождение южных славян от гнета Австро-Венгрии». Большевики во главе с В. И. Лениным «вели непримиримую борьбу» против социал-шовинистов, помогавших «империалистам натравливать трудящихся одной страны на трудящихся других стран», и социал-пацифистов, которые мешали перерастанию антивоенного движения в революционную борьбу. Первая мировая война стала «исходным пунктом общего кризиса капитализма», а Октябрьская революция ознаменовала коренной поворот в мировой истории, завершила эпоху Новой и открыла эпоху Новейшей истории человечества.

Над советскими школьными учебниками работали сильные авторские коллективы, в которые входили такие известные историки, как Л. И. Зубок, Л. Е. Кертман, И. М. Кривогуз, А. З. Манфред, А. А. Фурсенко. Стремясь сделать официальную концепцию убедительной, они тщательно отбирали фактический материал, понятия, персоналии, иллюстративный ряд, источники, продумывали вопросы к документам и авторскому нарративу. Первая мировая война представляла перед школьниками в тесной связи с историей международного рабочего движения, деятельностью В. И. Ленина и российских большевиков. Событиям на фронтах и дипломатической истории отводилось не более половины учебного материала. Обезличивание истории военных действий и дипломатии 1914–1918 гг. компенсировалось множеством имен деятелей социалистического и национально-освободительного движения. В учебниках рассказывалось о К. Либкнехте, Р. Люксембург, Ю. Дебсе, Д. Благоеве, Г. Димитрове, Дж. Конноли. С тех же позиций производился подбор текстовых и визуальных источников.

Принятый в 1992 г. закон Российской Федерации «Об образовании» провозгласил принципами государственной политики в области образования, в том числе, воспитание гражданственности, уважение к правам и свободам человека, любви к Родине, семье, а также гуманистический характер образования; приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности; свободу и плюрализм в образовании. С этих позиций подверглось переосмыслению и преподавание истории Первой мировой войны в школе.

Первую попытку по-новому представить школьникам историю войны 1914–1918 гг. предпринял А. А. Кредер, экспериментальный учебник которого был издан небольшим тиражом при поддержке фонда Сороса в 1994 г. [5] Вслед за ним вышли в свет учебники, подготовленные Л. Н. Алексашкиной [6], С. Н. Буриным [7], Н. В. Загладиным [8], а также авторскими коллективами под редакцией О. С. Сороко-Цюпы [9] и А. О. Чубарьяна [10]. Каждый из них выдержал по несколько изданий и использовался в течение ряда лет. Более того, авторы, продолжающие публиковать учебники и сейчас, включают в них значительные фрагменты текстов, впервые появившихся еще в 1990-е гг. Это позволяет утверждать, что постсоветская концепция преподавания истории Первой мировой войны в рамках школьного курса всеобщей истории в общих чертах сформировалась к началу XXI в.

Отказ от формационного подхода и замена его цивилизационным привели к новой трактовке исторического места войны 1914–1918 гг., ее характера, причин и последствий. Существенным изменениям подвергся предлагаемый школьникам исторический нарратив (события и факты, их интерпретации; персоналии), иным стал круг изучаемых исторических понятий, в учебники были включены новые текстовые и визуальные источники.

Пересмотр периодизации Новой и Новейшей истории привел к изменению трактовки исторического места Первой мировой войны. Только в учебнике А. Я. Юдовской, П. А. Баранова и Л. Н. Ванюшкиной, предназначенном для обучающихся по линейной системе, война 1914–1918 гг. была названа «рубежом, завершающим новую историю и открывающим новейшую». Авторы аргументировали свою позицию тем, что период с начала XIX в. до 1914 г. был временем утверждения и расцвета индустриальной цивилизации. Первая мировая война «явилась важной ступенью на пути перерастания капитализма свободной конкуренции в государственно-монополистический, ознаменовала переход к государственному регулированию экономики и социальных отношений» [11]. Незадолго до выхода в свет этого учебника в журнале «Новая и новейшая история» были проведены дискуссии о периодизации Новой и Новейшей истории и о новых подходах к изучению истории Первой мировой войны. Участники обсуждения не раз высказывали предложение считать рубежом эпох окончание Первой мировой войны. Зарубежные исследователи также датируют начало современной истории окончанием и реже – началом Великой войны [12], что находит отражение и в школьных учебниках, открывающих историю современной эпохи с 1914 [13] или 1918 г. [14]

В учебниках А. А. Кредера начало Новейшей истории датировано 1914 годом [15]. Однако преобладающим в российском школьном образовании стал другой подход, в соответствии с которым Новейшая история берет свое начало на рубеже XIX–XX вв. Его сторонники предлагают «определять грань между Новым и Новейшим временем не по дате одного события, а по совокупности явлений и процессов, свидетельствующих о качественных изменениях в разных сферах жизни общества». К ним относятся революция в науке, первый из мировых экономических кризисов, начало борьбы за передел мира и серия империалистических войн, а также первая волна освободительных революций [16]. Несмотря на то что все современные учебники Новейшей истории зарубежных стран хронологически охватывают весь XX в., во многих из них говорится, что именно Первая мировая война «завершила либеральную эпоху, начало которой восходит к Великой французской революции 1789 г.» [17], и открыла эпоху жесточайших войн, экономических потрясений и революций [18].

Отказавшись от советской трактовки характера Первой мировой войны, отечественные авторы не сразу выработали собственные оценки. Так, в экспериментальном учебнике А. А. Кредера не давалось оценок ни характеру войны, ни планам стран-участниц по послевоенному переустройству мира. Только в более поздние издания учебника была включена французская карикатура «Борьба вокруг восточного вопроса», позволявшая школьникам самостоятельно сделать вывод об экспансионистских намерениях России, Австро-Венгрии и Османской империи на Балканах [19]. Вскоре выяснилось, что оценка характера войны 1914–1918 гг. с точки зрения цивилизационного подхода весьма близка к советской классово-трактовке. Современные авторы единодушны в том, что Первая мировая война была империалистической, захватнической для всех стран-участниц [20], которые боролись за господство на европейском континенте, передел уже поделенного мира, перераспределение колоний, сфер влияния и вложения капиталов, за источники дешевого сырья и рынки сбыта своих товаров [21]. Главными виновниками войны «были империалистические круги всех стран, но непосредственными инициаторами являлись Австро-Венгрия и Германия» [22]. Эти оценки не распростра-

няются на Сербию и Бельгию, которые «вели войну прежде всего за восстановление своей независимости, хотя имели и некоторые другие интересы» [23]. Иногда как национально-освободительные тракуются и цели Люксембурга, оказавшегося одной из первых жертв «агрессии более сильного соседа» [24]. Высказывается также мнение о том, что «некоторые крупные по численности народы Европы, разделенные имперскими границами, надеялись своей борьбой в рядах союзников завоевать право на образование собственных национальных государств после окончания войны» [25]. Наконец, в учебниках встречаются формулировки, оставляющие открытым вопрос о характере войны со стороны некоторых малых стран Европы, «вынужденных логикой развития событий примкнуть к военно-политическим блокам (Сербия, Бельгия, Черногория, Болгария, Румыния, Греция)». Если «часть из них стремилась отстоять свою независимость и целостность (Сербия, Бельгия)», а «правительства других государств (Болгария, Румыния) преследовали цель использовать удобный момент для реализации планов увеличения территории и усиления влияния на ближайших соседей», то характер войны со стороны Черногории и Греции остается без какой-либо оценки [26].

Если в советских учебниках цитировалось высказывание В. И. Ленина о том, что рост вооружений и крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху империалистической стадии развития капитализма «неизбежно должны были привести и привели» к войне [27], то современные российские авторы уверены, что Первой мировой войны можно было избежать. «Ни одна из сторон не желала такого исхода событий, – говорится в учебнике А. А. Кредера. – На каждом из этапов этого последовательного втягивания в войну ее можно было предотвратить. Но в представлении участников этой начавшейся драмы (Вильгельма II, Николая II, Франца Иосифа II. – А. Е.) величие его государства было большей ценностью, чем мир» [28].

Среди причин войны современные учебники называют появление вследствие неравномерности экономического развития «догоняющих» индустриальных стран, стремившихся к переделу мира и сфер влияния; гонку вооружений; германский милитаризм; военно-силовое мышление; амбиции монархов и государственных политиков; нарушение баланса сил в Европе; военные планы каждой из стран-участниц; обострение внутренних противоречий капиталистической системы [29]. Особое внимание при объяснении происхождения Первой мировой войны уделяется патриотизму. Констатируется, что «патриотический подъем, романтическое воодушевление войной, эмоциональное давление во всех странах в августе 1914 г. были беспрецедентными» [30], а «попытки пацифистов и некоторых социалистов высказаться против войны заглушались волной ура-патриотизма» [31]. Почти во всех учебниках приводятся подтверждающие факты, авторский текст нередко сопровождается воспоминаниями современников и фотоснимками патриотических демонстраций английских, немецких, французских добровольцев, спешащих на призывные участки, или новобранцев, с радостью направляющихся на фронт. Проявлениям национальных чувств часто дается положительная оценка, а понятие «национализм» приобретает сугубо позитивную коннотацию. Например, в учебнике А. А. Кредера говорится, что «большая часть воюющих государств были национальными, поэтому и патриотизм был окрашен в националистические тона. Начало войны вызвало мощный подъем патриотизма и национальных чувств, подчас принимавших необычные формы», такие как переименования российских городов с немецкими названиями и изменение фамилии британской королевской династии [32]. Гораздо реже встречаются суждения о том, что «национализм перерастал в шовинизм – стремление решить проблемы своей нации за счет других» [33].

Оценивая итоги Первой мировой войны, авторы российских учебников отмечают, что одна из самых жестоких и кровопролитных войн стала великой катастрофой, величайшим бедствием в истории человечества. Она совершила переворот в сознании миллионов людей и потрясла основы старого миропорядка, вызвала к жизни массовое демократическое движение, но одновременно всколыхнула волну насилия, проявлениями которой стали революции, фашизм и нацизм. Война не разрешила глобальных противоречий, а породила новые катаклизмы [34].

Небольшое количество времени, отведенное на изучение Первой мировой войны, вынуждает авторов учебников тщательно отбирать события и факты, включаемые в учебный макротекст. В перечень основных событий входят Сараевское убийство, втягивание в войну главных стран-участниц, битва на Марне, разгром русских армий в Восточной Пруссии, немецкое наступление на Восточном фронте в 1915 г., битвы под Верденом и на Сомме, Бруси-

ловский прорыв, вступление в войну США, Брестский мир, вторая битва на Марне, Компьенское перемирие. В отличие от советских учебников, современные книги для школьников уделяют мало внимания отношению к войне европейских социалистических партий, распаду II Интернационала, позиции В. И. Ленина и его сторонников. Ни один современный учебник не обходится без данных о количестве стран-участниц войны и численности их населения, а также совокупных людских потерь всех стран. Как правило, приводятся сведения о потерях сторон в крупнейших сражениях, нередко сообщается о количестве мобилизованных странами Четверного союза и Антанты, о первой немецкой газовой атаке и первом применении англичанами танков. Гораздо большее разнообразие обнаруживается в тех разделах текстов, где речь идет о динамике настроений населения, социально-экономическом и политическом положении в воюющих странах.

Изучая историю Первой мировой войны, российский школьник сталкивается с целым рядом понятий. Их количество разнится от учебника к учебнику и может превышать полтора десятка. Особенно часто авторы учебников оперируют такими понятиями, как блицкриг (молниеносная война), сепаратный мир (сепаратный договор), тотальная война, национализм, милитаризм, пацифизм, государственное регулирование (военно-государственно-корпоративный капитализм).

В российских учебниках преодолен крен в сторону руководителей рабочего и социалистического движения, характерный для советской школьной литературы. Современные авторы знакомят учащихся с историческими деятелями, сыгравшими заметную роль в Первой мировой войне. К ним относятся Франц Фердинанд, А. фон Шлиффен, А. А. Брусилов, Ф. Фош, Г. Принцип, Вильгельм II, В. Вильсон и П. фон Гинденбург. Наряду с ними в учебных текстах довольно часто встречаются имена В. И. Ленина, Николая II, К. Либкнехта, Э. Людендорфа, А. В. Самсонова, П. К. Ренненкампа, Р. Пуанкаре, Франца Иосифа II. Выбор остальных действующих лиц определяется логикой изложения, избранной автором того или иного учебника, и объемом, отведенным в нем на освещение истории войны. В учебных книгах можно встретить упоминания о примерно семидесяти монархах, государственных и партийных деятелях, военачальниках, ученых и деятелях искусства. Обычно параграф или глава о Первой мировой войне содержит 10–15 имен.

Учебный материал по истории войны 1914–1918 гг. характеризуется большим разнообразием текстовых источников. Особенно часто авторы используют выдержки из текста Компьенского перемирия, мемуаров Д. Ллойд Джорджа о войне на истощение и об отказе Англии и Франции помочь России во время немецкого наступления 1915 г., мемуаров Р. Пуанкаре о патриотическом подъеме первых дней войны, газовой атаке на Ипре, новых методах ведения войны. Среди визуальных источников также встречаются такие, которым отдается предпочтение. Почти во все учебники включены фотоснимки, сделанные в день Сараевского убийства, или рисунок, изображающий покушение Гаврилы Принципа. Часто встречаются фотографии германского императора Вильгельма II, генералов Ф. Фоша, П. фон Гинденбурга, Э. Людендорфа. Проиллюстрированы патриотический подъем августа 1914 г., окопная война и разрушительная сила новых видов вооружения, труд женщин в экономике, образцы новейших вооружений (танки, режы – корабли, подводные лодки и самолеты), антивоенные митинги в тылу и братания солдат на фронтах. Положительной оценки заслуживает использование авторами плакатов, как правило, британских и американских, а в отдельных случаях – и карикатур. К сожалению, отнюдь не все учебники содержат вопросы к визуальным источникам, и их полноценное использование зависит от квалификации учителя и любознательности учащегося.

Итак, в школьных учебниках постсоветской России сформировалась концепция истории Первой мировой войны, соответствующая принципам государственной политики в области образования. Смена мировоззренческих ориентиров повлекла за собой новые трактовки исторического места войны 1914–1918 гг., ее характера, причин и последствий как в науке, так и в школьном преподавании. В школьных учебниках Первая мировая война рассматривается либо как рубеж, обозначивший переход от Новой к Новейшей истории, либо как эпохальное событие новейшего времени, коренным образом изменившее мир. Замена формационного подхода цивилизационным не привела к изменению оценок характера войны – ее продолжают считать империалистической, захватнической, несправедливой. От прежней убежденности в неотвратимости войны современные авторы, напротив, решитель-

но отказались. В широком спектре причин мирового вооруженного конфликта большое значение придается национализму, охватившему как правящие круги, так и массы населения всех стран. Предлагаемый учащимся исторический нарратив охватывает основные события дипломатической истории, ход военных действий в 1914–1918 гг., изменения внутреннего положения в странах-участницах войны, динамику настроений в обществе. Наряду с образовательной учебный материал о Первой мировой войне выполняет и воспитательную функцию, формируя у школьников гуманистические убеждения, патриотизм, отрицательное отношение к войне как способу разрешения международных конфликтов.

Примечания

1. Новая история. Ч. II: учеб. для 9 кл. сред. шк. М., 1983.
2. Новая история, 1871–1917: учеб. для 10-го кл. сред. шк. М., 1989.
3. Новая история. Ч. II. С. 209.
4. Новая история, 1871–1917. С. 247.
5. Кредер А. А. Новейшая история: эксперимент. учеб. Ч. I. М., 1994.
6. Алексашкина Л. Н. Новейшая история. XX век: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учрежд. М., 1999.
7. Бурин С. Н. Новейшая история. XX век: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учеб. заведений. М., 2002.
8. Загладин Н. В. Новейшая история зарубежных стран. XX век: учеб. для школьников 9 кл. М., 2000.
9. Мир в XX веке: учеб. пособие для 10–11 кл. общеобразоват. учрежд. М., 1996.
10. Улунян А. А. Новейшая история зарубежных стран: учеб. для 11 кл. общеобразоват. учрежд. М., 2000.
11. Юдовская А. Я. и др. Новая история, 1800–1918: учеб. для 8 кл. общеобразоват. учрежд. М., 1998. С. 5, 302.
12. См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.
13. Geschichte und Geschehen. Geschichtliches Unterrichtswerk für die Sekundarstufe I. Thüringen. Leipzig, 1997.
14. Wir machen Geschichte. Bd. 4. Vom Ende des Ersten Weltkrieges bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main, 1998.
15. Кредер А. А. Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997: учеб. для 9 кл. основной шк. М., 2003. С. 13.
16. Алексашкина Л. Н. Новейшая история: XX век – начало XXI века. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учрежд. М., 2005. С. 8.
17. Пленков О. Ю. Всеобщая история: 11 кл.: учеб. для общеобраз. учрежд. М., 2011. С. 52.
18. Сергеев Е. Ю. Всеобщая история. Новейшая история. 9 кл: учеб. для общеобразоват. учрежд. М., 2011. С. 29; Волобуев О. В. Всеобщая история. XX – начало XXI века. 11 кл. Базовый уровень: учеб. для общеобразоват. учрежд. М., 2012. С. 23.
19. Кредер А. А. Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997. С. 13.
20. Юдовская А. Я. и др. Указ. соч. С. 286.
21. Новейшая история зарубежных стран. XX век: пособие для учащихся 10–11 кл. общеобразоват. учрежд. Ч. 1. М., 1998. С. 49.
22. Мир в XX веке. С. 71.
23. Алексашкина Л. Н. Новейшая история. XX век. С. 47.
24. Волобуев О. В. Указ. соч. С. 23.
25. Улунян А. А. Указ. соч. С. 58.
26. Сергеев Е. Ю. Указ. соч. С. 15.
27. Новая история. Ч. II. С. 187.
28. Кредер А. А. Новейшая история: эксперимент. учеб. С. 18.
29. Пленков О. Ю. Указ. соч. С. 28–29; Волобуев О. В. Указ. соч. С. 14; Сороко-Цюпа О. С. Мир в XX веке: учеб. для 11 кл. общеобразоват. учрежд. М., 2004. С. 50, 57; Новейшая история зарубежных стран. XX век: учеб. для учащихся 11 кл. общеобразоват. учеб. завед. М., 2000. С. 32; Шубин А. В. Новейшая история зарубежных стран. XX век: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учеб. завед. М., 2000. С. 23.
30. Пленков О. Ю. Указ. соч. С. 29.
31. Алексашкина Л. Н. Новейшая история. XX век. С. 48.
32. Кредер А. А. Новейшая история: эксперимент. учеб. С. 29.
33. Шубин А. В. Указ. соч. С. 12.
34. Бурин С. Н. Указ. соч. С. 34; Мир в XX веке. С. 81; Улунян А. А. Указ. соч. С. 74; Пленков О. Ю. Указ. соч. С. 53–54.

Notes

1. *Novaya istoriya* - New history. Pt. II: textbook. for 9th grade of secondary school. Moscow. 1983.
2. *Novaya istoriya* - New history, 1871-1917: textbook. for the 10th grade of secondary school. Moscow. 1989.
3. *Novaya istoriya* - New story. Pt. II. P. 209.
4. *Novaya istoriya* - New story, 1871-1917. P. 247.
5. Kreder A. A. *Noveyshaya istoriya: ehksperiment. ucheb.* [Recent history: an experimental textbook]. Pt. I. Moscow. 1994.
6. Aleksashkina L. N. *Noveyshaya istoriya. XX vek: ucheb. dlya 9-go kl. obshcheobrazovat. uchrezhd* [The latest history. XX century: textbook for the 9th grade of educational establishments]. Moscow. 1999.
7. Burin S. N. *Noveyshaya istoriya. XX vek: ucheb. dlya 9 kl. obshcheobrazovat. ucheb. zavedeniy* [The latest history. XX century: textbook for 9th grade of educational establishments]. Moscow. 2002.
8. Zagladin N. V. *Noveyshaya istoriya zarubezhnykh stran. XX vek: ucheb. dlya shkol'nikov 9 kl.* [The latest story history of foreign countries. XX century: textbook for students 9th grade of educational establishments] Moscow. 2000.
9. *Mir v XX veke: ucheb. posobie dlya 10–11 kl. obshcheobrazovat. uchrezhd* - World in the twentieth century: textbook for 10-11th grade of educational establishments. Moscow. 1996.
10. Ulunyan A. A. *Noveyshaya istoriya zarubezhnykh stran: ucheb. dlya 11 kl. obshcheobrazovat. uchrezhd* [Contemporary history of foreign countries: textbook for 11th grade of educational establishments]. Moscow. 2000.
11. Yudovskaya A. Ya. and others. *Novaya istoriya, 1800–1918: ucheb. dlya 8 kl. obshcheobrazovat. uchrezhd* [New hisstory, 1800-1918: textbook for the 8th grade of educational establishments] Moscow. 1998. Pp. 5, 302.
12. See: Hobsbawm E. *EHpokha krainostey: Korotkiy dvadtsatyy vek (1914–1991)* [The age of extremes: the Short twentieth century (1914-1991)]. Moscow. 2004.
13. Geschichte und Geschehen. Geschichtliches Unterrichtswerk für die Sekundarstufe I. Thüringen. Leipzig, 1997.
14. Wir machen Geschichte. Bd. 4. Vom Ende des Can Weltkreiges bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main, 1998.
15. Kreder A. A. *Noveyshaya istoriya zarubezhnykh stran. 1914–1997: ucheb. dlya 9 kl. osnovnoy shk* [Contemporary history of foreign countries. 1914-1997: textbook for 9th grade of primary school]. Moscow. 2003. P. 13.
16. Aleksashkina L. N. . *Noveyshaya istoriya: XX vek – nachalo XXI veka. 11 kl.: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhd.* [Contemporary history: the twentieth century - the beginning of XXI century. 11th grade: textbook for educational establishments]. Moscow. 2005. P. 8.
17. Plenkov O. Y. *Vseobshchaya istoriya: 11 kl.: ucheb. dlya obshcheobraz. uchrezhd* [General history: 11th grade: textbook for educational establishments]. Moscow. 2011. P. 52.
18. Sergeev E. Y. *Vseobshchaya istoriya. Noveyshaya istoriya. 9 kl: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhd.* [General history. The latest history. 9th grade: textbook for educational establishments]. Moscow. 2011. P. 29; Volobuev O.V. [General history. The XX - beginning of XXI century. 11th grade. Basic level: textbook for educational establishments]. Moscow. 2012. P. 23.
19. Kreder A. A. *Noveyshaya istoriya zarubezhnykh stran. 1914–1997* [Contemporary history of foreign countries. 1914-1997]. P. 13.
20. Yudovskaya A. Ya. and others. Op. cit. P. 286.
21. *Noveyshaya istoriya zarubezhnykh stran. XX vek: posobie dlya uchashchikhsya 10–11 kl. obshcheobrazovat. uchrezhd* - Contemporary history of foreign countries. XX century: a manual for students of 10-11th grade of educational establishments. Pt. 1. Moscow. 1998. P. 49.
22. *Mir v XX veke* - World in the twentieth century. P. 71.
23. Aleksashkina L. N. *Noveyshaya istoriya. XX vek* [The latest history. XX century]. P. 47.
24. Volobuev O. V. Op. cit. P. 23.
25. Ulunyan A. A. Op. cit. P. 58.
26. Sergeev, E. Y. Op. cit. P. 15.
27. New story. Pt. II. P. 187.
28. Kreder A. A. *Noveyshaya istoriya: ehksperiment. ucheb* [The latest history: an experiment. textbook]. P. 18.
29. Plenkov O. Y. Op. cit. Pp. 28-29; Volobuev O.V. Op. cit. P. 14; Soroko-Cupa O. C. *Mir v XX veke: ucheb. dlya 11 kl. obshcheobrazovat. uchrezhd* [World in the twentieth century: textbook for 11th grade of educational establishments]. Moscow. 2004. Pp. 50, 57; *Noveyshaya istoriya zarubezhnykh stran. XX vek: ucheb. dlya uchashchikhsya 11 kl. obshcheobrazovat. ucheb. zaved.*- Contemporary history of foreign countries. XX century: textbook for students in 11th grade of educational establishments. Moscow. 2000. P. 32; Shubin A. V. *Noveyshaya istoriya zarubezhnykh stran. XX vek: ucheb. dlya 9 kl. obshcheobrazovat. ucheb. zaved.* [Contemporary history of foreign countries. XX century: textbook for 9th grade of educational establishments]. Moscow. 2000. P. 23.

30. Plenkov O. Y. Op. cit. P. 29.
31. Aleksashkina L. N. *Noveyshaya istoriya. XX vek.* [The latest history. XX century]. P. 48.
32. Kreder A. A. *Noveyshaya istoriya: ehksperimen. ucheb.* [The latest history: experimental textbook]. P. 29.
33. Shubin A. V. Op. cit. P. 12.
34. Burin S. N. Op. cit. P. 34; *Mir v XX veke* - World in the twentieth century. S. 81; Ulunyan A. A. Op. cit. P. 74; Plenkov O. Y. Op. cit. Pp. 53-54.

Проблемы арендных правоотношений в сфере лесозаготовительной деятельности на лесных участках, находящихся в федеральной собственности

В силу неурегулированности отдельных положений Лесного кодекса РФ возникла ситуация неоднозначного понимания и толкования различными государственными органами норм Лесного Кодекса РФ, регулирующих правоотношения в вопросах использования арендуемых лесных участков, находящихся в государственной собственности.

Это привело к большому количеству судебных разбирательств по делам об оспаривании дополнительных соглашений к договорам аренды лесных участков, находящихся в федеральной собственности, которые были заключены между органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации и арендаторами в связи с уточнением объемов и ассортимента находящихся на них лесных ресурсов.

Окончательное урегулирование правоотношений в данной сфере возможно на основании принятого Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации Закона «О внесении изменений в статьи 74 и 81 Лесного кодекса Российской Федерации».

В статье приведена хронология развития событий по данному вопросу за последние два года и правовые позиции сторон арбитражного спора.

Due to the lack of regulation of certain provisions of the Forest Code of the Russian Federation did the situation is ambiguous understanding and interpretation of the various governmental authorities of the norms of the Forest Code of the Russian Federation regulating the relations in the use of leased forest land is in state ownership.

This led to a large number of court proceedings in cases on challenging additional agreements to contracts of lease of forest plots being in the Federal property, which have been concluded between the Executive power body of the subject of the Russian Federation and tenants in connection with the specification of volumes and assortment on forest resources.

The final settlement of relations in this area is possible on the basis of the adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation Law "On amendments to articles 74 and 81 of the Forest code of the Russian Federation".

The article describes the chronology of developments on this issue for the last two years and the legal position of the parties to the arbitration of the dispute.

Ключевые слова: Гражданский кодекс Российской Федерации, Лесной кодекс Российской Федерации, договор аренды лесного участка, дополнительное соглашение, лесные ресурсы, аукционная документация, арендная плата, норма права, правовая позиция, урегулирование правоотношений.

Keywords: Civil code of the Russian Federation Forest code of the Russian Federation, the contract of lease of a forest, additional agreement, forest resources, the auction documentation, the rent, the rule of law, legal position, the settlement of relations.

Два года назад арбитражный суд Кировской области принял к производству дела, связанные с заявлениями прокуратуры Кировской области о признании недействительными дополнительных соглашений к договорам аренды лесных участков, находящихся в федеральной собственности, заключенных между департаментом лесного хозяйства Кировской области и арендаторами в связи с существенными изменениями количественно-качественных показателей лесных ресурсов.

Исковые требования были основаны на ст. 168, 450 Гражданского кодекса Российской Федерации [1], ст. 73, 74, 94 Лесного кодекса Российской Федерации [2], ст. 15, 23 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [3] и мотивированы заключением спорного дополнительного соглашения с нарушением действующего законодательства.

Указанные дополнительные соглашения были составлены в связи с уточнением объемов и ассортимента лесных ресурсов, изъятие которых фактически возможно по результатам данных, полученных в ходе разработки проектов освоения лесов на участках, переданных в аренду.

Как правило, эти объемы не соответствовали на момент проведения аукциона сведениям о качественных характеристиках и запасах древесины на передаваемых в аренду лесных участках, имевшихся в материалах лесоустройства. Поэтому в дополнительных соглашениях к договорам аренды лесных участков арендная плата за пользование ими была снижена пропорционально снижению объемов заготовки товарной древесины.

Юридическая суть спора состояла в неоднозначном понимании и толковании различными государственными органами норм Лесного кодекса РФ, регулирующих правоотношения в вопросах использования арендуемых лесных участков, находящихся в государственной собственности.

Так, прокуратура Кировской области пришла к выводам о невозможности изменения по воле сторон условий договоров аренды лесных участков, заключенных по результатам аукциона, ни при каких обстоятельствах, даже если фактически доказано отсутствие лесных ресурсов, которые были указаны в аукционной документации.

В частности, прокуратура посчитала, что дополнительные соглашения к таким договорам аренды были заключены в нарушение ст. 74 Лесного кодекса Российской Федерации без проведения соответствующего аукциона.

В обоснование своей правовой позиции истец сослался на п. 1 и 2 ст. 74 Лесного кодекса Российской Федерации, согласно которым договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается по результатам аукциона по продаже права на заключение такого договора, за исключением случаев, установленных ч. 3 настоящей статьи. При этом предметом аукциона выступает начальный размер арендной платы (ч. 1 ст. 74 Лесного кодекса), который в силу п. 4 ч. 4 ст. 79 названного кодекса не может быть ниже минимального размера арендной платы, определяемого в соответствии со ст. 73 и 76 того же кодекса.

Поскольку аукцион проводится путем повышения начальной цены предмета аукциона (начального размера арендной платы или начальной цены заготавливаемой древесины на «шаг аукциона») (ч. 1 ст. 80 Лесного кодекса), то в силу п. 1 и п. 4 ст. 447 Гражданского кодекса Российской Федерации договор заключается с лицом, предложившим наиболее высокую цену.

Далее следует вывод о том, что исходя из целей проведения аукциона и положений ч. 2 ст. 74 Лесного кодекса недопустимо дальнейшее изменение арендной платы в сторону уменьшения, так как обратное приведет к нарушению прав иных участников аукциона, предлагавших меньшую сумму, чем победитель.

Позиция защиты по указанным делам в общих чертах исходила из того, что правила п. 2 ст. 74 ЛК РФ касаются запрета изменения условий аукциона при заключении договора аренды. Вместе с тем после заключения договора указанная норма не содержит ограничения на изменение условий договора в соответствии с общими правилами ГК РФ с учетом того, что необходимость внесения изменений в договор аренды относительно размера арендной платы была предусмотрена при разработке аукционной документации в проекте договора аренды.

В частности, сторона защиты в обоснование своих доводов указывает, что уменьшение арендной платы, согласованное сторонами сделки, произошло за счет уменьшения объема изъятия лесных ресурсов, предусмотренного утвержденным проектом освоения лесов, что соответствует принципу рационального использования леса.

Согласно условиям договора аренды размер арендной платы подлежит изменению пропорционально изменению ставок платы за единицу объема лесных ресурсов, устанавливаемых в соответствии со ст. 73 Лесного кодекса Российской Федерации, а также при изменении объемов изъятия.

Договором аренды на арендатора также возложена обязанность в установленном порядке разработать и представить арендодателю проект освоения лесов с положительным заключением государственной экспертизы.

В соответствии с условиями договора внесение в него изменений по соглашению сторон допускается, в том числе, на основании представленного арендатором арендодателю проекта освоения лесов на арендуемом лесном участке и вносимых в установленном законодательством порядке в данный проект изменений.

При этом невыполнение проекта освоения лесов является основанием для расторжения договора по требованию арендодателя.

Следовательно, необходимость внесения изменений относительно размера арендной платы была изначально предусмотрена при размещении в сети Интернет проекта договора в составе документации об аукционе.

Таким образом, по мнению защиты, приведение договора в соответствие с проектом освоения лесов было предусмотрено аукционной документацией, в связи с чем не противоречит закону, а именно п. 2 ст. 74 Лесного кодекса Российской Федерации.

При этом об отсутствии нарушений прав иных участников аукциона, по мнению защиты, говорит тот факт, что перед проведением аукциона вся аукционная документация, в том числе и условия договора, была предоставлена арендодателем неопределенному кругу лиц.

Эта позиция была поддержана уполномоченными государственными органами в сфере лесопользования – Министерством природных ресурсов РФ, федеральным агентством лесного хозяйства, а также Комитетом Госдумы по природопользованию, природным ресурсам и экологии, Правительством Кировской области.

Кировский арбитражный суд поддержал позицию защиты и 27.12.2012 г. отказал прокуратуре Кировской области в удовлетворении исковых требований [4].

Суд апелляционной инстанции постановлением от 11.03.2013 г. признал данное решение обоснованным [5].

Однако впоследствии постановлением суда кассационной инстанции от 12.07.2013 г. указанные решения были отменены, а иск прокуратуры удовлетворен в силу иного понимания судьями норм лесного законодательства и гражданского права [6].

В частности, приняв во внимание доводы прокуратуры, Федеральный арбитражный суд Волго-Вятского округа указал, что суды нижестоящих инстанций неправильно истолковали п. 2 ст. 74 Лесного кодекса Российской Федерации, осуществив толкование приведенной нормы права и ч. 7 ст. 53.7 указанного кодекса по правилам ст. 421 Гражданского кодекса Российской Федерации, в связи с этим оспариваемое дополнительное соглашение к договору аренды лесного участка суд округа в силу ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации расценил как недействительное.

Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации своим постановлением от 17.12.2013 г. [7] также исключил возможность заключения допсоглашений к договорам аренды, заключенным по результатам аукциона, что поставило более 120 арендаторов, осуществляющих лесозаготовку в Кировской области, в крайне сложное финансовое положение, вынудив нести огромные финансовые затраты по арендной плате за фактически несуществующий лес.

Суд надзорной инстанции в частности отметил, что механизм изменения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, предусмотренным ст. 451 Гражданского кодекса, в данном случае не может быть использован по следующим причинам. Во-первых, он предполагает изменение договора по соглашению сторон или по требованию одной из сторон в судебном порядке, что прямо исключается ст. 74 Лесного кодекса, во-вторых, изменение объема подлежащих заготовке лесных ресурсов на переданном в аренду лесном участке не относится к существенному изменению обстоятельств, которое стороны не могли разумно предвидеть при заключении договора, а в аукционной документации была непосредственно заложена возможность такого изменения.

Такая ситуация сложилась в силу неурегулированности отдельных положений Лесного кодекса РФ, которая привела к различному пониманию и применению этих норм участниками соответствующих правоотношений.

После многократных попыток урегулировать данную ситуацию на законодательном уровне 09.07.2014 г. Советом Федерации Федерального Собрания РФ одобрен внесенный

Правительством РФ и принятый Государственной Думой РФ проект Федерального закона «О внесении изменений в ст. 74 и 81 Лесного кодекса Российской Федерации», который в ближайшее время будет подписан Президентом России и официально опубликован.

Данный закон конкретизирует правовые нормы ЛК РФ по вопросам изменения договоров аренды лесных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, заключенных по результатам аукционов, позволяющих обратиться арендаторам лесных участков в арбитражный суд для урегулирования соответствующих правоотношений с арендодателем.

Указанные нормы закона вступают в силу со дня его официального опубликования.

Примечания

1. Гражданский кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Лесной кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.
3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
4. Решение арбитражного суда Кировской области от 27.12.2012 г. по делу № А28-5083/2012 // Архив арбитражного суда Кировской области.
5. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 11.03.2013 по делу № 28-5083/2012 // Архив арбитражного суда Кировской области.
6. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.07.2013 г. по делу № А28-5083/2012 // Архив арбитражного суда Кировской области.
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.12.2013 г. по делу № А28-5083/2012 // Архив арбитражного суда Кировской области.

Notes

1. Civil code of the Russian Federation " // collected legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301. (in Russ.)
2. Forest code of the Russian Federation " / / collected legislation of the Russian Federation. 2006. No. 50. Article 5278. (in Russ.)
3. Federal law of 26.07.2006 № 135-FZ "On protection of competition" // collected legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (1). Article 3434. (in Russ.)
4. The decision of the arbitration court of the Kirov region from 27.12.2012, in case No. A28 5083/2012 // Archive arbitration court of the Kirov region. (in Russ.)
5. The decision of the Second arbitration court of appeal dated 11.03.2013 in case No. 28 5083/2012 // Archive arbitration court of the Kirov region. (in Russ.)
6. Resolution of the Federal arbitration court of the Volga-Vyatka district on 12.07.2013, in case No. A28 5083/2012 // Archive arbitration court of the Kirov region. (in Russ.)
7. The decree of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 17.12.2013, in case No. A28 5083/2012 // Archive arbitration court of the Kirov region. (in Russ.)

Современные тенденции в правовом регулировании нормирования труда

В современных условиях в качестве одного из важнейших направлений развития трудового законодательства является нормативно-методическое и информационное обеспечение решения вопросов правового регулирования нормирования труда. Отсутствие законодательного определения ряда понятий, условий, процедурных положений в правовом регулировании нормирования труда затрудняет реализацию целей и задач трудового законодательства в целом, в частности порождает проблемы в регулировании вопросов установления и введения норм труда, определения содержания трудовой функции и продолжительности рабочего времени. Большинство ученых, занимающихся вопросами трудового права, приходят к выводу о необходимости развития правового регулирования нормирования труда. Однако, как показывает практика, общество пока к этому не готово, положения о нормировании труда редко обращают на себя внимание законодателя и общественности. Насколько необходимо обращение к вопросам правового регулирования нормирования труда, каковы современные тенденции в его развитии, рассмотрим далее.

In modern conditions as one of the most important directions of development of the labor legislation is standardly-methodical and information support of the solution of questions of legal regulation of rationing of work. Lack of legislative definition of a number of concepts, conditions, procedural provisions in legal regulation of rationing of work complicates realization of the purposes and tasks of the labor legislation as a whole, and, in particular, generates problems in regulation of questions of establishment and introduction of norms of work, definition of the content of labor function and duration of working hours. The majority of the scientists dealing with issues of the labor law, come to a conclusion about need of development of legal regulation of rationing of work. However, as practice shows, society while isn't ready to it, regulations on work rationing seldom attract attention the legislator and the public. The appeal to questions of legal regulation of rationing of work is how necessary, what current trends in its development we will consider further.

Ключевые слова: правовое регулирование нормирования труда, трудовая функция, рабочее время, ответственность сторон в трудовых отношениях, нормы труда.

Keywords: legal regulation of rationing of work, labor function, working hours, responsibility of the parties in the labor relations, norms of work.

В настоящее время правовое регулирование нормирования труда отстает от потребностей практики и недостаточно способствует целям трудового законодательства – установлению государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, созданию благоприятных условий труда, защите прав и законных интересов работников и работодателей.

Ушло в прошлое большинство элементов общегосударственной системы нормирования труда: отчетность по «охвату нормированием», обязанность применения межотраслевых нормативов и т. д. [1] Новые социально-экономические условия требуют переосмысления роли и места нормирования труда в системе управления эффективностью деятельности организаций, поиска новых, более гибких форм и способов нормирования труда [2].

Роль нормирования труда как основы организации производства, повышения эффективности использования живого труда возрастает. В современных условиях правовое регулирование нормирования труда должно обеспечивать объективно необходимую деятельность по упорядочению процесса труда, которая на основе разработанных способов нормирования труда организует, регулирует и стабилизирует социотехническую систему каждой организации.

Новая ситуация не может не отразиться на ориентации теоретических и методических исследований в сфере нормирования труда. Изучение проблемы правового регулирования нормирования труда, включая исследование исторического опыта России в этой сфере, должно быть направлено на поиск оптимальных правовых механизмов нормирования труда.

Многие как экономические, так и правовые проблемы нормирования труда ждут решения, что свидетельствует о недостаточной эффективности действующего законодательства в данной области. В условиях, когда налаженная в советский период система правового регулирования нормирования труда разрушена, рыночная экономика при отсутствии последовательной государственной структурной политики стимулирует развитие нежелательных процессов [3].

Назрела необходимость расширительного толкования правового регулирования нормирования труда. Наряду с традиционным способом нормирования труда (посредством установления норм труда) следует обратить внимание на правовой механизм нормирования посредством трудовой функции и рабочего времени. В последнее время широкое распространение получило превышение фактической продолжительности рабочего времени над его нормативной продолжительностью посредством привлечения к сверхурочным работам, применения ненормированного режима рабочего времени, гибких форм занятости; установление ненормированных по содержанию трудовых функций; установление норм труда исключительно на основе интересов работодателей. Все это лишает работников законодательно провозглашенных прав и гарантий в сфере труда, не обеспечивает реализации защитной функции трудового права.

Специфика современного правового регулирования нормирования труда заключается в том, что оно должно осуществляться на стыке различных научных отраслей – теории и истории трудового права, экономики, социологии, физиологии, управления.

Очевидно, такое явление происходит в сфере образования в связи с введением эффективных контрактов с работниками вузов. В настоящее время нормативно-правовое регулирование недостаточно проработано для надлежащего функционирования эффективных контрактов, существуют значительные терминологические проблемы, не позволяющие применять положения подзаконных актов в полном соответствии федеральному законодательству. Так, сам термин «эффективный контракт» вовсе не является правовой категорией, а является экономической категорией, не вписывающейся в общую теорию трудового договора. Кроме того, не проработаны механизмы реализации требований по внедрению эффективных контрактов, не разработаны показатели и критерии эффективности деятельности работников сферы образования. Такие положения показывают необходимость проработки правового материала о трудовой функции работников во взаимосвязи с оплатой труда. При этом прорабатывать, изменять и дополнять необходимо в пределах тех формулировок, что даны федеральным законодательством, а именно Трудовым кодексом РФ, но не подзаконными нормативно-правовыми актами, как это происходит в настоящее время. Отчасти такая ситуация складывается из-за отсутствия качественного изучения правового материала во взаимосвязи с экономическими категориями с целью приведения их в соответствие для эффективного взаимодействия права и экономики по реализации задач, предусмотренных новой системой эффективных контрактов, а также из-за формального характера критериев результатов труда работников по системе эффективных контрактов и сохранения ранее применявшихся выплат стимулирующего характера, имеющих низкую эффективность в современных условиях.

Следовательно, нормирование труда необходимо понимать сегодня как комплексный анализ общетеоретических подходов в праве, экономике, управлении, социологии, физиологии к определению нормы труда. Соответственно нормированием труда являются организационно-управленческие отношения по установлению обоснованной меры труда, обеспечивающей правовые гарантии сторон трудовых отношений по реализации норм продолжительности рабочего времени, объема трудовой функции и норм труда.

Ни один из правовых способов нормирования труда (определение продолжительности рабочего времени, объема трудовой функции и норм труда) не должен игнорироваться.

Содержательный и логический анализ категории «мера труда» позволяет сформулировать теоретическое положение о том, что самостоятельными элементами меры труда, правовыми механизмами нормирования труда являются закрепление норм продолжительности рабочего времени, установление норм труда, определение содержания трудовой функции. Сказанное не исключает совпадения этих элементов в одной мере труда. Продолжительность рабочего времени как элемент меры труда следует признать основным, поскольку именно предельная норма продолжительности рабочего времени должна быть положена в

основу расчетов общих норм труда и определения общего содержания трудовой функции, что позволит реализовать защитную функцию трудового права.

Нормирование рабочего времени предполагает государственное установление стандартов продолжительности рабочего времени. В то же время сторонам трудовых отношений должна быть предоставлена возможность разумно сочетать государственные стандарты и гибкие подходы к установлению норм рабочего времени, которые приобретают особую актуальность в современных технических условиях.

Нормированию труда с помощью трудовой функции должно быть уделено особое внимание законодателя, поскольку степень интеллектуализации трудовой функции для большинства работников значительно возросла в связи с развитием современных технологий в новых социально-экономических условиях. Происходят изменения в традиционном понимании трудовой функции, поскольку она становится более гибкой. Закрепление в трудовом законодательстве лишь способов ее определения представляется недостаточным. В связи с этим целесообразно вменить в обязанность работодателя принятие должностных инструкций и соответственно ввести в ТК РФ отдельную статью, посвященную порядку их разработки и утверждения, что позволит решить вопрос о наполнении трудовой функции непосредственно через содержание должностной инструкции. При этом следует установить правило об обязательности применения квалификационных справочников при определении содержания трудовой функции.

Нормы труда являются основными измерителями интенсивности меры труда, способом нормирования труда. Правовой характер нормы труда позволяет реализовать гарантии сторон трудовых правоотношений по определению загруженности работника и соответствующей оплате его труда, а также по выполнению работником его трудовых обязанностей, норм труда на основе принципов обоснованности норм труда, равной напряженности норм труда на одинаковых работах в идентичных условиях, сохранения основной производительной силы общества – работников, участия работников в установлении норм труда, соответствия норм труда достигнутому уровню техники, технологии, организации производства и труда, государственного участия в регулировании норм труда, обеспечения нормальных условий для выполнения норм труда.

При этом нормирование должно производиться комплексно, в их сочетании, с обязательным внедрением последних разработок экономики, психологии, физиологии, социологии и других наук.

Институциональный подход к формированию правовых основ нормирования труда позволит решить проблемы в правовом регулировании нормирования рабочего времени как способа нормирования труда: о законодательном закреплении предельной продолжительности ежедневной работы для беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, а также месячной и квартальной нормы сверхурочной работы, о распространении правил об ограничении сверхурочной работы на некоторые категории работников, о закреплении обязанности работодателя по установлению неполного рабочего дня по заявлению работников пенсионного и предпенсионного возраста, об установлении пропорциональной зависимости между фактически выполненной мерой труда и объемом некоторых трудовых прав работников при работе на условиях неполного рабочего времени, о законодательном закреплении максимальной продолжительности работы при ненормированном рабочем дне, о введении запрета на привлечение к работе на условиях режима ненормированного рабочего дня лиц в возрасте до 18 лет, беременных женщин и работников, работающих на вредных, тяжелых, опасных работах [4]; в законодательной регламентации порядка установления содержания трудовой функции; обязанности работодателя по установлению норм труда на основе принципов обоснованности норм труда, равной напряженности норм труда на одинаковых работах в идентичных условиях, сохранения основной производительной силы общества – работников, участия работников в установлении норм труда, соответствия норм труда достигнутому уровню техники, технологии, организации производства и труда, государственного участия в регулировании норм труда, обеспечения нормальных условий для выполнения норм труда [5].

Примечания

1. Редикульцева Е. Н. Правовое регулирование норм труда в советский период: 1917–1941 гг. // Социальное и пенсионное право. 2008. № 2. С. 29–32.
2. Редикульцева Е. Н. Правовые методы регулирования нормирования труда // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. Т. 1. № 3. С. 86–89.
3. Редикульцева Е. Н. Ответственность сторон трудовых отношений за невыполнение обязанностей в сфере нормирования труда // Социальное и пенсионное право. 2009. № 3. С. 27–29.
4. Редикульцева Е. Н. Актуальные проблемы правового регулирования рабочего времени // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2(1). С. 64–67.
5. Редикульцева Е. Н. К вопросу о правовом регулировании установления и введения норм труда // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. Т. 1. № 3. С. 94–97.

Notes

1. Redikulceva E. N. *Pravovoe regulirovanie norm truda v sovetskij period: 1917–1941 gg* [Legal regulation of labor standards in the Soviet period: 1917–1941] // *Social'noe i pensionnoe pravo - Social security and pension law*. 2008, No. 2, pp. 29–32.
2. Redikulceva E. N. *Pravovye metody regulirovaniya normirovaniya truda* [Legal regulation of work measurement] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of Vyatka state University of Humanities*. 2008, vol. 1, No. 3, pp. 86–89.
3. Redikulceva E. N. *Otvetstvennost' storon trudovyh otnoshenij za nevypolnenie obyazannostej v sfere normirovaniya truda* [Responsibility of the parties for failure to fulfill obligations in the sphere of regulation of labor] // *Social'noe i pensionnoe pravo - Social and pension law*. 2009, No. 3, pp. 27–29.
4. Redikulceva E. N. *Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya rabocheho vremeni* [Actual problems of legal regulation of working time] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of Vyatka state University of Humanities*. 2010, No. 2(1), pp. 64–67.
5. Redikulceva E. N. *K voprosu o pravovom regulirovanii ustanovleniya i vvedeniya norm truda* [To the question of the legal regulation of the establishment and introduction of labor standards] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta - Herald of Vyatka state University of Humanities*. 2012, vol. 1, No. 3, pp. 94–97.

УДК 343.721

О. В. Журкина

Актуальные проблемы предупреждения мошенничества с использованием платежных карт

В статье исследуются актуальные вопросы квалификации и предупреждения мошенничества с использованием платежных карт, с учетом изменений в Уголовном кодексе РФ. Рассматривается понятие платежной карты как предмета преступления, проводится анализ судебной практики по квалификации преступлений с использованием платежных карт. Также в статье раскрываются наиболее распространенные способы мошенничества с платежными картами; исследуются основные направления повышения защиты операций с платежными картами и выдвигаются предложения по повышению безопасности расчетов с использованием платежных карт со стороны банков, торговых организаций и держателей платежных карт.

In article topical issues of qualification and the fraud prevention with use of payment cards, taking into account changes in the Criminal code of the Russian Federation are investigated. In article the concept of a payment card as crime subject is considered, but also the jurisprudence analysis on qualification of crimes with use of payment cards is carried out. Besides in article the most widespread ways of fraud with payment cards reveal. In article the main directions of increase of protection of operations with payment cards are investigated and offers on increase of safety of calculations with use of payment cards move forward from banks, trade organizations and from holders of payment cards.

Ключевые слова: мошенничество, платежная карта, эмитент, защита, кража, пин-код, обман, банкомат, безопасность, транзакция.

Keywords: fraud, payment card, issuer, protection, theft, PIN code, deception, ATM, safety, transaction.

Согласно статистике Центрального Банка РФ на 01 апреля 2014 г., в РФ эмитировано кредитными организациями почти 220 миллионов платежных карт. Из них 86,3% составляют расчетные карты и 13,7% – кредитные карты. Объем платежных операций с использованием пластиковых карт в I квартале 2014 г. составил 1 329,3 млрд руб. Значительный процент составляют операции по снятию наличных денежных средств – 79,4%, операции по оплате товаров и услуг с использованием платежных карт составляют 20,6%, однако их число с каждым годом увеличивается [1].

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ в Уголовный кодекс РФ был внесен ряд изменений в области уголовной ответственности за специфические виды мошенничества, в том числе за мошенничество с использованием платежных карт. Законодатель сформулировал состав как хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации.

Таким образом, хищение с использованием платежных карт может быть квалифицировано по ст. 159.3 УК РФ в том случае, когда лицо обманом ввело в заблуждение уполномоченного работника торговой, сервисной или кредитной организации (например, путем оплаты товаров и услуг, когда лицо ставит подпись в чеке на покупку вместо законного владельца карты). Не образует указанного состава преступления хищение с использованием платежной карты в случае, если лицо обналичило денежные средства, зная код доступа посредством банкомата. В указанном случае действия лица надлежит квалифицировать как тайное хищение чужого имущества.

Так, по делу О. и К. было установлено, что они похитили через банкомат, с помощью украденной ранее банковской карты, принадлежащей М., достоверно зная пин-код, 89 000 руб., без участия уполномоченного работника банка, втайне от владельца счета и банка. Действия указанных лиц были квалифицированы по п «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ [2].

В то же время указанные способы хищения с использованием платежных карт являются не единственными. Международная платежная система выделяет несколько способов совершения мошенничества с использованием платежных карт: 1) мошенничество с украденными или утерянными картами; 2) мошенничество с использованием реквизитов карты; 3) мошенничество с использованием поддельной карты; 4) мошенничество с неполученными картами; 5) мошенничество с завладением счета; 6) иные способы мошенничества [3].

С каждым годом число преступлений, совершаемых с использованием платежных карт, неуклонно растет. Подобная тенденция характерна не только для России, но и для большинства стран, где широко используются платежные карты. На практике возникают значительные трудности с установлением и привлечением к уголовной ответственности виновных лиц, особенно в тех случаях, когда мошенничество было совершено с использованием сети Интернет.

В существующей ситуации одним из направлений борьбы с преступлениями в сфере использования платежных карт является их предупреждение. «Накопленный международный опыт по внедрению программ карточных платежных систем в разных странах показал, что развитие преступных методов и способов подчиняется определенным закономерностям, и преступность в сфере пластиковых карт развивается параллельно с самой индустрией карт» [4].

По мнению многих специалистов, основной задачей для предупреждения и выявления мошенничеств с использованием пластиковых карт на ранней стадии их совершения является прежде всего обеспечение: а) сопровождения операций с пластиковыми картами в рамках проводимой банками платежной системы; б) безопасности операций с пластиковыми картами на национальном уровне; в) безопасности операций с пластиковыми картами в рамках конкретного банка; г) сотрудничества службы безопасности эмитентов и торговых организаций с правоохранительными органами [5].

Основным видом мошенничества в РФ на настоящий момент является мошенничество с утерянными и украденными картами. Карты используются для получения денежных средств в банкоматах в случае, если виновному лицу известен пин-код или в торговых точках при приобретении товара, когда кассир вследствие халатности или загруженности, нарушая правила, продает товар человеку, не являющемуся владельцем карты.

«К распространенному типу мошенничества относится также использование поддельной карты с данными магнитной полосы чужой карты (скимминг – *skimming* – копирование данных магнитной полосы карты). Существует несколько видов скимминга: 1) сетевое проникновение в

крупные процессинговые центры, компрометация данных карт; 2) подключение к POS-терминалам техники в торговых точках или использование переносных устройств в ресторанах; 3) организация фиктивных пунктов выдачи наличных (ПВН); 4) установка накладок на приемные устройства и клавиатуру банкоматов, перехватывающей спецтехники внутри них» [6].

С каждым годом увеличивается число мошенничеств с использованием платежных карт в сети Интернет. Наиболее распространенными местами совершения мошенничеств в сети Интернет являются места торговых операций (аукционов) и сделки по ним; различные службы и услуги Интернета; электронная торговля потребительскими товарами; компьютерное оборудование и программное обеспечение, схемы заработка на дому, аукционы, лотереи и другие. Для оплаты товара в интернет-магазинах достаточно указать реквизиты карточки, т. е. номер карты и CVC код, указанный на обороте. Данная информация может быть легко получена мошенниками, при осуществлении любой операции может произойти утечка информации, равно как и при утере или краже карты.

Значительный риск совершения мошенничества с использованием платежных карт создают такой маркетинговый ход банков, как рассылка кредитных карт. В качестве меры безопасности в данном случае выступает механизм активации карты по «горячей линии» банка и высылка пин-кода в отдельном конверте. Однако, как показывает практика, подобные меры не являются достаточной гарантией безопасности платежного средства. Например, обвиняемая Г., работая на почте, обнаружила конверт с кредитной картой на имя М., затем, реализуя преступный умысел, она путем обмана сотрудника банка активировала кредитную карту по горячей линии банка и впоследствии получила конверт с кодом доступа к карте. Полученный код доступа позволил ей беспрепятственно снимать наличные денежные средства посредством банкомата, чем она причинила ущерб М. на сумму в 20 000 рублей.

Предупреждение совершения данных категорий преступлений состоит прежде всего в повышении безопасности платежных карт и повышении контроля за их использованием.

Можно выделить три основных направления деятельности по предупреждению мошенничества с использованием платежных карт, по субъектам их реализации. В первую очередь речь идет о повышении безопасности и контроля со стороны кредитной организации, выпускающей карту, развитие системы 3Д безопасности в сфере оборота платежных карт, повышение уровня защиты платежных карт и ПО от несанкционированного доступа. Кроме того, необходимо неукоснительное соблюдение правил пользования и хранения пластикой карты, пин-кода и персональных данных со стороны самих пользователей платежных карт. На практике имеют место случаи, когда близкие родственники, коллеги и друзья неправомерно пользовались картой или с помощью реквизитов и персональных данных осуществляли транзакции по переводу денежных средств с расчетного счета карты.

Пользователю необходимо соблюдать простые правила безопасности при расчете через Интернет, а именно, для подобных расчетов лучше создать виртуальную карту либо открыть новый расчетный счет и получить новую карту, которая будет использоваться исключительно для покупок в сети, и переводить на нее денежные средства самостоятельно, не аккумулировать на ней значительных денежных средств. Кроме того, нельзя хранить пин-код от карты вместе с картой или в доступном месте, соответственно не передавать карту и пин-код третьим лицам, не сообщать его по телефону, даже если звонивший представится сотрудником банка. Соблюдение подобных простых мер безопасности позволит предупредить, а в некоторых случаях – сохранить гражданам принадлежащие им денежные средства.

Третьим направлением предупреждения мошенничества с использованием платежных карт является соблюдение правил совершения операций по оплате товаров и услуг работниками торговых организаций. Как показывает судебная практика, в большинстве случаев совершения данной категории преступления со стороны торговых работников допускалось нарушение правил проведения операций работниками торговых организаций. В нарушение требований у лиц, передающих карту на оплату, не требовались документы, удостоверяющие личность покупателя, не сверялся образец подписи на карте с подписью на чеке.

Можно согласиться с точкой зрения С. О. Лукьянова, который также выделяет несколько направлений по повышению безопасности расчетов с использованием платежных карт и мер по профилактике мошенничества с использованием платежных карт и реквизитов карт. По его мнению, необходимо применять следующие виды защиты: 1) программная защита – использование экспертной системы предоставления авторизации с целью повышения каче-

ства обслуживания держателей банковских карт и предотвращения возможных случаев; 2) аппаратная защита – техническое обеспечение банкоматов, в том числе установка анти-скимминговых устройств, совершенствование механизма карт; 3) юридическая защита. Необходимо вводить строгие правовые нормы, контролирующей деятельностью не только банков, но и торговых точек, в которых должна быть предусмотрена ответственность сторон за нарушение правил обращения платежных карт; 4) страховая защита. Возможен такой путь решения рассматриваемой проблемы, как формирование резервов, из которых будут безоговорочно возмещаться средства клиентам, пострадавшим от мошенничества. Данные резервы можно формировать как за счет банка, так и в виде страховки; 5) профилактическая защита. К этой категории можно отнести лимитирование по сумме транзакции, т. е. ограничение суммы на операцию в банкомате и покупку в торговой точке, а также повышение финансовой и юридической грамотности населения в сфере обращения платежных карт [7].

В. М. Кузин выделяет два пути совершенствования безопасности платежных карт, а именно: 1) замена уязвимых технологий в области разработки, создания платежных карт и контроля над операциями с их использованием, миграция на более безопасные технологии; 2) защита существующих уязвимых технологий дополнительными мерами безопасности [8].

Изложенное позволяет сделать вывод, что предупреждение мошенничества с использованием платежных карт остается на настоящий момент одним из актуальных вопросов в сфере защиты права собственности граждан и обеспечения их интересов. Полагаем, что необходимо разрабатывать и внедрять меры по повышению безопасности платежных операций с использованием банковских карт, а также внести необходимые изменения в правовую сферу по вопросам регулирования правил обращения платежных карт. Представляется, что реализация предложенных мер, а также более тесное взаимодействие банковских и торговых организаций с правоохранительными органами позволит уменьшить число хищений, совершенных с использованием платежных карт.

Примечания

1. Статистика Центрального Банка России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet007.htm&pid=psRF&sid=ITM_12859
2. Приговор Златоустовского городского суда Челябинской области // Портал Росправосудие. URL: <https://rospravosudie.com/court-zlatoustovskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-107241102/>
3. См.: Лукьянов С. О. Мошенничество с использованием банковских карт в России: современное состояние и виды защиты // Вестник ТГЭУ. 2012. № 2. С. 117–118.
4. Анчабадзе Н. А., Попов Е. С. Отдельные вопросы предупреждения мошенничеств с использованием пластиковых карт на ранней стадии их совершения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2. С. 41–48.
5. Гамза В. А., Ткачук И. Б. Совершенствование механизма обеспечения безопасности участников рынка ценных бумаг // Управление в кредитной организации. 2011. № 5.
6. Лукьянов С. О. Указ. соч. С. 119.
7. Там же. С. 120.
8. Кузин М. В. Современные методы противодействия мошенничеству с банковскими картами // Безопасность информационных технологий. 2012. № 3. С. 35–37.

Notes

1. Statistics Of The Central Bank Of Russia. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/p_sys/print.aspx?file=sheet007.htm&pid=psRF&sid=ITM_12859 (in Russ.)
2. Sentence of the Zlatoust city court of Chelyabinsk region // Portal Rospravosudiye. Available at: <https://rospravosudie.com/court-zlatoustovskij-gorodskoj-sud-chelyabinskaya-oblast-s/act-107241102/> (in Russ.)
3. See: Lukyanov S. O. *Moshennichestvo s ispol'zovaniem bankovskih kart v Rossii: sovremennoe sostoyanie i vidy zashchity* [Fraud with use of cash cards in Russia: current state and types of protection] / *Vestnik TGEHU* - TGEU Bulletin. 2012, No. 2, pp. 117-118.
4. Anchabadze N. A., Popov E. C. *Otdel'nye voprosy preduprezhdeniya moshennichestv s ispol'zovaniem plastikovykh kart na rannej stadii ih soversheniya* [Single questions of the prevention of frauds with use of plastic cards at an early stage of their commission] // *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii* - Herald of Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2012, No. 2, pp. 41-48.
5. Gamza C. A., Tkachuk I. B. *Sovershenstvovanie mekhanizma obespecheniya bezopasnosti uchastnikov rynka cennykh bumag* [Improvement of the mechanism of safety of participants of securities market] // *Upravlenie v kreditnoj organizacii* - Management in the credit organization. 2011, No. 5.
6. Lukyanov S. O. Op. cit. P. 119.
7. Ibid. P. 120.

8. Kuzin M. V. *Sovremennyye metody protivodejstviya moshennichestvu s bankovskimi kartami* [Modern methods of counteraction to fraud with cash cards]// *Bezopasnost' informacionnyh tekhnologij - Safety of information technologies*. 2012, No. 3, pp. 35-37.

УДК 349.2

М. М. Мухлынина

О некоторых особенностях разработки и внедрения профессиональных стандартов в трудовом законодательстве РФ

В современных условиях одним из важнейших направлений развития трудового законодательства является нормативно-методическое и информационное обеспечение решения вопросов правового регулирования и обновления действующей системы квалификационных требований к работникам. Отсутствие законодательного определения ряда понятий, условий, процедурных положений в правовом регулировании системы квалификационных требований к работникам затрудняет реализацию целей и задач трудового законодательства в целом, а в частности, порождает проблемы в регулировании вопросов установления и введения требований к работникам при приеме на работу, определения содержания трудовой функции и т. д. Большинство ученых, занимающихся вопросами трудового права, приходят к выводу о необходимости развития правового регулирования и обновления действующей системы квалификационных требований к работникам. Разрыв между реалиями рынка труда и системой образования таков, что работодателям часто приходится переучивать вчерашних выпускников, а также проводить адаптацию работников длительное время. В этих целях подготовлена программа обновления действующей системы квалификационных требований к работникам и по поручению Правительства Российской Федерации Минтрудом России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, общероссийскими объединениями работодателей, общероссийскими объединениями профсоюзов, ведущими профессиональными ассоциациями при участии образовательных учреждений высшего профессионального образования организована разработка профессиональных стандартов. Насколько необходимо обращение к вопросам правового регулирования и обновление действующей системы квалификационных требований к работникам, разработка профессиональных стандартов, каковы современные тенденции такого развития, рассмотрим далее.

In modern conditions as one of the most important directions of development of labour law is normative-methodical and information support of the decisions of regulatory matters and update of the existing system of qualification requirements for the employees. The lack of legal definitions of several terms, conditions, procedural provisions in the legal regulation of the system of qualification requirements for workers is difficult to implement the goals and objectives of labour legislation in General and, in particular, causes problems in the regulation of the establishment and introduction of requirements to employees upon hiring, the determination of the labour function, etc. Most scholars dealing with issues of labour law, come to the conclusion about necessity of development of legal regulation and upgrade of the existing system of qualification requirements for the employees. The gap between the realities of the labour market and education system is that employers often have to retrain yesterday's graduates, as well as to carry out the adaptation of the workers for a long time. For these purposes, the plan update existing system of qualification requirements for the employees and on behalf of the Government of the Russian Federation Ministry of labor together with interested Federal Executive authorities, the employers' associations, trade unions, the leading professional associations with the participation of educational institutions of higher professional education organized the development of professional standards. How should appeal to regulatory matters and update of the existing system of qualification requirements for the employees, the development of professional standards, what are the current trends of this development will be discussed further.

Ключевые слова: профессиональные стандарты, системы квалификационных требований к работникам, оценка квалификации кадров.

Keywords: professional standards, system requirements for the qualifications of employees, assessment of professional skills.

В целях реализации пункта 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» и по поручению Правительства Российской Федерации Минтрудом России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, общероссийскими объединениями работодателей, общероссийскими объединениями профсоюзов, ведущими профессиональными ассоциациями при участии образовательных учреждений высшего профессионального образования организована разработка профессиональных стандартов [1].

Почему же возникла потребность разработки и введения профессиональных стандартов? Разрыв между реалиями рынка труда и системой образования таков, что работодателям часто приходится переучивать вчерашних выпускников, а также проводить адаптацию работников длительное время. В этих целях подготовлена программа обновления действующей системы квалификационных требований к работникам. Это неизбежно приведет к изменению или дополнению образовательных программ. Таким образом, произойдет настройка системы образования к требованиям бизнеса.

Профессиональные стандарты являются одним из ключевых элементов национальной системы квалификации, увязывающим требования рынка труда с системой образования, создают условия для осуществления профессиональной подготовки работников с учетом современных требований рынка труда, проведения аттестации, оценки квалификации кадров, а также профориентации.

Профессиональный стандарт – это документ, определяющий требования к квалификации работника, необходимой для осуществления профессиональной деятельности.

Профессиональный стандарт будет служить основой для разработки образовательных стандартов.

Для методического обеспечения разработки профессиональных стандартов приказами Минтруда России были утверждены:

1. Макет профессионального стандарта.
2. Методические рекомендации по разработке профессиональных стандартов.
3. Уровни квалификаций в целях подготовки профессиональных стандартов.

При Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации созданы несколько советов по обсуждению профессиональных стандартов. Это Экспертный совет по профессиональным стандартам, в состав которого вошли представители работодателей, профсоюзов, федеральных органов исполнительной власти и эксперты. Координационный совет, который займется обсуждением профессиональных стандартов, к работе которого планируется широко привлекать профсоюзы. «Мы будем очень тесно сотрудничать с представителями работников», – сообщила замминистра Любовь Ельцова.

До 2015 г. должно появиться не менее 800 профессиональных стандартов. На эту работу в проекте федерального бюджета предусмотрено по 200 млн рублей в 2013 и в 2014 гг. [2]

На основе предложений федеральных органов исполнительной власти, отраслевых объединений работодателей, отраслевых объединений профсоюзов, ведущих профессиональных ассоциаций Минтрудом России сформирован перечень из 805 профессиональных стандартов, подлежащих разработке, включая приоритетные направления развития экономики.

Бизнес должен сам написать себе новые профстандарты, заявила «РБГ» замминистра труда и соцзащиты Любовь Ельцова [3].

По мнению работодателей, чиновник не может написать хороший профессиональный стандарт, поэтому работу организовали таким образом, что ключевыми разработчиками являются работодатели. Они будут заявляться от профессионального сообщества на подготовку профстандартов.

Государство же, в свою очередь, поможет в части соответствия с законодательством, окажет организационно-методическую поддержку. Но самый главный вопрос в том, чтобы активность шла как раз от бизнеса, от профессиональных сообществ.

Очень важно сказать о том, как будет построена работа над профстандартами. Правительство утвердило план разработки профстандартов, который сформирован на основе общероссийского классификатора занятий и включает 11 групп профессий. На основе экспертной оценки определено количество профстандартов – около 800 единиц. Таким образом, новая система квалификаций будет представлять собой более укрупненные характеристики квалификационных требований по сравнению с действующей системой справочников (ЕТКС,

ЕКС), которая насчитывает свыше 7,5 тыс. работ и профессий рабочих, должностей служащих и специалистов. Итог – появятся базовые профессиональные стандарты, на основе которых еще могут развиваться и отраслевые системы, и корпоративные. Планируется, что профессиональные сообщества или работодатели будут заинтересованы выходить с заявкой, какой профессиональный стандарт они хотели бы разработать [4].

После того как профессиональный стандарт будет разработан, очень важно, чтобы его одобрило профсообщество и работодатели – те, кто непосредственно заинтересован в этих квалификационных требованиях к специалистам. Таким образом, самая главная функция экспертного совета – принять профессиональный стандарт, или, если члены совета посчитают нужным, отклонить либо отправить на доработку или экспертизу. А уже после одобрения экспертным советом профстандарт будет утвержден приказом Минтруда России. Первоочередная же задача – определить вместе с работодателями, профессиональными сообществами и профсоюзами, какова будет структура типового макета профессионального стандарта. Его основа сегодня уже есть – Российский союз промышленников и предпринимателей разрабатывает профстандарты уже несколько лет.

Профессиональные стандарты, которые будут разработаны на федеральном уровне, будут носить рекомендательный характер для бизнеса. Работодатель, ориентируясь на них для управления персоналом, при выработке штатного расписания, при аттестации работников будет уже конкретно формулировать свои локальные документы. Вопрос аттестации работников отрегулирован законодательством и не является новацией для работодателей и работников.

Но и действующие ЕТКС и ЕКС носят рекомендательный характер. За исключением определенных профессий, по которым предусмотрены льготы и компенсации, – там для работодателя более жесткие ограничения в части использования наименования профессий, должностей или вида работ. Рекомендательный характер этих справочников не мешает строить системы – и оплаты труда, и обучения. К сожалению, действующую систему ЕТКС, ЕКС уже сложно реформировать. Поэтому создается новая система в виде профессиональных стандартов. В инициативном порядке разработка профессиональных стандартов уже началась. Есть утвержденная дорожная карта Агентства стратегических инициатив по развитию национальной системы квалификаций, в которой прописана необходимость такой работы. Очень много проектов в регионах, очень активно развивается проект в Уральском федеральном округе – там запланирована разработка профстандартов в строительной сфере. И теперь нам очень важно создать общую базу и все новации, которые есть сейчас на территории Российской Федерации, интегрировать в единую систему. Перед нами поставлена амбициозная задача: разработать за два года восемьсот стандартов. Это большая, тесная работа со всеми заинтересованными участниками.

По состоянию на 20 декабря 2013 г. в Минтруда России представлено 288 проектов профессиональных стандартов, в том числе выполненных за счет собственных средств – 52 профессиональных стандарта.

Экспертным советом по профессиональным стандартам при Минтруда России согласованы 192 профстандарта, в том числе в области автомобилестроения, сварочных работ, информационных технологий, патентоведения, атомной и космической отрасли, социальной сфере. 19 профессиональных стандартов утверждены Минтруда России и направлены на государственную регистрацию в Минюст России [5].

В разработке профессиональных стандартов принимают активное участие крупные компании. В ОАО «РЖД» в настоящее время ведется разработка 10 профессиональных стандартов, уточняется перечень профессиональных стандартов на 2014 г. Объединенной авиастроительной корпорацией запланирована разработка восьми профессиональных стандартов. Компании нефтегазовой отрасли (ОАО «НК «Роснефть», ОАО «НК «ЛУКОЙЛ» и др.) запланировали разработку 32 профстандартов, из них 12 – внесено на экспертизу в Минтруда России. В электроэнергетике и угольной отрасли (Межрегиональное отраслевое объединение работодателей поставщиков энергии, Объединение работодателей электроэнергетики, Объединения работодателей угольной промышленности, Сибирской угольной энергетической компании и др.) запланирована разработка 33 профессиональных стандартов. В сфере строительства негосударственной некоммерческой организацией «НОСТРОЙ» при участии профильного министерства инициативно разрабатывается 15 профессиональных стандар-

тов. Фонд инфраструктурных и образовательных программ (РОСНАНО) инициативно разработал в текущем году 12 профессиональных стандартов, на 2014 г. запланировано 30 профстандартов [6].

Таким образом, профессиональный стандарт – это живая система, которая требует постоянных изменений. Нужно будет дополнять стандарты с периодичностью в три года, по каким-то позициям – раз в пять лет. На уровне организаций профстандарты призваны использоваться для определения трудовых функций работников, разработки штатных расписаний, должностных инструкций, тарификации работ, разработки систем оплаты труда, планирования обучения работников, их профессиональной карьеры.

Профессиональные стандарты будут помогать и системе образования, и самому работнику, и работодателю выстраивать по-новому работу с учетом эффективной системы квалификаций.

Примечания

1. Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», п. 1. URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/inter>
2. Российская бизнес-газета. 2012. 20 ноября. URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/inter>
3. Там же.
4. Профессиональные стандарты. Трудовые отношения и занятость населения: итоги года. 27 декабря 2013 г. URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/inter>
5. Мухлынина М. М. Особенности разработки и внедрения профессиональных стандартов в трудовом законодательстве Российской Федерации // Российское право: опыт, проблемы и перспективы: сб. материалов X Межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. Г. Травина. Киров: Киров. филиал МГЭИ, 2014. С. 49–54.
6. Там же.

Notes

1. Decree of the President of the Russian Federation dated may 7, 2012 No. 597 "On measures on realization of the state social policy", p. 1. Available at: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/inter> (in Russ.)
2. Russian business newspaper. 2012. 20 November. Available at: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/inter> (in Russ.)
3. Ibid.
4. Professional standards. Labor relations and employment: results of the year. December 27, 2013 Available at: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/inter> (in Russ.)
5. Mukhlynina M. M. *Osobennosti razrabotki i vnedreniya professional'nyh standartov v trudovom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii* [Peculiarities of the development and implementation of professional standards in the labour legislation of the Russian Federation] // *Rossijskoe pravo: opyt, problemy i perspektivy: sb. materialov X Mezhhregion. nauch. prakt. konf.*- Russian law: experience, problems and prospects: Proc. of X Interregional scient.-practical conf. / resp. ed. I.G. Travina. Kirov: Kirov branch of MHEI. 2014. Pp. 49-54.
6. Ibid.

Становление и развитие категориального аппарата имагологии

Статья посвящена анализу основных понятий, составляющих инструментарий имагологии – раздела современной литературоведческой компаративистики, изучающего рецепцию и репрезентацию национальных образов в литературе. Основное внимание уделено таким категориям, как стереотип, имагема, национальный образ, рассмотренным в связи с исканиями крупнейших представителей западных имагологических школ – Д.-А. Пажо, Й. Леерссена, Д. Дукича.

The article is focused on the main concepts constituting the inventory of imagology, a branch of contemporary literary comparatism which studies reception and representation of national images. The categories of stereotype, imageme, national image are considered in the context of theoretical approaches of the major representatives of Western imagological schools – D.-A. Pageaux, J. Leerssen, D. Dukic.

Ключевые слова: компаративистика, имагология, национальный образ, стереотип, имагема, клише, культурная иконография.

Keywords: comparative studies, imagology, national image, stereotype, imageme, cliché, cultural imagery.

Современная имагология, исследующая категории своего/чужого и их воплощение, прежде всего в текстах литературы, опирается на структурно-функциональный метод: ее задача заключается в том, чтобы выявить компоненты национального образа, охарактеризовать его в историко-культурном контексте и определить, как он воплощается в текстовых структурах в качестве некоего «воображаемого», «дискурсивной сущности». В круг понятийных структур имагологии, сформировавшихся во второй половине XX в., наряду с образом (имиджем) входят соотносимые с ним понятия «клише» и «стереотип». Вначале мы сосредоточимся на категории стереотипа, справедливо названного В. Б. Земсковым «одним из самых мощных средств формирования картины мира других/чужих, наиболее древним и живучим, практически неумиряющим способом имагологического культуротворчества» [1]. Его изучение осуществлялось, в основном, в рамках социологии и социальной психологии, разработки которых были восприняты имагологами.

Первая попытка научного анализа стереотипов была предпринята американским ученым У. Липпманом в работе «Общественное мнение» (1922). Он представлял их как «умственные картины», типы, модели, стандартные представления, которые предшествуют эмпирическому опыту и определяют его: «Мы, главным образом, идем не от наблюдения к суждению, а наоборот, сначала определяем свою позицию, а затем оцениваем воспринятое на основе сложившихся мнений. Из великого разнообразия внешнего мира мы выбираем то, что предопределено нам культурой, и оцениваем то, что выбрали, сквозь призму культурных стереотипов... Мы замечаем черту, которая маркирует известный тип, и дополняем остальную часть картины с помощью стереотипов, закрепленных в сознании» [2]. Стереотипы, по Липпману, консервативны (хотя и способны к изменениям), часто отражают предрассудки, но при этом они значимы как средство ориентации индивида в окружающем мире, социализации.

В 1930–1970-х гг. исследователи основное внимание уделяли характеристике стереотипов как чрезмерно обобщенных, не вполне достоверных представлений, образов, репрезентаций, отличительной чертой которых является инертность, неизменяемость (эту точку зрения разделяли Д. Кац и К. У. Брэйли, Т. Адорно) [3].

Начиная с 1970-х гг., как отмечает Л. Р. Мойле, на первый план выдвигаются социально-когнитивные подходы к изучению стереотипов (Г. Олпорт и др.), выявляется их роль в формировании социальной идентичности (А. Тайфель) [4]. Учёные рассматривают стереотипы как минимум на двух уровнях [5]: как когнитивные структуры (изучается вопрос о том, как они связаны со структурами памяти, как на них влияют познавательные процессы личности) и как дискурсивные категории (в этом случае исследуется их лингвистическая и риторическая структура).

Большим авторитетом среди имагологов пользуются труды Марко Синиреллы, который рассматривает стереотипы в контексте проблем социальной психологии. Он понимает стереотип как «систему представлений, которые ассоциируют отношения, поведение и личностные характеристики с членами какой-либо социальной категории», социальной группы. Это определение, по справедливому замечанию ученого, отличается от большинства традиционных дефиниций тем, что не закрепляет за стереотипом «внерационального содержания, негативных функций и уничижительных оценок» [6]. Более того, для М. Синиреллы стереотип не существует как некая застывшая категория: ученый выделяет активные (действующие, воспроизводящиеся в медиасфере, искусстве и т. д.) и дормантные («спящие») стереотипы. Последние могут актуализироваться под влиянием определенных исторических условий, социально-политических причин, поэтому должны быть предметом пристального внимания экспертов, особенно в межнациональных отношениях.

В трактовке стереотипа М. Синирелла развивает концепцию социальной идентичности Анри Тайфеля. Согласно Тайфелю, личная идентичность индивида зависит от группы, к которой он принадлежит; социальные идентичности неоднородны, разнородны, реализация их отдельных элементов ситуативно обусловлена; члены социальных групп стремятся к «позитивной» социальной идентичности, т. е. повышают статус своей группы, противопоставляя себя другим; внутри группы акцентируется общность признаков, а при сравнении с другими социальными группами особо выделяются не сходства, а различия [7].

А. Тайфель разработал также функциональную теорию стереотипов, согласно которой они выполняют три основные функции: социальной каузальности, мотивации и дифференциации. В первом случае стереотипы помогают социальной группе ориентироваться в сложных реалиях современного мира, во втором – обосновывать, оправдывать поведение по отношению к другим группам, в третьем – сохранять отличия от других групп [8]. Эти функции могут быть распространены и на национальные стереотипы.

Многие социологи поддерживают определение стереотипа как «обобщения относительно группы людей, в котором отдельные характеристики приписываются практически всем членам группы вне зависимости от того, в какой мере они присущи каждому из них» [9].

Таким образом, стереотипы осмысливаются как конструкты, образы-«фикции». В связи с этим в имагологии широко обсуждается проблема их соотношения с реальной действительностью. Г. Баузингер указывает, что, несмотря на избыточную генерализацию, они, как правило, обобщают некоторые реальные черты социальных групп; упрощая действительность и схематизируя поведенческие установки, стереотипы облегчают ориентацию индивида в социуме; наконец, они являются средством порождения «новой реальности», поскольку создают возможные модели идентификации [10].

В настоящее время стереотип определяют как набор качеств, характерных черт определенной социальной группы, представляющих собой «гибкие конструкции, способствующие интерпретации и мотивировке внутригрупповых отношений» [11]. Стереотипы выступают как средство «когнитивного структурирования среды индивидом» и как неотъемлемая часть социальной идентичности [12]. Субъект, идентифицирующий себя с социальной группой, принимает ее установки (автостереотипы), в то время как отношения к другим социальным группам определяются гетеростереотипными представлениями. Социальными психологами было доказано, что чаще всего автостереотипы имеют положительную направленность, в то время как гетеростереотипы содержат негативные оценки (к примеру, оценки собственного национального характера гораздо более благоприятны, чем представления об образах других наций) [13]. Кроме того, автостереотипы более сложно организованы, в то время как гетеростереотипы в большей степени схематизированы и представляют характеристики той или иной группы, общности в искаженно-преувеличенном виде.

Национальные стереотипы в имагологии получили множество определений. Их называют средством формирования идентичности (Л. Р. Мойле), культуротворческими феноме-

нами (В. Б. Земсков), общественно-историческими мифами (В. А. Хорев), тропами, существующими в интертексте культуры (Й. Леерссен).

Возникновение национальных стереотипов связано с ранними периодами формирования этносов, этнического сознания, с архаическими формами «культурного различия», такими как «мы/они», «свой/чужой», что подтверждается эпическим фольклором [14]. В. Б. Земсков подчеркивает, что стереотипы являются «вечным инструментом создания и репрезентации других/чужих в процессе непрерывного имагологического культуротворчества» [15].

Итак, стереотипы отличаются стабильностью, исторической устойчивостью и могут выступать как мифы или символы, объясняющие социально-исторический опыт той или иной национальной общности. Кроме того, гетеростереотипы дают представления и о самой нации, их создающей: отражаясь в образе другого/чужого, она уточняет собственную идентичность.

Другими словами, «образы чужой жизни, складывающиеся в большом историческом времени в традицию, в инвариантные, устойчивые структуры сознания, отражающие исторический опыт своей нации, не только обогащают знания о другом народе, но, может быть, в первую очередь характеризуют собственную этническую ментальность» [16].

Стереотипы в имагологии нередко отождествляют с предрассудками. Для того чтобы внести терминологическую ясность, Б. Мюттер предлагает основой стереотипа считать клише; группа клише образует предрассудки, а те в свою очередь формируют национальный образ [17]. Таким образом, ученый признает, что стереотипы обязательно связаны с деформациями, искажениями реальности.

По своей структуре национальные стереотипы неоднородны, и, хотя их отличают достаточное постоянство и инертность, в процессе исторического развития выявляются их константы и переменные составляющие. Варианты стереотипа, контрастно противостоящие друг другу, получили названия имагем.

Несмотря на то что национальные стереотипы обладают теми же характеристиками, что и социальные (оценочный характер, аксиологичность, эмотивная окрашенность), они отличаются меньшей динамикой и более долгой «родословной». Кроме того, «этническая и национальная принадлежность – относительно устойчивые элементы идентичности индивида, влияющие на его жизнь с очень раннего возраста», их, в отличие от социального окружения и социальных установок, сложно изменить [18].

Одну из лаконичных и в то же время ёмких и объективных характеристик национального стереотипа дал польский ученый Адам Шафф:

а) его предметом являются прежде всего определенные группы людей (расовые, национальные, классовые, политические, профессиональные, по половому признаку и т. п.), а также – вторично – общественные отношения между ними (например, стереотип революции);

б) его генезис является общественным, то есть он передается личности как выражение общественного мнения путем воспитания в семье и среде, независимо от личного опыта;

в) в связи со своей оценивающей функцией он несет определенную эмоциональную нагрузку (негативную или позитивную);

г) с точки зрения правдивости стереотип либо полностью противоречит фактам, либо соответствует им частично, создавая видимость полной правдивости своего содержания;

д) он долговременен и устойчив к изменениям, что связано с независимостью стереотипа от опыта с его эмоциональной нагрузкой;

е) перечисленные выше черты дают возможность реализации общественной функции стереотипа, заключающейся в защите принятых обществом или группой ценностей и оценок, индивидуальное усвоение которых как обязывающей общественной нормы является условием интеграции личности в группу;

ж) он всегда связан со словом-названием (либо с выражением из нескольких слов), которое является импульсом, активизирующим содержание стереотипа в определенном контексте;

з) название, с которым связан стереотип, чаще всего служит также названием соответствующего понятия, что ведет к мистификации стереотипа как вида понятия, хотя стереотип принципиально отличается от понятия и с точки зрения общественной и познавательной функции, и с точки зрения лежащего у их основ процесса создания соответствующих суждений [19].

Стереотипы служат структурными компонентами национального образа, его основой, и воплощаются в текстах культуры, формируют национальный текст литератур, интерпретация которого относится к числу задач имагологической науки.

Как уже говорилось, в состав стереотипов входят имагемы как структурно-содержательные компоненты национального образа. Понятие имагемы по-разному трактуется учеными: хорватский культуролог Д. Дукич называет ее «объектом стереотипизации» [20], финская исследовательница Р. Тарамаа полагает имагему мельчайшей единицей культурной иконосферы, входящей в состав стереотипа [21]; Й. Леерссен относит к имагемам полярные элементы стереотипа, семантика которых определяется бинарными оппозициями, манифестирующими «ролевые модели в воображаемом антропологическом ландшафте»: северный – рациональный / южный – чувственный; периферийный – вневременной / центральный – современный; западный – индивидуалистический, активный / восточный – коллективный, пассивный [22].

Как считает Давор Дукич, сосредоточенность имагологов на изучении отдельных имагем привела к значительному сужению проблемного поля перспективной науки, недооценке культурных контекстов. В связи с этим он разрабатывает собственный метод исследования национального текста культур, «культурную иконографию», в которой соединяются подходы современной имагологии с эссенциализмом прошедших столетий, проявившимся, в частности, в идеалистическом учении о «психологии народов», навеянном философией Фихте и Гегеля, представлениями о самобытности наций, определяемой «народным духом».

Создатели «психологии народов», немецкие ученые М. Лацарус и Х. Штайнталь, полагали, что нация является носителем коллективного, объективного духа (*objektiver Geist*), или народного духа (*Volksgeist*), который выражается в языке, мифологии, религии, фольклоре, литературе, искусстве, науке, обычаях. Каждое проявление «индивидуального духа» происходит из «объективного духа» и одновременно укрепляет и обогащает его. Процесс освоения индивидом национальных ценностей, образов, моделей, в представлении Лацаруса и Штайнталья, модифицируется апперцепцией (влиянием уже существующих в сознании образов). Также важным для последующего развития имагологии было положение Лацаруса о «сознании прошлого» (*Zeitbewusstsein*): в определенные исторические периоды национальное сознание обращено только к одной стороне «народного духа», в то время как другие стороны (группы образов) остаются не актуализированными.

Понятие индивидуальной национальной культуры как субъекта культурной иконографии, по Дукичу, аналогично «объективному духу» Лацаруса и Штайнталья, включающему разноречивые модусы (“objective spirits”), которые должны быть рассмотрены и в синхронии, и в диахронии, поскольку имагемы представляют собой «исторически сжатые образы» (понятие, соотносимое с *verdichtete Vorstellungen* немецких ученых – основателей «психологии народов»).

Культурная иконография конкретного периода включает ограниченное число релевантных имагем и не претендует на выражение целостной картины мира – это положение Дукич считает аналогичным принципу «суженного состояния духа» (*Ende des Geistes*), сформулированному И. Ф. Гербартом. Положение той или иной имагемы в центре или на периферии культурной иконографии зависит от системы ценностей той или иной культуры в конкретный период, и каждая имагема обязательно связана с соответствующей идеологией, что требует ее рассмотрения в широком контексте истории идей.

Культурная иконография, как подчеркивает Дукич, представляет собой идеальный конструкт и соотносится с индивидуальной иконографией, выраженной в произведении отдельного автора, как общее и частное, как «индивидуальный дух» и «объективный дух», если использовать фразеологию Лацаруса и Штайнталья.

Контекст, в котором рассматривается отдельная имагема, должен, по мысли Дукича, включать не только историю ее возникновения и разнообразных трансформаций, ее конгенитальность или противоречивость по отношению к имагемам других культур (как это делает традиционная имагология), но прежде всего анализ других значимых имагем из ее окружения в связи с соответствующими идеологиями. Концепция культурной иконографии, как полагает хорватский исследователь, призвана углубить характеристику авто- и гетерообразов конкретной культуры, преодолеть бинарность классической имагологии, основанной на анализе изолированных имагем.

Стереотипы и имагемы образуют структуру национального образа, который является предметом изучения ряда смежных с имагологией наук, в частности социологии, социальной психологии, теории коммуникаций. Начало его освоения некоторые ученые связывают с работой У. Липпмана «Общественное мнение» (1922), в которой говорится о «ментальных образах» действительности как формах стереотипизации. Значимой вехой в научном постижении образа как социальной категории была монография К. Боулдинга «Образ. Знание в жизни и обществе» (1956), в которой выстраивание образов, понимаемых как «структуры знания», связывается с предшествующим опытом индивида. В ней также акцентируется стабильность образа, устойчивого к трансформациям [23].

Дальнейший прогресс в изучении образов был обусловлен развитием психологии, разработкой теории когнитивных схем как «обобщенных структур знания, моделей мышления или правил» [24], а также концепции ментальных моделей как «репрезентаций, которые относятся не просто к понятийной структуре, связанной со специфическим восприятием или функцией, но к более широким общностям установок и представлений» [25]. По мнению О. К. Фальта, понятие когнитивной схемы соотносимо с понятием образа, а «ментальная модель» коррелирует с группой образов. Образы и схемы характеризуются «упрощением реальности, длительностью бытования и постоянством» [26].

Названные понятия не вполне проясняют интересующее нас содержание категории «образ» в плане изучения рецепции и представления национального, хотя и могут быть экстраполированы на сферу межкультурных коммуникаций. Имагологическое определение понятия «образ» имеет свою специфику, представляя собой «ментальную или дискурсивную репрезентацию или репутационный статус индивида, группы, этнической общности или нации» [27]. Фактологические, эмпирически достоверные суждения о нациях не относятся к имагологическим единицам, поскольку имагологический дискурс о национальном имеет «воображаемый» характер, утверждает Й. Леерссен [28]. Немецкий имаголог Манфред Беллер понимает образ как «ментальную картину “другого”, которая определяется характеристиками семьи, группы, племени, народа или расы». Как таковой, национальный образ формирует и поддерживает наши представления о других, иных, их оценки, поведение по отношению к ним [29].

Современная имагология оперирует понятиями автообраза (представлений о собственной общности) и гетерообраза (образа иной нации, этноса). Эти образы взаимозависимы, взаимообусловлены, отражаются друг в друге. Как отмечает К. Синдрэм, образы чужого, другого «комплементарно корреспондируют с представлениями о своем», о собственной идентичности [30].

Национальные образы представляют собой результат редукции, схематизации реальности, стремятся к инвариантным константам, которые заключены в топосах и клише, и поэтому их часто называют разновидностью стереотипов [31]. Мы не разделяем идею о тождественности национального образа и стереотипа, поскольку они находятся в отношениях частного и общего, первый служит структурным компонентом второго и, кроме того, большей подвижностью по сравнению с инертным стереотипом. Любопытна модель формирования национального образа, которую предлагает Б. Мюттер: первоэлемент образа и основа стереотипа – клише, которые, объединяясь в группы, образуют предрассудки, а те, в свою очередь, формируют национальный образ [32].

Т. Бляйхер считает, что если образ сохраняет устойчивость на протяжении значительного временного отрезка, он переходит в разряд стереотипов или клише [33]. На историческую динамику национальных образов указывает и Й. Леерссен: возможны «экспорт» автообраза какой-либо страны, в результате которого он начинает восприниматься иной культурой как гетерообраз; интериоризация гетерообраза в принимающей культуре как собственного автообраза; возможна имагологическая инверсия, когда национальный образ переходит в свою противоположность («контробраз») [34].

С другой стороны, национальный образ может оставаться достаточно стабильным на протяжении больших хронологических отрезков (примером служит образ Германии, созданный де Сталь, представляющий субъективное видение писательницей этой страны и определявший рецепцию Германии за ее рубежами).

Другим отличием национального образа от стереотипа является его содержательная и оценочная изменчивость. Классическим примером изменения валоризации является обла-

гораживание «дикаря», жителя европейских колоний, в предромантическую и романтическую эпохи: семантика национального образа видоизменяется и затрагивает традиционно оппозиционный Noble Savage образ француза: некогда «рафинированный», он начинает мыслиться как воплощение искусственности, претенциозности, которым противопоставлены искренность, честность, близость природе «естественного» человека [35].

Таким образом, в ходе эволюции национальных образов могут формироваться контробразы. Так, образ англичанина, представлявшего в XVIII в. холериком, склонным к суициду, в XIX столетии эволюционирует в тип флегматичного и чопорного денди. Возможны и целые «цепи» сменяющих друг друга контробразов: бытовавшие в XVII в. представления о немцах как «неотесанных невежах» сменяются их восприятием как глубокомысленных романтиков, художников в начале XIX в., и, наконец, в XX в. образ жителей Германии ассоциируется с духом педантизма, логики, систематизации [36].

Контробразы накапливаются в культуре, образуют многоярусные имагологические структуры, и в определенных условиях тот или иной их компонент актуализируется, обнаруживая «квазихарактерологическую полярность» национального образа, сочетающего, например, «страстность и высокомерие испанцев; утонченность и распушенность итальянцев; веселый нрав и рассудочную серьезность французов; обходительность и задиристость англичан, надмирность и кипучую энергию ирландцев; созерцательность и чувственность фламандцев и т. д.» [37]. Не случайно любую страну можно назвать страной контрастов, полярных качеств.

Также Леерссен оперирует понятием метаобраза, который выражает представления нации о том, как она воспринимается другими (такие образы воплощаются, например, в «Персидских письмах» Монтескье, пьесе Б. Шоу «Другой остров Джона Булля», романе Э. М. Форстера «Поездка в Индию») [38].

С другой стороны, имагологическое понятие образа коррелирует с его поэтологическим значением: художественный образ, в отличие от «плоскостного» стереотипа, многомерен и многозначен [39]. Как пишет В. Б. Земсков, «здесь мы имеем дело не с примитивно центрированным сознанием, а с плюралистичным, объемным, универсализированным видением другого/чужого. В образах искусства иной тип аксиологичности, более аналитический, усложненный, но главное, искусство воссоздает мир другого не как другого-чужого, а как другого-иного», нередко внося изменения в сложившиеся национальные образы [40].

При этом следует подчеркнуть, что литературоведческое и имагологическое значения понятия «образ» не совпадают. Известный французский имаголог Даниэль-Анри Пажо настаивает на том, что образ чужого – культурный факт и должен изучаться «как объект, как антропологическая практика, у него есть свое место и своя функция в мире символического, или воображаемого... которое неотделимо от любой социальной и культурной организации» [41]. Воображаемое в представлении Пажо – «выражение (в масштабе общества, общности, культурного целого) основополагающей биполярности», включающей «свое/чужое», «здесь/там», «сходное/различное» [42]. Ему близка данная Э. Патлажан трактовка воображаемого как «совокупности представлений, которые выходят за пределы опыта и закономерные дедуктивные ряды» и которые характерны для любой культуры, любого социума.

Образ – результат взаимодействия наблюдающей и наблюдаемой культур, к анализу которого Пажо применяет теорию «живого взгляда» Яна Старобинского, лингвистическое учение Э. Бенвениста, труды по семиотике Р. Барта и Ч. Пирса, мифологии М. Детьена, антропологии К. Леви-Стросса.

Так, развивая концепцию Я. Старобинского, он утверждает, что образ «чужого» в определенной мере является образом самой наблюдающей культуры: это и отрицание «иного», и дополнение, продолжение собственного «тела и пространства». Образ «чужого» проявляется как второй язык, сосуществующий с языком «я», дублирующий его. К нему приложимы, как считает Пажо, все признаки языка, выделенные Э. Бенвенистом: структурность, знаковый характер, соотношенность со всеми членами общности, единая реализация межличностного общения.

Д.-А. Пажо связывает образ с понятиями идеи, символа, знака и рассматривает его не в плане аналогии, а в референтном значении («релевантный образ, относящийся к идее, схеме или величине, предшествующей представлению» [43]). Образ как представление должен стать объектом семиотического рассмотрения, поскольку он обуславливает «вектор коммуникаций» и обладает, в терминах Р. Барта, «знаком-функцией».

Имагологический образ, по мнению Пажо, не может быть пан- или полисемичным (в отличие от образа-иконы и поэтического образа), поскольку он является представлением, результатом рецепционной замены, или подстановки. В связи с тем что дискурсы «чужого» не бесконечны, имагологические тексты относительно быстро программируются, кодируются и декодируются читателями. Выделить, проанализировать, объяснить эти типы дискурсов призвана имагология как наука, исследующая национальное воображаемое.

В структуре имагологического образа Пажо выделяет три компонента: слово, иерархическую зависимость и сценарий. Первичным структурным элементом образа являются группы лексем, или ключевых слов, которые исследователь называет вербальными «созвездиями», лексическими полями и которые раскрывают содержание концепта «чужой». С одной стороны, это слова, относящиеся к языку наблюдающей страны и служащие для характеристики страны наблюдаемой: к примеру, «гордость», «доблесть», «честь», «страсть» («fierté», «noblesse», «honneur», «passion») с XVII в. используются для характеристики испанского мужчины, «наблюдаемого» французской культурой. Составление таких лексических систем, их диахронический анализ – необходимый этап имагологического исследования, так как он помогает погрузиться в социальное и культурное воображаемое. Вторая группа ключевых слов – заимствования из языка наблюдаемой страны, вошедшие без перевода в язык, культурное пространство, воображаемое страны-реципиента. Эти неперебиваемые слова обозначают абсолютно чужие реалии: «идалго», «фанданго», «сомбреро», кастаньеты, мантильи («hidalgo», «fandango», «sombbrero», castagnettes, mantilles).

«Этим лексическим единицам и лексическим системам соответствуют, – пишет Д.-А. Пажо, – относительно простые процессы семантизации: слово неотделимо по своей природе и в своем функционировании от стереотипа», который «производит однозначные семантические реакции», т. е. служит однозначному декодированию имагологического образа [44]. Такие лексемы-ключи способствуют эссенциалистской интерпретации иной культуры. В отличие от них лексемы, которые Пажо называет «словами-фантазмами», обладающими виртуальными семами, служат не только для непосредственной речевой коммуникации, но и для передачи символического содержания. Пажо приводит в пример слова «гарем», «одалиска» и «пустыня», которые служат созданию «восточного воображаемого».

Второй компонент имагологического образа, выделенный Пажо, – иерархизированные отношения между наблюдающей и наблюдаемой культурами, связи, которые реализуются в нескольких полях (пространственно-временные рамки, тело «чужого», система ценностей «чужого», проявления его культуры в антропологическом значении термина). Ученый выделил три основополагающих типа иерархических отношений: фобию, манию, филию, которые могут найти выражение «в системе адъективации (определяющей иерархизации), в системе сравнений, эквивалентов, противопоставлений и экспликативных перифраз [45].

На этом уровне образ запрограммирован уже не в лексике, а в системе соположенных представлений. «Начиная со слов и иерархических отношений, образ постепенно развивается в сюжеты, в сцены в повествовательном и драматическом смысле термина. Образ становится сценарием, продолжением сцен, совокупность которых может смешиваться с имагологическим текстом в его целостности» [46]. В качестве примера Пажо приводит образ Испании, сложившийся во французской культуре под влиянием контактов двух стран, в том числе литературных взаимодействий, творчества Сервантеса, авантюрных романов. Его актуализация на протяжении долгого времени была связана с реализацией стереотипного сценария, отвечавшего имагологическим ожиданиям аудитории. Так, «написать об Испании означало обязательно, запрограммированно очутиться на скверном постоялом дворе, есть плохую пищу, оседлать осла, быть атакованным бандитами с большой дороги и т. д.» [47]. Фрагменты этого сценария реализованы в новелле П. Мериме «Кармен», а в одноименном произведении Бизе обращение к женскому типу и «сценам иберийской страсти» создало новые возможности для развития имагологической сюжеттики, связанной с гетерообразом Испании.

Таким образом, испанская культура послужила обогащению французского воображаемого, которое заполнилось не просто чужими реалиями, а сценариями и заархивированными образами. «На этом уровне воображаемое больше не является лексическим полем или антологией иерархических образов: оно есть библиотека, собрание коллективной памяти, очертания которой стремятся наложиться на национальное пространство» [48].

Имагологический образ на третьем, «сценарном», уровне коррелирует с понятием мифа, определяемого Пажо как знание, власть, как история той или иной общности и этическая

история, которая служит ее консолидации. В данном случае воображаемое окружает слово, «пучок отношений», придавая сценарию нормативную ценность и значение, которые встречаются только в мифе [49], причем мифологизации подвергаются только те «заархивированные» образы, которые постоянно присутствуют в культуре, актуализируются и пересматриваются, образуя интертекстуальный план имагологического текста, служащего инструментом символической коммуникации.

Присутствие имагологических текстов в культуре, по мнению Пажо, важно для ее самоопределения через противопоставление, сравнение с репрезентациями «чужого», которые помогают составить историю воображаемого. Воображаемое, безусловно, связано со становлением общества или общности, но «так как образ не является более или менее измененным воспроизведением некоей реальности, то воображаемое... также имеет собственную историю, свой ритм, свое собственное выражение» [50] (к примеру, национальный образ может быть анахроничным по отношению к текущим событиям).

Менее всего Пажо говорит о поэтологическом изучении национального образа, называя его «фантазией о чужом», которая основана на метафоре и метонимии как важнейших средствах символизации. Имагология «может проецировать, согласно Якобсону, принципы поэтики: изучение фантазии о “чужом”, изучение текстуального функционирования некоторого воображаемого от этого станет только подробнее и точнее» [51]. И, тем не менее, как указывает Д.-А. Пажо, культурный образ как образ «чужого», в отличие от образа поэтического, никогда не будет абсолютно автореферентным... из-за своего относительно запрограммированного характера, из-за иерархий и отклонений, в которых он отражается и формируется. Если культурный образ стремится стать символом, его символическое значение всегда относительно условно, оно устанавливается «не через текст или высказывание, которое его выражает, но через социальный и культурный код» [52].

Адекватное изучение национального образа предполагает исследование всех дискурсов о «чужом» в диахроническом и синхроническом аспектах, изучение социальных и исторических данных, учет сведений всего комплекса гуманитарных наук, с тем чтобы создать «всеобщую историю». Таким образом, изучение национального образа встраивается в идеологию новой исторической науки, «Школы Анналов», которая полагала необходимым рассматривать исторические события в большом историческом времени, выявлять фундаментальные процессы общественной жизни, опираясь на комплекс наук, анализировать все тексты той или иной эпохи, чтобы представить ее в единстве многочисленных связей.

Примечания

1. Земсков В. Б. Образ России на «переломе» времен (Теоретический аспект: рецепция и репрезентация «другой» культуры) // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. № 1. URL: <http://www.rngumis.ru>
2. Цит. по: Moyle L. R. Drawing Conclusions: An Imagological Survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British Cartoons and Caricatures, 1945–2000. Osnabrück, 2004. S. 13.
3. Ibid. S. 14.
4. Moyle L. R. Drawing Conclusions: An Imagological Survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British Cartoons and Caricatures, 1945–2000. Osnabruck, 2004. S. 13.
5. Cinirella M. Ethnic and National Stereotypes: A Social Identity and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice. Amsterdam, 1997. P. 38.
6. Ibid. P. 37.
7. Ibid. P. 43.
8. Ibid. P. 45–46.
9. Aronson E., Wilson T. D., Akert R. M. Social Psychology. Upper Saddle River, 2005. P. 434.
10. Bausinger H. Name und Stereotyp // Stereotypvorstellungen im Alltagsleben: Beiträge zum Themenkreis Fremdbilder, Selbstbilden, Identität / ed. H. Gerndt. München, 1988. S. 13. Цит. по: Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / ed. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: N. Y., 2007. P. 430.
11. Oakes P., Haslam A., Turner J. Stereotyping and Social Reality. Oxford, 1994. P. 211–212..
12. Moyle L. R. Op. cit. P. 13.
13. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 429.
14. Земсков В. Б. Цит. соч.
15. Там же.
16. Там же.

17. *Mütter B.* Stereotypen und historisches Lernen // Historische Stereotypenforschung: Methodologische Überlegungen und empirische Befunde / ed. H. H. Halen. Oldenburg, 1995. Цит. по: *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters...* P. 431.
18. *Cinirella M.* Op.cit. P. 48–49.
19. Цит. по: *Хорев В. А.* Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005. С. 89.
20. *Dukić D.* The Concept of Cultural Imagery. URL: <http://www.bib.irb.hr/.../344847>
21. *Taramaa R.* Stubborn and Silent Finns with “Sisu” in Finnish-American Literature: An Imagological Study of Finnishness in the Literary Production of Finnish-American Authors. Oulu: Oulu University Press, 2007. P. 44.
22. *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters...* P. 29.
23. *Falt O. K.* Global History, Cross-Cultural Interactions and Encounters and Theoretical Roots of the Study of Mental Images. URL: <http://bib.irb.hr/.../344847>. [P. 317].
24. *Ibid.* P. 318.
25. *Lehtinen E., Kuusinen J.* Kasvatuspsykologia. Juva, 2001. P. 106. Цит. по: *Falt O. K.* Op. cit. P. 317.
26. *Falt O. K.* Op. cit. P. 319.
27. *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters...* P. 342.
28. *Ibid.*
29. *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters...* P. 342.
30. *Syndram K. U.* The Aesthetics of Alterity: Literature and the Imagological Approach // National Identity – Symbol and Representation. Yearbook of European Studies. Vol. 4. Amsterdam, 1991. P. 177–191.
31. *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters...* P. 343.
32. *Mütter B.* Stereotypen und historisches Lernen // Historische Stereotypenforschung: Methodologische Überlegungen und empirische Befunde / ed. H. H. Hahn. Oldenburg, 1995. S. 169.
33. Цит. по: *Moyle L. R.* Drawing Conclusions: An Imagological Survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British Cartoons and Caricatures, 1945–2000. Osnabrück, 2004. P. 25.
34. *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters...* P. 343.
35. *Ibid.*
36. *Ibid.*
37. *Ibid.* P. 343–344.
38. *Ibid.* P. 344.
39. На переломе. Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI вв.) / отв. ред. В. Б. Земсков. М., 2011. С. 20.
40. Там же.
41. *Pageaux D.-H.* Image/Imaginaire // Beyond the Pug’s Tour. National and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice / ed. C. C. Barfoot. Amsterdam-Atlanta, 1997. P. 369.
42. *Ibid.* P. 367.
43. *Ibid.* P. 369.
44. *Ibid.* P. 371.
45. *Ibid.* P. 373.
46. *Ibid.*
47. *Ibid.* P. 374.
48. *Ibid.* P. 374–375.
49. *Ibid.* P. 375.
50. *Ibid.* P. 376.
51. *Ibid.* P. 377.
52. *Ibid.*

Notes

1. *Zemskov V. B.* *Obraz Rossii na «perelome» vremen (Teoreticheskij aspekt: recepciya i reprezentaciya «drugoj» kul'tury)* [Image of Russia on the "fracture" of the times (Theoretical aspect: reception and representation of the "other" culture)] // *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya - New Russian humanitarian research.* 2006, No. 1. Available at: <http://www.rngumis.ru>
2. Cit. by: *Moyle L. R.* Drawing Conclusions: An Imagological Survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British Cartoons and Caricatures, 1945–2000. Osnabrück, 2004. P. 13.
3. *Ibid.* P. 14.
4. *Moyle L. R.* Drawing Conclusions: An Imagological Survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British Cartoons and Caricatures, 1945–2000. Osnabrück, 2004. P. 13.
5. *Cinirella M.* Ethnic and National Stereotypes: A Social Identity and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice. Amsterdam, 1997. P. 38.
6. *Ibid.* P. 37.
7. *Ibid.* P. 43.

8. Ibid. P. 45-46.
9. Aronson, E., Wilson T. D., Akert, R. M. Social Psychology. Upper Saddle River, 2005. P. 434.
10. Bausinger, H. Name und Stereotyp // Stereotypvorstellungen im Alltagsleben: Beiträge zum Themenkreis Fremdbilder, Selbstbild, Identität / ed. H. Gerndt. München, 1988. S. 13. Cit. by: Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey / ed. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: N. Y., 2007. P. 430.
11. Oakes, P., Haslam, A., Turner J. Stereotyping and Social Reality. Oxford, 1994. P. 211-212.
12. Moyle L. R. Op. cit. P. 13.
13. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller, J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 429.
14. Zemskov V.B. Cit.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. Mutter B. Stereotypen und historisches Lernen // Historische Stereotypenforschung: Methodologische Überlegungen und empirische Befunde / ed. H. H. Halen. Oldenburg, 1995. CIT. by: Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters... P. 431.
18. Cinirella M. Op. cit. P. 48-49.
19. Cit. by: Horev C. A. *Pol'sha i polyaki glazami russkih literatorov* [Poland and the poles in the eyes of Russian writers]. Moscow. 2005. P. 89.
20. D. Dukić The Concept of Cultural Imagery. Available at: <http://www.bib.irb.hr/.../344847>
21. Taramaa R. Stubborn and Silent Finns with "Sisu" in Finnish American Literature: An Imagological Study of Finnishness in the Literary Production of Finnish American Authors. Oulu: Oulu University Press, 2007. P. 44.
22. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters... P. 29.
23. Falt O. K. Global History, Cross Cultural Interactions and Encounters and Theoretical Roots of the Study of Mental Images. Available at: <http://bib.irb.hr/.../344847>. [P. 317].
24. Ibid. P. 318.
25. Lehtinen, E., Kuusinen J. Kasvatuspsykologia. Juva, 2001. P. 106. Cit. by: Falt O. K. Op. cit. P. 317.
26. Falt O. K. Op. cit. P. 319.
27. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters... P. 342.
28. Ibid.
29. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters... P. 342.
30. Syndram K. U. The Aesthetics of Alterity: Literature and the Imagological Approach // National Identity is a Symbol and Representation. Yearbook of European Studies. Vol. 4. Amsterdam, 1991. P. 177-191.
31. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters... P. 343.
32. Mutetr B. Stereotypen und historisches Lernen // Historische Stereotypenforschung: Methodologische Überlegungen und empirische Befunde / ed. H. H. Hahn. Oldenburg, 1995. S. 169.
33. Cit. by: Moyle L. R. Drawing Conclusions: An Imagological Survey of Britain and the British and Germany and the Germans in German and British Cartoons and Caricatures, 1945-2000. Osnabrück, 2004. P. 25.
34. Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters... P. 343.
35. Ibid.
36. Ibid.
37. Ibid. P. 343-344.
38. Ibid. P. 344.
39. *Na perelome. Obraz Rossii proshloj i sovremennoj v kul'ture, literature Evropy i Ameriki (konec XX – nachalo XXI vv.)* [At the turn. The image of Russia's past and modern culture, literature of Europe and America (the end of XX - beginning of XXI centuries)] / resp. ed. V.B. Zemskov. Moscow. 2011. P. 20.
40. Ibid.
41. Pageaux D. H. Image/'imaginaire // Beyond the Pug's Tour. National and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice / ed. C. C. Barfoot. Amsterdam Atlanta, 1997. P. 369.
42. Ibid. P. 367.
43. Ibid. P. 369.
44. Ibid. P. 371.
45. Ibid. P. 373.
46. Ibid.
47. Ibid. P. 374.
48. Ibid. Pp. 374 375.
49. Ibid. P. 375.
50. Ibid. P. 376.
51. Ibid. P. 377.
52. Ibid.

Роль концепта «детство» в идейно-художественной оппозиции «жизнь – смерть» (по прозе Федора Сологуба)

Статья посвящена анализу одной из центральных культурем эпохи Серебряного века, ставшей идейно-художественной доминантой творчества Фёдора Сологуба, – оппозиции «жизнь – смерть».

Исследуя глубинные истоки человеческой личности, особенно область подсознательного (предчувствия, сновидения, мечты и грёзы), Ф. Сологуб настойчиво пытался ответить на мучивший его в продолжение всей жизни вопрос, как соединить расколотый мир.

В статье анализируются особенности стиливого воплощения художественной оппозиции «жизнь – смерть» в прозе Ф. Сологуба в контексте контактных и типологических связей этой доминанты с культурной и литературной традицией.

Кроме того, предпринята попытка выявления содержательных планов понятий «жизнь» и «смерть» через анализ языковых средств и их примирения через концепт «детства», своеобразие содержательной стороны которого анализируется на материале многочисленных рассказов писателя о детях и романа «Капли крови».

На основе проведённого анализа утверждается возможность примирения оппозиции «жизнь – страдание» – «смерть – утешение» и воссоединение двоимирия писателя в образе цельного мира, способного к возрождению, благодаря мотиву детства.

The article is concerned with analysis of one of the major Silver Age culturema, which has become an ideologic and artistic focus in Fedor Sologub's work – the opposition of life and death.

Analyzing the deep origin of human personality, especially the unconscious (premonitions, day and night dreams, imagination), F. Sologub insistently aspired to answer the question worrying him through all his life – how to solder the split world.

The article analyzes peculiarities of how the artistic opposition «life-death» is stylistically implemented in F. Sologub's prose, as observed in the context of contact and typologic connection of this focus with cultural and literary tradition.

Besides, the author of the article tries to reveal a content plan of such concepts as «life» and «death» through analyzing language means, and their reconciliation through the concept of «childhood» – its content individuality is analyzed based on F. Sologub's various short stories and a novel «Drops of Blood».

Based on the analysis performed, we can confirm that the oppositions «life – suffer» and «death – consolation» can be harmonized, and the reunion of the writer's bi-worldness as an image of an entire world able to revive thanks to the concept of childhood.

Ключевые слова: жизнь, смерть, детство, двоимирие, противоречие, страдание, радость, избавление, утешение, чистота, жертва, символ, вера, легенда, несовершенство, добро, гармония.

Keywords: life, death, childhood, bi-worldness, contradiction, suffering, joy, consolation, purity, goodness, harmony, imperfection, deliverance, victim, symbol, belief.

Фёдор Сологуб – один из крупнейших представителей прозы русского символизма. Писатель вошёл в литературу «со своей программой преобразования несовершенной действительности в мир добра и гармонии» [1], утверждаемой каждым новым произведением Ф. Сологуба. С одной стороны, это сблизило его (в плане осмысления идеи о вселенском преображении мира) с жизнетворческими исканиями ряда старших и младших символистов, в частности В. Брюсова, А. Белого, с другой же – не только отдалило, но и скорее – изолировало, поставило особняком от них.

Казалось бы, Ф. Сологуб шёл теми же путями, что и другие символисты. Следуя за призывом философа-мистика В. Розанова [2], он от «горизонтальных созерцаний» обращался к «вертикальным созерцаниям» человека, то есть к глубинным истокам и исследованиям области подсознательного, предчувствий, сновидений, мечты и грёз. Это, в свою очередь, открывало новые грани в художественном постижении человека.

Но именно здесь заканчиваются контактные и типологические связи прозы Ф. Сологуба с литературной и философской традицией. И здесь начинается «творимая им легенда» (одноимённое название тетралогии писателя, где первой частью является роман «Капли крови»). С этого момента писатель имеет полное право заявить о себе: «Я – Бог таинственного мира» [3]. Каков же он, «таинственный мир» загадочного Фёдора Сологуба?

Мир Сологуба – это двоимирие, но двоимирие особого рода. Сологубовский мир распадается на «кошмар окружающей действительности» и «сокровенный мир», сигналы из которого доходят до нашей обыденности в виде неясных проблесков: снов, «волнений мечты», «надежд внутренней неспокойности». Этот мир проступает в «кошмарной действительности» в виде «просветов жизни», к которым писатель справедливо причисляет красоту и любовь. И одну из центральных доминант этого мира образует идейно-художественная оппозиция «жизнь – смерть».

Как известно, эта проблема далеко не нова в русской литературе, и шире – в русской философии. По справедливому замечанию Ю. М. Лотмана, «трагическое противоречие между бесконечностью жизни как таковой и конечностью человеческой жизни есть лишь частное проявление более глубокого противоречия между лежащим вне категорий жизни и смерти генетическим кодом и индивидуальным бытием организма. С того момента, как индивидуальное бытие превращается в бытие сознательное (бытие сознания), это противоречие из характеристики анонимного процесса превращается в трагическое свойство жизни» [4]. Линейное построение культуры делает проблему смерти одной из доминантных в её системе. Понятие смерти (конца) не может быть решено простым отрицанием уже потому, что здесь пересекаются космические и человеческие структуры.

Понять место смерти в культуре – это значит осмыслить её в прямом значении этих слов, то есть приписать ей смысл. А это, в свою очередь, предполагает включение её в некий смысловой ряд, определяющий, в частности, наборы её синонимов и антонимов.

«Сын большого века», «духовный странник» [5], Федор Сологуб и в дилемме «жизнь – смерть» расставил свои идейные акценты. Писатель словно перестраивает традиционное представление о жизни и смерти. Смерть в произведениях Ф. Сологуба, как это ни парадоксально, – весьма положительный персонаж. Одним из критиков она даже была названа его «Прекрасной Дамой» [6]. В смерти писатель видел не только выход из ущербной, кошмарной действительности, но и приобщение к высшей реальности – правде. Не случайно в его произведениях умирают лучшие, достойные люди, обычно дети. Писатель построил некое триединство двух оппозиционных понятий – «жизнь – смерть»: «жизнь – страдание» – «жизнь – радость» – «смерть – избавление».

Эта схема наполняется конкретным содержанием в каждом произведении Ф. Сологуба. Проиллюстрируем это утверждение несколькими цитатами из романа «Капли крови».

Семантика концепта «смерть» в романе вполне определённа: **полюбить – умереть** (Елисавета о жене Триродова) [7]; **Егорка уже терял сознание... Вдруг мгновение радости – и оно погасло... Опять жить? Стало в душе странно, тихо, равнодушно...** (мысли Егорки после освобождения из могилы) [8].

Опираясь на приведённые примеры (а в романе они все выдержаны в едином ключе), представляется возможным очертить лики смерти – это «смерть – сон, в котором забывается индивидуальность», «жало смерти – грех», «смерть – тьма – кара за проступок», смерть – «утешительница».

В качестве иллюстрации приведём несколько примеров из монологов и диалогов главного героя романа, землевладельца, учёного (алхимика, колдуна), педагога-поэта Триродова о жизни:

– **...жизнь трагична... Беспощадною силою иронии разрушает она все иллюзии...** (Триродов Петру) [9];

– **А зачем успокоенность и лёгкость в жизни?** – возразила Елисавета. – **Хочу огня и страсти. Пусть погибну. Сгорю в огне восстания и восторга, – пусть!**

– Да, – сказал Триродов, – **...и тогда будет новая твориться жизнь. Нужна ли она?**

– **Я живу в странном и неверном мире. Живу – а жизнь проходит мимо, мимо меня... Проходит жизнь, как сон, безумный и мучительный... И пустая, и бесцельная влачится жизнь к каким-то неведомым пределам»** (Триродов – Елисавете) [10];

– **Жизнь – кошмарный сон, недоумение, страх, жестокость, мучения, боль... встанет очертаниями жизнь творимая и несбыточная** (Триродов – Елисавете) [11];

– *Живут, на самом деле живут только дети... Живы дети, только дети... Зрелость – это уже начало смерти* (Триродов – Елисавете) [12].

Таким образом, тема «жизни – смерти» в творчестве Ф. Сологуба оказывается напрямую связанной с образами детей, темой детства. Важно отметить, что писатель рассматривал детство и детей в принципиально ином ракурсе, напрямую связанном с окружающей его действительностью, где, по твёрдому убеждению писателя, дети не могут быть счастливы. Глубокое возмущение у Сологуба вызывало истязание малолетних: «Бьют потому, что дети слабы и не могут себя защитить...» [13]. Он основывается на личном опыте, на воспоминаниях о собственном положении кухаркиного сына, жившего из милости в доме богатых господ.

В семейном произволе, в оскорблении детского достоинства видел Сологуб причину детских самоубийств. Писатель внушал необходимость доверительного отношения к ребёнку, видел в нём высшее духовное начало, Божий промысел: «Верить в своих детей – это утешительно и благородно». Дети – воплощение той чистоты, которой лишён окружающий мир:

Живы дети, только дети, –
Мы мертвы, давно мертвы [14].

«Милым лицам детей» посвящено не одно поэтическое откровение художника: «Детское пение», «Ребёнку», «Я верю в творящего Бога», «Дети радостей и света». Детство, благодаря своей универсальной ёмкости, давало Сологубу возможность осмыслить не только сущностные моменты конкретной человеческой жизни, но и позволяло запечатлеть глубокие явления современности, отразить острейшие проблемы бытия.

Так, в определённом смысле программным в развитии темы детства является рассказ «Обруч» (1902), где Сологуб в обобщённо-символической форме выразил своё понимание этого периода в жизни человека. Ключевой образ произведения обретает значение, близкое тому, в каком его употреблял Ф. Ницше: «Детство – самокатящееся колесо...» в философском трактате «Так говорил Заратустра». Сологуб расширяет семантику этого образа дополнительным смыслом. Детство, по мнению писателя, – самое главное, что есть в системе жизненных ценностей (в этом контексте важную смысловую нагрузку несёт золотой цвет обруча). Но, в отличие от предшественников и современников, писатель убеждён: мир детства лишь отчасти «золотая пора». Это золотая пора по определению, в идеале, но реальная жизнь грубее, страшнее, она вносит вопиющие поправки к идеалу [15].

Внимание Ф. Сологуба привлекает, прежде всего, ребенок-мученик, ребенок-жертва. С редким ожесточением жизнь, «бабища дебелая», преследует малых мира сего. В рассказах писателя дети почти всегда беззащитны, унижены и оскорблены одиночеством, близкие и родные не способны унять их душевную смуту, невольно тем самым подталкивая детей к ужасной развязке. Не смогли предотвратить болезни детей мать Володи Ловлева и мать Сими; становятся жертвами полного равнодушия к ним близких Ваня и Коля (рассказ «Жало смерти»), Серёжа («К звёздам»), Митя («Утешение») и т. д.

В эпиграфе к сборнику рассказов 1913 г. «Земные дети», обращаясь к жизни, Ф. Сологуб с негодованием восклицает: «...Зачем же ты злая и мучительная? И зачем ты хочешь, чтобы плакали дети?» [16]. Уже с момента рождения, по мысли писателя, дитя обречено на гибель. Детские смерти многочисленны в произведениях Сологуба. Смертью детей завершаются рассказы «Прятки», «Жало смерти», разбиваются о камни Раечка и Митя («Утешение»), умирает Сережа («К звёздам»), давит детей озверевшая толпа («В толпе») и др. Трагическая судьба ребёнка в окружающем мире позволила Сологубу передать его онтологическое неблагополучие.

В ребёнке заложена определённая нравственная норма, родственная первозданной (неискажённой) природе. Однако мир зла искажает природу, ведёт к уродству, деформирует психику. И в этом писатель видит не только социальное зло, но, что более важно, космическое – хаос, поглощающий человека. Возвращение же героя к добру осуществляется лишь в смерти или безумии.

В основе конфликта многих произведений Сологуба лежит оппозиция «дети – взрослые». «Мертвенный» мир людей в их взрослом состоянии страшен, жесток, несправедлив, лжив.

Глубокие переживания детских страданий приводили писателя к «самому мучительному вопросу человеческого сознания и совести»: «действует ли в этом мире Промысел Бо-

жий»? (Н. Бердяев). Дети у Сологуба не просто лишены своих ангелов-хранителей и оставлены Богом. Писатель идёт ещё дальше: он готов бросить упрёк в том, что Господь прощает зло, которое обрекает невинных малюток на заклятие.

Однако нередко юный герой в произведениях Сологуба предстает в роли не беспомощной жертвы, но убеждённого, твёрдого борца. При этом он отстаивает не только личное благополучие, но и возлагает на себя миссию защитника требований нравственного закона, будит совесть забывших о своём предназначении и долге. Эти мотивы объединяют рассказы «Задор», «Старый дом», «Чудо отрока Лиина» и др. Типичным для всех сологубовских детей-бунтарей становится «огневое» начало, которое реализуется в постоянном указании на детские «горящие», «сверкающие огнём великого гнева» глаза. Согласно символическому толкованию, огонь – знак жизненной энергии, оплодотворяющей силы, просветления. Всё в большей степени этими качествами Сологуб наделяет юных героев в произведениях, созданных накануне 1917 г.

Таким образом, думается, образами детей в творчестве Ф. Сологуба примиряется оппозиция «жизнь – страдание» – «смерть – утешение», а двоemiрие писателя поглощается картиной цельного мира, способного к возрождению благодаря детской чистоте и невинности.

Примечания

1. Михайлов А. И. Два мира Федора Сологуба // Сологуб Ф. Творимая легенда. М., 1991. С. 7.
2. Розанов В. Темный лик. СПб., 1911. С. 99.
3. Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 444.
4. Лотман М. Ю. Смерть как проблема сюжета // Лотман М. Ю. Избранные статьи. М., 1989. С. 49.
5. Чулков Г. Годы странствий. Из книги воспоминаний. М., 1930. С. 24.
6. Басинский П., Федякин С. Федор Сологуб // Русская литература конца XIX – начала XX века и первой эмиграции. М., 1998. С. 126.
7. Сологуб Ф. Капли крови. М., 1992. С. 77.
8. Там же. С. 158.
9. Там же. С. 77.
10. Там же. С. 115.
11. Там же. С. 116.
12. Там же. С. 95.
13. Сологуб Ф. Жало смерти // Сологуб Ф. Тяжёлые сны. Л., 1990. С. 294.
14. Весы. 1905. № 12. С. 76.
15. Золотое руно. 1906. № 1. С. 141.
16. Кричевская Ю. Р. Модернизм в русской литературе. Эпоха серебряного века. М., 1994. С. 20.

Notes

1. Mikhailov, A. I. *Dva mira Fedora Sologuba* [Two of the world Fyodor Sologub] // Sologub F. *Tvorimaya legenda* - Created legend. Moscow. 1991. P. 7.
2. Rozanov V. *Temnyj lik* [Dark face]. SPb. 1911. P. 99.
3. Voloshin M. *Liki tvorchestva* [Faces of creativity]. Leningrad. 1988. P. 444.
4. Lotman M. Y. *Smert' kak problema syuzheta* [Death as a problem of the plot] // Lotman M. Y. *Izbrannye stat'i* - Featured articles. Moscow. 1989. P. 49.
5. Chulkov G. *Gody stranstvija. Iz knigi vospominanij* [Years of wandering. From the book of memories]. Moscow. 1930. P. 24.
6. Basinski P., Fediakin S. *Fedor Sologub* [Fedor Sologub] // *Russkaya literatura konca XIX – nachala XX veka i pervoj ehмиграции* - Russian literature of the late XIX - early XX century and the first emigration. Moscow. 1998. P. 126.
7. F. Sologub *Kapli krovi* [Drops of blood]. Moscow. 1992. P. 77.
8. Ibid. P. 158.
9. Ibid. P. 77.
10. Ibid. P. 115.
11. Ibid. P. 116.
12. Ibid. P. 95.
13. F. Sologub *ZHALo smerti* [Sting of death] // F. Sologub *Tyazhyolye sny* - Bad dreams. Leningrad. 1990. P. 294.
14. *Vesy* [The scales]. 1905, No. 12, p. 76.
15. *Zolotoe runo* [The Golden fleece]. 1906, No. 1, p. 141.
16. Krichevskaya Yu. R. *Modernizm v russkoj literature. EHpora serebryanogo veka* [Modernism in Russian literature. The silver age]. Moscow. 1994. P. 20.

Роль тонального компонента просодической структуры высказывания при реализации речевых актов ложного удивления

В статье на материале немецкого языка рассматривается проблема использования просодической структуры высказывания для идентификации ложных и истинных эмотивных речевых актов. В качестве примера для фонетического эксперимента рассматриваются речевые акты искреннего и ложного удивления. Автор полагает, что наличие в сознании говорящего коммуникативного намерения симулировать удивление влияет на просодическое оформление высказываний, что позволяет слушающим распознать степень искренности говорящего.

The article is devoted to the problem of using prosodic structure in differentiation between sincere and insincere emotive speech acts in the German language. As an example for the phonetic experiment the author takes the speech acts of sincere and insincere surprise. The author supposes that the speaker's intention to simulate surprise influences the prosodic structure of utterances and allows listeners to determine the level of speaker's insincerity.

Ключевые слова: неискренность, просодия, удивление.

Key words: insincerity, prosody, surprise.

Проблема идентификации ложных высказываний в речи в настоящее время является актуальным предметом исследования многих ученых (А. В. Ленец, Й. Кубинова, Ю. И. Левин, В. И. Шаховский, С. Н. Плотникова и др.). Важным аспектом современного этапа изучения лжи в лингвистике стало понимание того, что дальнейшие шаги в данном направлении являются невозможными без расширения самого объекта исследования, включения в него помимо высказываний той ситуации, в которой происходит коммуникация, локальных и временных условий, установок и интенций говорящего и слушающего. Наиболее подходящим для изучения данных характеристик высказывания послужил методологический аппарат лингвопрагматики, который позволил не ограничиваться описанием отдельных языковых уровней высказываний (грамматического, лексического, фонетического) и переключиться на изучение особенностей функционирования языка в процессе социального взаимодействия людей.

Многими учеными в процессе отнесения высказываний к ложным речевым актам ведущая роль отдаётся интенции говорящего, так как именно здесь в центр внимания исследователей попадает целеустановка говорящего, его коммуникативное намерение (Дж. Остин, Дж. Серль, J. Meibauer, А. В. Ленец).

Так, по мнению Дж. Остина, ложь является особым случаем нелегитимного использования языка, вследствие несоответствия пропозиционального содержания высказывания и его коммуникативного намерения (иллокуции) [1]. Дж. Серль также в качестве критерия ложности помимо ложности самого содержания высказывания включает и намерение говорящего ввести собеседника в заблуждение [2].

Й. Мейбауэр считает, что ложные высказывания могут никак не отличаться от истинных, так как целью говорящего является попытка скрыть свою истинную интенцию. Автор полагает, что если бы в языке имелись какие-либо средства выражения ложного намерения, например, при его открытой экспликации посредством перформативного употребления глагола лгать в предложении типа «Я лгу, что...», то тогда мы бы имели дело с парадоксом лжеца или иллокутивным самоубийством [3].

А. В. Ленец в своем исследовании лжи использует трехуровневую модель речевого акта, предложенную Дж. Серлем, согласно которой ложный речевой акт осуществляется на трех уровнях – иллокутивном, локутивном и перлокутивном. Другими словами, ложный речевой

акт соответственно может быть классифицирован по намерению, которое лжец вкладывает в высказывание, по особенностям языковых средств, используемых для его реализации, а также по результату воздействия, оказываемого на слушающего [4]. По мнению автора, локутивный акт может осуществляться в акте фонации (имитирующий акт), в фатическом акте (симулирующий акт) и в ретическом акте (вуалирующий акт). В первом случае искажению подвергается фонетическая сторона высказывания – голос, акцент; во втором речь идёт об имитации неискренних состояний и эмоций, а в третьем происходит искажение или вуалирование референта высказывания [5].

Изучение локутивного аспекта ложных речевых актов особенно актуально в связи с анализом просодических средств, маркирующих ложь. Именно в таких пограничных случаях, когда автору высказывания не удаётся скрыть полностью своё коммуникативное намерение, так как ему приходится изображать ложные психологические состояния, выражать неискреннюю оценку или имитировать неискренние эмоции, в результате внутреннего конфликта ложных и искренних представлений может возникнуть несоответствие используемых языковых средств и того намерения, которое автор хотел ими выразить. Такими пограничными случаями являются речевые акты имитации, симуляции, притворства, в которых говорящему необходимо подделывать ложные эмоциональные состояния и отношения: лесть, притворство, симуляция.

В. И. Шаховский полагает, что все ложные речевые акты эмотивны, так как при их использовании говорящий стремится скрыть свои истинные эмоции и выразить различными языковыми средствами ложные эмоции, чтобы заставить слушателя поверить ему. «Ложь является поведенческой характеристикой человека, который по своей биологической норме – эмоциональный (*homo sentiens*) и лгущий (*homo mentiens (fallens)*), а его авербальное поведение (в том числе и лживое) – аналог его самого в процессе этого поведения» [6].

Высокая степень вариативности, а также антропофоническая основа интонации позволяет выделить её в ряду остальных средств, с помощью которых может быть диагностирована неискренность говорящего. Для выявления роли просодической структуры в идентификации ложных реализаций эмотивных речевых актов было проведено экспериментально-фонетическое исследование. В качестве основы используется методика экспериментально-фонетических исследований, разработанная и принятая в Нижегородском государственном лингвистическом университете [7]. Материалом для исследования послужили записи высказываний, реализуемые испытуемыми квазиспонтанно в заданных речевых ситуациях. Дикторам предлагалось произнести текст с искренней эмоциональной коннотацией, а затем симитировать необходимое эмоциональное состояние в соответствии с заданной экстралингвистической ситуацией. В качестве примера рассматривается речевая ситуация получения подарка и серия высказываний, служащих для выражения эмоции удивления (*Verwunderung*) при их искренней реализации и для симуляции данного эмоционального состояния при их ложной реализации (*simulierte Verwunderung*). Например:

- Das war echt ein cooles Geschenk von dir!
- Das ist doch mal ein echt klasse Geschenk.
- Es ist wirklich ein super Geschenk.
- Ich weiß gar nicht, was ich sagen soll. Ganz herzlichen Dank für das super Geschenk!
- Super Geschenk!

Акустический анализ проводился с помощью компьютерного анализатора речи PRAAT 5.3, позволяющего получить частотно-амплитудную интонограмму фразы, измерять основные просодические параметры (уровень интенсивности, частоту основного тона, длительность), проводить фонетическую сегментацию. В качестве испытуемых выступали пять носителей немецкого языка, постоянно проживающих на территории Германии и владеющих произносительной нормой языка. Возраст испытуемых составил от 19 до 23 лет. Анализ просодического оформления реализованных дикторами высказываний проводился по трём основным параметрам: тональному, темпоральному и динамическому.

В ходе исследования были измерены следующие тональные характеристики (в Гц): средний уровень ЧОТ в высказывании (F), уровни ЧОТ в предъядерной (ТПС), ядерной (ТЯС) и заядерной (ТЗС) частях высказывания, максимальное значение ЧОТ в высказывании (F_{\min}), минимальное значение ЧОТ в высказывании (F_{\max}), тональный диапазон фразы (ТД). Сопоставление основных параметров тонального компонента просодической структуры ложной и искренней реализации представлено на рис. 1.

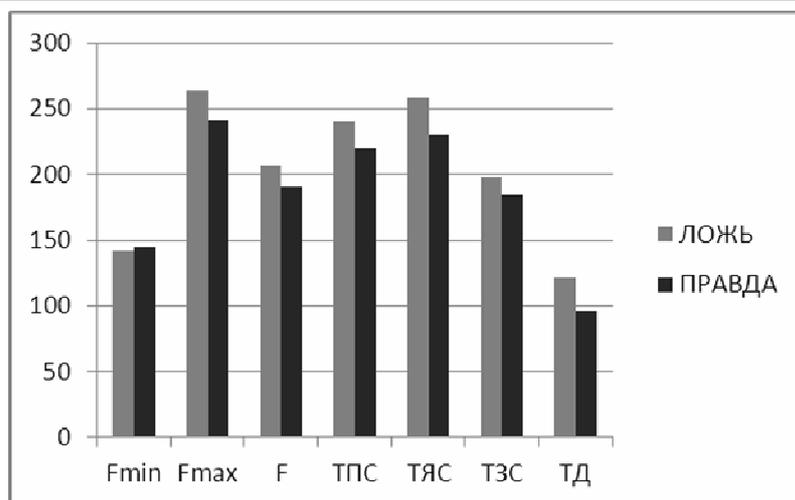

Рис. 1. Тональные характеристики истинных и ложных реализаций

При сопоставлении полученных данных можно сделать вывод о наличии в ложных реализациях общей тенденции к увеличению всех основных тональных показателей в целом по сравнению с искренними реализациями: усреднённая величина ЧОТ увеличивается на 8%; уровень ЧОТ на ядерном слоге увеличивается на 11%; значительно расширяется тональный диапазон фразы – на 21%; уровень ЧОТ в предъядерной части больше на 9%; уровень ЧОТ в заядерной части больше на 7%.

Анализ темпорального компонента ПС включал в себя получение следующих количественных характеристик (в сек): средняя длительность высказывания (Т), средняя длительность пауз (СДП), длительность фонационного периода (ДФП), длительность предъядерной (ДПЯ), ядерной (ДЯ) и заядерной (ДЗЯ) частей высказывания, среднеслоговая длительность (СДС). На рис. 2 графически представлено соотношение полученных характеристик темпорального компонента: истинные реализации при этом демонстрируют уменьшение средней длительности ядерной части на 7,41% и предъядерной части – на 4,53%, уменьшение средней длительности интеллектуальных пауз – на 21,43%. Средняя длительность ложных реализаций напротив увеличивается на 10,20%, среднеслоговая длительность больше на 12,64%.

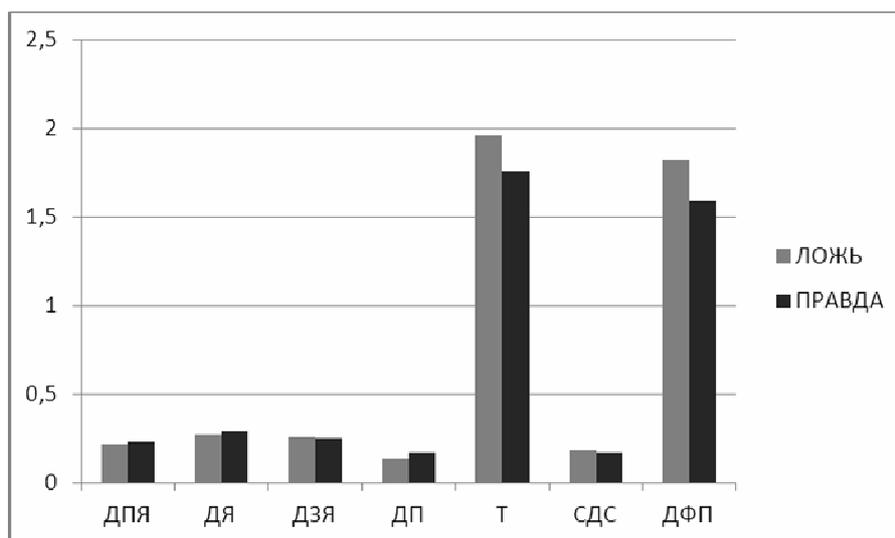

Рис. 2. Темпоральные характеристики истинных и ложных реализаций

При анализе динамического компонента ПС были проведены измерения следующих характеристик (в Дб): средний уровень интенсивности в высказывании, уровни интенсивности в предъядерной (ИПЯ), ядерной (ИЯ) и заядерной (ИЗЯ) частях высказывания, максимальное и минимальное значение интенсивности в высказывании (D_{max}/D_{min}), диапазон ин-

тенсивности (ДИ). Сопоставление основных параметров динамического компонента просодической структуры ложной и искренней реализации представлен на рис. 3.

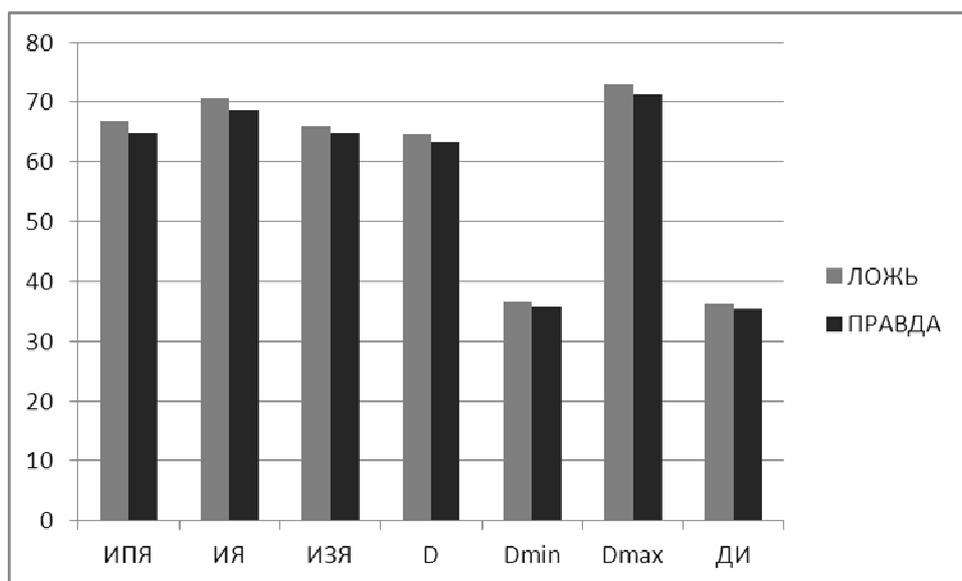

Рис. 3. Динамические характеристики истинных и ложных реализаций

Средний показатель интенсивности увеличивается на 2,09%; уровень интенсивности на ядерном слоге увеличивается на 2,8%, уровень интенсивности на предъядерном слоге больше на 2,83%, на заядерном слоге больше на 1,52%. Динамический диапазон ложных реализаций по сравнению с истинными увеличивается в среднем на 2,63%. Таким образом, в отношении динамического компонента можно сделать вывод о наличии в ложных реализациях общей тенденции к незначительному увеличению всех основных динамических показателей в целом по сравнению с неложными.

Проанализировав полученные данные, можно сделать вывод о том, что наличие в сознании говорящего намерения симитировать удивление оказывает систематическое влияние на просодическое оформление высказываний, тем самым позволяя судить об уровне искренности говорящего. При этом изменения в просодической структуре неискренних реализаций наблюдаются во всех основных компонентах просодической структуры: тональном, темпоральном и менее существенно – в динамическом.

Примечания

1. Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 43.
2. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: сб. / общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986а. С. 174.
3. Meibauer J. Lying and falsely implicating // Journal of Pragmatics. 2005а. № 37. С. 280.
4. Ленец А. В. Прагматика лжи: монография. Ростов н/Д: Изд-во ПИ ЮФУ, 2008. С. 153–154.
5. Там же. С. 139–147.
6. Шаховский В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград, 2005. С. 203.
7. Бухаров В. М. Варианты норм произношения в современном немецком литературном языке: монография. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 1995.

Notes

1. Austin J. *Izbrannoe* [Favorites]. Moscow. Idea-Press: Intellectual book House. 1999. P. 43.
2. Searle J. R. *CHto takoe rechevoj akt?* [What is a speech act?] // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* - New in foreign linguistics. Is. 17. The theory of speech acts: collection / gen. ed. B. Y. Gorodetsky. Moscow. Progress, 1986а. P. 174.
3. J. Meibauer Lying and falsely implicating // Journal of Pragmatics. 2005а, No. 37, p. 280.
4. Lenets A. V. *Pragmatika lzhi: monografiya* [Pragmatics of lies: a monograph]. Rostov-na-Donu. PI SFU Publ. 2008. Pp. 153-154.
5. Ibid. Pp. 139-147.

6. Shakhovskiy V.I. *Chelovek lgushchij v real'noj i hudozhestvennoj kommunikacii* [Man who lies in the real and the art communication] // *Chelovek v kommunikacii: aspekty issledovaniya* - Human communication: aspects of research. Volgograd. 2005. P. 203.

7. Bukharov V.M. *Varianty norm proiznosheniya v sovremennom nemeckom literaturnom yazyke: monografiya* [Options of norms of pronunciation in modern German literary language: monograph]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University. 1995.

УДК 811.111'373

Е. Г. Никулина

Использование и функционирование существительных-сленгизмов как лексических средств выражения эмоционального аффекта

В статье обсуждаются речевые аспекты использования и функционирования существительных-сленгизмов как маркеров эмоционального аффекта.

In the article speech aspects of the usage and functioning of slang nouns as lexical means of expressing emotional affect are discussed.

Ключевые слова: речь, коммуникация, эмоциональная экспрессивность, сленг, вульгарный сленг, общелитературные существительные с грубой коннотацией.

Keywords: speech, communication, emotional expressiveness, slang, vulgar slang, literary nouns with rough connotation.

Язык является мощным средством регуляции деятельности людей в различных сферах, поэтому изучение речевого поведения современной личности, осмысление того, как личность владеет богатством языка, насколько эффективно им пользуется – очень важная и актуальная задача.

Особой приметой нашего времени следует признать активное, неконтролируемое вторжение сниженной, жаргонной, а нередко и нецензурной лексики, причём не только в разговорную речь, но и в различные жанры публицистики и художественной литературы. Сегодня процесс включения подобных сниженных элементов в литературный текст можно описать как коллоквиализацию языка.

Очевидным является тот факт, что лексика сниженного регистра представляет собой отклонение от так называемого «стандартного языка».

Следует отметить, что в данной группе фигурируют в основном пренебрежительные обозначения, относящиеся к общелитературному языку, сленгизмы и вульгарные сленгизмы, которые являются признаками (показателями) высокоэмоциональной речи с негативным оттенком значения. Именно выбор подобных сниженных лексических средств наиболее ярко и полно характеризует бурную реакцию человека на услышанное, увиденное или пережитое, на состояние эмоционального аффекта.

Сленг – слой разговорной лексики, который формирует слова и выражения, обладающие юмористическими, эмоциональными, зачастую вульгарными коннотациями, не признаваемыми языковой нормой. В настоящее время в лингвистике существует целый ряд как научных, так и ненаучных определений сленга. В российском языкознании чаще всего приводится определение В. А. Хомякова: «Сленг – это относительно устойчивый для определённого периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [1]. Пейоративность

присуща сленгу как самая характерная его черта: трудно представить себе сленгизм с яркой мелиоративной коннотацией, хотя, вероятно, определённая степень «стандартности» всё же представима.

Сленг в настоящее время считается частью жаргонного слоя лексики. Это совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубо-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи. Это социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией, которая, иногда, применяется для обозначения неправильной, искаженной речи [2]. Употребляется сленг преимущественно в условиях непринуждённого общения: англ. *junkie* – наркоман, *gal* – девчушка. Необходимо заметить, что в большинстве определений, данных сленгу, подчёркивается, прежде всего, грубость и фамильярность сленгизмов.

Существительные-сленгизмы, которые используются для определения внешних и внутренних характеристик человека, составляет достаточно большой пласт лексики, что обусловлено желанием говорящего выделить то или иное качество человека. Такие слова в большинстве случаев имеют негативную оценку и являются обидными для реципиента. Большинство сленгизмов относятся к именам существительным, поскольку называют внутренние или внешние качества [3].

Основными функциями сленгизмов существительных является эмоционально-экспрессивная функция, так как с помощью сленга говорящий может достаточно свободно и наиболее полно выразить переживаемые чувства и эмоции, оценочная функция, ведь употребление сленговой лексики имеет своей целью, кроме прочего, выразить отношение говорящего к предметам и явлениям действительности, а также (чаще всего) к окружающим его людям, и манипулятивная функция. Она проявляется в побудительных предложениях, имеющих значение волеизъявления, адресованного собеседнику, и употребляющихся с целью оказать на него влияние, побудить к каким-либо действиям. Однако многие из них не предполагают немедленного исполнения адресатом воли говорящего, тем более что с логической точки зрения это было бы абсурдно. Они скорее демонстрируют раздражение говорящего собеседником и, как правило, желание прекратить общение с ним.

В ходе исследования 20 художественных источников методом сплошной выборки нами было отобрано 298 существительных, встречающихся в аффективных диалогических репликах. Мы выяснили, что в большинстве случаев в аффективных эмоционально-напряженных репликах, встречающихся в художественных произведениях конца XX и начала XXI в., говорящий выражает свою оценку сложившейся ситуации или, иначе говоря, конкретной личности (личностей). Это может быть недовольство его поведением, словами, поступками, действиями. Прежде всего, в сленге отражается негативное отношение к моральным и эстетическим ценностям жизни. Сленг тесно связан с социально неприемлемыми, непристойными темами.

Нужно отметить, что в современной зарубежной лексикографии понятие «сленг» смешивается с такими понятиями, как «диалектизм», «жаргонизм», «вульгаризм», «разговорная речь», «просторечие» и др., хотя разница в их употреблении, например, по мнению И. Р. Гальперина, конечно, есть [4]. Для разграничения разнородных групп слов нелитературного слоя английского литературного языка наиболее целесообразным представляется понимать под «сленгом» тот слой лексики и фразеологии, который появляется в сфере живой разговорной речи в качестве разговорных неологизмов, легко переходящих в слой общеупотребительной литературной разговорной лексики.

Мы выяснили, что достаточно большое количество сленгизмов существует для обозначения негативного отношения к человеку, недостатка в сообразительности: *blockhead/ goof/ nuts/ marble dome* – дурак, *scum* – жалкий, никудышный человек, *dummy* – болван, *hussy* – девчушка и т. д. Именно пренебрежительные характеристики лица, по большей части, и встречались нам в ходе работы над извлеченными аффективными диалогическими конструкциями.

В процессе анализа мы выяснили, что кроме существительных-сленгизмов встречается большое количество существительных, не относящихся к пласту сниженной лексики, например: ...*He punched him on the face and stomach. "You lying coward! We thought you were cool..."* [5] или "*I'm not an idiot!!*" he yelled getting red in face [6]. Подобных случаев довольно много, несмотря на то что бурное проявление отрицательных эмоций чаще всего характеризуется использованием бранных и вульгарных значений.

Поэтому нами было предложено поделить все существительные, относящиеся к сниженной и разговорно-неформальной лексике, на собственно сленгизмы, вульгарные сленгизмы и существительные, имеющие грубую, разговорную коннотацию, зависящую от контекста их употребления.

На долю существительных сленгизмов и вульгарных сленгизмов, встречающихся в исследуемых нами диалогических комплексах аффекта, приходится 177 случаев (20%) в литературе начала XXI в. и 121 случай (19%) в литературе конца XX в. Из этого следует, что данная группа лексических маркеров аффективной речи довольно значительна и широко используется авторами художественных произведений обоих временных промежутков. Это объясняется, на наш взгляд, в первую очередь, социокультурными особенностями определенного десятилетия, изменениями, происходящими в обществе и в мире в целом, а также в сознании самого индивида, продуктом которого являются данные сленговые значения. Именно совокупность общественных и личностных компонентов (интеллект, образованность, занимаемое положение в социуме, умение контролировать свои эмоции и чувства) создают определенную языковую картину говорящего, что особенно заметно и явно проецируется на его речь в высоконапряженном эмоциональном состоянии.

Приблизительно одинаковое процентное соотношение существительных (по большей части – сленгизмов) в обоих определенных нами периодах свидетельствует о том, что популярность данных лексем была и по сей день остается довольно высокой.

Нами подчеркивается тот факт, что практически все элементы данной лексики дают именно негативные характеристики лица, выражают отрицательное отношение к собеседнику либо к отсутствующему лицу, о котором ведется речь в диалоге.

“Don’t look at me like that *creep*,” Sarah shouted her eyes getting mad [7].

Или “ He pointed his finger at me again and shouted “ Look, *candyass*. I don’t give a shit about who deserves what! Do you understand that?!..” “Who are you calling stupid *jerk*? You big *dummy*!” he raised his fist to punch her [8]. Данные примеры наглядно демонстрируют функцию существительных сленгизмов передавать пренебрежительные оттенки отношения к собеседнику и подтверждают их способность выражать своего рода иллокутивную функцию – обидеть или унижить человека, показать свое недовольство его поведением или действиями.

Мы выяснили, что среди существительных, имеющих подобное значение в литературе XX в., на вульгарные сленгизмы приходится 40 случаев, на разговорные существительные с пренебрежительной, грубой коннотацией – 45 и на существительные-сленгизмы – 36 эпизодов. Соответственно 33, 37 и 30%.

Если говорить о разговорных существительных, которые имеют некое численное превосходство, то можно связать это с тем, что в конце XX в. еще выдерживались некие рамки использования нелитературной лексики в художественных произведениях, хотя уже намечалась тенденция к снижению лексики, к появлению все большего количества сленга и вульгаризмов. Конец XX в. стал неким переломным моментом в жизнедеятельности и общем функционировании разговорной лексики. Увеличилось также количество вульгарного сленга и собственно сленгизмов по сравнению, например, с серединой этого же столетия. Это объясняется социальными сдвигами, усиливающимся межкультурным общением, появлением СМИ и кризисными ситуациями в экономиках многих англоговорящих стран. И хотя количество относительно литературной лексики еще доминирует, но уже в начале XXI в. мы видим склонность к увеличению именно вульгарных лексических значений.

В качестве иллюстрации использования литературных разговорных существительных приведем следующий пример: “Cheap little *slut*!” he yelled. “What would your father say?” [9]. Существительное *slut* (*неряха*) – общелитературное и имеет оттенок презрения. В указанном примере мы наблюдаем речь киднепера, удерживающего маленького мальчика и требующего от его родителей круглую сумму денег. Он взбешен тем, что ребенок отказывается его слушать, пачкается и капризничает. Очередной проступок мальчика и стал точкой кипения преступника, он кричит и угрожает, пытаясь при этом воздействовать на волю ребенка предполагаемой реакцией его отца на его неряшливый вид.

Примером включения вульгарного сленгизма в аффективную речь говорящего является следующий: “You dirty old *bastard*! What kind of sick old man are you?” he wiped the blood from his face and threw Laura across the bed [10]. Муж Лауры, давно испытывающий антипатию к ее отцу, решается открыто вступить с ним в конфликт, который заканчивается ране-

нием самого героя. Будучи раненым и испытывая вдобавок к душевной боль физическую, он оскорбляет старика, используя вульгаризм. Его использование в данном случае вполне оправданно, так как читатель знает, что это за человек и чего от него можно ждать. Фамильярность, жестокость, необразованность и бескомпромиссность Френклина заставляет выбирать сниженную лексику для характеристики его «врага».

Наконец, меньшее процентное соотношение приходится на собственно сленгизмы. "Listen to me, creep. When got out of this mess, I'm going to use the sharpest knife I can find on this goddamned gin palace to hack your balls off!" [11]. Говорящий включает в свой монолог сленгизм *creep* для выражения своего отношения к собеседнику и для того, чтобы его оскорбить, унижить и передать свое недовольство и гнев в связи со случившимся ранее проступком со стороны этого «мерзавца».

Что же касается литературы XXI в., то, по нашим подсчетам, 55 случаев из 177 приходится на неформальные, разговорные существительные, на существительные-сленгизмы – 59 случаев и большая часть приходится на вульгарный сленг – 63 случая из 177 (31, 33 и 36% соответственно).

Отсюда можно сделать вывод, что численное превосходство имеют все-таки вульгарные сленгизмы. Например: "Aaaarrghhh you fucking prick!", he yelled when he was sure the call was terminated [12]. Вульгарный сленгизм *prick* в значении «придурок» был выбран героем в целях характеристики лица, доставившего ему неприятности. Можно наблюдать нарастание агрессии, об исходе которой нам остается узнать лишь в ходе прочтения дальнейшего описания событий.

Если говорить о собственно сленгизмах, то их функции также в большинстве случаев сводятся к отрицательным оценкам поведения (поступков) и личностных характеристик, например: What an absolute *dickhead!*, he fumed [13]. Выделенный сленгизм, имеющий значение «дурак, придурок» является негативной характеристикой умственных способностей человека, на которого направлено данное существительное, и следствия этих недостатков – определенных действий и слов с его стороны (с точки зрения самого производителя приведенного выше речевого акта). В следующем предложении мы наблюдаем функционирование двух примеров литературных существительных, но обладающих при этом отрицательно-оценочной коннотацией, а именно, негативной реакцией на человека, на его ранние действия и недостаток сообразительности опять же с позиции говорящего: "You fucking *idiot...* a *moron...* They spent it!" Josef shouted in exasperation [14].

Итак, по нашему мнению, распространение вульгарного сленга в диалогах начала XXI в., а особенно в разговорной диалогической речи, произносимой под воздействием сильнейших негативных эмоций, имеет вполне объяснимый характер. Грубое фривольное общение становится приемлемым в современном обществе, оно – показатель могущества и превосходства его произносящего, как ему кажется, а соответствующая лексика помогает сделать высказывание более интенсивным и жестким, что также является целью аффективных реплик, направленных, например, на выражение презрения или оскорбление собеседника. С другой стороны, подобные маркеры аффектов свидетельствуют об интеллектуальном развитии говорящего, о его умении сдержаться или не сдержаться в напряженных ситуациях, когда наиболее четко вырисовывается уровень его социального и психического развития.

В заключение можно сделать вывод о том, что постоянно расширяющийся диапазон использования разговорной сниженной лексики в художественных диалогах конца XX – начала XXI в. наглядно иллюстрирует тенденцию к «опросторечиванию» и внедрению все большего количества нецензурных ругательных существительных, в особенности в аффективные интеракции. По нашему мнению, это объясняется снижением уровня образованности и культуры и самих авторов, так как в ходе исследовательского процесса мы заметили, что именно в произведениях более молодых и менее известных авторов (в особенности XXI в., когда писательская деятельность достигла особой популярности среди начинающих или пока не зарекомендовавших себя авторов) количество подобной лексики несколько выше, чем в произведениях более опытных и читаемых писателей.

Примечания

1. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента англ. просторечия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. С. 77.
2. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 374.
3. Бучинская Т. Л. Лексико-семантическая характеристика молодежного сленга: дипл. раб. Винница, 2010.
4. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. С. 90–92.
5. Broken Promises / Sheila Marie Hopkins. L.: 1994. С. 47.
6. Там же. С. 94.
7. The final Diagnosis / Arthur Hailey. М. Айрис-пресс, 2006. С. 302.
8. Swift / James Follett. L.: Mandarin, 1991. С. 108.
9. Rain / Stephen Gallagher. L.: New English Library / Hodder and Stoughton, 1991. С. 12.
10. The Value of Life / Andy Crowson. Smashwords Edition, 2005. P. 22.
11. Там же. С. 114.
12. Там же. С. 38.
13. Spy Shadow / Tim Sebastian. Toronto etc.: Bantam Books, 1990. С. 43.
14. Там же. С. 114.

Notes

1. Khomyakov V.A. *Vvedenie v izuchenie slenga – osnovnogo komponenta angl. prostorechiya* [An introduction to the study of slang - the main component of English colloquialisms. Moscow. LIBROKOM. 2009. P. 77.
2. Big encyclopedic dictionary. 2nd ed., rev. and ext. Moscow. AST: Astrel. 2008. P. 374.
3. Buchinskaya T. L. *Leksiko semanticheskaya harakteristika molodezhnogo slenga: dipl. rab* [Lexical semantic characteristics of youth slang: dipl. work]. Vinnitsa. 2010.
4. Galperin I. R. *Ocherki po stilistike anglijskogo yazyka* [Essays in stylistics of the English language]. Moscow. 1958. Pp. 90-92.
5. Broken Promises / Sheila Marie Hopkins. L.: 1994. С. 47.
6. Ibid. P. 94.
7. The final Diagnosis / Arthur Hailey. M iris press, 2006. С. 302.
8. Swift / James Follett. L.: Mandarin, 1991. С. 108.
9. Rain / Stephen Gallagher. L.: New English Library / Hodder and Stoughton, 1991. С. 12.
10. The Value of Life / Andy Crowson. Smashwords Edition, 2005. P. 22.
11. Ibid. P. 114.
12. Ibid. P. 38.
13. Spy Shadow / Tim Sebastian. Toronto etc.: Bantam Books, 1990. С. 43.
14. Ibid. P. 114.

УДК 7(470)“1656/1658”

С. М. Балугев

Проблема профессионального искусства в Древней Руси («Послание Симону Ушакову» (1656–1658) Иосифа Владимировича)

The article considers the matter of the utterances of the «Message to Simon Ushakov» by Iosif Vladimirov. The author shows that it is in the pamphlet by Vladimirov that the origins of a realistic representation of the life of professional art and of emerging method of Russian art criticism. Special attention is rendered to such notions as “professional art”, “handicraft industry”, “second-hand dealer”, in the whole context of Vladimirov’s concept. The principal purpose of the paper is to show the inner wholeness of the views of Vladimirov’s, reveal the possibility of using Vladimirov’s ideas within the history of art. The article argues with a common view that the «Message to Simon Ushakov» is a scientific treatise. The writer’s opinion is that the answer to the question of origins genre of message should be sought in the history of publicism.

В статье исследуются положения «Послания Симону Ушакову», принадлежащего перу Иосифа Владимировича. Автор отмечает, что в сочинении Владимировича реалистически отражены жизнь профессионального искусства и формирование метода русской художественной критики. Особое внимание

уделено таким понятиям, рассмотренным в широком контексте воззрений Владимирова, как «профессиональное искусство», «ремесленное производство», «перекупщики». При этом основной задачей статьи было показать внутреннюю цельность взглядов Владимирова, обнаружить возможность применения его идей в историческом развитии искусства. В статье оспаривается мнение о том, что «Послание Симону Ушакову» – научный трактат. Автор придерживается той точки зрения, что ответ на вопрос об истоках жанра послания следует искать в истории публицистики.

Ключевые слова: русская художественная критика, Иосиф Владимиров, Симон Ушаков, профессиональное искусство, живопись.

Keywords: Russian artcriticism, Iosif Vladimirov, Simon Ushakov, professional art, painting.

Искусствоведами и историками давно отмечен тот факт, что в средневековой русской «иконописи сосуществовали господский и крестьянский» стили [1]. В XVII в., когда «в большей степени, чем в предыдущую эпоху, проявляется социальная неоднородность русского общества» [2], эти стилевые тенденции вступили в противоречие. Раскрыть его смысл помогает привлекавшее, начиная с XIX в., внимание исследователей «Послание царскому изографу Симону Федоровичу». Рукопись принадлежит перу Иосифа Владимирова, работавшего в 1640–1660-е гг. в качестве живописца и знаменщика (рисовальщика. – С. Б.) в Ярославле, Москве и Ростове Великом.

Автор произведения входил в круг известных представителей сообщества изографов второй половины XVII в. Тесная дружба связывала его с адресатом послания, близким ко двору Симоном Ушаковым, признанным мастером-иконописцем, который в 1648–1664-е гг. работал знаменщиком Серебряной палаты, «а с 1664 по 1686 год занимал место первого художника в Оружейной палате» [3]. В первой половине 1660-х гг. и сам Владимиров – единственный штатный знаменщик Московского печатного двора, типографии, которая, превратившись к середине XVII в. в центр разработки идеологии правящей династии, «была в большое состояние и умножение произведена» [4].

В 1964 г. Е. С. Овчинникова опубликовала «Послание Симону Ушакову» [5], которое датируется 1656–1658 гг. [6]. Во вступительной статье историком были подвергнуты критике редакторы, подготовившие в 1937 г. фрагменты рукописи для публикации в четырехтомнике «Мастера искусства об искусстве». Овчинникова, в частности, выделила факт недопустимого вмешательства в текст, когда, печатая произведение под заглавием «Трактат об иконописании», «издатели не оговаривают даже, что название является их собственным домыслом» [7].

Екатерина Овчинникова сочла, что название «Трактат об иконописании» – неудачное, «необоснованно суживающее содержание этого труда, обширного по своему замыслу» [8]. В сборнике «Древнерусское искусство. XVII век» рукопись напечатана под заглавием «Послание некоего изюграфа Иосифа к цареву изюграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу». Оно приведено публикатором по единственному имеющему заголовок списку сочинения Владимирова из собрания Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. ОСРК. Q. I. 1101. кон. XVII в.).

В то же время в предпосланной публикации статье Овчинникова называет произведение изографа Иосифа трактатом об искусстве. Тем самым исследователь подчеркивает, что проблематика сочинения Владимирова в большей степени относится к области науки. Однако нельзя игнорировать то обстоятельство, что в трудах русских библиографов и историков литературы начиная с 1820-х гг. труд Владимирова фигурирует именно как «Послание царскому изографу Симону Федоровичу от изографа Иосифа» [9].

Это заглавие говорит о сосредоточенности автора на важных, представляющих интерес для царского изографа проблемах. К. Ф. Калайдович и Ф. И. Буслаев, надо полагать, видели здесь выражение публицистичности произведения и поэтому именовали рукопись посланием. Ведь в допетровской литературе «послание существовало как прозаический эпистолярно-публицистический жанр: обращение какого-либо авторитетного общественного или политического деятеля к другому лицу по важному вопросу» [10].

В тексте Владимирова имеются прямые авторские маркировки эпистолярно-публицистического жанра – названия: **«Цареву агиографу и мудрейшему живописцу Господину Симону Федоровичю, упованием будущих благ о бозе радоваться |Царскому художнику и**

искуснейшему живописцу господину Симону Федоровичу желаю радоваться о боге в надежде на дарование будущих благ» (с. 24); «И о сих **благоразсудный господине, Симоне Федоровичю**, елико ти бог просветит очи сердечнии, усердно вся наша разсмотри |*И об этом, рассудительный господин Симон Федорович, поскольку бог просветлил твои “сердечные очи”, усердно все [написанное здесь нами] рассмотри*|» (с. 28) и др.

И, тем не менее, изучавшие произведение исследователи не склонны относить его к критической публицистике. Так, принадлежность «Послания Ушакову» к научной прозе в 1974 г. обосновывал А. А. Салтыков, обративший внимание на то, что в состоящем из двух частей произведении «в обеих частях рассматриваются одни и те же вопросы живописи», но во второй части они «разработаны с большей полнотой». По мнению исследователя, фиксированная им «сложность построения “Послания” такова, что по существу оно выходит за рамки обычного эпистолярного произведения и приобретает характер “научного” для своего времени трактата» [11].

Такая аргументация суждения о типе текста явно недостаточна. В завершающей части послания автор, полемизируя с архидиаконом Иоанном Плешковичем, подчас действительно развивает и углубляет положения, выдвинутые в первой части сочинения. Но это делается в рамках единой стратегии: в начальном разделе вопросы ставятся и обсуждаются позитивно, в обращениях к alter ego пишущего, во второй же части Владимирова оспаривает мнение своего идейного противника.

Резкое противопоставление образов сподвижника автора и его антагониста повышает эффективность убеждающей коммуникации. Характерная для патетической публицистики барокко антитеза оттеняется средствами стилистической отделки текста: эпитетами, метафорами и выразительными олицетворениями. «Мудрейшему живописцу господину Симону Федоровичю» обращены такие, например, слова: «Иосиф Изуграф твоему **благоумному верху** целование воздаю <...> много обогатихся слухом **доброполезных** словес в **сладкогласной** беседе **медоточных уст твоих** | [Я] Иосиф художник, приветствую твою высокую мудрость <...> [Я] много обогатился <...> слушая хорошие и полезные речи из твоих медоточивых уст|» (с. 24).

В иной тональности во второй части говорится о «сурове и злоречивехульнике на живописание святых икон» |*грубом и злоречивом хулителе живописания святых икон*| Иоанне Плешковиче (с. 24). Позиция оппонента характеризуется автором послания с подлинно публицистической страстностью: «Ты ли ныне, блекотливый козлице, своими ложными вещаньми хочещи живописание низложити |*Теперь ты, пустословящий козлице, своими ложными вещаниями хочещи живописное искусство низвергнуть*|» (с. 55).

Свойственная барочной публицистике сгущенная эмоциональная окраска высказываний, сочетание средств высокого стиля (*ложными вещаньми, низложити*) и просторечия (*блекотливый*) делают хорошо заметными главные смысловые акценты, выделяя тенденции, которые отстаивает автор. В результате читатель получает возможность быстро ориентироваться в тексте произведения. К тому же эмоциональность типичной для публицистики, обращенной в будущее и построенной как совет (делиберативной) речи оттеняет субъективный характер авторских оценок. Эффект усиливается за счет обнажения перед читателем личности публициста (с этой целью и показаны: его сердечный друг и идейный враг).

При всем том личностный характер суждений, высказанных в «Послании Симону Федоровичю», ни в коей мере не обуславливает снижение научного уровня авторской мысли. Такое снижение лишило бы текст смысла, так как речь в произведении Владимирова идет об многосложных обстоятельствах художественной жизни, осмыслить которые можно, лишь имея теоретическую подготовку. Но в отличие от автора научного текста, задача которого – объективное представление выработанных знаний, публицист их не просто презентует, но использует, применяет в ходе анализа фактов, отобранных с учетом актуальности и общественной значимости.

Проводя намеченную таким образом границу, можно с определенными основаниями видеть в послании царскому изографу произведение критической публицистики. Это, между прочим, ощущает и Александр Салтыков, когда ставит в статье «Эстетические взгляды Иосифа Владимирова» цель: «уточнить его (Владимирова. – С. Б.) место в развитии русской художественно-общественной мысли XVII в.» [12] (курсив наш. – С. Б.). И все же исследователь выявляет преимущественно научный, теоретический характер сочинения средневекового русского книжника.

Основываясь на подробном разборе фактов, Салтыков характеризует труд Владимировича как попытку «преодолеть интерпретирующий характер древнерусского искусства и поставить новые художественные задачи». Сочинение изографа Иосифа, пишет исследователь, показало: в русской эстетике XVII в. наметился «разрыв с символично-истолковательным содержанием древнерусского искусства при незначительном еще отходе от сложившихся форм» [13]. Салтыковым сделан также вывод о том, что источник эстетических идей автора «Послания к Ушакову» «в конечном смысле» – западный, хотя он «и его современники еще слишком чужды психологизму западноевропейского искусства» [14].

Продолжая мысль, искусствовед отмечает «глубоко противоречивый характер теории «живоподобия», выдвинутой Владимировичем. Ее центральное положение – писать «светло и румяно, тенно и живоподобно» (с. 52), наделяя при этом образ свойствами «идеального», не могло, по мнению исследователя, «удовлетворить потребности искусства, и поэтому “живоподобный” стиль скоро был отброшен в ходе коренных преобразований XVIII в., не оказав никакого влияния на дальнейшее развитие русского искусства» [15].

Думается, выводы относительно значения, которое приобрели мнения и оценки Владимировича в процессе становления национальной школы изобразительного искусства, можно дополнить и притом без пересмотра понятных объяснений их исторически обусловленной ограниченности. Более полное представление о роли изографа Иосифа в процессе развития художественно-общественной мысли России второй половины XVII в. можно составить в исследовании коммуникативных намерений автора «Послания Симону Федоровичу» как критико-публицистического произведения.

Уже отмечалось, что Салтыков, рассматривая теорию «живоподобия», делает ударение на отсутствии в ней резкого разрыва со средневековой традицией. Искусствовед находит, что в основе требования идеализации изображения лежит сделанная теоретиком «важная уступка прошлому» [16]. По мнению исследователя, «то, что современники воспринимали как едва ли не революционные преобразования в искусстве, на фоне общего исторического развития оказалось всего лишь компромиссом. Но дух компромисса, – заключает Салтыков, – неприемлем для истории» [17].

Спорное утверждение скрывает незамеченную взаимосвязь традиции и новаторства в теориях русского книжника XVII в. А между тем еще в 1861 г. академик Ф. И. Буслаев, публикуя в «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языков» отрывки из «Послания Симону Федоровичу», писал, что сочинение это служит «существенным дополнением к *иконописным подлинникам*» [18; курсив Буслаева. – С. Б.]. Изограф Иосиф, бесспорно, видит в них «выражение деятельности мастеров многих поколений» [19].

Вместе с тем критик-публицист пишет о невозможности использования подлинника в качестве инструмента, который может быть употреблен в целях придания художественной жизни импульса развития: «Что же ныне рещи о подлинниках тех? У кого они есть истиннии и где аще и обрящещи у иконописцов зде, но различны суть и неправлены, ни весьма свидетельствованы, или из друкарни бы выданы [*Что же ныне сказать о тех подлинниках? У кого они верные [исправные]? И если где и найдутся здесь [у кого-нибудь из] иконописцев, то все они различны [между собой] и неисправны, не освидетельствованы и не напечатаны в типографии*]» (с. 32).

В описанной ситуации, по словам Владимировича, «по презорству ли то мудрых, или начальнейших нерадением, и небрежением духовных поущена ведомость такова художества простаком и неукам на самовольстве без подобника неискус не марати злообразные и неистовые иконы [*из-за пренебрежения ли то разумных, или по нерадению начальников, или по небрежности духовных [лиц] допущено ведать художеством простакам и неучам, которые самовольно, без подлинника неискусно марают злообразные и плохие иконы*]» (с. 33). Ответ на содержащийся здесь косвенный вопрос о причинах падения художественного уровня произведений иконописи дается во второй части послания.

Среди инвектив, которыми автор осыпает Иоанна Плешковича, есть такая: «Не и ты ли ныне, Плешковиче, подобне мудрствуешь, со жиды пресветлому и радостотворному лицу Христову зазираеши, и законополагаешь постным и умерщвленным лицом Христов образ описывать? И указуешь во образец закоптелье и старые иконы, были меженью олифлены или в печи подсымажены. То бо не премудраго художества, но просальскоемшелодейство есть [*Не ты ли ныне, Плешкович, подобно рассуждаешь, в согласии с иудеями пресветлый и дарящий*

радость лик [образ] Христов осуждаешь и требуешь, чтобы изображали Христа с постным и изможденным лицом? И указываешь художникам, [в качестве] образца, закоптелые и старые иконы, которые были меженью олифлены или в печи задымлены [поджегою], это ведь не искусное художество, а торгашеская корысть!» (с. 52) (Е. С. Овчинникова ошибочно переводит словосочетание «просальское мшелодейство» как деревенское изделие [20]).

Широкомасштабное производство «злообразных» икон, которые «в печи подсмяжены», становится возможным «бо дерзость плохописания иконного пронице от неискусных мазарев и от осначев тех, кои иконоторжством кормятся |потому что дерзость плохого написания икон проникла к нам от неискусных “мазарей” и перекупщиков, которые кормятся от торговли иконами|» (с. 36). Свойственная барочной публицистике экспрессия, соединяясь с эмоциональностью, рельефно выделяет жизненный смысл, заложенный в произведение автором, который ставит вопрос о подрыве экономических основ существования на Руси профессионального искусства.

Владимиров описывает то, как действуют в погоне за прибылью корыстолюбивые посредники: «И простую чадь осначи те своими блядословьми обаяючи, глаголют, яко от доброписания прощи не бывает, а в чудотворных иконах, и плохово де письма, много. И то слышавше, сельстии жители добрых писем не збирают, а ищут дешевых икон. Егда и зело плоху видят икону, но мнят такое письмо и чудотворно, а се и купят непроторно |И перекупщики, своими обманными словами оболъщая простой народ, говорят, что от хорошо написанных [икон] не бывает прощения грехов, а в иконах плохого-де письма много чудотворной [силы]. И то услышав, сельские жители не покупают хорошо написанных икон, а ищут дешевых. Когда и очень плохую увидят икону, думают, что такое письмо чудотворно и тут же покупают ее!» (с. 33).

Намерение автора послания, стремившегося представить в сочинении «критику существующего положения» дел в искусстве [21], без сомнения, реализуется. Однако не все введенные в научный оборот подтверждающие это факты комментировались. Так, например, изучая сохранившиеся списки сочинения изографа Иосифа, Екатерина Овчинникова установила, что в тексте экземпляра из собрания РГБ [22] имеется правка, которая была внесена не Владимировым [23]. По всей видимости, результатом редакторского вмешательства было и сокращение текста (список РГБ начинается, если сравнивать с послужившим основой для публикации Овчинниковой списком из собрания А. С. Уварова, с л. 12 об. и обрывается на л. 51 об. [24]).

Предположение о природе купюр имеет под собой основания. В заключительном фрагменте, отсутствующем в списке из отдела рукописей РГБ, патриарх Никон титулуется великим государем (см.: с. 55). Кроме того, в сокращенных редактором начальном и заключительном фрагментах послания делаются ссылки на решения Стоглавого собора (1551 г.) об «иконном благоустроении». При этом мнение, на которое, как считает Владимиров, подобает опираться, подкрепляя суждения о данном вопросе, – царское. Автор «Послания Симону Федоровичу» ищет и находит прямые для себя указания у «благоверного государя царя и великого князя Иоанна Васильевича <...> в книзе |книге| его <...> по главам: в 27 и в 41, и в 43, и 74, и в последней, в 100 главе» (с. 25).

Так и священство, с точки зрения изографа Иосифа, должно руководствоваться волей монарха даже в чисто, казалось бы, церковных делах, подобных «иконному благоустроению». Такой смысл придает рассуждению интертекстуальный знак, цитата из «Стоглава»: «во царствующему бо граде Москве и по всем градом по царскому совету преосвященному митрополиту и архиепископом и епископом: беречи о много различных церковных чинех, паче ж о святых и честных иконах и о живописцах, и каковым подобает им быти |в царствующем городе Москве и по всем городам по царскому совету преосвященному митрополиту, архиепископам и епископам: заботиться о многих различных церковных чинах больше же всего о святых и честных иконах и о живописцах, и каким им подобает быть|» (с. 55). Принимая это во внимание, можно толковать намерения редактора Владимирова.

Он не мог не учитывать тот факт, что в 1666 г. патриарх Никон был осужден и низложен московским собором архиереев главных церквей православного востока, после чего, как прекрасно понимал, сокращая текст, редактор, исключалось его титулование великим государем. Помимо этого логика сокращений отразила стремление редактора проникнуть послание духом компромисса, достигнутого на «великом соборе». Его участники, как известно,

отвергли притязания Никона на то, чтобы признавать «священство выше царства». Но в то же время греческие и русские иерархи после долгих споров пришли к согласию относительно того, что царь должен иметь преимущество в государственных делах, а патриарх – в церковных [25].

Объяснение мотивов правки текста Владимирова подтверждают результаты проведенного Екатериной Овчинниковой палеографического анализа, основываясь на которых, она пришла к выводу о том, что список РГБ сделан после 1666 г. [26], то есть после окончания «великого собора». В сложившейся ситуации редактор сочинения Владимирова, а им, как с определенной долей уверенности предположила Овчинникова, мог быть С. Ф. Ушаков [27], стремился актуализировать идеи Владимирова, обеспечивая читателю доступ к его сочинению в новых политических условиях.

Вдумчивый и заинтересованный читатель-редактор, естественно, хотел выделить те положения, ради сохранения которых в общественном сознании и осуществлялась модернизация текста. Поэтому обнаруженная Овчинниковой в списке РГБ правка – уникальный источник. Исправления и дополнения указывают на то, как «человеком, близко стоящим к автору послания» [28], воспринимались коммуникативные намерения изографа Иосифа.

В связи с этим характерны поправки на л. 824 об. списка, вплетенного в Хронограф № 458 из собрания РГБ. Первоначально в рукописи было: «Художницы ж тех мудрии зографы и во градех даньми и тяготами и налоги отягощаются облагаются умоляются, крыются мнозии |А в городах искусных художников-живописцев облагают податями и отягощают тяглом, [из-за этого] многие мельчают, скрываются|» [29] (см. также: с. 35). Редактор высказанную мысль конкретизирует: «Художницы ж тех мудрии зографы и во градех презираются и, яко простолюдины, даньми и тяготами облагаются мнозии |А в городах многих искусных художников-живописцев считают недостойными [людьми] и как простолюдинов унижают и облагают податями и отягощают тяглом|» [30] (см. также: с. 35).

Следом за этим в текст вносится дополнение: «...кузнецом оклады и корм больш [е] и портным мастером; кузнецы и каменьщики обелены; подьячий же чин честнее дослуживаются дьячества |кузнецы и портные обелены [находятся в более выгодном положении, чем тяглые (черные) люди], их содержание и довольствие больше; подьячие могут, служа честно, стать дьяками|» [31] (см. также: с. 35). Если рассматривать дополнение наряду с описанными выше поправками, обнаруживается стратегия редактирования: текст совершенствуется с целью привнести важные оттенки смысла в суждения автора о крайне неудовлетворительном положении изографов.

Вносимые исправления помогают читателю осознать: проблема в том, что не определено место художника в структуре общества. Он не служит государству, как приказный (подьячий, дьяк), и не «обелен», подобно ремесленникам, исполняющим заказы воинства (кузнецам и портным). Анализ обнаруженных Екатериной Овчинниковой на листах списка РГБ исправлений дает основания для формирования не одностороннего, а широкого взгляда на то, как в «Послании Симону Федоровичу» ставится вопрос о разделении ремесла и искусства.

Александр Салтыков увидел «очевидную пристрастность» Владимирова в его критике «народной иконописи». Искусствовед пишет: «Объектом этой очень резкой критики является современное ему (Владимирову. – С. Б.) “неискусное” иконописание – “плошье”. С чувством немалого превосходства он обрушивается на шуян, холюян и палешан, которые пишут дешевые иконы и распространяют их в народе» [32].

В действительности же автором послания движет не чувство превосходства над мастерами иконописных промыслов, а обеспокоенность, если не сказать страх, который вызван мыслью о судьбах профессионального искусства. Угрозу «премудрому иконному художеству», по мнению Владимирова, таит в себе диктат рынка ремесленной продукции. И главные игроки на нем не шуяне и палешане, а посредники-перекупщики «езде бо по деревням и по селом прасолы и осначи иконы крошнями таскают <...> прасол у прасола перекупают, что и простагощепьяпо сту и по тысящи |езде по деревням и по селам прасолы и осначи таскают иконы корзинами <...> продавец у продавца перекупает [иконы те] по сто и по тысяче, как простое щепье|» (с. 33).

Владимиров понимает: профессиональное, «премудрое» искусство располагает потенциалом постоянного обновления. Однако критик-публицист видит, что многое препятствует его раскрытию русскими изографами, которые «не токмо от своих пользуетельная наказа-

ния готовы принимать, но иностранных достойная ко исправлению желают [*не только от своих художников готовы принимать полезные указания, но и от иностранцев – все достойное [важное] для усовершенствования искусства*]» (с. 60). Несмотря на это движение к новому по существу невозможно, так как мастерам, не имеющим никаких социальных гарантий, приходится противостоять натиску рынка.

Владимиров ярко и выразительно обосновывает необходимость изменения положения. В «возразительном отписании» Плешковичу показано, что профессиональное искусство близко устремленному в будущее русскому народу: «Мню, яко от невежескаго его (Плешковича. – С. Б.) разсуждения тако мудрствует или от лукаваго помышления хотя покуситины, возмнев, яко Руси безрасудне, всякую старину любят и того ради иныя и неправописаньево иконах вещи не в лепоту за старинский обычай похваляет [*Думаю, что [он] (Плешкович. – С. Б.) из-за неосведомленности так рассуждает [предпочитая старые иконы новым] или от лукаваго помысла, желая искушать нас, возмнив, что русские безрасудно, всякую любят старину; и ради того они неправильно написанные, некрасиво изображенные на иконах вещи хвалят за старину*]» (с. 25).

Сочинение Владимирова оказало глубокое воздействие на процесс становления русской художественной школы. По всей видимости, соображения «изуграфа Иосифа» о социальном статусе иконописцев были учтены при составлении жалованной им грамоты царя Алексея Михайловича 1669 года, где он их называет «тщаливии и честные икон святых писатели, яко истинные церковницы, благолепия художницы» [33]. А полвека спустя в столице России откроется, – и не одно, – организованное по европейскому образцу «премудрое живописующих училище» (с. 55), какие восхищали критика.

У приехавших из Европы по приглашению Петра I «маистров в живописных науках», как называл их Владимиров, станут учиться будущие профессионалы. Пройдет столетие с момента, когда было написано «Послание Симону Федоровичу», и в российском государстве создадут Петербургскую Академию художеств – национальный центр профессионального изобразительного искусства. Будет воплощаться в жизнь смелая мысль русского иконописца-книжника, первым в стране критически судившего о том, «яко же свободну быти живописующему художеству благочестивому и всечестному делу» [34.] (см. также: с. 35).

Примечания

1. Миронов Г. Е. Иконопись XVII века: находки и утраты // История государства Российского: Хрестоматия. Свидетельства. Источники. Мнения. XVII в. / авт.-сост. Г. Е. Миронов: в 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во «Кн. палата», 2000. С. 315–327.

2. Там же.

3. Бекенева Н. Г. Симон Ушаков. 1626–1686. Л.: Художник РСФСР, 1984. С. 12.

4. Покровский А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII века // Древности: Труды Императорского московского Археологического общества. М.: [В тип. В. И. Воронова], 1914. Т. 23. Вып. 2. С. 72.

5. См.: Владимирова И. Послание некоего изуграфа Иосифа к цареву изуграфу и мудрейшему живописцу Симону Федоровичу // Древнерусское искусство. XVII век / АН СССР; Ин-т истории искусств Министерства культуры СССР; редкол.: В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова, В. В. Косточкин. М.: Наука, 1964. С. 24–61. В дальнейшем при цитировании текст послания приводится по этому изданию, где он опубликован по списку из собрания А. С. Уварова, хранящемуся в отделе рукописей Государственного исторического музея, с учетом всех известных списков и с упрощением графики (титла раскрыты; «ъ» в конце слов опущен; «ь» введен в середине и в конце слов; если по правилам современного правописания это требуется, буквы «і», «ѣ», «Ѧ», «Ѧ», «Ѧ» заменены везде буквами «и», «е», «ф», «у», «я»; буквы-цифры заменены цифрами; знаки препинания современные); перевод Е. С. Овчинниковой. Ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

6. См.: Салтыков А. А. Эстетические взгляды Иосифа Владимирова (по посланию к Симону Ушакову) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVIII: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. Л.: Наука, 1974. С. 273.

7. Овчинникова Е. С. Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве // Древнерусское искусство. XVII век / АН СССР; Институт истории искусств Министерства культуры СССР; редкол.: В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова, В. В. Косточкин. М.: Наука, 1964. С. 9.

8. Овчинникова Е. С. Россия семнадцатого и восемнадцатого веков. Изобразительные искусства // История европейского искусствознания. От Античности до конца XVIII века / отв. ред. Б. Р. Виппер, Т. Н. Ливанова. [разд.] 6. [§] 2. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 16.

9. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, Двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстого: издание К. Калайдовича и П. Строева. М.: [В тип. С. Селивановского], 1825. С. 239–240; см. также: Из послания изографа Иосифа к царице живописцу Симону Федоровичу Ушакову (по рукоп. графа А. С. Уварова) // Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / подгот. текста Ф. И. Буслаева. М.: [В университет. тип.], 1861. Стб. 1449–1454.

10. *Артемова С. Ю.* Стихотворное послание // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 172.

11. *Салтыков А. А.* Указ. соч. С. 275.

12. Там же. С. 272.

13. Там же. С. 288.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же. С. 281.

17. Там же. С. 288.

18. *Буслаев Ф. И.* Примеч. к публикации «Из послания изографа Иосифа к царице живописцу Симону Федоровичу Ушакову (по рукоп. графа А. С. Уварова)» // Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М.: [В университет. тип.], 1861. Стб. 1453–1454.

19. *Буслаев Ф. И.* Общие понятия о русской иконописи // *Древнерусская литература и православное искусство.* СПб.: Лига Плюс, 2001. С. 63.

20. См.: *Владимиров И.* Трактат об искусстве // *Мастера искусства об искусстве: в 7 т. М.: Искусство, 1969. Т. 6. С. 40.*

21. *Овчинникова Е. С.* Россия семнадцатого и восемнадцатого веков... С. 326.

22. Рассуждение об иконописном мастерстве // *Хронограф. Летописец от сотворения мира. ОР РГБ. Ф. 256. № 458. 2. [Б. м.]: первая половина XVII в. Л. 820–834 об.*

23. *Овчинникова Е. С.* Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве... С. 20.

24. Там же.

25. См., напр., *Дело о патриархе Никоне.* СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1897. С. 323–329.

26. *Овчинникова Е. С.* Иосиф Владимиров. Трактат об искусстве... С. 20.

27. Там же.

28. Там же.

29. Рассуждение об иконописном мастерстве... Л. 824 об.

30. Там же.

31. Там же.

32. *Салтыков А. А.* Указ. соч. С. 277.

33. *Кукольник Н. В.* Русская живописная школа // *Картины русской живописи* / под ред. Н. В. Кукольника. СПб.: В тип. III Отдел. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1846. С. 7.

34. Рассуждение об иконописном мастерстве... Л. 824 об.

Notes

1. Mironov G.E. *Ikonopis' XVII veka: nahodki i utraty* [Icon-painting of the XVII century: findings and losses] // *Istoriya gosudarstva Rossijskogo: Hrestomatiya. Svidetel'stva. Istochniki. Mneniya. XVII v.* - History of the Russian state: reading book. Testimonies. Sources. The views. XVII century / ed. comp. G. E. Mironov: in 2 books. Book 2. Moscow. Knizhnaya Palata Publ. 2000. Pp. 315-327.

2. Ibid.

3. Bekeneva N.G. *Simon Ushakov. 1626–1686* [Simon Ushakov. 1626-1686]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR. 1984. P. 12.

4. Pokrovsky A. A. *Pechatnyj Moskovskij dvor v pervoj polovine XVII veka* [Moscow print court in the first half of the seventeenth century] // *Drevnosti: Trudy Imperatorskogo moskovskogo Arheologicheskogo obshchestva* - Antiquity: Proceedings of the Imperial Moscow Archaeological society. Moscow. [In typography of V. I. Voronov]. 1914. Vol. 23. Is. 2. P. 72.

5. See: I. Vladimirov *Poslanie nekoego izugrafa Iosifa k carevu izugrafu i mudrejshemu zhivopiscu Simonu Fedorovichu* [Message of isograph Joseph to tsar's isograph and wisest painter Simon Fedorovich] // *Drevnerusskoe iskusstvo. XVII vek* - Ancient art. XVII century / the USSR Academy of Sciences; Institute of history of arts of the USSR Ministry of culture; editorial board: V. N. Lazarev, O. I. Podobedova, V.V. Kostochkin. Moscow. Nauka. 1964. Pp. 24-61. In the future, when quoting the text of the message is given in this edition, where he published the list from the collection of A. S. Uvarov, stored in the Department of manuscripts at the State historical Museum, taking into account all known lists and simplified graphics (title disclosed; «ъ» at the end of words omitted; «ь» introduced in the middle and at the end of words; if the rules of the modern spelling is required, the letters «і», «ѣ», «ѐ», «ѱ», «Ѳ» are replaced everywhere by the letters «и», «е», «ф», «у», «я»; letters-numbers replaced by numerals; punctuation modern); translated by E. S. Ovchinnikova. References to this edition are given in the text in parentheses with the page.

6. See: Saltykov A.A. *EHsteticheskie vzglyady Iosifa Vladimirova (po poslaniyu k Simonu Ushakovu)* [Aesthetic views of Joseph Vladimirov (by the message to Simon Ushakov)] // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. XXVIII: Issledovaniya po istorii russkoj literatury XI-XVII vv* - Proceedings of the Department of old Russian literature. Vol. XXVIII: Studies on the history of Russian literature of the XI-XVII centuries. Leningrad: Nauka. 1974. P. 273.

7. Ovchinnikova E. S. *Iosif Vladimirov. Traktat ob iskusstve* [Joseph Vladimirov. A treatise on the art] // *Drevnerusskoe iskusstvo. XVII vek* - Ancient art. XVII century / the USSR Academy of Sciences; Institute of history of arts of the USSR Ministry of culture; editorial board. C. N. Lazarev, O. I. Podobedova, V.V. Kostochkin. Moscow. Nauka. 1964. P. 9.

8. Ovchinnikova E. S. *Rossiya semnadcatogo i vosemnadcatogo vekov. Izobrazitel'nye iskusstva* [Russia of seventeenth and eighteenth centuries. Fine art] / *Istorija evropejskogo iskusstvoznaniya. Ot Antichnosti do konca XVIII veka* - History of European art. From Antiquity until the end of the eighteenth century / resp. ed. B. R. Vipiper, T. N. Livanova. [sec.] 6. [§] 2. Moscow. Publishing house of Academy of Sciences of the USSR. 1963. P. 16.

9. *Obstoyatel'noe opisanie slavyano rossijskih rukopisej, hranyashchihsy v Moskve v biblioteke tajnogo sovetnika, senatora, Dvora Ego Imperatorskogo Velichestva dejstvitel'nogo kamergera i kavalera grafa Fedora Andreevicha Tolstogo* [A detailed description of Slavic Russian manuscripts held in Moscow in the library privy advisor, Senator, the court of His Imperial Majesty valid Chamberlain and knight of count Fyodor Andreyevich Tolstoy]: the edition of K. Kalajdovich and P. Stroev. Moscow. [In typogr. of S. Selivanovsky], 1825. Pp. 239-240; see also: from epistle of painter Joseph to tsar's painter Simon Fyodorovich Ushakov (recop. Earl A. S. Uvarov) // *Istoricheskaya hrestomatiya cerkovnoslavyanskogo i drevnerusskogo yazykov* - Historical anthology of Church Slavonic and Russian languages / prepared text by F. I. Buslaeva. M: [in University typogr.] 1861. Columns 1449-1454.

10. Artemova S. Y. *Stihotvornoe poslanie* [Poetic message] // *Poehtika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij* - Poetics: a dictionary of relevant terms and concepts / chief scient. ed. N. D. Tamarchenko. Moscow. Kulagina's Publishing house; Intrada. 2008. P. 172.

11. Saltykov A. A. Op. cit. P. 275.

12. Ibid. P. 272.

13. Ibid. P. 288.

14. Ibid.

15. Ibid.

16. Ibid. P. 281.

17. Ibid. P. 288.

18. Buslaev F. I. *Primech. k publikacii «Iz poslaniya izografa Iosifa k carevu zhivopiscu Simonu Fedorovichu Ushakovu (po rukop. grafa A. S. Uvarova)»* [Notes to the publication "From the message of the painters Joseph to tsar's painter Simon Fyodorovich Ushakov (recop. Earl A. S. Uvarov)"] // *Istoricheskaya hrestomatiya cerkovnoslavyanskogo i drevnerusskogo yazykov* - Historical anthology of Church Slavonic and Russian languages. Moscow [University typogr.] 1861. Col. 1453-1454.

19. Buslaev F. I. *Obshchie ponyatiya o russkoj ikonopisi* [General concepts of Russian icon painting] // *Drevnerusskaya literatura i pravoslavnoe iskusstvo* - Ancient literature and Orthodox art. SPb. Liga Plus. 2001. P. 63.

20. See: Vladimirov I. *Traktat ob iskusstve* [Treatise on the art] // *Mastera iskusstva ob iskusstve* - Masters of art about art. in 7 vols. Moscow. Iskusstvo. 1969. Vol. 6. P. 40.

21. Ovchinnikova E. C. *Rossiya semnadcatogo i vosemnadcatogo vekov...* [Russia in seventeenth and eighteenth centuries...] P. 326.

22. *Rassuzhdenie ob ikonopisnom masterstve* [Reasoning about the iconographic skill] // *Hronograf. Letopisec ot sotvoreniya mira* - Chronograph. The chronicler from the creation of the world. PR RSL. F. 256, No. 458. 2. [B. M.]: the first half of the XVII century. Sh. 820-834 turn.

23. Ovchinnikova E. C. *Iosif Vladimirov. Traktat ob iskusstve...* [Joseph Vladimirov. A treatise on the art...] P. 20.

24. Ibid.

25. See, e.g., *Delo o patriarhe Nikone* [The case of Patriarch Nikon]. SPb. Publ. of Archeographic Commission. 1897. Pp. 323-329.

26. Ovchinnikova E. C. *Iosif Vladimirov. Traktat ob iskusstve...* [Joseph Vladimirov. A treatise on the art...] P. 20.

27. Ibid.

28. Ibid.

29. *Rassuzhdenie ob ikonopisnom masterstve...* [Reasoning about the iconographic skill...] Sh. 824 turn.

30. Ibid.

31. Ibid.

32. Saltykov A. A. Op. cit. P. 277.

33. Kukolnik N.V. *Russkaya zhivopisnaya shkola* [Russian painting school] // *Kartiny russkoj zhivopisi* - Pictures of Russian painting / edited by N.V. Kukolnik. SPb. In typogr. III of the Dept. Private E.I.V. office. 1846. P. 7.

34. *Rassuzhdenie ob ikonopisnom masterstve...* [Reasoning about the iconographic skill...] Sh. 824 turn.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.0+39

Т. Н. Кондратьева

Актуальные тенденции развития экологического воспитания в этнопедагогике коренных народов*

В статье представлены результаты исследования особенностей экологического воспитания в этнопедагогике коренных народов. Проведенный в рамках исследования анализ позволил уточнить понятие экологического воспитания в этнопедагогике как процесса, направленного на формирование экологического сознания и экологической культуры субъекта воспитательного процесса, в основе которого лежит учет традиций и обычаев коренного народа. Этноэкологические традиции рассматриваются как взаимоотношения в системе «человек – природа», сформировавшиеся в ходе культурно-исторического развития этноса, отражающие особенности его менталитета и передающиеся между поколениями. В заключение изложены актуальные тенденции развития экологического воспитания в этнопедагогике коренных народов.

The article presents the results of studies of the environmental education in ethnopedagogics of indigenous peoples. Analysis made in the study allowed to clarify the concept of environmental education in ethnopedagogics as a process aimed at creating the conditions for the formation and development of ecological consciousness and ecological culture of the subject of educational process on the basis of ethnoecological traditions of indigenous people. Ethnoecological traditions are distinguished as peculiar features of relationships in the "society-nature" system formed during the historical development of the nation, reflecting the peculiarities of his mentality and transmitted from generation to generation. Current trends in the development of environmental education in ethnopedagogics of indigenous peoples are presented in the conclusion of the article.

Ключевые слова: коренные народы, этнопедагогика, народная педагогика, экологическое воспитание, экологическая культура, этноэкологические традиции, глобализация, глобализационные процессы, спецификация, этнокультурные феномены.

Keywords: indigenous peoples, ethnopedagogics, folk pedagogy, environmental education, ecological culture, ethnoecological traditions, globalization, globalization processes, specification, ethno-cultural phenomena.

Процесс реформирования системы образования в России включает исследование культурного наследия каждого народа с целью адаптации их образовательно-воспитательного потенциала к конкретно-историческим условиям. В связи с этим в Федеральном законе об образовании в РФ приоритетным направлением сформулировано сохранение и развитие особенностей национальных культур в образовательных и воспитательных процессах [1]. Реализация вышеназванных установок со стороны государства и правительства возможна при условии, когда многовековой опыт, накопленный за длительную историю существования разных народов, будет учитываться при разработке современных образовательных и воспитательных моделей. «Уважение к опыту предков и национальному укладу становится действительным залогом выживания и развития национальной культуры, религии и языка» [2].

На протяжении нескольких десятков лет особое место среди актуальных проблем современного национального воспитания занимает проблема экологического воспитания. В современных философских, исторических, этнографических, культурологических, педагогических и других исследованиях накоплен немалый запас теоретических знаний, позво-

* Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта НШ–2486.2014.6

ляющих получить представление о современном состоянии проблемы экологического воспитания как в рамках конкретной страны, так и в мировом масштабе.

Методологическую основу исследуемой проблемы составляют этнопедагогические (Б. Ш. Алиев, Ш. М.-Х. Арсалиев, Е. С. Бабунова, Ц. Б. Будаева, Г. Н. Волков, Ш. А. Гапуров, И. М. Гилемшин, Т. Н. Кольцова, Т. Н. Кондратьева, В. С. Кукушин, И. Е. Максимов, Н. И. Мешков, В. В. Мирошниченко, Н. Ф. Сагоякова, А. Д. Семенова, Е. С. Сергина, Э. И. Сокольникова, А. В. Хажин, М. А. Якунчев и др.) идеи о роли народного воспитания в формировании экологического мировоззрения.

Среди зарубежных исследователей, занимающихся проблемами взаимоотношения человека с природой у коренных народов, можно назвать таких авторов, как J. Banks, J. Varman, J. Blaut, B. Kanpol, G. Nabhan и др. [3]

Перечисленные направления исследований затрагивают различные аспекты экологических традиций у коренных народов, однако не решают существующих объективных противоречий

- между необходимостью формировать новый тип мышления, ориентированный на гармоничные отношения с природой, и существующей моделью образования и воспитания, формирующей утилитарно-прагматическое отношение к ней;

- возрастающей потребностью реформирования существующей системы экологического образования и недостаточной разработанностью этого вопроса на теоретическом и практическом уровнях;

- желанием сохранить экологические традиции коренных народов и отсутствием единой системы экологического образования и воспитания, позволяющей оптимизировать этот процесс, и др.

Данные противоречия подтверждают актуальность проблемы развития экологического воспитания в этнопедагогике коренных народов с учетом этноэкологических традиций, востребованных в условиях постоянного реформирования существующей системы образования.

Анализируя вышеприведенные исследования, можно предположить, что дальнейшее развитие экологического воспитания будет возможно при условии, если

- проблемы экологического воспитания в этнопедагогике коренных народов будут выявляться и своевременно решаться с учетом влияния глобализационных процессов на современную систему образования;

- при изучении опыта экологического воспитания у разных народов будут использованы традиционные и инновационные содержательно-методологические подходы;

- экологические традиции коренных народов будут проанализированы с точки зрения их реального состояния и степени востребованности в современных условиях;

- современному экологическому образованию и воспитанию будет придан системный характер;

- на государственном уровне будет принята концепция развития национальной школы на основе этноэкологических традиций.

Своеобразие современного этноэкологического воспитания заключается в наличии ряда проблем, существенно влияющих на процесс его развития.

Прежде всего, *методологические проблемы* связаны с многообразием подходов к определению понятий «этнопедагогика», «народная педагогика», «национальная школа», «экологическое воспитание» и других, а также с поиском вероятных путей изучения этноэкологических традиций коренных народов и способов их адаптации. Для этнопедагогического тезауруса базовыми являются педагогические понятия, однако немаловажная роль принадлежит философским, антропологическим, психологическим, этнологическим и другим терминам.

Проведенный анализ вышеперечисленных источников показал, что, несмотря на значительное количество определений понятия «этнопедагогика», большинство исследователей согласны с тем, что в широком понимании – это отрасль педагогики, которая исследует особенности образования и социализации этносов. Этнопедагогика имеет непосредственное отношение к традиционной культуре воспитания и широко использует данные таких наук, как философия, педагогика, психология, этнопсихология, археология, этнография и мн. др.

Предметом этнопедагогики является изучение народной педагогики как традиционной практики обучения и воспитания, исторически сложившейся у различных этносов. Отличительной особенностью этнопедагогики как науки является рассмотрение педагогиче-

ских закономерностей в традиционно-историческом контексте. При этом «воспитание» как ключевая категория выступает как естественная форма деятельности и поведения. В процессе воспитания учитываются психологические особенности представителей различных этнических групп, что важно при формировании индивидуальной образовательно-воспитательной траектории не только ребенка, но и взрослого. Национальное воспитание выступает не только фактором повышения воспитательного влияния на отдельно взятую личность, но и средством успешного развития нации в целом.

С учетом вышесказанного предположим, что в поликультурной России педагогика может эффективно функционировать преимущественно в качестве этнопедагогики. Приоритет патриотических, национальных ценностей прослеживался в свое время в объяснении К. Д. Ушинским сущности народности воспитания. В народности он видел ту основу, на которой должно строиться разумно организованное воспитание. Если педагогика будет игнорировать национальные, культурные особенности и реализовывать только некие универсальные для всех правила обучения и воспитания, то она будет безуспешной [4].

На развитие этнопедагогики как науки влияют современные социокультурные (мировые, государственные, региональные, местные и др.) и исторические (взаимосвязь прошлого, настоящего, будущего и др.) факторы. В настоящее время в качестве определяющего социокультурного фактора выступает глобализация. Социальный аспект феномена глобализации оказывает активное влияние на существующую политику в области образования [5]. С одной стороны, новые образовательные парадигмы развиваются в глобализационном контексте, с другой – образование, как важная сфера государственного взаимодействия, влияет на процесс глобализации.

Формально-организационные проблемы связаны с появлением новых образовательных моделей, направленных на оптимизацию взаимоотношений в системе «человек – природа». На рубеже XX–XXI вв. в большинстве исследований коренных народов произошли существенные содержательные изменения, специфика которых заключается в следующем:

- произошел отказ от рассмотрения традиционной культуры коренных народов в оценочно-негативной плоскости;
- в общении с представителями малых народов произошла смена установки «свои – чужие» на более гуманную – «свои – другие»;
- подтвердилась абсурдность идеи мононациональных государств и субъектов внутри них;
- с целью сохранения национальной идентичности все чаще стали появляться предложения, касающиеся возврата строки «национальность» в российские паспорта;
- в воспитании в широком смысле произошел переход от утилитарно-прагматического отношения к природе к этически-духовному;
- увеличилось число исследований, рассматривающих уникальность экологических традиций коренных народов;
- в экологическом воспитании появилось понятие «экологическая коммуникация», представляющее собой такую систему отношений в сфере «человек – природа», при которой каждое событие (природное, биосоциальное и др.) воспринимается как ответ на прошлые и условие для будущих событий.

Причины вышеназванных изменений связаны с необходимостью оптимизации взаимоотношений в системе «человек – природа», что является единственным способом решения глобальной проблемы человечества, связанной с надвигающейся экологической катастрофой. Кроме того, немаловажным является факт принятия этноэкологических традиций коренных народов в качестве базовой основы в построении нового типа взаимоотношений с окружающей природной средой, а также закрепление на государственном уровне необходимости сохранения культуры коренных народов.

Таким образом, нами было уточнено понятие экологического воспитания в этнопедагогике как процесса, направленного на формирование экологического сознания и экологической культуры субъекта воспитательного процесса, в основе которого лежит учет традиций и обычаев коренного народа. Под этноэкологическими традициями далее будем понимать взаимоотношения в системе «человек – природа», сформировавшиеся в ходе культурно-исторического развития этноса, отражающие особенности его менталитета и передающиеся между поколениями. К основным субъектам-носителям относятся человек, семья, род, конфессиональные группы, профессиональные и этнические сообщества и др.

Учитывая степень востребованности, традиции можно разделить на исторические (вымышленные, реальные) и современные (адаптированные и неизменные). Этноэкологические традиции являются своеобразным этнокультурным феноменом, определяющим психологию народа. Значение этнокультурных феноменов заключается в том, что они поставили вопрос о необходимости изучения особых факторов, влияющих на поведение конкретного человека и целые социальные группы [6].

Можно выделить ряд факторов, определяющих экологические традиции коренных народов:

- 1) природно-климатические условия, географическое положение, особенности рельефа, удаленность от центра, низкая плотность населения;
- 2) полиэтничное окружение ближней и дальней культурной дистанции;
- 3) национальный язык, предметы материальной и духовной культуры и др.

Исследование данных факторов позволило выявить отличительные особенности экологических традиций коренных народов:

- прочная сохранность, связанная с отдаленностью от центра и низкой плотностью населения;
- расширение содержания за счет этнорегиональных, этнокультурных, этноконфессиональных и других обычаев и традиций;
- действенность социальной установки «заимствуя чужое, сохраняй при этом свое»;
- особый тип равноправных взаимоотношений с природой, которая часто выступает полноправным участником диалога;
- недопустимость отношения к природе как к средству удовлетворения человеческих потребностей и др.

Что касается сферы применения, то этноэкологические традиции проявляются в воспитании и в отношениях между поколениями, закреплены в устном народном творчестве (загадки, пословицы, поговорки, сказки, эпос и др.), прослеживаются в фенологических наблюдениях, применяются в трудовой деятельности и т. д.

Конечным результатом народного воспитания является духовное и физически развитое поколение, живущее по законам гармоничного взаимодействия друг с другом и с окружающей средой.

В современном воспитании в условиях трансформирующегося общества возрастает необходимость использования адаптированных этноэкологических традиций, таких как

- сопричастное отношение к окружающей среде, верность родным местам;
- стремление к согласию, отсутствие конфликтности, агрессивности в отношениях;
- забота о детях, восприятие их как личностей с раннего возраста, в некоторых культурах с момента зачатия;
- особая значимость всех видов трудовой деятельности в воспитании и в повседневной жизни;
- ценность семейных, родовых, национальных, этических и других отношений;
- коллективное воспитание, воспитание словом и делом;
- гармоничное развитие физических, нравственных, умственных и других качеств у детей и др.

В заключение сформулируем следующие актуальные тенденции развития экологического воспитания в этнопедагогике коренных народов:

1. Ведущим направлением развития является перспективно ориентированная стратегия образования, позволяющая разрешить противоречия между глобальным развитием современного образования и уникальным национально-культурным воспитанием.

2. Существование этноэкологических традиций обусловлено рядом взаимосвязанных общих для всех и специфических для каждого конкретного народа факторов.

3. Этноэкологические традиции могут быть проанализированы и специфицированы с точки зрения их востребованности в современных условиях с учетом преемственности прошлого и настоящего.

4. В современном воспитании важно учитывать адаптированные этноэкологические традиции, проявляющиеся в системе приоритетных ценностных отношений (к природе, родителям, старшим по возрасту людям, детям, труду, семье, коллективу, культуре и др.) и сохраняющиеся благодаря основным (человек, семья, род, профессиональные группы, профессиональные и этнические сообщества и др.) субъектам-носителям, а также тем видам деятельности, в которые они включаются в течение жизни.

5. Формирование позитивного отношения к природе возможно при условии учета общих и специфических черт экологического воспитания у народов ближней и дальней культурных дистанций.

6. Развитие экологического воспитания зависит от степени сохранности и востребованности этноэкологических традиций у представителей определённого этноса, возможностей их использования в современном учебно-воспитательном процессе.

7. Определение актуальных для современности этноэкологических традиций и их спецификация позволит обозначить основные концептуальные позиции для разработки стратегии развития национальной школы на основе экологических традиций.

Анализ полученных результатов позволяет констатировать актуальность выбранного направления исследования и требует дальнейшей разработки с учетом современных образовательных тенденций.

Примечания

1. Кондратьева Т. Н. Формирование этнокультурной компетентности учащихся в условиях реформирования современной системы образования // Педагогический профессионализм в образовании: материалы IX междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня основания города Новосибирска (21–22 февраля 2013 г., г. Новосибирск): в 2 ч. / под науч. ред. Е. В. Андриенко. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. Ч. 1. С. 56–60.

2. Ромм Т. А. История социальной педагогики: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2010. С. 79.

3. Кондратьева Т. Н. Тенденции развития экологического воспитания в этнопедагогике бурятского народа: монография. Новосибирск: Изд. ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2009; Banks J. Teaching strategies for ethnic studies (6th ed.). Boston: Allyn & Bacon, 2007; Barman J. Aboriginal education at the cross-road. The legacy of the residential schools and the way ahead // Long D. A. & Dickason O. P. (eds.) Vision of the heart: Canadian aboriginal issues. Toronto: Harcourt Brace, 2006; Blaut J. M. The colonizer's model of the world: Geographical diffusionism and Eurocentric history. N. Y.: Guilford Press, 2005; Brady J. F. The role of critical multicultural education and feminist critical thought in teacher education / J. F. Brady, B. Kanpol // Putting theory into practice Educational Foundations. 2008. 14 (3). P. 39–50; Plumwood V. Environmental Culture: The Ecological Crisis of Reason. L.: Routledge, 2005. P. 8.

4. Андриенко Е. В. Педагогический профессионализм: монография. Новосибирск, 2011. С. 57.

5. Андриенко Е. В. Влияние глобализации на региональную стратегию развития высшего образования // Сибирский педагогический журнал. 2013. № 5. С. 31–34.

6. Андриенко Е. В. Социальная психология. М.: «Академия», 2012.

Notes

1. Kondratieva T.N. *Formirovanie ehtnokul'turnoj kompetentnosti uchashchihsya v usloviyah reformirovaniya sovremennoj sistemy obrazovaniya* [Formation of ethno-cultural competence of students in the conditions of reforming of the modern system of education] // *Pedagogicheskij professionalizm v obrazovanii: materialy IX mezhdunar. nauch. prakt. konf., posvyashch. 120 letiyu so dnya osnovaniya goroda Novosibirsk* - Teaching professionalism in education: proceedings of the IX international. scient. practical conf. on the 120 anniversary of the founding of the city of Novosibirsk (21-22 February 2013, , Novosibirsk): in 2 pts. / under scientific ed. of E. C. Andrienko. Novosibirsk. Publishing house of NSPU. 2013. Pt. 1. Pp. 56-60.

2. Romm T. A. *Istoriya social'noj pedagogiki: ucheb. posobie* [History of social pedagogy: textbook]. Rostov-na-Donu. Fenix. 2010. P. 79.

3. Kondratieva T.N. *Tendencii razvitiya ehkologicheskogo vospitaniya v ehtnopedagogike buryatskogo naroda: monografiya* [Trends in the development of environmental education in the ethnic pedagogics of Buryat people: monograph]. Novosibirsk. Publ. of FGBOU VPO "NSPU". 2009; Banks J. Teaching strategies for ethnic studies (6th ed.). Boston: Allyn & Bacon, 2007; J. Barman Aboriginal education at the cross road. The legacy of the residential schools and the way ahead // Long D. A. & Dickason O. P. (eds.) Vision of the heart: Canadian aboriginal issues. Toronto: Harcourt Brace, 2006; J. M. Blaut, The colonizer's model of the world: Geographical diffusionism and Eurocentric history. N. Y.: Guilford Press, 2005; Brady, J. F. The role of critical multicultural education and feminist critical thought in teacher education / J. F. Brady, B. Kanpol // Putting theory into practice Educational Foundations. 2008. 14 (3). P. 39-50; V. Plumwood Environmental Culture: The Ecological Crisis of Reason. L.: Routledge, 2005. R. 8.

4. Andrienko E. V. *Pedagogicheskij professionalizm: monografiya* [Teaching professionalism: a monograph]. Novosibirsk. 2011. P. 57.

5. Andrienko E. V. *Vliyanie globalizacii na regional'nuyu strategiyu razvitiya vysshego obrazovaniya* [The impact of globalization on regional development strategy of higher education] // *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal* - Siberian pedagogical journal. 2013, No. 5, pp. 31-34.

6. Andrienko E. V. *Social'naya psihologiya* [Social psychology]. Moscow. "Academiya". 2012.

Дополнительное профессиональное образование взрослых в контексте социального заказа

Статья посвящена вопросам модернизации системы дополнительного профессионального образования. В статье раскрываются социальные условия реализации дополнительных профессиональных программ, анализируются современные требования к организации и содержанию дополнительного профессионального образования взрослых. Акцентируется социально-педагогический смысл дополнительного профессионального образования. Выявляется роль и место компетентностного подхода в дополнительном образовании взрослых, поднимается проблема оценки образовательного результата с позиций данного подхода. Автором предлагается рассматривать содержание дополнительных профессиональных программ с позиций формирования у обучающихся навыков открытия собственного знания и формирования собственных представлений о путях разрешения возможных профессиональных проблем. В статье также формулируются миссия организаций и подразделений дополнительного профессионального образования и видение образа дополнительного профессионального образования взрослых в качестве открытого образовательного пространства.

Article is devoted to the modernization of the additional professional education system. The article describes the realization additional professional programs social conditions, analyzed the organization and content contemporary requirements of the additional professional adult education. Emphasis is placed on the social and pedagogical sense of additional professional education. Shows the role and the place the competence approach in additional adult education, from positions of the competence approach raises the problem of assessment outcomes learning. The author offers consider the contents of additional professional programs from the standpoint of developing skills of students to open their own knowledge and their own ideas on ways to address professional problems. The article is formulated mission organizations and divisions of additional professional education, is offered a vision of the image of additional professional adult education as open space education.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, образование взрослых.

Keywords: additional professional education, adult education.

Отражением качественного роста значения личности каждого профессионала стало активное развитие с 1960-х гг. теории человеческого капитала. Данное понятие, трактуемое как совокупность знаний, умений и навыков работников, было предложено в трудах Г. Беккера [1] по аналогии с традиционными понятиями физического и финансового капитала. Ставя эти понятия в один ряд, экономисты подчеркнули, что знания, которыми человек обладает, становятся в современном мире главным источником его благосостояния, причем владение знаниями оказывается во многих аспектах важнее, чем владение имуществом (недвижимостью, акциями, деньгами).

Как и другие виды капитала, человеческий капитал подвержен инфляции, с течением времени его ценность постепенно уменьшается. Чем быстрее происходит обновление общества, тем скорее полученные ранее знания устаревают и становятся не стимулом, а скорее тормозом для дальнейшего продвижения вперед. В зарубежной литературе можно встретить понятие «период полураспада компетентности»: речь идет о том, что по прошествии определенного срока происходит устаревание примерно половины тех знаний и умений, которые человек приобрел за время своего профессионального обучения. Если до начавшейся в 1950-е гг. научно-технической революции этот период оценивался в рамках 10 лет, то сейчас в новом Законе «Об образовании в Российской Федерации» речь идет о трех годах [2]. В постиндустриальной экономике основным ресурсом становятся компетенции, определяющие квалификацию и производительность работника.

Дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека,

обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды. К настоящему времени в научной публицистике достаточно полно определен основной педагогический смысл ДПО, который состоит во введении в образование и сознание человека того, чего ранее не было, – направленное дополнение имеющегося профессионального и социального опыта [3]. Данный смысл отражает сущность ДПО как важнейшего института, обеспечивающего специалисту возможность непрерывного профессионального развития согласно установке «образование в течение всей жизни», приобретающей в последнее время всё большую социальную ценность.

Для обеспечения реализации требований постоянно меняющегося рынка труда очень важно обеспечить эгалитарный доступ работников к обновлению компетенций и повышению квалификации. В результате требования социального равенства (в исследуемом контексте – равного доступа к образованию) сливаются с требованиями экономической эффективности – максимально эффективным использованием человеческих ресурсов.

Чтобы выяснить, в какой степени современная система дополнительного образования соответствует эгалитарным принципам, необходимо рассмотреть структуру этой системы. Следует ожидать, что в ней есть как подсистемы, в большей степени работающие на сглаживание социальной дифференциации, так и подсистемы, усиливающие её.

Согласно действующему законодательству сфера дополнительного образования в Российской Федерации разделена на дополнительное образование детей и взрослых и дополнительное профессиональное образование [4]. Первый вид дополнительного образования для взрослых представлен общеразвивающими программами и реализуется, в основном, посредством неформального образования; второй вид направлен на профессиональное совершенствование личности и реализуется, преимущественно, в организациях и подразделениях дополнительного профессионального образования, т. е. в формальной сфере.

В дополнительном профессиональном образовании можно выделить два основных элемента: «доведение» уровня профессиональной подготовки до требований рынка труда, оно расширяет познания в сфере ранее выбранной трудовой деятельности; и профессиональная переподготовка – приобретение новых компетенций, дающих человеку возможность реализоваться в новой для него профессиональной сфере.

Дополнительные профессиональные программы повышения квалификации направлены на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации, а дополнительные профессиональные программы профессиональной переподготовки – на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации.

Целями повышения квалификации являются, прежде всего, развитие профессиональных мастерства и культуры, обновление теоретических и практических знаний специалистов в соответствии с современными требованиями к уровню квалификации и необходимостью освоения инновационных методов решения профессиональных задач. В результате профессиональной переподготовки специалисту может быть присвоена дополнительная квалификация на базе полученной специальности или дано право на осуществление нового вида профессиональной деятельности. Таким образом, в обоих видах программ регламентирован компетентностный подход, и, одновременно акцентирована направленность дополнительных профессиональных программ на квалификационные требования.

При этом, на наш взгляд, компетентностный подход всё-таки является приоритетом, ведь он не сопровождается отходом от принципа практико-ориентированности ДПО, он актуализирует вопрос о его современном понимании, переосмыслении. Речь не идет о том, чтобы зафиксировать все содержание дополнительных профессиональных программ как перечень компетенций. Но масштабность, глубина содержания дополнительных профессиональных программ должна быть адекватной современным требованиям к образовательным результатам.

Компетентностный подход к ДПО дает возможности реализации преимущественности основных и дополнительных образовательных программ. Но в то же время его реализация в сфере дополнительного профессионального образования, скорее, ставит больше вопросов, чем дает ответы.

Современная профессиональная переподготовка и повышение квалификации имеет ярко выраженный практико-ориентированный характер, поэтому традиционная оценка резуль-

татов учебной деятельности с позиций знаниевой парадигмы неэффективна, так как предполагает констатацию объема усвоенных знаний и совершенно не оценивает уровень сформированности общекультурных и профессиональных компетенций. Кроме того, при этом теряется одно из основных преимуществ дополнительного профессионального образования – дополнительные квалификации (в рамках уже имеющегося образовательного ценза) [5].

Если формирование компетенций является результатом освоения дополнительных образовательных программ, то тогда перед системой ДПО встает вопрос оценки этого результата. Что будет основанием для определения должного уровня развития компетентности? Профессиональные стандарты и квалификационные рамки? Но работа над ними только началась, и процесс этот ориентирован на очень непростой результат. В идеале хотелось бы получить объективно признаваемые всем профессиональным сообществом (работодателями) критерии оценки соответствия квалификаций работника (его знаний, умений и компетенций) требованиям производства и бизнеса установленным соответствующими профессиональными стандартами, и подтверждении права работника выполнять конкретные виды трудовой деятельности вне зависимости от места, времени и способа получения квалификаций.

В данных условиях при проектировании программ изначально совместно с работодателем следует определить источник компетенций (объекты, виды профессиональной деятельности, квалификационные требования к должностям, профессиональные стандарты и др.), развитие которых планируется в ходе реализации образовательной программы. Далее на основе существующих примеров, таких как Европейская рамка квалификаций и проекты национальной рамки, необходимо описать дескрипторы оценки уровня сформированности полученных компетенций. При этом до сих пор спорным остается вопрос о необходимости входной оценки уровня общекультурных и профессиональных компетенций слушателей. С одной стороны, это является необходимым условием прогнозирования возможностей достижения образовательного результата, с другой – может стать ограничением права личности на получение дополнительных профессионально-образовательных услуг.

Еще одним открытым вопросом является институциональность оценки результатов освоения дополнительных профессиональных образовательных программ. Все субъекты рынка, выражая заинтересованность в высоком качестве образования, определяют его по-разному. Поэтому оценка качества образования не может проводиться в интересах только одной заинтересованной стороны [6].

Помимо названных, на сегодняшний день возникает ряд объективных проблем в организации дополнительного профессионального образования, обусловленных, прежде всего, необходимостью удовлетворения насущных образовательных потребностей обучающихся, которые связаны с решением конкретных практических задач.

Мы согласны с Л. И. Ермаковой в том, что дополнительное профессиональное образование – социально содержательное ядро образовательного процесса, и оно должно выстраиваться вокруг профессионального самоопределения. Нацеленность на стратегию и новые системы профессий актуализируют рефлексивные способности. Л. И. Ермакова называет дополнительное образование системой, заинтересованной в том, чтобы индивиды могли ориентироваться в социальной жизни, а уровень профессиональных знаний выражался в выстраивании жизни на перспективу. Характерно, что случайные влияния ассимилируются, обретают значение реально существующих, проходят через системы образовательных программ и перфект предлагаемых специальностей. В силу этого обстоятельства профессиональное самоопределение не делает индивида оторванным от социальных практик [7].

Основной вектор реализации дополнительных профессиональных программ сегодня – это развитие у слушателей навыков открытия собственного знания и формирования собственных представлений о путях разрешения возможных профессиональных проблем. В связи с этим, с учетом нового понимания образа системы дополнительного профессионального образования, нами была сформулирована миссия организаций и подразделений данной системы: создание открытого образовательного пространства, способствующего самореализации и осознанному личностному самоопределению взрослых обучающихся в соответствии с их интересами, потребностями и образовательными установками, и ориентированного на создание условий для достижения слушателями социальной успешности в открытом и меняющемся мире.

Также мы формулируем видение образа дополнительного профессионального образования (ДПО) в качестве открытого образовательного пространства:

– организации и подразделения ДПО представляют собой открытое, конкурентоспособное образовательное пространство, имеющее значительный авторитет в окружающем социуме;

– организации и подразделения ДПО предоставляют обучающимся качественное образование, соответствующее требованиям работодателей и профессиональных стандартов, что подтверждается через независимые формы аттестации;

– выпускники дополнительных профессиональных программ конкурентоспособны в профессиональной среде и социальном взаимодействии;

– в организациях и подразделениях ДПО работают высокопрофессиональные творческие педагоги, методически и психологически готовые работать со взрослыми людьми, педагоги ДПО ориентированы в своей практике на реализацию интерактивных образовательных стратегий;

– в системе ДПО созданы условия для продуктивной самореализации личности: осуществляется постпрограммное сопровождение выпускников, осуществляется психологическая поддержка обучающихся, имеющих негативные образовательные установки, проводится консультирование слушателей по индивидуальным запросам;

– организации и подразделения ДПО имеют современную материально-техническую базу и пространственно-предметную среду, обладают необходимым количеством ресурсов для реализации востребованных дополнительных профессиональных программ;

– ход и результаты работы организаций и подразделений ДПО интересны профессиональному сообществу и широкой общественности.

Данное видение предполагает серьезную диверсификацию подходов к процессу организации дополнительного профессионального образования взрослых, главным вектором которой становится уход от трансляции знаний от преподавателя к обучающимся. При этом процесс передачи знаний не исключается полностью, но приобретает другие формы – творческой, проблемной деятельности, способствующей активизации усвоения знаний слушателями.

Кроме того, следует уходить от убеждения, что источник новых знаний находится вне системы образования, а дополнительное профессиональное образование, как и вся система образования, представляет собой лишь способ передачи и распространения полученных извне новых знаний среди потребителей этих знаний – обучающихся. Нужен принципиальный поворот – от центральной фигуры исторически сложившейся системы образования, фигуры учителя, изливающего свои знания на учеников, к педагогу – менеджеру, способному организовать эффективный процесс образовательного взаимодействия. Как справедливо отметил Г. Ильин, «сколь бы ни демократизировались и ни либерализировались отношения преподавателя и слушателя, сколь бы проблемными и активными ни были формы обучения, – пока сохраняется фигура носителя готового знания, образование будет иметь дидактический, поучающий характер» [8].

Таким образом, основной проблемой современного дополнительного профессионального образования становится не столько усвоение огромного и постоянно увеличивающегося объема знаний или хотя бы ориентация в потоке все возрастающей информации, сколько проблема прямо противоположная – получение, создание, производство знания, которого нет, но потребность в котором назрела. В этих условиях преподаватель все больше становится организатором учебного процесса, имеющего целью получение нового знания, не известного самому преподавателю; функция систематического изложения учебного предмета во все большей степени сменяется консультированием по определенному вопросу, возникающему в процессе обсуждения или в процессе трудовой деятельности.

Примечания

1. Беккер Г. Человеческое поведение – экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 56–79.

2. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. 31 дек.

3. Анискина Н. Н. Новые горизонты дополнительного профессионального образования // Высшее образование в России. 2013. № 3. С. 3–10.

4. Статьи 75 и 76 федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

5. Дракина И. К., Дмиртиева В. С. Организационно-педагогические условия развития современной системы ДПО // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6–2. С. 307–309.

6. Шмелькова Л. В. О профессионально-общественной аккредитации образовательных программ // *Дополнительное профессиональное образование в стране и мире*. 2013. № 3 (3). С. 5–8.
7. Ермакова Л. И. Инновационные стратегии в дополнительном профессиональном образовании // *Сборник конференций НИЦ «Социосфера»*. 2013. № 9. С. 93.
8. Ильин Г. Качество дополнительного профессионального образования // *Знание*. 2001. № 1. URL: http://jurnal.znanie.org/n1_01/kach_obraz.html. (дата обращения 03.12.2013)

Notes

1. Becker G. *Chelovecheskoe povedenie – ehkonomicheskij podhod* [Human behavior - economic approach]. Moscow. SU HSE. 2003. Pp. 56-79.
2. On education in the Russian Federation: Federal law of the Russian Federation of December 29, 2012 No. 273-FZ // *Russian newspaper*. 2012, 31 Dec. (in Russ.)
3. Aniskina N. N. *Novye gorizonty dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [New horizons of additional professional education] // *Vysshee obrazovanie v Rossii - Higher education in Russia*. 2013, No. 3, pp. 3-10.
4. Articles 75 and 76 of the Federal law of the Russian Federation of December 29, 2012 No. 273-FZ of the Federal law "On education in the Russian Federation". (in Russ.)
5. Drakina I. K., Dmirtieva V. C. *Organizacionno pedagogicheskie usloviya razvitiya sovremennoj sistemy DPO* [Organizational and pedagogical conditions of development of the modern system of additional professional education] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya - World of science, culture, education*. 2011, No. 6-2, pp. 307-309.
6. Shmelkova L.V. *O professional'no obshchestvennoj akkreditacii obrazovatel'nyh programm* [On professional public accreditation of educational programs] // *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v strane i mire - Additional professional education in the country and the world*. 2013, No. 3 (3), pp. 5-8.
7. Ermakova L. I. *Innovacionnye strategii v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii* [Innovative strategies in additional professional education] // *Sbornik konferencij NIC «Sociosfera»- Proceedings of conferences SRC "Sociosphere"*. 2013, No. 9, p. 93.
8. Ilyin G. *Kachestvo dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Quality of additional professional education] / *Knowledge*. 2001, No. 1. Available at: http://jurnal.znanie.org/n1_01/kach_obraz.html. (date of access 03.12.2013) (in Russ.)

УДК 378.183

Ю. В. Орлова

Добровольческая деятельность как средство формирования социальной ответственности студента

В современных условиях рынка работодатель все чаще предъявляет требования не только к профессиональным знаниям, но и к сформированности социальной ответственности будущего специалиста. Поэтому важнейшим социальным требованием к высшему учебному заведению как институту социализации является ориентация образования не только на освоение студентами профессиональных знаний, но и на развитие личности будущего специалиста, познавательных и созидательных способностей, его успешной социализации в обществе и активной адаптации на рынке труда.

Одной из форм вузовской профессиональной подготовки, а также средством формирования социальной ответственности является включение студента в добровольческую (волонтерскую) деятельность, которая способствует развитию необходимых и в жизни и в профессиональной деятельности лидерских качеств: умение привлечь к делу, заинтересовать людей, организовать людей, организовать себя, добиться поддержки от государственных и коммерческих структур и т. п. В процессе участия в волонтерских акциях студенты пополняют профессиональный опыт, расширяют свой кругозор, повышают культурный уровень, развивают социальный интеллект, творческие способности и т. д.

This article deals with the issue of forming student's social responsibility during the period of studying in the university. These issues are caused by recent changes in the society, in its values and main goals. Due to the changes the main aim of education in Russia is to prepare a highly qualified specialist ready for competition in labor market, with knowledge and skills necessary for the future profession, ready for continuous self-development and professional growth. Contemporary situation at the labour market indicates that an

employer requires not only professional knowledge, but also social responsibility from the future specialist. Therefore, a higher education institution should aim not only at developing students' professional skills, but also at bringing up the individuality of a future specialist, his/her cognitive and creative abilities, successful socialization in the society and active adaptation to the labor market.

Ключевые слова: социальная ответственность, волонтерство, добровольческая деятельность.

Keywords: social responsibility, volunteering, private initiative.

Социальная ответственность – сложная, собирательная нравственно-правовая, философская и этико-психологическая категория, изучаемая многими науками, но под разными углами зрения. Различают моральную, политическую, юридическую, общественную, гражданскую, профессиональную и другие виды ответственности, которые в совокупности составляют родовое понятие «социальная ответственность».

Под социальной ответственностью понимается объективная необходимость отвечать за нарушение социальных норм. Она выражает характер взаимоотношений личности с обществом, государством, коллективом, другими социальными группами и образованиями, т. е. со всеми окружающими ее людьми. В основе социальной ответственности лежит общественная природа поведения человека.

Социальная ответственность предполагает объективно обусловленную необходимость соблюдения индивидом основных правил, требований, принципов, устоев совместного общежития. Такое поведение – непереносимое условие нормального функционирования общества, коллективной жизни. Иначе – хаос, своеволие, произвол. По сути, в этом заключается и назначение социальных норм, социальной ответственности – не допустить неразберихи во взаимоотношениях между людьми. Социальные нормы, взаимные права и обязанности призваны обеспечивать порядок и спокойствие в обществе, поэтому те, кто их не придерживается, могут нести в той или иной форме социальную ответственность в виде определенных неблагоприятных последствий (осуждение окружающих, давление общественного мнения, порицание, выговор, исключение из той или иной группы, организации, отказ в доверии, товарищеский суд и т. д.). Именно такого рода мерами поддерживается соблюдение социальных норм и правил.

Социально ответственное поведение предполагает осознание человеком всей полноты требований, предъявляемых к нему обществом, государством, окружающими. И не только осознание, но и выполнение этих требований. В противном случае наступает ответная реакция той среды, в которой находится, действует индивид. Это извечная проблема взаимоотношений личности и общества, проблема их цивилизованности.

Поведение человека может быть либо социально полезным, либо социально вредным, либо социально безразличным (индифферентным). Но поскольку, как уже говорилось, человек – существо общественное, большинство его поступков приобретает общественное значение. Отсюда – право общества на социальный контроль за действиями своих членов, за соблюдением ими исторически сложившихся или сознательно установленных стандартов общежития. Эти правила выступают в виде обычаев, традиций, привычек, моральных, правовых, религиозных, корпоративных и других норм. Долг отдельного индивида – сознательно выбрать нужный, полезный ориентир поведения. Только таким путем можно обеспечить порядок и организованность в обществе.

Социальные нормы выступают указателями границ должного и возможного. Если поведение индивида выходит за грань дозволенного, то наступает тот или иной вид социальной ответственности, нарушитель осуждается или даже наказывается. Если же гражданин совершает общественно полезные, одобряемые действия, то он поощряется, поддерживается, а за наиболее выдающиеся поступки даже награждается, ставится в пример. Таковы «правила игры» в любом цивилизованном обществе.

Значение социальной ответственности заключается в том, что она призвана дисциплинировать членов общества, побуждать их к позитивному, сознательному, полезному поведению.

Задачей формирования социальной ответственности является развитие чувства личной ответственности у каждого студента за свое поведение и за все происходящее в стране – какой бы пост в дальнейшем он ни занимал и какой бы деятельностью ни занимался. Важ-

ным условием выполнения указанной задачи является также неотвратимость адекватной реакции общества и государства на антисоциальные поступки всех субъектов.

Огромное значение в решении данной задачи имеет процесс образования в организации высшего образования, так как она является важнейшим институтом социализации личности. В настоящее время перед организациями высшего образования, готовящими бакалавров и магистров педагогических направлений, ставятся новые задачи. Особое внимание уделяется социальной подготовке студентов, когда уровень сформированности социальной ответственности специалиста имеет первостепенное значение. Это связано, во-первых, с влиянием рыночных отношений, которые требуют постоянно вести конкурентную борьбу. Во-вторых, с тем, что современный выпускник высшей школы в любой области сталкивается с нестандартными социальными ситуациями, и в этом смысле его работа является и творческой, и ответственной.

Одной из форм вузовской профессиональной подготовки, а также средством формирования социальной ответственности является включение студента в добровольческую (волонтерскую) деятельность.

Волонтеры – (от англ. volunteer – доброволец) – это люди, делающие что-либо по своей воле, по согласию, а не по принуждению. Они могут действовать либо неформально, работать бесплатно как в государственных, так и в частных организациях медицинской, образовательной сферы или социального обеспечения, либо являются членами добровольческих организаций. Волонтер – любое физическое лицо, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, которое вносит свой вклад в развитие волонтерства, осуществляя волонтерскую деятельность, основываясь на принципах волонтерской деятельности.

Волонтерство представляет собой добровольческую деятельность, основанную на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества и не преследующую целей извлечения прибыли, получения оплаты или карьерного роста; главная цель – получение всестороннего удовлетворения личных и социальных потребностей путем оказания помощи другим людям.

Волонтерство – это неоплачиваемая, сознательная, добровольная деятельность на благо других. Любой, кто сознательно и бескорыстно трудится на благо других, может называться волонтером.

Оказание добровольческой помощи имеет давние традиции. Историки находят корни сострадательного отношения к ближнему еще в обычаях древних славян. Поворотным пунктом в развитии добровольчества, по мнению многих исследователей [1], стало принятие христианства, призывавшего к любви и милосердию, появление монастырей. При монастырях начали строиться первые богадельни и больницы.

Некоторые авторы [2] указывают на то, что на протяжении веков государственная, производственная, духовная деятельность наших соотечественников была неразрывно связана с благотворительностью, попечительством, заботой о бедных и убогих. Конец девятнадцатого – начало двадцатого века называют «золотым веком» меценатства в России. По инициативе просвещенных и образованных дарителей развивались становящиеся приоритетными отрасли отечественной науки, открывались уникальные галереи, музеи и театры.

В современной России добровольческая деятельность трудно приживается. Последние исследования показали, что процент населения, занимающегося добровольчеством, низкий, в то время как во многих странах Европы, Азии и Америки добровольчество очень распространено и является обычным явлением.

По данным международной исследовательской ассоциации Gallup International, около 50% трудоспособного населения состоят в различных добровольческих организациях, в Западной Европе этот показатель составляет около 70%. В России же в волонтерскую деятельность вовлечены лишь 5–10% населения. При этом эксперты считают, что эти показатели слишком завышены, поскольку к добровольцам причисляют и религиозные благотворительные организации, и доноров, а также тех, кто участвовал в каких-то разовых акциях. Добровольчество – это особый образ жизни. Несмотря на то что деятельность добровольческих организаций регулируется федеральными законами, в частности законом «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», который дает юридическое определение волонтера: «Добровольцы – граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в ин-

тересах благотворительной организации», – наше добровольчество неорганизовано, разрозненно и не признается всерьез чиновниками, хотя Россия сейчас, как никогда, нуждается в создании массового добровольческого движения.

Изучение и развитие добровольчества в настоящее время играет важную роль, так как все это способствует оказанию более эффективной помощи социально незащищенным слоям населения. Одно из направлений деятельности добровольчества – решение социальных задач. При нынешнем финансировании социальной сферы помочь обездоленным и нуждающимся способны только энтузиасты.

Важно привлекать к добровольческой деятельности учащихся в высших учебных заведениях, так как студенческий возраст – это период овладения полным комплексом социальных ролей взрослого человека: гражданских, семейных, профессионально-трудовых и др., важный этап социализации личности, а как показывает история российской благотворительности и мирового опыта волонтерской деятельности в социальной сфере, включение в волонтерские движения способствует восприятию и усвоению духовно-нравственных гуманистических ценностей, позитивным изменениям личности.

Участие студентов в добровольческой деятельности – возможность увидеть результаты собственного труда – улыбку воспитанника детского дома после благотворительного праздника, посаженные деревья в парке, благодарность людей за приведенные в порядок могилы безымянных участников войны и т. д., что дает глубокое моральное удовлетворение. Добровольческая деятельность формирует у человека привычку, потребность в деятельности, приносящей созидательные плоды, дающей неоспоримый результат. Закрепляясь, такая потребность в будущей профессиональной деятельности станет ориентировать сегодняшнего студента на достижение поставленных целей, доведение начатого дела до желаемого результата.

Включение студентов в добровольческую деятельность способствует развитию необходимых и в жизни и в профессиональной деятельности лидерских качеств: умение привлечь к делу, заинтересовать людей, организовать людей, организовать себя, добиться поддержки от государственных и коммерческих структур и т. п. В процессе участия в волонтерских акциях студенты пополняют профессиональный опыт, расширяют свой кругозор, повышают культурный уровень, развивают социальный интеллект, творческие способности и т. д.

Все вышесказанное позволяет нам рассматривать волонтерскую деятельность студентов как инновационное средство их профессиональной социализации, обладающее огромным воспитательным потенциалом, которую мы рассматриваем как совокупность социальных и педагогических процессов.

Высшая школа в достаточной степени обладает возможностями использования волонтерства путем включения учащихся в добровольческую деятельность как эффективного средства выполнения задач профессиональной социализации студентов, формирования личностных качеств ценностных ориентаций будущих специалистов.

Примечания

1. Быкасова Л. В. Ценностно-мотивационная структура благотворительной деятельности в Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестник Том. гос. ун-та. 2007. № 298. С. 91–96; Рудов С. Ю. О развитии добровольчества в центральном федеральном округе России. URL: <http://www.prosvetitelstvo.ru/index.php>

2. Катцина Т. А. Финансовые основы частных благотворительных обществ Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Ч. 2. 2011. № 7 (13). С. 98–102; Хорева Л. В., Сущинская М. Д. История благотворительности в России: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2009. 260 с.

Notes

1. Bykasova L. S. *Cennostno motivacionnaya struktura blagotvoritel'noj deyatel'nosti v Zapadnoj Sibiri XIX – nachala XX v.* [The value of the motivational structure of charitable activity in Western Siberia XIX - early XX century] // *Vestnik Tom. gos. un ta* - Herald of Tom. state Univ. 2007, No. 298, pp. 91-96; Rudow S. Y. [On the development of volunteering in the Central Federal district of Russia]. Available at: <http://www.prosvetitelstvo.ru/index.php> (in Russ.)

2. Katsina T. A. *Finansovye osnovy chastnyh blagotvoritel'nyh obshchestv Vostochnoj Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Financial fundamentals of private charities of Eastern Siberia (second half of

XIX - beginning of XX century)] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* - Historical, philosophical, political and legal Sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice: in 3 pts. Pt. 2. 2011, № 7 (13), pp. 98-102; Horeva L.V., Sushchinskaya M.D. *Istoriya blagotvoritel'nosti v Rossii: ucheb. posobie* [History of philanthropy in Russia: textbook.]. SPb. Piter. 2009. 260 P.

УДК 159.922.75

Л. М. Машковцева

Психологические основы понимания проблемы развития творческого мышления у дошкольников

Понимание сущности творческого мышления неоднозначно в трудах отечественных и зарубежных ученых. Проблема развития творческого мышления остается малоизученной, несмотря на то что многие психологи и педагоги исследовали и исследуют данный феномен с разных сторон, но до сих пор нет единого мнения о природе его происхождения, условиях и критериях развития.

Процесс его формирования начинается в дошкольном возрасте и продолжается в течение всей человеческой жизни. Для этого необходимо развивать творческий потенциал, мыслить творчески. Успешность в обучении связывается с развитием двух противоречивых процессов: логического компонента мышления (возможность алгоритмизированного, поэтапного обучения) и творческого компонента мышления. Развитие творческого мышления в дошкольном возрасте происходит при непосредственном участии взрослого в процессе организации продуктивных видов деятельности и решении проблемных ситуаций.

The views on the nature of creative thinking remains controversial in the works of national and foreign scientists. The problem of the development of creative thinking stays insufficiently explored, despite the fact that many psychologists and educators have investigated the phenomenon from different angles, but there is still no consensus about the nature of its origin, the conditions and criteria of development.

The process of its formation begins in the preschool years and continues throughout human life. For this it is necessary to develop creativity, to think creatively. Success in training is associated with the development of two contradictory processes: logical thinking component (the opportunity for algorithmic learning and phased training) and creative thinking component. The development of creative thinking in the preschool age occurs with the direct participation of an adult during the organization of productive activities and problem solving.

Ключевые слова: мышление, творчество, творческая деятельность, творческое мышление, мышление дошкольника.

Keywords: thinking, creativity, creative activities, creative thinking, preschooler mindset.

В связи с изменениями, происходящими в социальной ситуации развития современной России, повысились требования к таким качествам развивающейся личности, как творческое отношение к действительности, открытость новому опыту. Способность творчески мыслить развивается уже с дошкольного возраста и влияет на успешность обучения ребенка в школе.

Многие исследователи рассматривают феномен творческого мышления с разных сторон, однако нет единого мнения о природе его происхождения, условиях и критериях развития.

Существует большое количество определений понятий «мышление» и «творчество», отмечены типы построения теории творчества, а также выделены признаки творческой ситуации. Исследователи развития личности дошкольника (Л. С. Выготский, В. С. Мухина, Э. Стоунс, Д. Б. Эльконин и др.), выявляя особенности мышления и творческой деятельности ребенка, обозначая средства и фазы обучения решению творческих проблем, а также изучая феномен творческого мышления ребенка подчеркивают его бессознательность, неконтролируемость волей и разумом, спонтанность, внезапность творческого акта от внешних ситуативных причин.

Проведя теоретический анализ имеющихся исследований, стало очевидно, что мышление – понятие многогранное.

С точки зрения М. К. Мамардашвили, «мышление, мысль есть средство, единственное в жизни и сама жизнь; идеи и средства в ней переплетены порой так, что эти термины уже бессмысленно различать. Вся проблема мышления состоит в каждогоактном преодолении кажущейся жизни. Причём этот акт необходимо повторять снова и снова» [1].

Данное определение подтверждает К. К. Платонов, выделяя семь этапов мыслительного действия.

Первый этап – задача, постановка проблемы.

Второй и третий этапы взаимозаменяемы – осознание вопроса и появление ассоциаций.

Четвёртый этап – появление предположения.

Пятый этап – проверка имеющегося предположения.

Шестой этап – подтверждение или не подтверждение предположения.

Седьмой этап – решение задачи. После решения задачи процесс повторяется и на смену решённой приходит новая задача.

Однако не существует единого, общепринятого, определения, раскрывающего всю его сущность и глубину. Скорее всего, как считает Б. Мещеряков, это объясняется тем, что мышление как психический процесс, основано на творчестве: если творчество – всегда тайна, проблема, вопрос, то продуктивное мышление, как синоним творческого мышления, «связано с решением проблем: новых, нестандартных для субъекта интеллектуальных задач» [2]. Чем раньше в процессе жизнедеятельности субъекта акцентировать внимание на развитии его творческого мышления, тем успешнее и продуктивнее станет его деятельность в будущем.

Мышление и творчество – два взаимозависимых понятия. Мышление проявляется в различных теориях творчества. С. О. Грузенберг и А. Ю. Козырева выделили три типа построения теории творчества: философский, психологический и интуитивный, каждый из которых имеет свои разновидности [3].

1. Философский тип:

1) гносеологическая разновидность предполагает познание мира в процессе художественной интуиции (А. Бергсон, Н. О. Лосский, Платон, А. Шопенгауэр);

2) метафизическая разновидность связана с раскрытием метафизической сущности в религиозно-этической интуиции (Августин, Ф. Аквинский, Сократ).

2. Психологический тип:

1) разновидность, сближенная с естествознанием, основана на изучении проблем творческого воображения, интуитивного мышления, творческого экстаза, вдохновения;

2) ответвление психопатологии, базирующееся на изучении гениальности, помешательства, суеверия, влияния наследственности на развитие мышления.

3. Интуитивный тип:

1) эстетическая разновидность предполагает раскрытие метафизической сущности мира в процессе художественной интуиции;

2) историко-литературная разновидность занимается изучением народной поэзии, мифов, народных сказок, ритма в поэзии, литературной импровизации.

Творчество оправдывает само себя, оно само есть «оправдание собственного существования». Любому человеку присуще «выражать себя в творчестве жизни» [4].

Т. Вуджек называет творчество «неуправляемым порывом вдохновения» и формулирует три ключа к творчеству: новизна, ценность продуктов деятельности, внутренняя мотивация и желание [5].

Развитие мышления происходит в творческой ситуации. Я. Б. Частоколенко выделяет следующие её признаки:

– включение не требует интеллектуальной обработки,

– открытость по «вертикали» (индивидуально для каждого участника) и по «горизонтали» (для всего мира),

– наличие искренности между теми, кто вовлечён в творческую ситуацию,

– принятие участниками друг друга [6].

Творческое (продуктивное) мышление, по мнению Я. А. Пономарёва, – «решающее звено всякой мыслительной деятельности, ибо только оно непосредственно открывает новое».

В разнообразных формах репродуктивного мышления интеллектуальные операции осуществляются на основе уже достигнутого [7].

И. В. Угрюмова определяет творческое мышление как «способность придавать одному и тому же объекту множество разных значений по принципу дополнительности, понимать его по-разному, в то же время осознавая его целостность». Итогом работы творческого мышления является творческое решение – «принятие решения с позиции многозначного понимания». Многозначность определяется целостностью понимания объекта [8].

Сложность понимания мышления заключается и в том, что на каждом возрастном этапе развития человека мышление имеет свои особенности. Начало развития данного процесса начинается еще в дошкольные годы.

Так, Д. Б. Эльконин определил следующие особенности мышления детей-дошкольников:

- 1) зарождение и развитие наглядно-образного мышления (уровень конкретных операций);
- 2) феномен центрации, отсутствие понимания противоречий;
- 3) поисковая деятельность – основание мышления дошкольника;
- 4) произвольность, «наличие не столько цели, сколько средств и способов её осуществления»;
- 5) возникновение элементов самосознания;
- 6) непосредственность исчезает в период кризиса семи лет [9].

Ребёнок старшего дошкольного возраста отличается своей непосредственностью. Причина её, по мнению Л. С. Выготского, заключается в «недостаточной дифференцированности внутренней и внешней жизни» ребёнка, произвольности психических процессов [10].

Основой произвольной активности ребёнка является исследование и познание нового. Произвольная познавательная активность включена в процесс умственного развития ребёнка, она составляет базу его возможностей [11].

Дж. Баттерворт и М. Харрис отмечают, что в игровой и изобразительной деятельности ребёнка проявляется символическая репрезентация, т. е. символическое обозначение деятельности. Одной из разновидностей символической репрезентации является анимизм [12].

Именно анимизм является основной особенностью творческого мышления ребёнка старшего дошкольного возраста. Анимизм – «сказочность» мышления, проявляющаяся в наделении неживых предметов духовностью, способностью понимания [13].

Э. Стоунс связывает творчество с дивергентным мышлением, которое он называет «абстрактным понятием», и утверждает, что «не существует единого мнения о том, что дивергентное мышление и творчество есть два названия одного и того же явления, или даже, что дивергентное мышление является основным элементом творчества» [14].

Собственно творчеством Э. Стоунс называет «самостоятельное решение проблемы», при котором ребёнок не получает помощи со стороны взрослого.

А. Ю. Козырева считает, что дивергентное мышление – это «единство логического и интуитивного», обладающее следующими качествами: быстротой, гибкостью, оригинальностью, точностью [15].

А, по мнению Э. Стоунса, дивергентное мышление предполагает нахождение «необычных способов решения проблем» и состоит из оригинальности, гибкости и продуктивности. Оригинальность проявляется в умении давать необычные заголовки коротким историям, «играть словами». Гибкость выявляется, когда ребёнок рассказывает, каким образом можно использовать самые обычные предметы. Продуктивность мышления определяется количеством идей, выдвинутых при ответе на данный вопрос, и включает в себя быстроту и точность [16].

Э. Стоунс говорит о необходимости «активно строить у детей новые способы мышления, а не довольствоваться теми, которые у них сложились» [17]. Решение проблемы совместно с ребёнком подобно «посвящению в тайну» [18]. Обучение детей решению проблем, с точки зрения Э. Стоунса, осуществляется по графику, который основан на трёх фазах.

1. Преактивная фаза:

- Выяснение характера решаемой проблемы.
- Определение умений, необходимых при решении проблемы.

2. Фаза взаимодействия:

- Поощрение широкого охвата методов решения проблемы.
- Напоминание о свойствах, составляющих проблему.

- Поощрение к проведению анализа проблемы.
- Подсказывание в разумных пределах, не решая проблему за ребёнка.
- Обеспечение в ключевых моментах решения проблемы обратной связи.
- При объяснении методов решения проблемы поощрение самостоятельных способов решения.

3. Оценка:

- Предъявление ребёнку новых проблем подобного типа [19].

Э. Стоунс также выделяет алгоритмические и эвристические средства решения проблем. Алгоритмические средства являются «детерминированными, предсказуемыми», а эвристические средства сообразуются «с неоднозначными результатами и способами их получения» (см. таблицу).

Сравнение эвристических и алгоритмических средств решения проблем (по Э. Стоунсу)

Параметры сравнения	Средства решения проблем	
	Алгоритмические	Эвристические
1. Проблемы	Разнообразие решаемых проблем	
2. Термины	Ясные, однозначные	Неоднозначные, не всегда ясные
3. Описание решения	Подробное	Не всегда развёрнутое
4. Результаты	Совпадают	Разнообразны
5. Сфера применения	Широкая	Узкая (частная)

Исходя из мнения Э. Стоунса, алгоритмические и эвристические средства направлены на решение разнообразных проблем. При этом алгоритмические средства предполагают использование ясных, однозначных терминов, подробное описание всего процесса решения проблемы, совпадение результатов решения одной и той же проблемы у разных людей. А эвристические средства основаны на использовании не всегда однозначных и ясных терминов. Описание решения проблемы в процессе использования эвристических средств не всегда может быть развёрнутым, они носят частный характер и применяются специализированно [20].

Деятельность человека, в том числе и мыслительная, по своей природе результативна, т. е. её результатом является определённый продукт. Презентация продуктов деятельности осуществляется, как считает Дж. Брунер, поэтапно и отражает в обобщённой форме этапы развития творческого мышления: первая стадия – конкретные действия; вторая стадия – создание картины, образа; третья стадия – использование символического средства для передачи образа [21].

Данные стадии соответствуют основным видам мышления человека: действенному, образному, словесно-логическому. Следовательно, творческое мышление можно рассматривать как комплексное, многоаспектное понятие.

Опираясь на характеристики видов мышления и сравнивая детское творческое мышление со взрослым, Е. С. Белова и Е. И. Щепланова выделяют следующие особенности творческой деятельности ребёнка-дошкольника: синкретизм (слитность различных видов творческой деятельности); динамичность; эмоциональная окрашенность; связь с игрой [22]. При этом одним из ведущих факторов, влияющих на мыслительный процесс ребенка, является речь.

С. Л. Рубинштейн выделил следующие функции слов в мышлении дошкольника: превращение собственного имени в нарицательное и наоборот, так как ребёнку сложно оперировать отвлечённой системой отношений; буквальное понимание метафор и переносных значений слов [23].

В 6–7 лет ребёнок начинает оперировать отвлечённой системой отношений и верно понимать метафоры. Всё это помогает ему создавать при помощи и участии взрослого оригинальные продукты словесного творчества. Процесс развития творческого мышления подчиняется трём принципам причинности: активности, саморазвития, иерархичности. Исходя из принципа активности, творческое мышление активизируется благодаря внутреннему потенциалу ребёнка и проявляется в продуктах его деятельности. Следуя принципу саморазвития, творческое мышление совершенствуется, решая проблемы, затруднения, задачи. Иерархичность предполагает приоритет, определяющее влияние мотивации над творческим мышлением дошкольника [24].

Творческое мышление, как выяснилось, имеет неоднозначное толкование: с одной стороны, данный психический процесс основывается на решении противоречий, проблем, возникающих перед ребенком в процессе его деятельности, а с другой – понятие «мышление» является синонимом творческому мышлению, так как мышление основано на решении трудностей. В первом случае речь идет о более узком толковании творческого мышления, а во втором – о более широком. В узком смысле под творческим мышлением понимается психический процесс, основанный на выделении из общего потока информации общих идей и конструктивном их использовании индивидом в своей деятельности.

Кроме того, термином «творческое мышление» можно обозначить высшую ступень мыслительной деятельности, осуществляемую теми, кто открывает «принципиально новые для человечества знания, создает нечто оригинальное, не имеющее себе аналога» [25].

В результате творческого мышления у ребенка происходит образование новых систем связи, новых форм психической саморегуляции, свойств личности, ее способностей, что означает определенный сдвиг в умственном развитии.

Исходя из приведенных суждений, рассмотрев этапы мыслительной деятельности, обозначив признаки творческой ситуации и особенности творческой деятельности ребенка, приходим к выводу:

- творческое мышление ребенка характеризуется высокой новизной своего продукта, своеобразием процесса его получения;
- творческое мышление существенно влияет на умственное развитие и успешность в обучения в целом;
- творческое мышление является решающим звеном в умственной деятельности ребенка, так как обеспечивает реальное движение к новым знаниям;
- способность творчески мыслить должна целенаправленно формироваться в процессе всего психического развития человека при непосредственном участии взрослого.

Примечания

1. Мещеряков Б. Мышление. Психология: полный энцикл. справочник / сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. С. 403.
2. Там же. С. 412.
3. Козырева А. Ю. Педагогика психологии творчества. М., 1992. С. 124.
4. Низовских Н. А. О самовыражении и творчестве в деятельности человека // Психология творческого самовыражения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. Н. А. Низовских. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. С. 131.
5. Вуджек Т. Как создать идею. СПб.: Питер Пресс, 1997. С. 12.
6. Частоколенко Я. Б. Актуализация первичной креативности // Психология творческого самовыражения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. Н. А. Низовских. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. С. 78–86.
7. Пономарёв Я. А. Психология творческого мышления. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. С. 4.
8. Мухина В. С. Развитие мышления дошкольника // Психология дошкольника: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов и учащихся пед. училищ / под ред. Л. А. Венгера. М.: Просвещение, 1975. С. 202; Угрюмова И. В. Понимание текста и творческое мышление. URL: <http://psi.lib.ru>.
9. Эльконин Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах. М.: Изд-во Ин-та практ. психологии. Воронеж: НПО МОДЭК, 1997. С. 232.
10. Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии. Кризис 7 лет // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Детская психология / под ред. Д. Б. Эльконина. М.: Педагогика, 1984. С. 377.
11. Бачерикова А. А. Формирование творческой активности у детей 5–6 лет в процессе стихосложения // 60-я научная сессия ВятГГУ: материалы межвуз. науч.-теор. конф. (23 апреля 2008 г.). Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 91.
12. Баттерворт Дж. Принципы психологии развития. М.: Когито-Центр, 2000. С. 213.
13. Бакулина Г. А. Субъективизация и интеллект: основы взаимосвязи // Актуальные проблемы дошкольного и начального образования и подготовки специалистов: материалы Всерос. заоч. пед. конф. Вып. 3. / сост. Л. Н. Вахрушева, С. В. Савинова. Киров, 2008. С. 24–25.
14. Стоунс Э. Психопедагогика: Психологическая теория и практика обучения. М.: Педагогика, 1984. С. 275.
15. Козырева А. Ю. Педагогика психологии творчества. М., 1992; Креативность // Одарённые дети / общ. ред. Г. В. Бурменской, В. М. Слуцкого. М.: Прогресс, 1991. С. 351–367.
16. Стоунс Э. Психопедагогика: Психологическая теория и практика обучения. М.: Педагогика, 1984. С. 272.

17. Там же. С. 10.
18. Там же. С. 258.
19. Там же. С. 272.
20. Там же. С. 259.
21. Брунер Дж. С. О познавательном развитии // Исследование развития познавательной деятельности / под ред. Дж. Брунера, Р. Олвер, П. Гринфилд. М.: Педагогика, 1971. С. 31.
22. Белова Е. С. Исследование особенностей развития творческого мышления у детей 5–6 лет // Школа здоровья. 2000. Т. 7. № 1. С. 8.
23. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: ЗАО Изд-во «Питер», 1999. С. 334.
24. Колесников В. Н. Лекции по психологии индивидуальности. М.: Изд-во Ин-та психологии, 1996. С. 23.
25. Стьюер Ш. Креативное мышление в Photoshop. НТ Пресс, 2005.

Notes

1. Meshcheryakov B. *Myshlenie. Psihologiya: polnyj ehncikl. spravochnik* [Thinking. Psychology: full handbook] / comp. and general ed. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko. SPb. Praim-EVROZNAK. 2007. P. 403.
2. Ibid. P. 412.
3. Kozyreva A. Y. *Pedagogika psihologii tvorchestva* [Pedagogy of psychology of creativity]. Moscow. 1992. P. 124.
4. Nizovskykh N. A. *O samovyrazhenii i tvorchestve v deyatel'nosti cheloveka* [About self-expression and creativity in man] // *Psihologiya tvorcheskogo samovyrazheniya: materialy mezhtregion. nauch. prakt. konf.* - Psychology of creative expression: materials of Interregional scient.-practical conf. / ed. by N. A. Nizovskykh. Kirov. VyatSHU Publ. 2004. P. 131.
5. Wudjek T. *Kak sozdat' ideyu* [How to create the idea]. SPb. Piter Press. 1997. P. 12.
6. Chastokolenko Y. B. *Aktualizaciya pervichnoj kreativnosti* [Updating of primary creativity] // *Psihologiya tvorcheskogo samovyrazheniya: materialy mezhtregion. nauch. prakt. konf.* - Psychology of creative expression: materials of Interregional scient.-practical conf. / ed. by N. A. Nizovskykh. Kirov. VyatSHU Publ. 2004. Pp. 78-86.
7. Ponomarev Y. A. *Psihologiya tvorcheskogo myshleniya* [Psychology of creative thinking]. Moscow. Publishing house of APN RSFSR. 1960. P. 4.
8. Mukhina V.S. *Razvitie myshleniya doshkol'nika* [Development of thinking of preschooler] // *Psihologiya doshkol'nika: ucheb. posobie dlya studentov ped. in tov i uchashchihsya ped. uchilishch* - Psychology of the preschool child: tutorial for students of ped. institutes and ped. schools] / edited by L. A. Wenger. Moscow. Prosveshcheniye. 1975. P. 202; Ugryumova I. V. *Ponimanie teksta i tvorcheskoe myshlenie* [Comprehension of text and creative thinking]. Available at: <http://psi.lib.ru>. (in Russ.)
9. Elkonin D. B. *Psihicheskoe razvitie v detskih vozrastah* [Mental development in children ages]. Moscow. Publishing house of Institute of practical. psychology]. Voronezh. NGO MODAK. 1997. P. 232.
10. Vygotsky L. S. *Voprosy detskoj (vozrastnoj) psihologii. Krizis 7 let* [Issues in pediatric (age) psychology. Crisis of 7 years] // Col. of works: in 6 Vol. Vol. 4. *Detskaya psihologiya* - Child psychology / ed. by D. B. Elkonin. Moscow. Pedagogika. 1984. P. 377.
11. Bacherikova A. A. *Formirovanie tvorcheskoy aktivnosti u detej 5–6 let v processe stihoslozheniya* [Formation of creative activity of children 5-6 years in the process of versification] // *60 ya nauchnaya sessiya VyatGGU: materialy mezhvuz. nauch. teor. konf.*- 60th scientific session of VyatSHU: materials of interinstitut. scient.-theor. conf. (23 April 2008). Kirov. VyatSHU Puibl. 2009. P. 91.
12. Butterworth J. *Principy psihologii razvitiya* [Principles of developmental psychology]. Moscow. Cogito-Centre. 2000. P. 213.
13. Bakulina G. A. *Sub"ektivizaciya i intellekt: osnovy vzaimosvyazi* [Subjectivization and intelligence: foundations relations] // *Aktual'nye problemy doshkol'nogo i nachal'nogo obrazovaniya i podgotovki specialistov: materialy Vseros. zaoch. ped. konf.* - Actual problems of preschool and primary education and training: materials of all-Russian absent ped. conf. Is. 3. / comp. L. N. Vakhrusheva, S. V. Savinova. Kirov. 2008. Pp. 24-25.
14. Stones E. *Psihopedagogika: Psihologicheskaya teoriya i praktika obucheniya* [Psychopedagogy: Psychological theory and practice of teaching]. Moscow. Pedagogika. 1984. P. 275.
15. Kozyreva A. Y. *Pedagogika psihologii tvorchestva* [Pedagogy of psychology of creativity]. Moscow. 1992; *Kreativnost' // Odaryonnye deti* [Creativity /Gifted children] / general ed. G.V. Burmenskaya, V. M. Slutsky. Moscow. Progress. 1991. Pp. 351-367.
16. Stones E. *Psihopedagogika: Psihologicheskaya teoriya i praktika obucheniya* [Psychopedagogy: Psychological theory and practice of teaching]. Moscow. Pedagogika. 1984. P. 272.
17. Ibid. P. 10.
18. Ibid. P. 258.
19. Ibid. P. 272.

20. Ibid. P. 259.

21. Bruner J. S. *O poznavatel'nom razvitii* [About cognitive development] // *Issledovanie razvitiya poznavatel'noj deyatel'nosti* - Study of the development of cognitive activity / ed. J. Bruner, R. Olver, P. Greenfield. Moscow. Pedagogika. 1971. P. 31.

22. Belova E. S. *Issledovanie osobennostej razvitiya tvorcheskogo myshleniya u detej 5-6 let* [Study of peculiarities of development of creative thinking in children 5-6 years] // *SHkola zdorov'ya* - School of health. 2000, So 7, No. 1, p. 8.

23. Rubinstein S. L. *Osnovy obshchej psihologii* [Fundamentals of general psychology]. SPb. ZAO Publishing house "Piter". 1999. P. 334.

24. Kolesnikov V. N. *Lekcii po psihologii individual'nosti* [Lectures on the psychology of personality]. Moscow. Publishing house of Institute of psychology. 1996. P. 23.

25. Steuer W. *Kreativnoe myshlenie v Photoshop* [Creative thinking in Photoshop]. HT Press. 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЛУЕВ Сергей Михайлович – кандидат филологических наук, доцент по кафедре искусствоведения Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица. 191028, г. Санкт-Петербург, Соляной пер., д. 13.

E-mail: art_baluev@mail.ru

ВАТНИК Нисон Семенович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной и всеобщей истории Московского государственного областного социально-гуманитарного института. 140410, Московская обл., г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30.

E-mail: vanis@list.ru

ВОЛКОВ Александр Сергеевич – аспирант кафедры немецкого языка Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а.

E-mail: a_wolkov@mail.ru

ДЕЙНЕКО Станислав Владимирович – соискатель кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.

E-mail: sema_79@bk.ru

ДОМРАЧЕВ Дмитрий Гарриевич – кандидат юридических наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

ДУБОВА Марина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, доцент по кафедре русского языка Московского государственного социально-гуманитарного института. 140411, Московская обл., г. Коломна, ул. Зелёная, д. 30.

E-mail: dubovama@rambler.ru

ЕГОРОВ Андрей Владимирович – аспирант Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. 420025, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

E-mail: general882007@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Борис Владимирович – доктор философских наук, профессор по кафедре истории философии Уральского государственного университета, директор НИИ русской культуры при Уральском государственном университете, заслуженный деятель наук РФ. 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, к. 316.

E-mail: dek316@yandex.ru

ЕРМАКОВ Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: ermakov.a.m@mail.ru

ЖУРКИНА Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре уголовного права Оренбургского государственного университета. 460048, г. Оренбург, просп. Победы, д. 141.

E-mail: olga_fv@inbox.ru

ИГОШИНА Юлия Викторовна – кандидат философских наук, доцент по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: igula165@rambler.ru

КОНДРАТЬЕВА Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики и психологии Института физико-математического и информационно-экономического образования Новосибирского государственного педагогического университета. 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28.

E-mail: tanita973@list.ru

ЛУКОЯНОВ Игорь Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

E-mail: lukoianov@yandex.ru

МАНГИЛЕВА Анна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре церковно-исторических и гуманитарных дисциплин Екатеринбургской духовной семинарии. 620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, д. 57.

E-mail: info@epds.ru

МАШКОВЦЕВА Виктория Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

МАШКОВЦЕВА Лариса Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре педагогики и методики дошкольного и начального образования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Lariskin1@yandex.ru

МУХЛЫНИНА Мария Михайловна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре трудового и социального права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: super-manyasha@mail.ru

НИКУЛИНА Екатерина Геннадьевна – аспирант заочной формы обучения кафедры романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: knikulina 1982@mail.ru

ОРЛОВА Юлия Викторовна – зав. учебной лабораторией кафедры педагогики и методики дошкольного и начального образования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pmdno@vshu.kirov.ru

ОСИПОВА Нина Осиповна – доктор филологических наук, профессор по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

ПОЛЯКОВ Олег Юрьевич – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

РЕДИКУЛЬЦЕВА Елена Николаевна – кандидат юридических наук, зав. кафедрой трудового и социального права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: elena.red@inbox.ru

РУСАКОВ Сергей Николаевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: rusakovsr@gmail.com

СУВОРОВ Глеб Владимирович – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

ТАРХАНОВА Ирина Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108.

E-mail: tarhanova3000@mail.ru

ТЮЛЕНЕВА Наталия Игоревна – аспирант кафедры философии и общественных наук Пермской государственной академии искусства и культуры, преподаватель кафедры социально-культурной деятельности Пермской государственной академии искусства и культуры. 614000, г. Пермь, ул. Газеты «Звезда», д. 18.

E-mail: natalie_rose@inbox.ru

ТЯН Валентин Васильевич – кандидат исторических наук, докторант Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119606, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82.

E-mail: tian39@mail.ru

УСТИНОВА Оксана Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре маркетинга и муниципального управления Тюменского государственного нефтегазового университета. 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38.

E-mail: sema_79@bk.ru

ЮНГБЛЮД Валерий Теодорович – доктор исторических наук, профессор по кафедре всеобщей истории ВятГГУ, ректор ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: secretary@vshu.kirov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BALUYEV Sergey Mikhailovich – candidate of philological Sciences, associate Professor of cultural studies of Saint Petersburg State Shtiglits Design Academy. 13 Solyanoy Al., 191028, St. Petersburg.

E-mail: art_baluev@mail.ru

VATNIK Nison Semenovich – candidate of historical sciences, associate Professor of the Department of domestic and general history of Moscow State Regional Social and Humanitarian Institute. 30 Zelenaya St., 140410, Moscow region, Kolomna.

E-mail: vanis@list.ru

VOLKOV Alexander Sergeevich – postgraduate student of the Department of German language of Nizhny Novgorod State Linguistic University of N. A. Dobrolyubov. 31A Minin St., 603155, Nizhny Novgorod.

E-mail: a_wolkov@mail.ru

DEINEKO Stanislav Vladimirovich – post-graduate student of the Department of marketing and municipal administration Tyumen State Oil and Gas University. 38 Volodarsky St., 625000, Tyumen.

E-mail: sema_79@bk.ru

DOMRACHEV Dmitry Garrievich – Candidate of jurisprudence, head at Department of state-legal disciplines of Vyatka State University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: kaf_gpd@vshu.kirov.ru

DUBOVA Marina Anatolyevna – doctor of philological sciences, Professor, associate Professor of the Department of Russian language of Moscow State Social Humanitarian Institute. 30 Zelenaya St., 140411, Moscow region, Kolomna.

E-mail: dubovama@rambler.ru

EGOROV Andrey Vladimirovich – post-graduate student of the Institute of Archaeology named A. H. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 30 Butlerov Str, Kazan, 420025.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

EMELYANOV Boris Vladimirovich – doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of history of philosophy of Ural state University, Director of Science Research Institute of Russian culture at Ural State University, honored scientist of the Russian Federation. 51-316 Lenin Prosp., 620083, Ekaterinburg.

E-mail: dek316@yandex.ru

ERMAKOV Alexander Mikhailovich – doctor of historical sciences, associate Professor of the Department of general history of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya Str., 150000, Yaroslavl.

E-mail: ermakov.a.m@mail.ru

ZHURKINA Olga Vyacheslavovna – candidate of jurisprudence, associate Professor of criminal law of the Orenburg State University. 141 Ave. Pobedy, 460048, Orenburg.

E-mail: olga_fv@inbox.ru

IGOSHINA Yuliya Viktorovna – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of cultural studies and advertising of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: igula165@rambler.ru

KONDRATIEVA Tatiana Nikolaevna – candidate of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of pedagogy and psychology of Institute of Physics-mathematical and Information-economic Education of Novosibirsk State Pedagogical University. 28 Vilyuiskaya St., 630126, Novosibirsk.

E-mail: tanita973@list.ru

LUKOYANOV Igor Vladimirovich – doctor of historical sciences, senior research officer of St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences. 7 Petrozavodskaya St., 197110, St. Petersburg.

E-mail: lukoianov@yandex.ru

MANGILEVA Anna Vladimirovna – candidate of historical sciences, associate Professor of the Department of church and historical sciences and Humanities of Yekaterinburg Theological Seminary. 57 R. Luxemburg St., 620026, Ekaterinburg.

E-mail: info@epds.ru

MASHKOVTSOVA Victoria Vyacheslavovna – candidate of historical sciences, docent of the Department of Russian history of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

MASHKOVTSOVA Larisa Mikhailovna – candidate of pedagogical sciences, associate Professor of the Department of pedagogy and methods of preschool and primary education of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: Lariskin1@yandex.ru

MYHLYNINA Maria Mihailovna – candidate of legal Sciences, associate Professor in the Department of labor and social rights of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: super-manyasha@mail.ru

NIKULINA Ekaterina Gennadyevna – graduate correspondence student of the Department of Roman-Germanic Philology of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: knikulina 1982@mail. EN

ORLOVA Yulia Viktorovna – head of educational laboratory of the Department of pedagogy and methodology of preschool and primary education of Vyatka State humanitarian University of Humanities. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: kaf_pmdno@vshu.kirov.ru

OSIPOVA Nina Osipovna – doctor of Philology, Professor of the Department of cultural studies and advertising VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

POLYAKOV Oleg Yur'evich – doctor of philological sciences, Professor of Russian and foreign literature of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: ruslit@vshu.kirov.ru

REDIKULCEVA Elena Nikolaevna – candidate of jurisprudence, head of the Department of labour and social rights of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: elena.red@inbox.ru

RUSAKOV Sergey Nikolaevich – graduate student of the Department of Russian history of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: rusakovsr@gmail.com

SUVOROV Gleb Vladimirovich – candidate of philosophical sciences, associate Professor of philosophy of VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: philosophy@vshu.kirov.ru

TARKHANOVA Irina Jurievna – candidate of pedagogical sciences, associate Professor of Department of theory and methods of professional education of Yaroslavl State Pedagogical University of K. D. Ushinsky. 108 Respublikanskaya St., 150000, Yaroslavl.

E mail: tarhanova3000@mail.ru

TULENEVA Natalia Igorevna – postgraduate student of the Department of philosophy and social sciences of Perm state Academy of Art and Culture, lecturer on the Department of social cultural activity of Perm state Academy of Art and Culture. 18 Gazety "Zvezda" St., 614000, Perm.

E-mail: natalie_rose@inbox.ru

TJAN Valentin Vasilyevich – candidate of historical sciences, doctoral student of the Russian Academy of National Economy and State Service under the President of Russian Federation. 82 Vernadskiy Prosp., 119606, Moscow.

E-mail: tian39@mail.ru

USTINOVA Oksana Vyacheslavovna – candidate of sociological sciences, associate Professor of the Department of marketing and municipal administration of the Tyumen State Oil and Gas University. 38 Volodarsky St., 625000, Tyumen.

E-mail: sema_79@bk.ru

JUNGBLUD Valery Teodorovici – doctor of historical sciences, Professor on the Department of General history of VyatSHU, rector VyatSHU. 26 Krasnoarmeyskaya Str., 610002, Kirov.

E-mail: secretary@vshu.kirov.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 9 (2014)

Подписано в печать 25.08.2014 г.
Формат 60x84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 1000. Заказ № 120.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674

Отпечатано
в полиграфическом цехе Издательства ВятГГУ,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673-674